

Полный мотивов и тем из Шекспира, роман Трижиани — эпическая история о семье, секретах и погоне за мечтой.

Popsugar

АДРИАНА ТРИЖИАНИ
ПОЩЕЛУЙ,
КАРЛО!

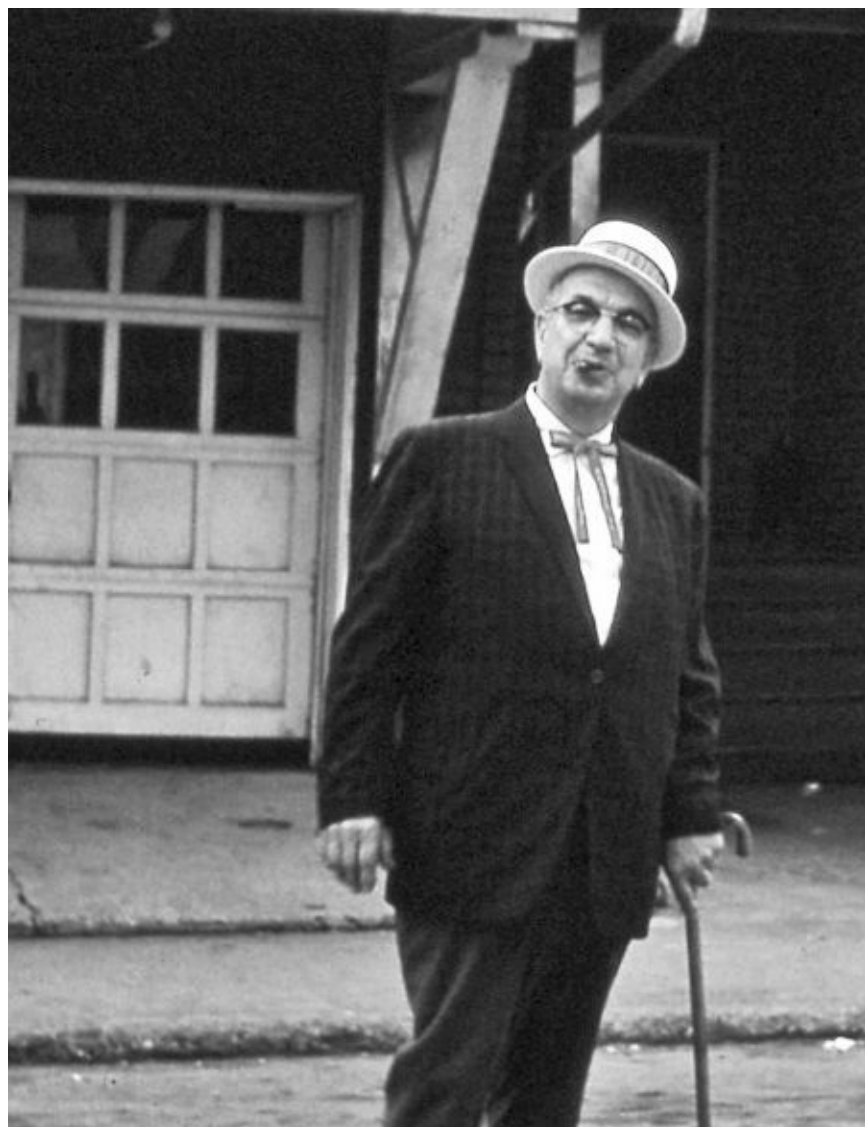
Адриана Трижани

Поцелуй, Карло!

Памяти Майкла А. Трижвани

Kiss Carlo by Adriana Trigiani

Copyright © 2017 by Adriana Trigiani

Памяти Майкла А. Триджиани

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии William Morris Endeavor Entertainment и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Елена Калявина, перевод, 2018

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2019

От автора

Действие романа начинается в 1949 году, после Второй мировой войны. Америка ликовала, празднуя победу отважных мужчин и женщин из наших семей, которые бесстрашно сражались за демократию вместе с союзниками со всего мира. Отношение к вопросам личной свободы, работы, искусства, семейной жизни и религии, а также восприятие властей изображены здесь сообразно эпохе. Специфический язык, использованный для описания женщин, девушек, цветного населения и иммигрантов, ныне считается устаревшим и оскорбительным. Слова, которыми сегодня мы говорим друг о друге, изменились. Надеюсь.

Увертюра

1 мая 1949 г.

Розето-Вальфорторе, Италия

Прохладный ветерок качнул старинную ветроловку на балконе спальни посла и его жены. Хрупкие стеклянные колокольчики зазвенели, словно хрусталь на свадебном застолье.

До войны палаццо славилось своим великолепием: терракотовая черепичная крыша, мраморные полы, резные монастырские двери. Расположенное на самом высоком холме Розето-Вальфорторе, оно напоминало горделивую колокольню, разве что колокола не хватало. Величали его Палаццо Фико^[1] Регале: склоны холмов, каскадом спускавшихся к дороге на Рим, были сплошь покрыты смоковницами. Летом смоквы пышно зеленели, обремененные фиолетовыми плодами. Зимой их голые сучья, обмотанные тюрбанами из мешковины, напоминали салютующих чернорубашечников Муссолини.

В спальне супруга посла, синьора Элизабетта Гуардинфанте, заботливо упаковывала мужнину парадную форму. Элизабетта была невысокой брюнеткой с темными, как чернильные отпечатки пальцев, глазами – сплошные радужки, белков почти не заметно. Хрупкость сложения и тонкие губы она унаследовала от своих французских предков, живших на севере Италии.

Она скатала красно-бело-зеленую ленту в тугий валик, похожий на раковину улитки, – когда муж развернет ее, шелк без единой морщинки ляжет наискось на его груди. Приколола орденскую ленту и золотой атласный аксельбант к ярко-синему мундиру, затем пристегнула к рукавам расшитые стеклярусом обшлага. Повесив мундир на обитую ватой вешалку, уложила его в мягкий муслиновый чехол, словно младенца в кружевной конверт. Теперь брюки. Элизабетта перекинула их через перекладину деревянной вешалки и тщательно разгладила лампасы на каждой штанине, прежде чем упаковать в отдельный чехол из муслина.

Бетти поместила мундир в открытый одежный кофр, произвела ревизию содержимого и добавила шесть пар носков, включая те три пары, что она заштопала, перед тем как собирать мужа в дорогу. Осмотрела черные лаковые туфли, каждая из которых лежала в отдельном замшевом

мешочке, и вынула левую. Углядев на носке пятнышко, Элизабетта до блеска отполировала ее краешком передника. Потом завернула деревянную чашку для бритья, помазок, круглый кусочек мыла и опасную бритву в льняную салфетку, после чего засунула сверток в отполированную туфлю и спрятала обувь в кофр.

Элизабетта осмотрела безупречные стежки на подоле сорочки мужа: ей пришлось сделать обтачки из собственной шелковой рубашки, чтобы подшить обветшалую ткань. Довольная тем, что у мужа есть все необходимое для предстоящего путешествия, она подвесила внутри кофра маленькие сетчатые мешочки, наполненные душистыми бутонами лаванды и кедровой стружкой, тщательно завязав их на два узла. Эти мелочи останутся незамеченными, но она все равно сделала их для мужа, потому что знала, как они важны.

Она защелкнула крышки на нескольких обитых бархатом шкатулках, в которых хранились форменные золотые запонки Итальянской армии, зажим для галстука и две медали, полученные отцом посла во время Первой мировой, *al valor militare* и *merito di guerra*^[2]. Массивную золотую медаль *aiutante*^[3] времен Второй мировой она оставила на ночном столике. Это подарок предыдущего посла, который был рад-радехонек от нее избавиться: на одной стороне медали – чеканный профиль Бенито Муссолини, на другой – эмблема, соответствующая званию майора армии Италии.

Такой ужасной зимы, какая выдалась в 1949 году, никто не мог припомнить. Селевой оползень, случившийся из-за ливневого паводка на реке Форторе, на несколько месяцев отрезал жителей высокогорных районов от прочего мира. Военные отправили спасательную группу, чтобы доставить бедствующим провиант и лекарства, но подводы не смогли добраться до городка, поскольку Виа-Капелла-делла-Консолационе – единственную дорогу туда – смыло начисто. Вместо того чтобы спасти розетанцев, военные чуть не погибли сами, соскользнув по крутому склону в мрачное и глубокое озеро грязи, в которое превратилась долина.

Жители Розето-Вальфорторе утратили всякую надежду на помощь до самой весны. Солнце, прятавшееся почти всю зиму, внезапно выплеснуло на город белые струи, словно золотые лучи на дароносице в нише церкви Санта-Мария-Ассунта.

– Пора, Бетти.

Карло Гуардинфанте стоял в дверях спальни, одетый в свой единственный коричневый шерстяной костюм с широкими лацканами и

лучшую бледно-голубую сорочку. Жена поправила мужу узел на бежевом в розовую полоску галстук и опустила в нагрудный карман пиджака билет в оба конца и телеграмму, подтверждающую его прибытие на место.

Карло родился на юге Италии, и темперамент у него был типично южный, однако внешностью он отличался от своих земляков. Обладая свойственной им страстностью, он не унаследовал насыщенной средиземноморской смуглости и темной масти. Веснушчатое лицо селянина с севера, широкие ладони пахаря, а росту отмерено целых шесть футов два дюйма – генеральская статья, никак не меньше. За широкий размах в плечах его прозвали *Спадоне* – Меч.

– Все готово, милый.

Бетти заглянула мужу в глаза. В ярком утреннем свете они были как тихие морские волны в порту Генуи, больше зелени, чем синевы. В рыжеватых волосах уже виднелись белые блики, слишком ранние для мужчины тридцати восьми лет, – напоминание о пережитом. Последние несколько лет Карло провел в заботах о жителях своей провинции, разочарованных отсутствием всякого развития, движения вперед. Их тревоги и печали очень сильно сказались на нем. Карло так исхудал, что Элизабетте пришлось пробить две лишние дырки на ремне и самой установить пистоны. Она укрепила маленький медный наконечник на длинном конце петли, и стало совсем незаметно, что ремень укоротили.

– Ну как тебе ремень? – Она потянула за петлю.

Карло погладил медную насадку и улыбнулся. У него была щербинка между передними резцами, и среди односельчан это почиталось признаком удачи, поскольку теоретически туда можно просунуть монетку, а это значит, что фортуна будет благоприятствовать всю жизнь. Но Карло не чувствовал себя везунчиком, и все надежды на процветание оказались смыты напрочь вместе с дорогой на Рим.

И Карло стал пытаться счастья, где только выйдет.

– Может, прикинуться, что это новый итальянский шик?

– А почему бы и нет?

Карло поцеловал жену в щеку, достал бумажник, открыл его и пересчитал лиры.

– Тут больше. Ты что, священника пристукнула?

– Умная жена откладывает деньги, не посвящая в это мужа.

– Твоя мать хорошо тебя обучила.

– Не моя, – усмехнулась Бетти, – а твоя.

Карло погладил жену по попке.

– И дуче тоже упакуй.

– Ох, Карло. Американцы его ненавидят.

– А я переверну медаль майорской эмблемой вверх. Пусть его *faccia*^[4] смотрит мне в сердце. Может, эта сволочь хоть на что-то доброе сгодится.

– Лучше всего было бы переплавить ее и продать.

– Чем больше золота я на себя нацеплю, тем важнее буду смотреться.

Грудь у меня должна звенеть, как тамбурин.

Карло захлопнул шкатулку и подал ее жене.

– *La bella figura*.

– *Va bene*^[5].

Элизабетта взяла медаль с ночного столика и, положив к остальным, закрыла на замок в сейфе внутри кофра. Карло крепко прижал к себе жену.

– Когда я вернусь, мы покрасим виллу.

– Тут покраской не обойтись, – вздохнула Элизабетта, беспомощно оглядывая комнату. Штукатурка растрескалась, на потолке ржавые потеки, парчовые шторы прохудились, но больше всего огорчали квадратные фанерные заплатки, что заменяли оконные стекла, разбившиеся из-за сильных ветров. Элизабетта снова вздохнула. Узорчатые окна были самой ослепительной деталью жилища, их доставили из самой Венеции, а теперь пустые рамы смотрелись как выбитые зубы в некогда прекрасной улыбке. – Нашему дому поможет только чудо.

– Добавь его в список, Бетти, – обнял ее Карло.

– Нам жизни не хватит починить все, что нуждается в ремонте.

Нельзя сказать, что Карло легкомысленно воспринял свое назначение в качестве *Ambasciatore da Provincia di Foggia e Provincia di Capitanata da Apulia*^[6], и он вовсе не считал эту должность формальной. Он хотел творить добро, но к почетному титулу не прилагались никакие ассигнования, а о поддержке и говорить нечего. По всей Италии – от Средиземного моря до Адриатики, от севера до юга – репарации пошли на восстановление береговых линий, электростанций, важнейших заводов и фабрик. Это почти не имело отношения к Розето-Вальфорторе и прочим деревушкам. Оказавшись в бедственном положении зимой, Карло был не в состоянии добраться до Рима и молить о помощи, а на все письменные просьбы получал вежливый ответ, что где-то еще есть нужды куда более срочные и насущные.

Святая Католическая церковь рекомендовала ему собрать жителей города, дабы те сами поработали на общее благо, но в Розето-Вальфорторе почти не осталось молодежи. Кто-то умер в войну, многие уехали в Неаполь искать работу на побережье Амальфи или на восток Адриатики,

чтобы наняться на торговые суда. Большинство розетанцев, впрочем, эмигрировали в Америку, где было море работы на сталелитейных заводах, фабриках и стройках. Те, кто остался, были слишком бедны, чтобы отважиться уехать, и слишком стары, чтобы этого хотеть. Жизнь, куда ни глянь, стала унылой и беспросветной. Так и не дождавшись признаков перемен к лучшему, Карло предпринял последний шаг для спасения своего городка.

Солнце омывало городишко белым светом, когда Карло в костюме и фетровой шляпе и Элизабетта в соломенной шляпке, льняном пальто и парадно-выходных черных туфлях появились на пороге своего дома. Блестящая пара внушала уверенность на фоне послевоенной разрухи: дырявые черепичные крыши многих строений были наспех залатаны первыми попавшимися досками, древние каменные стены лежали в руинах, мощенные булыжником улочки щерились глубокими выбоинами.

Следом вышел старый слуга. Опустив голову, он жевал табак и нес на плечах дорожный кофр Карло с такой легкостью, будто багаж для него не тяжелее пуха, а сам слуга по-прежнему молод.

Горожане, высыпавшие на извилистые улочки, чтобы проводить посла, махали, как флагами, длинными зелеными ветками кипариса. Карло приподнимал шляпу и кланялся людям, их приветствия и восторги были словно глотки студеной воды для его жаждущей души. Женщины продирались вперед, протягивая запечатанные конверты, которые Элизабетта собирала, обещая, что муж передаст весточки лично в руки каждому адресату, как только прибудет на место.

Слуга погрузил кофр на повозку, недавно выкрашенную в ярко-желтый цвет – отчасти для того, чтобы отвлечь внимание от запряженного в нее дряхлого ослика. Животное тоже принарядили в честь такого важного пассажира: к уздечке привязали розовые и зеленые ленты. Карло улыбнулся, размышляя о том, что украшение на ослике смотрится точь-в-точь как новая шляпка на старухе – попытка хоть на время отвлечься от неизбывного.

Посол взобрался на открытое сиденье. Эхо всеобщего ликования прокатилось по улицам, когда Элизабетта, высоко подняв стопку писем, вручила ее мужу. Карло склонился к жене, чтобы поцеловать на прощанье. Толпа расступилась, когда повозка покатила по мостовой и Элизабетта пошла за ней следом. Розетанцы воссоединились у нее за спиной, провожая посла. Стайка девочек бросала розовые лепестки и кричала: «Поцелуй, Карло!» А их матери бежали рядом с повозкой и тянули к нему руки. Женщины трепетали, когда Карло наклонялся к ним, пожимал руки,

целовал их.

Падре Де Ниско, облаченный в черную сутану, стоял на белых мраморных ступенях церкви. Он осенил крестом проезжающую мимо повозку. Возница и Карло склонили головы и перекрестились.

На выезде из города молодая мать выступила вперед и подала Карло свое новорожденное дитя. Карло протянул к младенцу руки и нежно принял белый сверток. Он прижал малыша к груди и поцеловал в щечку.

Глядя на мужа с ребенком на руках, Элизабетта смахнула слезинку. Перед ней возникло видение ее самой заветной мечты.

Когда-то на улицах Розето-Вальфорторе было полно колясок, перед войной в городке родилось не меньше сотни младенцев. А теперь они такая редкость. Как этот вот малыш. Мысль о детях заставила Карло еще сильнее желать осуществления своего плана.

Когда повозка проехала через городские ворота, толпа остановилась с прощальными возгласами.

– Народ вас любит, – заметил возница.

– Любят, пока нужен.

– А когда станете не нужны?

– Найдут себе новую любовь. – Посол надвинул шляпу на глаза. – Как дорога?

– Если осторожно, то доедем.

– Вовремя?

– Наверное. В Фодже вас ждет машина.

– А бензина-то хватит? – спросил Карло с усмешкой.

– Зависит от того, сколько заплатили шоферу.

– И вам, – улыбнулся Карло.

– Я не ради удовольствия работаю, *амбашьяторе*.

– Как и все.

– Италия забыла о нас. Все деньги идут в Рим, Милан. Даже Болонья отхватила кусок от репараций.

– На железную дорогу. – Карло не собирался вести политические дискуссии с кучером, он слишком хорошо знал, что его город просто позабыли. – Болонья – важный железнодорожный узел.

– Конечно, но мы-то ведь тоже важны. Мы, крестьяне, кормим народ, а народ нас же голодом морит. Забросили деревню и спасают города.

– Можете ехать чуть быстрее?

– Нет, если хочу остаться при всех четырех колесах. Таких дрянных дорог, как у вас, я еще не видал.

– Благодарю за высокую оценку, – сказал Карло, глядя на карманные

часы. – Мне надо успеть на корабль в Неаполе.

– Как у вас насчет везения?

– Ну, солнце сияет, хотя я уже и не надеялся, так что, думаю, у меня с везением все отлично.

Посол был на пути в Америку и отчаянно нуждался в удаче.

Карло обернулся, чтобы бросить прощальный взгляд на свое селение. Склоны холмов казались кучами мокрой грязи, на которых кое-где пробивались робкие, но обнадеживающие зеленые ростки. Хилые стволы смоковниц чудом выжили, настырно уцепившись за землю, и сами по себе олицетворяли надежду.

Каменные домики сгрудились на вершине горы, словно щербатые миски на полке. Не все еще потеряно, но того, что осталось, не хватит, чтобы спасти его дом.

Карло глядел, как его жена пробирается сквозь толпу, чтобы в последний раз посмотреть вслед повозке. Карло помахал ей. Элизабетта прижала руку к сердцу, и он еще сильнее, до боли в подвздошь, ощутил груз необходимости вернуться победителем.

Лицо Элизабетты – последнее, что запечатлелось в памяти Карло. Оно будет сопровождать его всю дорогу до Неаполя и на борту корабля, который отвезет его в Америку, на всем пути в маленькую деревню в Пенсильвании, где, он был уверен, хранился ключ к спасению Розето-Вальфорторе. Он слышал, что в Америке все разорванное можно заштопать, там находится решение для любой проблемы, деньги там текут, как сладчайшее вино на пиру, и не иссякают.

Посол Карло Гуардинфанте скоро своими глазами увидит, правда ли это, на самом ли деле земля упований и надежд станет таковой и для него, чтобы он мог спасти свое селение и людей, которых любит.

Пролог

1 мая 1949 г.
Филадельфия

Philadelphia est omnis divisa in partes tres^[7].

Все в Филадельфии было разделено на три части, потому что Дом Палаццини и его брат Майк не разговаривали друг с другом с 1933 года (или около того, дата весьма размыта и разнится по обе стороны вендетты). В результате конфронтации братья разломали надвое прибыльный семейный бизнес – компанию «Такси Палаццини», а с ней и город, который компания обслуживала.

Nos est bellum^[8].

Дом востребовал Монтроуз-стрит и все кварталы южнее, а Майк взял себе Фицуотер, Центр-Сити и на север от них. Было решено, что Брод-стрит – с севера на юг – останется нейтральной территорией. Подбирать и высаживать пассажиров можно по обе стороны без ограничений. Подброшенная монетка рассудила, что Дому останется семейное имя «Такси Палаццини», а Майк нарекнет свое новое коммерческое предприятие «Пронто: такси и лимузины».

Братья побили горшки из-за денег. Деньги – причина всех раздоров в любой итальянской семье со времен этрусков, однако подробности ссоры зависели от того, кто вас в них посвящает и по какую сторону от Брод-стрит он живет.

Ключок земли на Монтроуз-стрит отец пообещал оставить Дому, это на словах, а на деле – в завещании – указал наследником Майка. Майк собирался продать участок брату, который уже выкупил Майкову половину семейной усадьбы сразу после смерти отца, но Дом и так чувствовал себя законным наследником этой земли и считал, что она просто должна быть включена в его долю без дополнительных расходов с его стороны. В конце концов, именно Дом жил с отцом в семейной усадьбе и именно жена Дома заботилась об отце до самой его кончины.

Увы, к предполагаемому подарку приложился счет на оплату. Посыпались оскорбления. Дом обозвал Майка неблагодарным, а Майк обвинил Дома в воровстве. Куда делись наличные на непредвиденные расходы в 1932 году, а? Кто их взял? Почему это всплыло сейчас?

Однажды вечером произошел инцидент, когда не удалось сдать выручку в банк. Что случилось с деньгами? Годами вызревавший гнойник вскрылся – истинные чувства прорвались наружу. Майк назвал Дома «скуперджем, по дешевке отхватившим дом». А Дом нарек Майка «сусальным Чарли». Майк и в самом деле был любезен до приторности, что называется, куда угодно без мыла пролезет, или с мылом – тем самым, что разводили в ведрах, когда драили таксомоторы и натирали их до блеска. Дом не делал скидок и вообще был весьма негибок по части оплаты, так что клиентура уходила к конкурентам, а Майк, который ладил с людьми и куда лучше умел договариваться, сидел тихо под пятой твердолобого старшего брата-всезнайки.

Упреки посыпались один за другим, как куски слоеной свадебной выпечки на венецианский стол. Перешли на личности. Майк дни напролет играл в карты и резвился в Атлантик-Сити, пока Дом прикрывал его и вел все дела. Дом – старомодный наивный иммигрант-итальяшка, а Майк – дешевый америкашка, забывший свои корни. Майк понабрал займов под залог бизнеса, отгрохал дом на Фицуотер с бассейном и мраморным фонтаном во дворе и вообще жил на широкую ногу. А Дом, в жизни не бравший ни цента в долг, жил сугубо по средствам и обходился корытом, которое наполнял из садовой лейки. Скандал, да и только.

Но это были цветочки. Потом пошли ягодки.

К сваре подключились жены.

Домова жена Джо и жена Майка Нэнси были друг дружке как сестры. И вдруг все оборвалось. Мученица Джо заботилась о свекре до последнего его вздоха, кормила-поила-обстирывала и каждое воскресенье безропотно накрывала обеды для обеих семей, пока Нэнси выпендривалась, наряжалась в леопардовые пальто на красной атласной подкладке и грезила о шикарной жизни на Мейн-Лайн в окружении слуг и служанок. Джо носила простое драповое пальто, сама шила себе одежду и шторы на окна, зато Нэнси шастала к портнихе, заказывала портьеры в «Уонамейкере» и разъезжала на кобальтовом «паккарде».

Когда фирма стала преуспевать, Джо продолжила экономить, а Нэнси начала транжирить. Джо по-прежнему носила свое простое золотое обручальное кольцо, а Нэнси пошла в гору. Зубцы ее помолвочного кольца расширили, чтобы место скромного четвертькаратного брильянтика мог занять сверкающий брильянтище в три с половиной карата. Изящную золотую цепочку на шее Нэнси сменила толстая, как лапша *paparделе*, цепь, а на ней болтался новый роскошный медальон, которому позавидовал бы сам папа римский.

Джо хозяйствовала по старинке, храня традиции своей сицилийской семьи. Она с удовольствием сидела дома и нянчилась с мальчиками Нэнси наравне со своими собственными, а Нэнси в новенькой шляпке от «Мистера Джона» уезжала в город и прохлаждалась на вечеринках, где более-менее итальянскими, кроме нее самой, были разве что кружева на скатерти. Нэнси лезла наверх, и вскарабкалась она туда прямо по добросердечной Джо, оставив после себя синяки и ссадины. Дом встал на защиту Джо, а Майк вступился за Нэнси.

Дом и Майк настолько ожесточились друг против друга, что выплеснули свой раздор на улицу, чего не делала ни одна итальянская семья с тех пор, когда Ромул и Рем называли волчицу мамой; о скандале прознала вся округа. Доброхоты-наблюдатели не преминули подлить маслица в огонь, разжигая распрю сплетнями и напраслиной, и трещина становилась все глубже.

Правда обросла шипами кривды и превратилась в разрушительный стенобитный шар, начисто разобшивший два семейства.

Каждый итальянец знает: если подливка подгорела, то уже ничто не поможет. Единственный выход – вылить ее, выскоблить до капли, выбросить вместе с горшком. Доминик и Майк выбросили друг друга окончательно и бесповоротно.

Семейные разлады не были внове в Южной Филадельфии. Району Саут-Филли всего досталось вдвое, так что он был приспособлен к любому семейному разрыву. Семья могла расколоться и выжить, заселив полдома в новом особняке для двух семей, платить десятину другой церкви, отправить детей в другую школу и даже стричься в конкурирующих парикмахерских, чтобы никак не пересекаться. Жизнь могла себе течь своим чередом, вполне нормально, если считать нормальным состояние многолетней вражды между кровной родней.

Vincit qui patitur^[9].

Майк и Дом зажили на соседних улицах, не знаясь друг с другом, и жены их тоже не общались. Их дети – крошечное мальчишечье войско – поначалу были озадачены разрывом между командованием двух семейств, но быстренько усвоили, что лучше отказаться от всякой связи с кузенами, чтобы угодить родителям. Раз уж кузенов угораздило оказаться по ту сторону, то не стоит сердить тех, чье расположение гораздо ценнее. Годы спустя ядовитый цветок распустился и в душах новых членов семей, юных новобрачных, которые восприняли семейную вражду как часть клятвы верности и доказательство любви к своим молодым мужьям. Муж и жена – одна сатана.

Разрыв, похоже, не слишком тревожил Дома и Майка, несмотря на то что их осталось всего двое на белом свете – тех, кто помнил Неаполь пасмурным утром 29 апреля 1901 года. Тогда двенадцатилетний Доменико и одиннадцатилетний Микеле стояли рядышком на борту корабля, который должен был доставить их в Америку, к отцу, эмигрировавшему в Филадельфию и работавшему сварщиком на военно-морской верфи. Их мать скоропостижно скончалась от лихорадки, и ни у кого из родственников в Авелино не нашлось ни места, чтобы приютить их, ни средств, чтобы о них заботиться. Так что отец оплатил путешествие сыновей через океан.

Мальчики отчаянно тосковали по матери. Они были убиты горем и напуганы. Цепляясь друг за друга, братья крепко держались за руки (чего не делали с тех пор, как одному исполнилось три, а второму – четыре) на палубе «Арджентинии», сказав последнее *arrivederci*^[10] родному дому и даже не представляя, что ждет их впереди. Только Дом будет знать, что Майк плакал у него на плече, и только Майк будет знать, что Дом прошептал: *Non ti lascerò mai*^[11]. Может, Дом и поклялся никогда не покидать брата, но все разом позабылось годы спустя, когда один брат решил, что другой брат обжуливает его с клочком земли, которому грош цена в базарный день и который никому из них даром не был бы нужен, если бы отец не завещал его Майку, то ли бездушно предпочтя одного сына другому, то ли по совершенно иной, ему одному известной причине.

Их отец Доменико Микеле Палаццини был талантливым слесарем-монтажником, а еще он был игроком и всю свою жизнь превратил в соревнование, на которое мог сделать ставку, побиться об заклад. Особое удовольствие он получал, стравливая сыновей между собой. Лишенный мягкого воздействия жены, он был настоящим задирой и громилой, и сыновья знали, что выжить рядом с ним можно, только угождая ему.

После смерти старика всем правило золото, а Дом и Майк стали его верными вассалами. Дом не желал вспоминать об отце, а Майк хотел занять отцовское место. Их королевство, включая процветающее дело – такси и весьма скромную недвижимость, теперь было разделено пополам, как выигрыш в покере.

Братья усвоили, что половина чего-то прекрасного – это лишь половина, но озлобление их было таким глубоким, что мешало тужить об утраченном. Они жили через улицу друг от друга – достаточно близко, чтобы Майк мог унюхать аромат воскресной подливки Джо, а Дом – услышать пение Синатры из колонок первоклассного проигрывателя

Майка в предрассветный час, но достаточно далеко, чтобы не позволить гневу вспалить честолюбие и попытаться одержать победу над врагом. Долгих шестнадцать лет прошло, но рана была все еще свежа.

Alea iacta est^[12].

АКТ I

Тот забракован, кто вступает в брак!

*У. Шекспир. Все хорошо, что хорошо
кончается^[13]*

1

2 мая 1949 г.

Филадельфия

Эльза Палаццини обегала рынок на Девятой улице: продавца рыбы, зеленщика, булочника, мясника и фруктовую лавку. Торговки добродушно переругивались с мальчишками-разносчиками, их голоса то и дело перекрывал стук деревянных ящиков, сброшенных на землю, скрип обрезиненных колес на тележках с товаром, когда те утыкались в прилавки, или оглушительный грохот льда, ссыпаемого в металлические бидоны. Перед одной из лавок продавец с покупателем вели дела с глазу на глаз, *sotto voce*^[14], и лишь язык тела выдавал согласие или недовольство.

Солнце еще не взошло – единственным источником света на рынке под открытым небом были фары фургонов да голые лампочки, болтающиеся под красными в белую полоску торговыми навесами. Эльза проталкивалась сквозь толпу, пока не нашла разносчика, торговавшего свежими цветами. После дождя, шедшего ночь напролет, в воздухе висела зябкая изморось. Эльза продрогла и застегнула жакет на все пуговицы. Одинокая лампочка лениво раскачивалась под ветерком, выбрасывая полосы света на выставку серых ведер, наполненных свежими цветами. Эльза любовалась охапками фиолетовой сирени, желтых нарциссов, розовых пионов, клубами голубых гортензий и букетиками маргариток, пока наконец не нашла то, что искала. Она вытащила пучок перевязанных бечевкой шиповниковых розочек из набитого букетиками ведра. Ледяная вода потекла в рукав, когда она подняла розочки повыше, чтобы осмотреть. Поставив пучок обратно, вытащила другой, потом еще один, пока не отыскала тот, где лепестки были сомкнуты так плотно, что бутоны напоминали розоватые язычки пламени.

– На Майский праздник? – догадался продавец, заворачивая цветы в

вощеную бумагу.

Эльза кивнула.

– Вчера все белые розы раскупили. Церковь Богородицы Доброго Совета в этом году выбрала все белое.

Эльза улыбнулась ему:

– Повезло мне. Все мои девочки одеваются в розовое. Кроме Королевы и статуи Девы Марии. И я уже сделала им венчики из белых розочек.

Эльзина речь – правильный английский с легким польским акцентом, – стройная гибкая фигура и врожденное изящество придавали ей толику аристократизма.

– Царица Небесная прежде всего, – сказал продавец.

– Конечно.

Эльза расстегнула кошелек для мелочи и выудила семьдесят пять центов. Пока она расплачивалась, к ним подошла женщина.

– До чего хорошенькие, – сказала покупательница, глядя на розы, которые цветочник передавал Эльзе.

– Благодарю. Здесь всегда самые лучшие и свежие цветы на всем рынке, – подмигнула Эльза продавцу.

– Тогда, может, посоветуете, что выбрать – пионы или нарциссы?

– А что за повод?

– Свадьба.

– Тогда почему бы не взять и то и другое? Да прибавить к ним веточки лавра. – Эльза указала на лоснящиеся зеленые ветки, перевязанные бечевкой.

– Это было бы очень красиво. Вот только не знаю, что скажут женщины в синагоге.

– А какую синагогу вы посещаете?

– Б'Най Абрахам, – ответила женщина. – Слыхали о такой?

– На Ломбард-стрит? – Эльза услышала гудок мужниной машины и помахала ему, а потом снова повернулась к собеседнице: – *Мазел тов*^[15] невесте и жениху. *Шалом*.

– *Шалом*. – Женщина проводила Эльзу заинтересованным взглядом.

К тому времени, когда Эльза подошла к машине, Доминик Палаццини III уже выскочил и распахнул перед нею дверцу ярко-желтого такси. Он был высок, под стать супруге, и красив, как кинозвезда, – черноглазый жгучий брюнет, римский профиль, как у Роберта Тейлора^[16], и выразительные темные дуги бровей. Эльза чмокнула его в щеку.

– Ну, нашла, что искала?

– Точь-в-точь!

Доминик усадил жену на переднее сиденье такси.

– Чтобы найти то, что нужно, сюда надо приезжать засветло, – заметил он, закрывая за ней дверцу.

И забрался на водительское сиденье.

Эльза придвинулась к мужу и взяла его под руку.

– Давай прокатимся на реку? – предложил он. – Дорога вся наша будет.

Эльза взглянула на часы:

– Малыш скоро проснется.

– Там же Ма.

– Я не люблю пропускать утро с ним.

– Ты ничего не любишь пропускать, Эльза.

Эльза улыбнулась и положила голову на плечо мужу. Так они и ехали до самого дома.

А неподалеку, всего в нескольких кварталах, низкий туман цвета розового шампанского клубился над Монтроуз-стрит.

Южная часть Филадельфии сверкала. Неопрятный ряд домишек покрылся патиной, как морские ракушки, а серый портал швейной фабрики засеребрился в утреннем свете. Разверстые траншеи, пугавшие улицу, недавно перекопанную для прокладки труб, стали не просто канавами, полными грязи, а крепостными рвами с водой, реками, защищающими королевство, которое градостроители нарекли *Bella Vista*^[17].

Ники Кастоне, сжимая под мышкой пакет с завтраком, стоял на ступенях дома 810 по Монтроуз-стрит, где он жил с дядей Домом, тетей Джо и их сыновьями с тех пор, как ему исполнилось пять. Первая на сегодня сигарета болталась в уголке рта, свободной рукой он застегивал медные пуговицы на форменной куртке. Свежая ментоловая струя сигареты «Лаки Страйк» кольнула гортань, наполнила легкие, помогая Ники проснуться. На плече у Ники висел тубус на широком кожаном ремне. Он пристроил его на боку, как винтовку. Ники не просто смотрел, как солнце восходит, озаряя округу, он упивался его безмятежным сиянием. Он видел красоту мира даже там, где ее и в помине не было. Ему казалось, что вот такой особенный свет похож на фату невесты у алтаря, невесты, выдаваемой замуж по расчету, – фата скрывает все недостатки, но сулит чудесную тайну. Ничего плохого в этом нет.

Воздух наполнился нежными ароматами базилика, лимона и влажной земли. Братья Спатуцца – деревенские кузены Ники со стороны матери, живущие за рекой, в Джерси, – уже совершили свою ежегодную ночную

доставку, привезя все необходимое для весенне-посадочных работ. Изобилие это разместилось на ступеньках крыльца, точно статуи в древнеримском атриуме, – горшки с кустиками томатов, урны с саженцами фиговых деревьев, лимонов и самшита. Ящики с проклеивающейся овощной рассадой обступили деревянные поддоны с побегами зеленых трав. Не иначе, тетьа Джо заказала по экземпляру всего, что произрастает на Восточном побережье. Бирки трепетали на ветру, как лепестки. Официальные названия, начертанные на латыни, пробуждали память о том, как в детстве Ники прислуживал у алтаря во время мессы. *Nasturtium Gloria. Aster laevis. Specularia perfoliata...*

Лавируя между густой листвой, Ники восхищался эстетикой братьев Спатуцца. Итальянцы что угодно превратят в искусство, даже доставку навоза.

Скоро под мудрым руководством тети Джо и задний дворик, и плоская площадка на крыше, и каждый клочок земли, прилегающий к парадному крыльцу, возделают и засадят. Через несколько недель здесь будет *mille fiori*^[18], все буйство красок, когда расцветут клумбы вдоль дорожки. Придет август, и урожай из огорода заполнит их стол *al fresco*^[19] итальянским перцем, руколой, фенхелем и огурцами. Ники прямо-таки почудился вкус цветков цукини во рту.

Помидоры – основной элемент любой трапезы в доме Палаццини – приумножатся под спудом, в огорожке на крыше. Там, поближе к солнцу, они вырастут красные, мясистые и сладкие-сладкие, когда поспеют. Потом женщины сорвут их и сложат в берестяные корзины, которые мужчины спустят в подвал – на кухню. И тут уж все итальянское семейство примется за работу: помидоры будут вымыты, перетерты, их закатают в банки, и запасов томатного соуса хватит на всю долгую серую пенсильванскую зиму.

Ники перешел на другую сторону улицы – к гаражу, отпер раздвижные ворота под красной вывеской «Такси Палаццини и телеграф “Вестерн Юнион”» и толчком отодвинул створку вбок. Потом вытащил металлический шток из углубления над дверью, набросил крюки и развернул над тротуаром тент, нежно разгладив латаную-перелатаную материю, истончившуюся там, где дожди сражались с опорами; некогда парадно-яркие полосы поблекли. Он помнил те времена, когда полог был новым. Восемь лет спустя мы выиграли войну и все изменилось, причем не на шутку: семьи поредели, кто-то не вернулся с войны, будущее остальных было туманно. Были, конечно, и всякие приятные мелочи – в обиходе

снова появились шелковые чулки и сахар. Некоторые стороны повседневной жизни в тылу завершили свое существование, включая государственные облигации внутреннего займа, благодаря коим такие любимцы публики, как Джимми Дуранте^[20], засылались в места вроде «Палумбо» в Филли – чтобы подсобить денег «на общее дело». Больше не надо было жертвовать всем ради победы, собирать металлолом на нужды армии, чтобы потом из него отливали колесные спицы и бомбы. Все это осталось в прошлом.

Провожая парней на фронт, Монтроуз-стрит излучала патриотизм и гордость. Флаги развевались на каждом здании, все витрины украшали фотографии солдат, чьи семьи проживали по соседству. Полог Палаццини, яркое красное пятно с широкими синими полосами на девственно-белом поле, смотрелся как знамя. К тому времени, когда Ники вернулся, краски успели вылинять до серого, розовато-лилового и бежевого – стариковские цвета, под стать пожилым мужчинам и женщинам, стоявшим под ними. Как-то в разговоре с дядей Домом Ники заикнулся о том, чтобы заменить материю, но тот ни в какую.

– Не протекает – и ладно. Холстины нынче кусаются! – рявкнул он.

Дядя Дом знал цену красоте, и, сколько бы она ни стоила, цена всегда оказывалась слишком высока.

Ники жалел, что дядя Дом не очень похож на отлученного теперь дядюшку Майка, который всегда заботился о внешнем виде. Тенты «Пронто-такси» менялись ежегодно, независимо от их состояния. Красные, белые и зеленые полосы сверкали как новенькие и в снег, и в дождь, и в зной. И даже более того: отворот полога, глядевший на улицу, искрился шикарными, вышитыми золотом вензелями в виде буквы «П», а латунные столбики, поддерживающие полотно над тротуаром, были отполированы до блеска. Дядя Майк и сам был роскошен, как шелковое покрывало от Мариано Фортунни^[21]. Он носил костюмы итальянского покроя, шелковые галстуки и кирпично-красные мокасины, а дядя Дом одевался как владелец похоронной конторы, независимо от повода и погоды. У Дома имелся один черный шерстяной костюм и один костюм черной саржи. Оба компоновались с простой белой рубашкой из хлопка и черным галстуком. Свои черные кожаные туфли на шнурках он не менял с эпохи «ревущих двадцатых».

Когда дядя Майк входил в комнату, женщины трепетали, настигнутые ароматом экзотических пачулей и освежителя дыхания «Сен-Сен». Когда появлялся дядя Дом, он приносил с собой совершенно иной букет: от него

несло дегтярным мылом и полоскателем для рта «Листерин» с легкой ноткой хлорного отбеливателя.

Ники было всего двенадцать, когда ему навсегда запретили общаться с дядей Майком, тетей Нэнси и их сыновьями Ричардом, Майклом и Энтони, которым их отец придумал прозвища – Рики, Мики и Трики. Ники скучал по своим кузенам, но из уважения к дяде Дому и тете Джо никогда даже не заикался, как сильно их ему недостает.

В гараже Ники проинспектировал автопарк, который перемыл вчера вечером. Даже в утреннем сумраке машины сверкали под светом дежурных ламп, как молочные ириски. Доминик III уже взял машину № 1, так что оставалось еще три авто. «Двойку» водил Джио, а «тройка» досталась Нино.

Ники водил «четверку». Он погладил свою машину по капоту по пути к лестнице. Жемчужина автопарка, сверкающий черный «бьюик-роудмастер» 1947 года, четырехдверный седан, покрытый бежевым замшевым чехлом, уединился в нише-алькове. Черный седан смотрелся нарядной лаковой туфлей в окружении будничных башмаков. Ники поправил на нем чехол, а потом продолжил свой путь по лестнице к диспетчерской – алюминиевой будке с окошком, сквозь которое хорошо просматривался весь гараж внизу.

Из-за открытой двери наверху доносилось отчетливое стакато азбуки Морзе в исполнении диспетчера Гортензии Муни, отправляющей телеграмму. Ники знал, что сейчас ее рука лежит на рычажке, пересылая морзянку по проводам, голова опущена, глаза прикрыты. У миссис Муни всегда угрюмое лицо, независимо от содержания послания – будь то официальное сообщение или шуточная телеграмма. Осторожно, чтобы не побеспокоить Гортензию, Ники на цыпочках прокрался в диспетчерскую, повесил ключ от ворот на медный крючок, тихонечко положил сверток с ланчем на стойку и снял с плеча тубус. Он открутил колпачок на одном конце и вытащил из тубуса длинный рулон, развернул новейшую карту дорог Пенсильвании и прикнутил ее к пробковой доске прямо поверх устаревшей версии.

Распорядок Гортензии Муни был неизменен. С понедельника по субботу она являлась на работу к четырем утра, автобус довозил ее от дома до Честнат-стрит, взбиралась по металлической пожарной лестнице позади гаража, отпирала дверь запасного выхода, заходила внутрь и по мостику на верхней галерее проходила в диспетчерскую, снимала зеленую фетровую шляпку с длинным коричневым фазаньим пером, прятала ее в ящик стола и вешала свое бурое вельветовое полупальто на крючок за дверь. Пакет с

ланчем помещался в ее личный ящик в картотечном шкафу, а термос с горячим кофе ставился на стол. Кроме членов семейства Палаццини только у Гортензии имелся собственный ключ от гаража. И дело было не просто в удобстве. Дом доверял Гортензии свой бизнес, что означало – Дом доверял ей свои деньги, а это, в свою очередь, означало, что он доверял ей свою жизнь.

Гортензии Муни исполнилось шестьдесят три. Ее наняли диспетчером, еще когда Майк работал в компании, и она осталась здесь и после его ухода, хотя это решение далось ей нелегко, потому что она прекрасно ладила с обоими братьями. Майк предложил ей точно такую же должность в «Пронто», но у Гортензии были свои причины остаться работать на Монтроуз-стрит. И она решила трудиться здесь до пенсии. На ее гладкой коже цвета темного шоколада не было ни морщин – спутниц преклонного возраста, ни прочих отметин каких-либо трагедий. Улыбалась она широкой и белоснежной улыбкой – все зубы свои, как частенько сообщала Гортензия в ответ на очередной комплимент. А безупречная прическа «паж» каждую субботу профессионально освежалась в парикмахерской «Миссис Джонсон & Ко» в негритянском квартале на северо-западе Джермантауна.

В юности Гортензия славилась длинными красивыми ногами, зауженными в лодыжках, хотя по всем стандартам они были худоваты. Ступни ее тоже были длинными и донельзя узкими, и эти ступни, прикрепленные к длинным худым ногам, делали Гортензию, стоящую на остановке в ожидании автобуса, похожей на удвоенную букву «L». Нынче утром ступни бездумно притоптывали, пока Гортензия трудилась. Они будто отбивали ритм какой-то мелодии, слышной лишь ей одной.

Отослав телеграмму быстрым триольным стаккато рычажка и развернув свое кресло на колесиках к пишущей машинке, Гортензия принялась печатать, без труда дотягиваясь длинными пальцами до любой клавиши. Ники с удовольствием наблюдал, как работает Гортензия. Печатала она проворно, и звон каретки означал, что вот-вот ее с силой сдвинут в сторону. Ники это движение казалось уморительным – будто Гортензия с размаху давала оплеуху Джимми Кэгни^[22] в сцене драки.

Ники расчистил место на столе, открыл бумажный пакет, вынул из него содержимое, расстелил пакет вместо салфетки, прижав его стеклянной банкой с холодным яблочным сидром, и выложил свою трапезу.

Гортензия мельком глянула на Ники, когда тот открывал банку и скрип крышки отвлек ее. Ники виновато улыбнулся, а потом тихонько развернул вощеную бумагу, в которую был упакован его бутерброд, – так вор

разворачивает бархат, внутри которого спрятаны изумруды.

Сэндвичи тете Джо всегда удавались на славу. Мяса в меру. Три тоненьких ломтика острой *капикола*, слой сливочного масла на свежем сдобном хлебе и маринованный огурчик, завернутый отдельно, чтобы не размок весь сэндвич. Ничто так не насыщало Ники, как тетушкин сэндвич, и, перед тем как съесть его, он прошептал молитву, закладывая крахмальную льняную салфетку за воротник форменной куртки. В уголке салфетки синим ирисом были вышиты его, Ники, инициалы.

Тетя Джо до сих пор собирала сверток с ланчем для Ники, стирала и чинила его одежду и намеревалась заботиться о нем, как заботилась о родных своих сыновьях, до самой свадьбы. Ники был единственным сыном ее сестры. Джо любила и баловала его, потому что он потерял мать совсем малышом, – бедный сиротка. Она даже представить боялась, что было бы, случись ее мальчишкам пережить такую утрату, поэтому постаралась восполнить ее для Ники. Вдобавок Джо не могла устоять перед своим итальянским племяшкой, который мастью был настоящий американец: густая рыжевато-каштановая шевелюра и синие глаза, да еще улыбка, вспыхивающая, как лучи дальнего света фар «кадиллака», когда он проезжает по односторонней улочке глубокой ночью. К тому же Джо уже растила троих мальчишек. Одним больше – ну и что такого? Особенно если он такой хороший мальчик.

С Ники Кастоне не было никаких хлопот. Совершенно.

Ники откусил кусочек мягкого треугольника, зажмурился и медленно начал жевать, смакуя сладковатую ветчину, натертую острыми приправами. Он никогда не был одним из тех сирот, что жадно пожирают или ныкают еду. Наоборот – он не торопился, словно искушая сотрапезников забрать его порцию, ибо есть он ее будет до второго пришествия. Казалось, пища его вообще не интересует, но это было ошибочное впечатление, просто он не делал из еды культа. Съев свою долю, он никогда не просил добавки. Ему было неловко за тех, кто не умел вовремя встать из-за стола.

Потягивая сладкий сидр из банки, Ники опять задумался о времени. Он уже давно о нем думал, с тех пор как осознал, что годы пролетают, унося его с собой, как унесли когда-то его родителей. К двадцати восьми годам Ники пережил уже обоих. Поскольку отец с матерью были лишены роскоши планировать будущее сына и видеть, как он растет, Ники решил строить жизнь самостоятельно, пока еще не слишком поздно.

Настало время назначить дату свадьбы с Терезой Де Пино по прозвищу Пичи, добрых семь лет ходившей в его невестах. Ники уже

порядком надоели прожигающие насквозь взгляды Пичиного папаши, стоило Ники ненароком обнять его дочку, и мамочкины чрезмерно участливые расспросы, когда он заходил за невестой или провожал ее домой после свидания. От родителей невесты его бросало то в жар, то в холод, из-за чего у него развилась особая «южнофиллийская» лихорадка, излечить которую мог лишь отец Скифалакуа, сделав запись в книге при церкви Лоретанской Божьей Матери сразу после венчания.

Пичи не давила на него, не требовала немедленно назначить дату свадьбы, но Ники знал, что она переживает. Когда бы они ни приехали поужинать и потанцевать в Эхо-Лейк, стоило ей высосать через трубочку пару коктейлей «Май-Тай» из скорлупы кокосового ореха, она начинала забавляться с пластмассовой обезьянкой, украшавшей коктейль, и мечтать о собственном доме с фигурной алюминиевой буквой «К» на дверях. Ей страсть как хотелось собирать крохотные зонтики и цирковых зверюшек, украшавших напитки, приносить их домой своим деткам, возвращаясь после вечеринки, проведенной с их отцом, чтобы показать им, что она никогда не забывает о любимых крошках.

Ники знал о ее мечтах. Но еще он знал, что, прежде чем дать Пичи то, чего она хочет больше всего на свете, он должен был бы признаться ей как на духу, где проводит время, когда не крутит баранку такси семейства Палаццини. Ему пришлось бы сделать это. Ники почитал честность наиважнейшей добродетелью, и вовсе не потому, что собирался стать праведником, но потому что честность облегчает жизнь. Он видел, что сделала непреодоленная ложь с его дядями, и поклялся, что подобное никогда не случится в семье, которую он однажды создаст со своей собственной женой.

Внизу Доминик III легонько посигналил три раза, въезжая в гараж, и машина № 1 всплыла на свое место. Ники встал и выглянул в окошко диспетчерской. Он смотрел, как его кузен открывает дверцу для своей жены, как она появляется из машины с букетом.

– Эльза раздобыла-таки свои розы, – сообщил Ники. – Вчера вечером оказалось, что их не хватает для праздника, и она даже расплакалась.

Гортензия пожала плечами:

– Может, она снова ждет ребенка.

– А может, она плакала, потому что старикашка Сабетти не все шипы удалил со стеблей и у нее на руках остались стигматы. – Ники наблюдал, как Доминик берет Эльзу за руку. – Доминик и Эльза до сих пор влюблены.

– До чего эти двое подходят друг другу.

Доминик помахал Ники.

– Ма готовит завтрак, – крикнул он. – Тебе всмятку или вкрутую?

– Да не надо. – Ники улыбнулся, помахал им в ответ, после чего снова уселся за стол и откусил маленький кусочек огурца и чуть-чуть сэндвича.

Гортензия скорчила гримасу:

– Нет бы перейти через дорогу, чтобы миссис Палаццини накормила тебя как следует. Какой смысл есть ланч на завтрак?

Она распрямила спину, сидя на стуле. Стол ее был усыпан разрозненными листками бумаги, там же находились стопка бухгалтерских книг в черных кожаных обложках, счетная машинка, а посередине – телефонная система, состоящая из темно-вишневой трубки, коммутатора с четырьмя мигающими кнопками, кнопки удержания и кнопки отбоя. В диспетчерской Гортензия была единственным объектом, который не светился и мог передвигаться.

– Странная у тебя манера питаться. Все остальные мальчики Палаццини едят трижды в день, как положено. А ты почему не берешь с них пример?

Ники пожал плечами:

– Наверное, потому что я – Кастоне.

– И на все-то у тебя есть ответ. Ты скажи мне вот что. – Она скормила бумагу ролику телеграфной машины. – Если ты съедаешь обед на завтрак, то что ты ешь на обед?

– Ничего.

– Ничего не ешь с шести утра до шести вечера?

Ники кивнул.

– Это вредно.

– Кто сказал?

– Да все – от доктора до командования армии США. И как ты только выиграл войну, с таким-то ужасным режимом?

– Смелостью.

– Скорее, везением. Трехразовое питание – вот что требуется здоровому организму.

– Только не моему.

– Это для тебя плохо кончится, помани мое слово.

– Не волнуйтесь за меня, миссис Муни. Телу гораздо сложнее соблюдать навязанный ему распорядок, чем вообще отказаться от одного приема пищи.

– Ты ешь, как четырехлетка. Пора бы уже питаться по-мужски.

– Наверное, мне нужна жена. Будет заботиться обо мне.

– Что-то тебе точно нужно. Это все, что я знаю.

– С тех пор как женился Нино, дом набит, как голубец фаршем. И все пухнет. Мэйбл на сносях. У Эльзы маленький Дом, который вот-вот пойдет, да и Лина может в любую минуту объявить, что ждет прибавления. Мои кузены пополняют народонаселение Земли. Им нужно пространство.

– И куда ты пойдешь?

– На Уортон-стрит сейчас строится новый район, целый квартал домов на две семьи. И действительно славные дома. Два этажа. Линолеум на кухне, деревянный паркет в гостиной. Эркерное окно на фасаде. И крыльцо свое, и задний дворик, и подвал. А на улице перед входной дверью – место для стоянки.

– У тебя же нет машины.

– Пока нет. Но будет.

– А где же ты найдешь средства, чтобы купить все это?

– Я сэкономил. И тетя Джо откладывала мою плату за жилье с тех пор, как я вернулся с войны. У меня уже хватит на первый взнос, а на остальное возьму ссуду в банке. В Первом национальном – для ветеранов скидки на проценты.

– Надо же.

– Хорошая сделка, правда?

– Твоя тетя Джо просто умница. Копила для тебя деньги. Не каждая тетка станет оплачивать первый взнос за дом для племянника.

– Она копила их не для того, чтобы я съехал. Она надеялась, что я приведу Пичи к нам. Но Пичи ни за что не станет жить с Палаццини. Она ведь единственный ребенок и не представляет себе, как это – жить в подвале. Пичи мечтает о собственном доме.

– Так, значит, все уже решено.

– Как только мы объявим день свадьбы.

– Ты так долго женихался, что твое предложение уже почти развеялось, как дым из трубки. Знаешь, я даже сомневалась, что свадьба вообще когда-нибудь состоится.

– И все же она состоится. Пичи Де Пино станет моей женой.

– Меня это не касается.

– Мне важно ваше мнение, миссис Муни.

– Тогда вот тебе мой совет: работа отдельно, а удовольствие отдельно. Ты когда-нибудь встречался с мистером Муни?

– Один раз только.

– И то случайно.

– Потому что у вас работа отдельно, а удовольствие отдельно. – Ники приподнял банку в шутовом тосте за здоровье Гортензии Муни и глотнул

яблочного сидра.

– Уже учишься. Но ты бы мужа моего никогда и в глаза не увидел, если бы я тогда не упала в обморок и ему не пришлось забрать меня домой. Я, наверное, так и валялась бы на грязном полу, если бы не ты.

– Кто-то обязательно вас хватился бы, – сказал Ники.

– Может быть, – сказала Гортензия, уверенная в обратном. – В конце концов кто-то заметил бы, что телефон не отвечает, телеграммы не приходят и не отсылаются и все такое, и только тогда они, наверное, и бросились бы искать мое брэнное тело.

– Мистер Муни был очень любезен.

– Это он умеет, – сказала Гортензия, хотя давно уже прошли те времена, когда она испытывала к мужу теплые чувства. Тогда он был неплохим и даже хорошим, но со временем стал брюзгливым, а порой даже злым. Гортензия научилась не замечать его, как звук радиоприемника в диспетчерской, если парни в гараже меняли ее любимую блюзовую станцию на поп-волну.

– Мистер Муни изменился?

– Любой муж поначалу милый и добрый, если ты об этом. Все прекрасно и замечательно, пока ты не возразишь ему или не начнешь задавать неудобные вопросы, которых у тебя раньше и в помине не было. Так что если у вас все гладко, пока вы планируете свадьбу и медовый месяц, то это не достижение, просто человек ведет себя так, чтобы получить от тебя желаемое. Истинное его лицо проявляется со временем.

– Но мы с Пичи начали встречаться еще до войны, – сказал Ники, переставляя карандаши в стакане на свободном столе. – Мы уже семь лет верны друг другу.

– Это не значит, что ты должен жениться на ней.

– Не должен – а *хочу*!

Он вытащил бумажник из заднего кармана, раскрыл его на фотографии невесты. Гортензия нащупала очки для чтения, висевшие у нее на шее на серебряной цепочке, поднесла их к глазам и критически оглядела этот «лакомый кусочек», стройняшку Пичи – чересчур костлявую, на взгляд Гортензии, – позирующую на пляже Уайлдвуд-Креста. Пичи была такой худой в этом своем цельном купальнике, висевшем на тощих бедрах, что ноги ее напоминали две соломинки, торчащие из ванильного молочного коктейля.

– Вот она, моя Пичи, – сказал Ники с гордостью.

– Помню ее. Как-то заходила сюда, несколько лет назад, с родителями. Брали у нас седан.

– Да, точно. Они навещали родню в Нью-Хейвене. Хотели произвести впечатление.

Гортензия кивнула.

– Своеволия ей не занимать. Всем указала, куда садиться в машине.

Ники спрятал бумажник в карман.

– А я люблю напористость.

– До поры.

– Это как?

– Когда устаешь от всего, что любишь в ней.

Ники привык к сентенциям миссис Муни. Однако на этот раз он не собирался позволить ей испортить ему настроение.

– Мне бы хотелось, чтобы вы познакомились поближе. Когда-нибудь мы с Пичи придем к вам в гости.

– Не хватало еще, чтобы парочка итальянцев переполошила мне всю улицу! Народ сбежится, будто конец света настал, обступит вас и станет глазеть.

– А вы приготовьте нам ужин.

– Ни за что, мистер Кастоне.

– Даже когда мы назначим день свадьбы?

– Даже тогда.

– Я хочу, чтобы вы пришли на свадьбу.

– Поглядим. – Это слово прозвучало как решительное «нет».

– Вы никогда не ходите на наши торжества.

– Я бы там неловко себя чувствовала.

– Потому что вы цветная?

Гортензия кивнула.

– Вы всегда этим прикрываетесь, – сказал Ники.

– А ты погляди на меня. Разве это не так? К тому же границы – это основа жизни. Распорядок и правила – основа дня. Структура имеет значение в трех сферах – в обществе, в архитектуре и в корсете. Все, что должно быть выстроено, нуждается в костях.

– Я же не прошу вас выстроить мост через Мейн-Лайн, я прошу вас прийти ко мне на свадьбу.

– И я сказала тебе, что не могу.

– Я считаю вас членом моей семьи.

– Ну... это не так.

Ники рассмеялся:

– Умеете вы разбить сердце.

– Умела когда-то, – вздохнула она. – Я не понаслышке знаю о романах

и свадьбах. Я не останусь в стороне от твоей свадьбы только из-за цвета кожи, хотя это существенный резон. И не потому что ты католик, а я – нет, хотя и это могло бы стать причиной.

– А из-за чего же тогда, миссис Муни?

– Не скажу.

– Почему?

– Я хожу на свадьбы только тогда, когда уверена, что этот брак – на всю жизнь.

Лицо Ники вытянулось. Помолчав минуту, он спросил.

– Вам больно?

– Почему ты спрашиваешь? – Гортензия посмотрела на свои туфли.

– Мне кажется, вы испытываете ужасную боль, иначе ни за что не стали бы портить мне настроение. Знай я вас чуточку хуже, я бы подумал, что вы не желаете мне счастья.

Ники скатал салфетку, смел крошки, обмахнул стол салфеткой и убрал ее в пакет из-под ланча.

Гортензия видела перед собой не взрослого мужчину, а мальчика, которого она знала с самого детства. Из всего выводка Палаццини Ники Кастоне был ее любимчиком, хотя никто никогда не просил ее выбирать. Она вздохнула.

– Конечно, нет. Прости меня. Мне что-то нейдет в последнее время, сама не знаю, отчего это, все просто из рук валится. Какая-то хворь напала. Нежданно-негаданно, прямо как бурсит на мой сорок второй день рождения. Если хочешь знать, болит все. Такой уж у меня возраст. Наверное, лучше не стоит делиться со мной хорошими новостями, потому что я найду способ распустить их, ниточка за ниточкой, пока у тебя вместо целого ярда прекрасного шелка не останется только ветхая тряпица. Такая уж я. Я слишком много видела и слишком много знаю, так что слегка очерствела, похоже.

– Самую малость, – тихо сказал Ники.

– Любовь... знаешь, любовь – это хрупкая романтическая мечта, странствие двоих в уютной лодочке. Вы отправляетесь в плавание, когда на море тишь, а позднее оно начинает бурлить, поднимается ветер, шторм швыряет вас, и вы понимаете, что в лодке большая дыра, которую вы не заметили раньше, а теперь вы в открытом океане, и вам ничего не остается, как вычерпывать воду во мраке, под гром и молнии. Ни пищи вы не запасли, ни фонаря у вас, ни сирены. Все, что у вас было, – это любовь, но этого ой как мало. И вы начинаете тонуть. Вы оборачиваетесь друг против друга. Вы забываете, зачем вы вообще сели в эту лодку. Все, что вы видели

вначале, – бескрайнее синее небо, яркое солнце и друг друга. И это видение ослепило вас. Любовь – это обреченное путешествие, где все хорошее остается позади.

– Наверное, на вас надвигается новый бурсит. Вы не думали об этом?

– Я забыла, что молодежь все так же любит путешествия, поэтому иногда становлюсь скептиком. Мне не хочется, чтобы ты думал, будто я не желаю тебе счастья. Но если ты считаешь, что Пичи Де Пино сделает тебя счастливым...

– Да, считаю!

– Ты можешь преклонить колена в темной комнате и помолиться пресветлому Господу Иисусу нашему, чтобы тот указал тебе иную тропу, потому что та, на которую ты ступаешь, не приведет тебя домой.

– Я хочу жить собственной жизнью. В своем доме.

– Конечно, хочешь. И будешь. Но ты должен быть осторожен. Надо подумать, Ники, поразмыслить.

– Неужто семи лет недостаточно, чтобы принять взвешенное решение?

– Порой даже пятидесяти лет недостаточно! Знаешь, я ведь сразу вижу, кто кому пара. Это дар. С первого взгляда я знаю, кто кому подходит. Я могу свести людей, которые предназначены друг другу. Я представляю себе этакий Ноев ковчег, только для людей, не для тварей, ищущих спасения. Где угодно. Например, гуляя по Томпсон-стрит или сидя в автобусе, едущем по Брод, я могу взглянуть в толпу и найти двоих, которые никогда не сойдутся, хотя должны бы.

– Пичи хорошая девушка.

– Для кого-то другого.

– Она ждала меня. Всю войну. И сейчас ждет.

– Выдержка – не самый лучший повод выйти замуж, а чувство вины – не лучшая причина, чтобы жениться. Надо придумать что-нибудь получше, а то все тайны разоблачатся уже в брачную ночь, и возврата не будет. Ты – католик. Для вас развод невозможен. Либо вдовство, либо святость.

Ники подумал, что тут Гортензия права. Брак – это на всю жизнь. Много лет назад, когда отец Кьяравалле пришел к ним в класс перед конфирмацией, чтобы поведать о святых таинствах, он рассказал, что церковь смотрит на брак как на постоянное пребывание в одном из стальных ящиков Гудини, обмотанных цепями и закрытых на пять навесных замков, которые болтаются на цепях, как подвески на браслете, а ключи от них проглотил аллигатор, плавающий в реке Конго за полмира отсюда. Однажды попав туда, ты уже не сможешь выбраться наружу. И вот эта окончательность и бесповоротность, видимо, и стала причиной, почему

Ники так долго тянул с женитьбой.

Ники будет совершенно уверен в своей жене, и никакой катастрофы не случится в брачную ночь. Не хотелось ему быть одним из тех простаков, которые наудачу женятся на первой попавшейся хорошенькой девице и остаются несолоно хлебавши в медовый месяц. Ники слышал ужасные истории о девушках, которые, проплакав всю первую брачную ночь, наутро убегали домой, к маме, поклявшись, что никогда и ни за что не вернутся к своим новоиспеченным мужьям. Он слышал рассказы о невестах, которые остались недовольны своими женихами, – оказывалось, что под фатой невинности скрывался недюжинный опыт. Много чего он слышал, и мораль у каждой басни была одна: найди добродетельную девушку, ибо добродетель убережет от всех проблем – финансовых, семейных, душевных или сексуальных.

По собственным наблюдениям Ники получалось, что каждая девушка, которая надеется выйти замуж, непременно добродетельна. Это было одним из условий получения помолвочного кольца в первую очередь. Как только Ники вручил Пичи Де Пино брильянт, она показала, что готова к близости определенного рода, и это обнадеживало. Он мог быть уверен, что она не такая, как пресловутая Вероника Верогти, чье имя наполняет ужасом сердце каждого молодого итало-американца из Саут-Филли.

Говорят, Вероника была так сильно травмирована увиденным в первую брачную ночь, что покинула спящего мужа в отеле «Голубая лагуна» в Атлантик-Сити, оставив свои кольца в пепельнице на ночном столике, села на ночной автобус до Норт-Халедона, что в Нью-Джерси, и на следующее же утро присоединилась к ордену салезианок в обители Святого Иоанна Боско, где и жила с тех пор под именем сестры Марии Иммакулаты.

Ники восхищался замечательными качествами Пичи – все эти годы, что он знал ее, она являла образец преданности и доверия. Но он также знал, что ни одна женщина не обладает всеми теми чертами характера и той внешностью, о которых он мечтал. И ни одна женщина не найдет в нем самом воплощение собственных идеалов. Пичи была честной, целеустремленной девушкой, здравомыслящей. И улыбалась она так тепло. У нее была постоянная работа – бухгалтер в универмаге «Уонамейкер». Она была практичной, могла починить всякую хозяйственную мелочь и скатать ореховый рулет, причем с одинаковой ловкостью, и Ники считал, что она не просто быстро все усваивает, она – разносторонняя натура. Даже если бы все это не было правдой, он любил Пичи, а Пичи любила его.

Гортензия тщательно свернула телеграмму, вложила ее в конверт, а

конверт протянула Ники:

– Доставь-ка это срочно мистеру Да Понте на Северной Второй улице.

Ники надел фуражку с надписью «Вестерн Юнион» и спустился в гараж, который теперь был залит солнцем. Скоро кузены закончат свой завтрак, попрыгают в машины и тоже начнут смену. Садясь в «четверку», Ники припомнил шляпных дел мастера Да Понте. У него в магазине Ники купил Пичи зеленую замшевую шляпку, и Пичи так ею восхитилась, что попросила мистера Да Понте изготовить для нее свадебную фату, когда они назначат дату свадьбы. Ники улыбнулся этой мысли. Наверное, он больше всего любил в Саут-Филли именно это – не надо далеко ходить, чтобы получить все, чего душа пожелает. Ники представить себе не мог, как бы он жил где-нибудь в другом месте.

Выезжая задним ходом из гаража, он глянул наверх и увидел миссис Муни – она стояла у окошка диспетчерской и наблюдала за ним. Руки она сплела на поясе – эта ее поза напомнила Ники статую святой Анны за стеклом в подземелье церкви Святой Риты Кашийской. Дрожь прошибла все его тело, когда он вспомнил, как ребенком ждал на скамейке своей очереди на исповедь. «Может, это знак? – подумал Ники. – А все остальное?»

Васильки, анютины глазки и нарциссы, высаженные вокруг крыльца у дома Борелли под номером 832 на Эллсворт-стрит, выглядели довольно хиленькими. Отец с дочерью, обитатели дома, ухаживали за ними, в точности как прежде ухаживала хозяйка, но, с тех пор как ее не стало прошлым летом, сад загрузил. Сэм Борелли не был садоводом от бога, да и его дочка Калла тоже, невзирая на цветочное имя. Их умения лежали в другой области, но они старались как могли, чтобы небесно-голубой, обшитый деревом двухэтажный дом содержался так, как было заведено у Винченцы Борелли, включая возделывание клумб в саду.

Глядя в зеркало на шкафчике в ванной, Калла Борелли приподняла челку, спадавшую на лоб черной пернатой бахромой. Она просто перекрутила ее, чикнула маникюрными ножницами и отстранилась полюбоваться результатом. Вполне довольная, она взрыхлила пальцами короткие прядки, обрамлявшие лицо.

– Калла! – позвал отец, стоя у подножия лестницы.

– Иду, папуля, – крикнула она в ответ.

Калла накрасила губы ярко-красной помадой, причмокнула ими, чтобы помада ровнее легла, и пустила воду в раковину – смыть крохотные черные волоски, осыпавшиеся во время стрижки. В последний раз взглянула на

модель в журнале «Харперс базар», брошенной на подоконнике. Фотография длинной, тощей, томно курящей сигарету парижанки, чью шикарную короткую стрижку она попыталась скопировать, имела мало общего с отражением американской итальянки в зеркале, ну и что? Калла не привереда и уж точно не французенка. Она захлопнула журнал.

Утреннее солнце заливало кухню дома Борелли, как включенные на полную мощность софиты заливают светом сцену. Вкусно пахло сладковатым томатным соусом, кипевшим на плите.

Сэм Борелли стоял над сковородкой с лопаточкой в руке, наблюдая, как пара свежих яиц томится в булькающем соусе. Яйца по-венециански. Через плечо у него висела прихватка. Сэму было уже под восемьдесят, и годы здорово обобрали его по части осанки и волос, но черные-пречерные глаза и неаполитанские черты, особенно густые брови, были такими же выразительными, как и в пору его юности.

Войдя в кухню, Калла покружилась:

– Ну как тебе?

– Хорошо.

– Я сама подстриглась.

– Ты не должна сама себя стричь. Это все равно что самой мастерить себе автомобиль.

– Мне некогда ходить по салонам красоты.

– А ты найди время.

Сэм тревожился за Каллу. Она была совсем не такая, как его старшенькие, Елена и Порция, которые ставили внешность во главу угла и для которых замужество и материнство – прежде всего. Калла будто перепрыгнула через несколько ступенек, когда дело дошло до женственности. Для младшей дочери Сэма естественным было оставаться бескорыстной и думать о себе в последнюю очередь. Но, как ни трудно было поверить в это, Калле исполнилось уже двадцать шесть, годы испарились стремительно, как утренний туман, и отец Каллы знал, что скоро дочка выйдет из того возраста, когда еще не поздно замуж. Сэм думал о том, что пора бы ей уже найти кого-то, полюбить и строить с ним будущее. Но это в нем отец волновался, а не художник. Художник был уверен, что Калла на правильном пути.

– И как это ты отважилась сама себя стричь?

– Ну я же стригу парики в театре. Вот я и подумала – что в этом трудного?

– Парики – не живые волосы.

– Так на живых даже лучше тренироваться. Если что не так сделаешь –

отрастут.

– Жаль, о моих такого не скажешь, – вздохнул Сэм, потирая лысину.

– В Париже это сейчас самый писк. Называется «французская шапочка».

– Но мы в Саут-Филли.

– Может, нам не помешала бы толика «левого берега»^[23] на наших делавэрских берегах. – Калла взяла со стола газету. – И как рецензия?

Сэм не ответил. Когда он ставил пьесу, то не спал в ночь после премьеры и ужасно переживал о рецензиях. Вчера состоялась премьера, и вечером после спектакля Калла поднимала картонный стаканчик с шампанским за ведущих актеров, потом мела вестибюль, мыла гримерки и наконец приползла домой и рухнула в кровать.

Калла пролиставала «Филадельфия инкуайрер», пока не нашла короткую рецензию на свои первые режиссерские потуги в Театре Борелли.

– Нет чтобы на первой полосе поместить. Легче встретить итальянца в Публичной библиотеке Филадельфии.

– «Мистер Карл Борелли...» – прочла она вслух и выразительно посмотрела на отца: – Карл Борелли?

– Промашка номер раз, – вздохнул Сэм. – Надо было назвать тебя Сьюзи.

– Надо было родить себе сына, пусть бы он и был режиссером, а не какая-то дочь.

– Ты же знаешь, я – дамский мастер.

Калла продолжила чтение вслух:

– «Мистер Борелли... хм... замахнулся на “Двенадцатую ночь”, иногда у него получается комедия, но чаще – балаган...» – Она подняла глаза на отца: – А балаган – это не комедия?

– На грани. – Сэм перевернул яйца на сковородке.

– Он вообще не понял, что я сделала с Фесте. Я использовала его как рассказчика. – Калла плюхнулась на стул и продолжила читать. – Кто этот тупица?

– Этот парень любит своего собственного Шекспира, ему подавай все, как было в старом добром «Глобусе». – Сэм разложил глазки яиц на два ломтика поджаренного до золотисто-коричневой корочки итальянского хлеба, смазал томатной подливкой, в которой их томил, и увенчал блюдо кусочком сливочного масла, который тут же начал таять на этом аппетитном сооружении. Отец поставил тарелку перед дочерью, расстелившей на коленях салфетку. – Не обращай внимания на критиканов. Вспомни, что Верди говорил. Он мог позволить плохому отзыву в газете

испортить себе завтрак, но обед – никогда.

– Спасибо, папулечка, – сказала Калла, не отрываясь от газеты на этот раз. – Я бы так не разозлилась, не будь статья настолько дурацкой. Но рассвирепела бы сильнее, если бы это оказался хвалебный отзыв. Где все лавры достались бы какому-то Карлу.

– Но тебя не смущает же, что все шишки тоже на него посыпались?

Калла отшвырнула газету:

– Больше ни слова не прочту.

Она схватила вилку и принялась завтракать, наслаждаясь каждым кусочком.

– И то верно. – Сэм налил ей кофе. – Все хорошо, доченька?

– Я и не ждала хвалебных рецензий.

– Ну да, конечно.

– А ты откуда знаешь?

– Ты же у меня оптимистка.

– Уже нет.

Сэм рассмеялся.

– Это ведь первый твой спектакль. Поверь, ты славно потрудились.

– Правда?

– Правда. Ты сотворила несколько вдохновенных сценических картин.

– У тебя научилась.

– И роли распределила правильно. И доброжелательно руководила актерами во время постановки. Ты добилась от Джози такой игры, какой я в жизни не смог бы добиться.

– Я ей сказала: «Меньше ветчины, больше горчицы», и сработало.

– Все сработало. И актеры так легко взаимодействовали друг с другом. Это все твоя заслуга.

– Я думаю, что они доверились мне благодаря вашим хорошим отношениям все эти годы. Ты создал труппу, и они остались тебе верны.

– Нет, ты прекрасно знаешь, на что ты способна. И я тобой горжусь.

– Да, но... нам нужно сплотить их, и хорошая рецензия в солидной газете была бы ой как кстати.

– А на сегодняшний вечер сколько продано билетов? – Сэм сел за стол и налил себе чашку кофе.

– Половина зала от силы, а на завтрашний дневной спектакль и того меньше.

– Придется сократить службу.

– Знаю.

– И что ты надумала?

– Надумала, что сумею сама вести бухгалтерию. И обойдусь без костюмера.

– И парики сама можешь завивать.

– И суфлировать могу.

– Какая жалость. Мне нравится этот Ники Кастоне. Он отличный работник.

– Я знаю. Но у меня нет денег, чтобы оплачивать его труд. – Калла выглянула в окошко кухни, как будто надеялась, что решение финансовых проблем театра лежало на узловатых перекрестьях виноградных ветвей, оплетающих беседку ее матери. – Может, я смогу попросить Марио Ланцу поучаствовать в спектакле.

– Как только кто-то из Саут-Филли попадает в передрагу, он тут же кличет Марио Ланцу. Интересно, сколько может сделать один человек?

– Он не забывает свой старый район. Напишу-ка я ему письмо, – сказала Калла, ставя тарелку в раковину. – Я смогу все повернуть в нормальное русло.

– А может, этого и не нужно. Может, все идет как должно.

– Не говори так, папуля. Как же город будет без Театра Борелли? Это твое наследие. Надо чуточку больше веры. – Калла поцеловала отца в щеку. – Буду дома к ужину. Не натвори тут безумств.

Если Калла и заметила, что отец как-то побледнел, что он не в себе, то не подала виду. В это утро она больше беспокоилась о его театре, о труппе, которую он собрал, чем о нем самом.

– По лестницам не лазь, на стремянки не взбирайся. Ничего тяжелого не поднимай. Дождись, пока я вернусь домой.

– Да-да-да.

– Папа, я не шучу. – Калла схватила ключи и сумку и стремглав выскочила из дома. – Позвоню тебе в обеденный перерыв.

– Ты не обязана.

– Но мне хочется, – крикнула она и закрыла за собой входную дверь.

Оказавшись снаружи, Калла в один прыжок преодолела крыльцо, хотя на работу не опаздывала, добежала до калитки, но та заела и не открывалась. Калла стала биться в нее, но калитка не двигалась с места, и Калла пришла в ярость. Она снова дернула ручку, пнула калитку ногой, чтобы расшатать заржавевший механизм. Соседка – Пат Патронски, миниатюрная красавица-полячка примерно ее лет, – как раз шла на работу и увидела сражение с калиткой.

– Прочитала рецензии, да? – спросила она сочувственно.

– Всего одну. Но мне хватило.

Калитка поддалась. Калла вышла на тротуар и быстро направилась в сторону Брод-стрит.

Ноги двигались медленнее, чем ей хотелось бы, и вскоре она бросилась бежать.

Калла солгала отцу. Эта рецензия ее просто опустошила. Газетчик сказал ее пресс-агенту, что рецензия появится не раньше выходных, и она надеялась, что у нее будет время подготовиться к худшему. Калла планировала прошерстить газету и в зависимости от того, хорошая там рецензия или плохая, либо оставить ее на столе, чтобы папа наслаждался, либо спалить в мраморной купальне для птиц на заднем дворе – отец годами сжигал там плохие отзывы в прессе. Теперь у нее осталось единственное средство избежать унижения – сбежать от него.

Трудясь над постановкой своей первой пьесы, Калла, разумеется, немало думала о том, как можно сделать это еще лучше. Она обладала собственным стилем, но была истинным продолжателем своего отца в том, что касалось разработки концепции, создания подхода, подбора актеров, режиссуры – кусок за куском, минута за минутой, чтобы каждая сцена была по-настоящему визуально интересна. Она помогала костюмеру создавать костюмы – стежок за стежком, помогала художнику-декоратору придумывать декорации. Даже помогала возводить остров Иллирию из проволочной сетки, мешковины и нескольких ведер настоящего песка. А этот критик? Что он возвел, кроме башни из уничижительных прилагательных, чтобы описать то, чего он не понял?

Туфли Каллы на бегу хлопали ее по пяткам, и пятки начали гореть. Она чувствовала себя так, будто попала в некое подобие ада и пламя ярости пожирает ее, начав с ног. Она неудачница. Сварганила никуда не годную постановку, испортила прекрасную пьесу. В библиотеке историки называли «Двенадцатую ночь» «дурустойчивой» пьесой. Они просто еще не встречались с такой дурой, как она. Дебют Каллы не стал ее триумфом – это была всего лишь «мягкая посадка», и ничего страшного она не принесла. Подумаешь, имя в газете неверно написали да пол перепутали, пренебрегая ею.

Ей невыносима была одна мысль о том, как она посмотрит в грустные глаза актеров, гримеров, костюмеров и рабочих сцены, которых еще нужно убедить, что не их работа стала причиной газетного злословия. Она должна их поддержать, обязана – это тоже ее работа. Но кто поддержит ее? Отец не шутил, когда говорил, что режиссер – самая одинокая роль в театре.

И хуже всего, больнее всего, что вот эта гадкая рецензия лишала всяких надежд на предпродажу билетов. Калла могла выдержать удары по самолюбию, но удары по кошельку были невыносимы. Отец вручил ей ключи от театра в творческом смысле, но в финансовом он подsunул ей свинью. При мысли об этом у нее запекло глаза, и тут она услышала позади себя призывный свист. Вот умеют же мужчины выбрать самый

неподходящий момент, чтобы привлечь внимание женщины. Свист она проигнорировала, только припустила еще быстрее.

– Эй, мисс Борелли! – крикнул мужчина из медленно скользящего рядом с ней такси № 4. Она перешла на стремительный шаг и только потом признала шофера – Ники Кастоне. – Подбросить? – спросил он.

– Нет.

– К чему этот спринт?

– Я опаздываю.

– Тогда вас необходимо подвезти. Садитесь.

– Нет, спасибо.

Чтобы отделаться от Ники, Калла ускорила шаг, но зацепилась, обходя яму на тротуаре, и у нее слетела туфля. Она споткнулась и приземлилась на четвереньки прямо на бетонный тротуар.

Ники остановился и выпрыгнул из машины.

– Прости меня, – сказал он, возвращая ей сбежавшую туфлю. – Я тебя отвлек.

Калла сидела на асфальте. Чулки на коленках порвались.

– Я же сказала, меня не надо подвозить.

– Ладно. Не надо так не надо. – Ники отдал ей туфлю и поднял руки вверх. – Я просто хочу помочь.

– Мне не нужна помощь.

Она встала, поставила туфлю на асфальт и сунула в нее ногу. Ники смотрел вслед уходящей Калле и вдруг заметил, какая у нее красивая фигура, плавные линии под простой юбкой и кофтой. Он никогда прежде не замечал Каллу – не в этом смысле, не при таком свете. Может, его целеустремленная преданность Пичи Де Пино пеленой застила ему глаза, а может, он просто никогда до сегодняшнего утра не видел Каллу в юбке, даже не был уверен, что у нее имеются ноги. Кроме того, она не вела себя как девушка. Она или руководила всеми вокруг, или была вся вымазана краской, или сражалась с двухщеточным полотером на мозаичных плитках театрального вестибюля. Полотер прыгал, как отбойный молоток, дергаясь на коротком проводе. Она вечно кружилась, но не как балерина, а как проворный механик на станции техобслуживания «Пеп-Бойз».

– Эй, Калла, – позвал он ее снова.

Она обернулась, нетерпение явственно выражалось в ее напряженной позе:

– Да?

– Чудесная стрижка.

Она улыбнулась через силу.

– Спасибо, – махнула она ему, скорее приветственно, чем прощально.

Джио, средний сын Дома и Джо Палаццини, нервно расхаживал внизу, в гараже, туда-сюда. Он осторожно высовывал голову из ворот, зыряка по сторонам, но на улицу не выходил. Джио в свои тридцать лет остался коротышкой и комплекцией напоминал упаковочный тюк. Толстая шерстяная форма «Вестерн Юнион» его не украшала. То, что Бог недодал Джио в росте, он восполнил волосами. Черные, волнистые, сияющие и густые, дважды в день их приходилось укрощать бриолином «Уайлдрут».

Джио остановился и стоял достаточно долго, успев выудить пачку «Пэлл-Мэлл» из нагрудного кармана, встряхнуть ее, достать сигарету и зажать в зубах. С сигаретой во рту, он принялся хлопать себя по карманам, разыскивая спички. Не нашел, но сигарету изо рта не вынул, спрятал руки в карманы и продолжил прохаживаться.

Гортензия покачала головой, созерцая сверху, из диспетчерской, эту до боли знакомую сцену. Джио снова попал в переплет. Несмотря на все предпринятые усилия, он никак не мог избавиться от привычки играть. Ничто не могло его исцелить – ни учеба в семинарии в Спринг-Гроув, откуда его вышибли за то, что поспорил на деньги, кого изберут новым папой, ни образцовая военная служба во время Арденнской операции, где он храбро сражался, но после победы был пойман на организации подставного матча в софтбол и отправлен под арест, ни даже любовь к Мэйбл, которая вышла за него с условием, что он будет еженедельно посещать священника, – в надежде, что сила более могущественная, чем соблазн сорвать банк в первой попавшейся игре, заставит его измениться.

Все виды перевоспитания были предложены Джио, но ни один не смог отвадить его от покера, пинокля, блек-джека, бинго и прочих игр с фортуной. Как ласточек тянет к Капистрано, так зеленое сукно на столах клуба Большого Джона Казеллы притягивало Джио Палаццини в каждый день получки.

Ники въезжал в гараж, когда Гортензия показалась на верхней ступеньке лестницы с телеграммой в руке.

– Не глуши мотор, – крикнула она, махая конвертом.

– Я отвезу, – предложил Джио.

– Ники доставит.

– Говорю же, я отвезу, миссис Муни, – настаивал Джио.

– Ты плохо ориентируешься за городом, Джио.

– Я разбираюсь в картах так же хорошо, как любой другой.

– Только не в тех картах. Да ты заблудишься по пути из гаража в

мужской сортир, – сказала Гортензия, теряя терпение.

– Мне надо смыться из города, – признался Джио, и левое веко у него задергалось в нервном тике.

– Что – опять? – Ники вытаращился на кузена.

– Мне не повезло, я был у Казеллы, и...

Ники поднял руки:

– Не хочу даже слышать!

– Так кто доставит телеграмму? У меня полно работы, – простонала Гортензия сверху.

– Мы оба. Полезай, Джио.

– Заметано, – сказал тот, взгромождаясь на пассажирское сиденье «четверки».

Ники, перепрыгивая через две ступеньки, поднялся, чтобы забрать у Гортензии конверт.

– Ты с ума сошел, – прошептала ему Гортензия. – А если за вами увяжется кто?

– Тогда пусть забирают его себе.

– Если бы. Смотри в оба, Ники. – Гортензия вручила ему телеграмму и свернутую карту дорог Пенсильвании. – Ты понял меня? Джио – мешок с неприятностями, ты не обязан вместе с ним идти на дно. Ни в коем случае.

Джио скорчился на переднем пассажирском сиденье, уткнувшись носом в колени, пока Ники ехал по улицам в сторону пригорода. Когда такси сделало круг позади Филадельфийского музея и Ники вырулил на шоссе, Джио выпрямился.

– Что ты на этот раз учудил?

– Да ничего такого страшного.

Джио опустил окно и вдохнул свежего воздуха.

– Ты снова в бегах.

– Это пройдет.

– Хорошенькое утешение.

– Когда я выигрываю – я Цезарь, а когда проигрываю – это напасть.

Простое уравнение.

– Проигрываешь ты куда чаще, чем выигрываешь.

– Просто я не хвастаюсь, когда выигрываю.

– Джио, ты должен остановиться. Однажды какой-нибудь отморозок не пожелает дожидаться, пока утром в понедельник откроется банк, чтобы ты мог выплатить свой проигрыш, и тебя отмутузят.

– Не-а. Подождут.

– У тебя же скоро дитя родится. Подумай о своем ребенке. И о Мэйбл.

- С Мэйбл все путем.
- Пока что. Но ты испытываешь ее терпение.
- Уж кто бы говорил о терпении. Ты даже не женился до сих пор.
- Уже скоро.
- Хочешь бесплатный совет?
- Конечно.

Джио тряс пачку, пока не вытряхнул из нее сигарету. Протянул ее Ники. Тот угостился. Джио встряхнул пачку еще раз и губами вытащил еще одну сигарету. Прикурил от автомобильной зажигалки, потом предложил огоньку кузену.

- Не делай этого.
- Чего не делать?
- Не женись на Пичи Де Пино.
- Чего это ты вдруг так заговорил?
- О тебе забочусь.
- Это как?

– Я знаю, каково по ту сторону. Оставайся там, где ты есть. Оставайся в своем подвальчике. У тебя есть кокон. Кокон хорош для одного. Для двоих – не слишком. Становится тесновато.

- Но я хочу жениться, Джио.
- Так и я хотел.
- Ты не любишь Мэйбл?
- Уже поздновато не любить ее.
- Согласен.
- Я люблю ее. И она ждет ребенка. Так и жизнь проходит. И я вместе с

ней.

– Да, у тебя есть что сказать по этому поводу. Но жизнь не просто раскладывается перед тобой, как стопка бейсбольных карточек.

- С каких это пор?
- Да всегда.

– Только не в моем случае. Мне с рождения говорили, что я должен делать. Если не родители помыкали, то братец Доминик, а теперь мной командует Мэйбл.

- Или букмекеры.

– Эти тоже. Всегда кто-нибудь за мной таскается. Клюют и клюют мозги с утра до ночи.

- Люди хотят получить свои деньги.

– Неважно. Это мое естественное состояние. Чтобы меня расклевывали, как стая голодных канареек расклеывает колосок. Такой уж я. – Джио

запустил пальцы в свою буйную шевелюру, а потом принялся тянуть себя за волосы, словно надеялся, что долларовые купюры заколосятся в дебрях его прически, стоит только дернуть посильнее. – Натуру не изменишь.

Ники посмотрел на него:

– Ты можешь измениться. Ты можешь перестать играть на деньги.

Голова Джио так резко повернулась к Ники, что оба услышали хруст шейных позвонков.

– Я не могу перестать. Это во мне заложено.

– Надо бороться.

– Я и борюсь. Иногда. Пытаюсь. Держу страсть в узде какое-то время, а потом прорывает и все начинается заново – еще хуже. Лучше уж, наверное, поигрывать пару раз в неделю, спустить несколько зеленых и выпустить пар. Это облегчает потребность. А если я завязываю, то ни о чем больше думать не могу. А потом сдаюсь, и тогда словно плотину прорывает – я возвращаюсь за стол, и там меня засасывает, пока я не начинаю тонуть.

– Ужасно.

– Еще бы. Я узник собственной жажды выиграть любой ценой. Я сам себе противен. Но это меня заводит, в том-то и штука, братишка.

Джио швырнул окурок в окно, откинулся на сиденье, надвинул козырек «вестерн-юнионской» фуражки на нос и тут же уснул, будто по щелчку гипнотизера.

Ники восхищался способностью Джио спокойно спать, будучи в долгу как в шелку, причем у самых гнусных типов из клуба Казеллы, и одновременно жалел его. Джио измотался, его нервные ресурсы были на исходе, банковский счет опустел. Они с Мэйбл ругались только за закрытой дверью, но двери в доме 810 по Монтроуз-стрит были такими тонкими, что вся семья знала, когда у Джио случалась плохая неделя, а когда – удачная. Как же это невыносимо, думал Ники, красться домой без гроша, спустив за одним из столов Казеллы недельное жалованье, вместо того чтобы победителем с полными карманами денег мчаться в объятия возлюбленной жены. Ничего удивительного, что Джио не хочет, чтобы Ники женился, ему самому это не принесло счастья. Во всяком случае, не в дни проигрыша.

Ники покрутил ручку радио, как медвежатник крутит рычажок сейфа, но не нашел ничего интересного, так что опустил окошко, чтобы свежий ветерок обдувал его на ходу. Ничто не могло нарушить сон его кузена, даже крутые виражи, которые Ники пришлось преодолевать в предгорьях Поконо.

Таблички со стрелками, указывающими на группу деревушек в

складках у подножия гор Поконо, включая Ист-Бангор, Бангор и Розето, были прикреплены к одному столбику на выезде из Страудсберга. Ники свернул на горную дорогу, ведущую в конечный пункт его поездки.

На Розето он наткнулся внезапно, и улица, напоминая раздвоенную куриную косточку, привела его прямо на Гарибальди-авеню – главную деревенскую магистраль. Оранжевое солнце пронизывало розовые облака, его золотые и фиолетовые лучи освещали городишко, украшенный для встречи важного гостя. На каждом крыльце висели корзины с цветами, флаги реяли на ветру – итальянский штандарт рядом с американским. Переплетения зеленого, красного и белого шелка пересекали улицу насколько хватало взгляда. Повсюду висели от руки нарисованные плакаты:

CHE BELLO AMBASCIATORE!
VIVA ITALIA!
ROSETO VALFORTORE ETERNA!^[24]

Ники медленно ехал вверх по улице и остановился на вершине горы возле церкви Пресвятой Богородицы Кармельской, несомненной архитектурной жемчужины города – с колокольней, затейливыми окнами-розетками и стенами из величественного серого гранита, разделенного инкрустациями из завитков рубинового, изумрудного и темно-синего витражного стекла. Церковная площадь тоже была празднично украшена, ступени обрамлялись фигурно подстриженными кустами и корзинами цветов, перила оплетали разноцветные ленты.

Когда Ники парковался у входа, шины ткнулись в бордюр, и толчок разбудил Джио.

– Уже приехали? – встрепнулся Джио.

– Не совсем.

Джио выглянул в окно, прищурился на громадину церкви, на величественный гранитный фасад.

– Я умер?

– Нет, это просто церковь. Я войду внутрь и помолюсь.

– Зачем?

– Ты серьезно, Джио? Одному из нас отчаянно необходимо небесное вмешательство.

– Жаль! Не знал я, что у тебя тяжелые времена.

Джио снова прикрыл фуражкой глаза и уснул.

Ники стоял в притворе храма. В воздухе витал запах воска и ладана, напомнивший Ники его церковь и ту благодать, которую он чувствовал там.

Внутри храм Пресвятой Богородицы Кармельской являл собой типичный образец барочной архитектуры из золотистого мрамора с акцентами красного бархата. Бледные колонны цвета слоновой кости выстроились вдоль центрального прохода. Скамьи тоже были увешаны лентами, алтарь украшен алыми розами, белыми гвоздиками и зелеными ветвями папоротника. Статуи святых у стен боковых рядов парили над скамьями, как судьи над бейсбольным полем.

Ники преклонил колено у последнего ряда, осенил себя крестным знаменем и сел на скамью, прямо на стопку памятных буклетов к городскому юбилею. Он открыл один из них и принялся читать историю возникновения Розето. И увлекся, словно история города была волшебной сказкой. Сколько всего случилось в этом городишке! Кого только не было на фото – и работницы швейной фабрики, и приходские священники с его преосвященством из близлежащего Нескуэхонинга, и сестры из монастыря Святого Иосифа, и рабочие местных сланцевых карьеров. Ники убрал буклет в нагрудный карман форменной куртки, прежде чем преклонить колено на прощанье. На обратном пути он прихватил у дверей проспект с программой юбилейных мероприятий, подумывая о том, как здорово будет закатиться на ярмарку в Розето вместе с Пичи. Она обожает такие свидания.

Когда Ники вернулся в машину, хлопнувшая дверь не разбудила кузена, и Ники пришлось его растолкать.

- Пора вручать телеграмму.
- Ага. – Джио мгновенно проснулся.
- Ты по ночам никогда толком не отдыхаешь, да?
- Сплю урывками в лучшем случае.
- Потому что возвращаешься поздно.
- У меня столько всего в голове.
- Еще бы, такое напряжение – обдумывать, где бы еще спрятаться.
- Как ты прав, кузен.

Ники повернул на Трумэн-стрит, опрятный квартал двухэтажных домиков, обшитых деревом и выкрашенных в пастельные тона, вперемежку с кирпичными постройками на две семьи, украшенными разноцветными навесами в полоску. Остановившись возле одноквартирного дома 125, он протянул Джио телеграмму. Идя нога за ногу по дорожке к дому, Джио поправил форменную фуражку телеграфной службы «Вестерн Юнион», а потом постучал в дверь. Красно-бежевый полосатый навес на фоне кирпичной стены выглядел пронзительно-ярким и чистым. Ники сделал себе в уме заметку купить тенты для дома, который

они с Пичи приобретут на Уортон-стрит, очень уж они украшают фасад.

– Порядок, – сказал Джио, садясь в машину.

Взбираясь по Гарибальди-авеню к дороге из города, Ники заметил поле, огороженное для ярмарки. Там стояли пустые палатки и прилавки с рекламой распродажи *torrone*^[25], сэндвичей с колбасками и перцем и *zeppoli*^[26] в кулечках. Треугольные вымпелы цветов итальянского флага хлопали на ветру. Вдалеке нехотя поворачивалось безлюдное чертово колесо, солнце проглядывало сквозь его ярко-синие спицы.

– Славный городок, – сказал Джио. – Празднуют что-то.

Ники притормозил у знака остановки, не желая упустить возможность поучить кузена еще чему-то, лежащему вне его компетентности в картежном мире.

– У них юбилей, Джио!

– А как ты догадался?

Ники ткнул в большой гостеприимный плакат «Добро пожаловать на юбилей Розето».

– Гляди-ка, а парень-то – вылитый ты.

– Какой парень?

– Вон с того плаката. У него твоя *faccia*^[27]. Скажи?

Ники присмотрелся к растянутому через улицу плакату, приветствующему посла Карло Гуардинфанте. Нарисованный посол, обрамленный лавровым венком, словно картинка в медальоне, производил впечатление. Джио был прав, лицо у посла весьма узнаваемо: и овал, и лоб, и скулы, и форма губ – вылитый Кастоне.

– И волосы как у тебя. Америкашка.

– Ну точно, правда же? – У Ники не было ни братьев, ни сестер, и он пришел в восторг от того, что кто-то еще на него похож.

– У каждого имеется двойник. И мы нашли твоего. Ведь нашли же?

– Кажется, нашли. И смотри, какой на моем мундир – потрясающий. Здорово, что кто-то так на меня похож, просто копия. Да еще и такой важный человек.

– Жаль, у меня нет двойника, – сказал Джио с грустью.

– Чтобы отдувался за тебя, пока ты в бегах?

– Ну, это одна из причин. А еще мне бы хотелось иметь двойника, чтобы дела улаживать, обсуждать и все такое. Побеседуешь – глядишь, и поймешь, действительно ли то, что ты думаешь, именно то, что ты должен думать.

– У тебя уже есть один ангел-хранитель.

– Ты так считаешь?

– А кто же тебя все время вытаскивает из передряг, как ты думаешь?

– Матушка-удача, – пожал плечами Джио.

Ники медленно поехал по Гарибальди-авеню, разглядывая по пути причудливые домики. В это позднее утро улица была пуста: мужчины трудились в каменоломнях, а женщины – на блузочных фабриках.

– Чудесный городишко, – похвалил Джио. – Я бы тут жить не смог.

– Мало развлечений?

– Да не то слово.

– Уверен, у них тут есть покер. В карты везде играют, знаешь ли.

– Ага, но вот делают ли здесь собственный сыр? Я бы не смог жить там, где нет своей сыроварни.

Восьмиклассницы школы Святой Марии Магдалины де Пацци выстроились в колонну по десять во главе Майской процессии по Брод-стрит. На каждой девочке короткое, пышное, как у балерины, платье из розового шитья, белые перчатки, молитвенник в руках, на головах венки из розовых шиповниковых розочек с вплетенными в них атласными лентами. Ленты струились по плечам и развевались по ветру на ходу.

Отец Перло шел следом за школьницами, точнее, сновал от одного тротуара к другому, без устали макая кропило в чашу со святой водой и благословляя толпу по пути шествия.

В этом году королевой Майского праздника монахини выбрали субтильную тринадцатилетку Кэрол Скьявоне. Приобняв одной рукой статую Девы Марии, она горделиво стояла под аркой из красных бумажных роз на платформе грузовика без бортиков, который ее одноклассники украсили по случаю праздника. Под ноги был послан обюссонский ковер насыщенных рубиново-красных, коралловых и зеленых оттенков, взятый взаймы из монастырского вестибюля.

На Кэрол Скьявоне было строгое белое платье – облегающий лиф с длинными рукавами и юбочка из нескольких слоев белого тюля, похожая на солидную порцию взбитых сливок. Поверх ее темно-каштановых волнистых волос прикололи венчик из белых роз, оплетенных тонкой золотой проволокой, – точь-в-точь как тот, что украшал статую Девы Марии. Божья Матерь сияла свежеевыкрашенным голубым гипсовым одеянием на фоне рыжеватого неба, испещренного пестрыми пучками облаков.

Примернейшие ученики восьмого класса в отутюженных черных брючках, белых рубашках и голубых галстуках гуськом шествовали по обе

стороны медленно движущейся платформы, а следом колонной шли все остальные. Мальчики несли четки – кто зажав в кулаке, кто пропустив между пальцами.

Винни Матера – классный сорвиголова с явной склонностью к шутовству и плутовству – так сильно размахивал своими четками, что распятие чуть не чиркало по земле, пока сестра Робби Пентекост не подбежала к нему сзади и не щелкнула пальцами у него над ухом. Винни быстренько подхватил четки, крепко зажал в ладони и присоединился к одноклассникам, читающим «Скорбные тайны».

Брод-стрит была запружена зеваками, вышедшими поглазеть на процессию в обеденный перерыв. Для истинно верующих день был праздничный, выходной. Священник благословит их, они попросят Матерь Божью порадеть об их нуждах там, на небесах, или помолятся за своих матерей в благодарность за все их жертвы, приносимые ради семейств. Для всех прочих этот день был официальным началом лета, а лето означало ночные игрища в Шайб-парке, где веселился весь Филли, и дни напролет в парке аттракционов Уиллоу-Гроув ради острых ощущений вроде «Пленной летающей машины» сэра Хайрема Максима и целую неделю отдыха во время ежегодных каникул по случаю празднования Четвертого июля.

Святая вода сверкала в воздухе, как россыпь бриллиантов, при каждом благословляющем взмахе кропила. Старшее поколение принимало благословение, встав на колени, а молодежь просто склоняла головы. Калла Борелли натянула шарф на голову, чтобы прикрыть волосы, и святая вода оросила ее лицо, словно слепой дождик. Она осенила себя крестом, шепча в унисон с гулом толпы: *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, Amen*^[28].

Дом Палаццини встречал процессию на углу Брод и Монтроуз. Когда платформа свернула на перекрестке, Дом опустился на одно колено, и боль пронзила его ногу. Он поморщился, но не проронил ни звука, зато перекрестился, пока вставал. Дом чувствовал себя стариком, все ныло и болело, хотя он вот только недавно ходил к доктору Шренкеру, и тот сказал, что Дом не в самой ужасной форме, но велел ему меньше курить, меньше есть и больше ходить пешком. Однако, дожив до шестидесяти, Дом не собирался начинать слушаться докторов. Посему он вытащил из кармана короткую толстую сигару «Типарилло», снял обертку и прикурил от шикарной серебряной зажигалки с монограммой, которую дети преподнесли ему на прошлый день рождения.

А в следующем квартале по ходу процессии Майк Палаццини обнажил голову и преклонил колени на противоположной стороне Брод-стрит и

ощутил холодные капли святой воды на лице, когда священник окропил толпу. Майк перекрестился, легко поднялся с колен, отряхнул элегантные брюки из тонкой шерсти и снова надел шляпу от Борсалино. Слегка сдвинув шляпу набок, он пошел по улице навстречу редющей толпе, приветственно кивая знакомым и сверкая белозубой улыбкой, которая так шла к его густым волосам. Ему исполнилось пятьдесят девять, но он не выглядел на свои лета и не чувствовал их. Майк шел прогулочным шагом, раздумывая о том, достаточно ли пармезана и *скаморцы* заказала Нэнси в сырной лавке Поли и Глории Мартинес, когда его брат Дом врезался в него и едва не сбил с ног. Сначала Майк не узнал брата. Первым инстинктивным побуждением Майка было извиниться и протянуть руку, но красное лицо Дома напоминало карикатурное изображение быка, галопом скачущего на матадора. Майку даже показалось, что он слышит фыркание. Не хватало лишь кольца в носу.

– Тпру, – тихо сказал Майк. – Прошу прощения.

– Мхм, – промычал Дом, обходя брата.

– Что, так ничего и не скажешь? Ни привет, ни здравствуйте? – саркастически произнес Майк вслед уходящему Дому.

Майк заметил, что Дом прихрамывает. Слишком много ромовых баб, подумал Майк. Братец злоупотребляет сладостями, вот и отяжелел.

Лет десять, а может, и все двенадцать прошло с тех пор, как Майк видел Дома в последний раз. Майк уже и не помнил точно. Казалось, Дом одет в тот же самый костюм, что был на нем, когда братья окончательно рассорились. И туфли вроде те же. И дело даже не в том, что одежда на ДOME старая, – Дом передвигался по-стариковски. Тут, разумеется, и выпирающее брюшко сыграло свою роль, но Дом стал ниже ростом из-за больных коленей – узловатых и искривленных так, что ноги у него уподобились двум полумесяцам, которым никогда не сойтись и не стать полной луной. Но самое заметное – лицо Дома, изрытое злыми бороздами и глубокими морщинами, оставленными гримасой хронического негодования. Дом обожал гневаться, словно злоба помогала ему держаться, и время ничему его не научило. По прошествии всех этих лет Дом так и не усвоил, как надо жить, не уяснил, что тратить деньги надо с удовольствием, что это гораздо приятнее, чем добывать их. Майк недоуменно покачал головой и вошел в сырную лавку.

Дом нашарил носовой платок в кармане и вытер лоб. Дому захотелось еще раз взглянуть на своего отвергнутого родственника, он обернулся, чтобы посмотреть, куда тот ушел. «Сырная лавка Мартинес». Ну да, конечно, Майк именно здесь покупает сыр. Только лучшие, вызревшие в

столетних бочках сыры, доставленные из самой Италии. А Майкова одежда? Только самое дорогое – шляпа, костюм, ботинки – все для щеголя-братишки. И откуда у него загар в начале мая? Не сидит же он у себя перед домом на Фицуотер, обставившись экранами из фольги в полдень? Наверное, на Бермудах побывал. Конечно, Майк выглядел франтом, ведь его идея тяжелого труда состояла в том, чтобы точить ляды с клиентами и побольше отдыхать. Дом припомнил спор, из-за которого они разорвали отношения, и свежая струя негодования потекла по его жилам.

Майк был прав лишь в одном: Дом обожал злиться. И Дом был прав лишь в одном: Майк выглядел прекрасно.

А за перекрестком, на стоянке возле школы, четверо членов братства Святой Марии Магдалины де Пацци – клуба и служебной организации для женщин-прихожанок – осторожно сняли статую Пресвятой Девы с платформы и передали ее школьному сторожу, который на руках, словно невесту, перенес ее через порог.

Эльза стояла у подножия ступенек с коробкой в руках и собирала венки из розовых бутонов, сплетенные ею для девочек в розовых платьицах, возвращающихся в школу на праздничный обед. Поверх будничного платья Эльза надела простое бежевое шерстяное пальто. Бретонская шляпка из синей соломки с бежевой атласной лентой вокруг тульи очень шла к ее рыжевато-каштановым волосам.

– Где торт? – гаркнул Дом, идя по дорожке.

– Внутри, папа. В кафетерии.

Дом вцепился в металлические перила и взобрался по ступеням.

– Колени беспокоят, да? – спросила Эльза.

– Конечно, раз солнце светит, – пробурчал Дом в ответ.

– Найдите Мэйбл, она заняла вам место, – крикнула Эльза свекру, когда тот уже вошел внутрь.

– Спасибо вам за тяжелый труд, миссис Палаццини. – Сестра Тереза, молодая монахиня в накрахмаленном до хруста черно-белом одеянии, положила венец с головы статуи Девы Марии в коробку. – Я позволила Кэрл оставить себе веночек. Надеюсь, вы не против?

– Конечно, не против.

– Вы сделали этот день особенным. Я слышала столько прекрасных отзывов, пока мы шли. Благословенная Мать будет вечно хранить вас.

Сестра Тереза сжала руку Эльзы и вошла в школу. Эльза заглянула в коробку с веночками, которые она так старательно сплела. Немало часов ушло на то, чтобы согнуть свежие веточки и вплести ленты в проволоку. Собрав веночки, она обрызгала их холодной подслащенной водой,

завернула в муслиновое полотно и сложила в холодильник. Сколько боли доставил ей каждый венчик, прежде чем стать произведением искусства. И то, что было так прекрасно, теперь превратилось в мешанину, витки проволоки сцепились между собой в коробке, как обручи в руках у фокусника, ленты завязались в узелки. Глаза Эльзы наполнились слезами.

– Какая жалость. Один парад, один-единственный денек – и все, – сказала Мэйбл, стоя на верхней ступеньке крыльца. – Просто до слез. Вот возьму и расплачусь. Как же так, столько твоего труда. Все эти колючки. Все эти венцы.

Беременная жена Джио была в просторном черном пальто с белым воротником. Ее синие глаза казались лавандовыми, споря с цветом неба.

– Эй, Эльза, папаша внутри, жует торт и пьет с настоятелем кофе. И у меня есть экстренное сообщение. Небеса над Саут-Филли не рухнули нам на головы!

Эльза улыбнулась. Мэйбл всегда удавалось ее взбодрить. Мэйбл спустилась к Эльзе и взяла у нее из рук коробку с венчиками.

– Зайди-ка внутрь и послушай, как тебя там хвалят. Все трубят, что твои веночки стали венцом Майского праздника. Все мамы так прямо и сказали.

– Правда?

– Все до единой! Даже эти привереды неаполитанки. Только никому не говори, что я их так назвала.

– Не скажу.

– Нам с тобой надо держаться друг дружки. Мы же чужачки. Ирландка да полька в сплошном соусе *маринара*. Ну ты знаешь, о чем я, – подмигнула Мэйбл Эльзе.

– Конечно, знаю.

– Ладно, пошли внутрь. Я хочу, чтобы моя невестка получила свои заслуженные похвалы. Пусть поговорят. И монашки в том числе. – Мэйбл повернулась, чтобы подняться по лестнице. Эльза стояла неподвижно, глядя вдаль. – Что с тобой? – спросила Мэйбл.

– Все так быстро кончается. И это грустно.

– Вся грусть улетучится, как только в парадах начнут участвовать наши дети. Твой Доминик будет шагать в год своей конфирмации, и кто знает – вдруг у меня родится девочка, и однажды она станет Майской королевой, и ты сплетешь ей венец? Вот будет здорово, правда?

– Это будет прекрасно.

Эльза вошла в школу вслед за Мэйбл. Она думала не о параде, не о розах и не о венцах. В этот святой день поминовения матерей Эльза думала

о своей маме, о том, как сильно по ней скучает, и о том, что никогда этой боли не суждено утихнуть, потому что маму она никогда больше не увидит.

2

Ночной воздух чуть покалывал лицо, когда Ники крутил педали велосипеда по Белла-Виста. Он плотно поужинал макаронами с фасолью, съел горбушку хлеба, запил это все стаканом домашнего вина и поехал на свою вторую работу. Привстав на педалях, Ники свернул на Брод-стрит, и ветер дул ему в лицо, пока он ехал мимо домов, в которых жили друзья его детства, те, с кем водился он, не считая компании своих кузенов. Проезжая мимо, он напевал фамилии, как слова из арии:

*Де Мео, Ла Преа,
Феста, Теста, Фьорделлизи, Джованнини,
Окемо, Кудемо, Коммунале,
Ларантино, Константино,
Имбези, Кончесси, Бельджорно, Морроне! Спатафора!
Куттоне, Карузо, Микуччи, Меуччи,
Джераче, Чьярланте, Стампоне, Кантоне.
Мессина, Кортинна, Матера, Феррара,
Куччинелли, Маринелли, Белланка, Ронка,
Палермо, Дзеппа! Феррагамо!
Руджиеро, Флорио, Д'Иорио... Сабатине, Де Реа, Мартино!*

Ники съехал с тротуара на грязноватую аллею позади Театра Борелли, пропев последнюю строку:

Навечно Борелли!

Он перенес вес на руль, оторвал ноги от педалей и спрыгнул на тротуар, будто велосипед был конем, а он – жокеем. Припарковав велосипед на стоянке у служебного входа, Ники направился, насвистывая, в обход здания к главному театральному подъезду.

Ники не просто входил в фойе Театра Борелли, он входил в свой храм. Вестибюль сиял великолепием *Belle Époque*^[29] – однако то была красота, познавшая тяжкие времена, побывавшая по ту сторону и все-таки выжившая. Сусальное золото на сводчатом потолке облезло от времени, но по-прежнему сияло. Впечатляющие полукруглые лестничные пролеты вели на бельэтаж. При ближайшем рассмотрении было видно, что плюшевая обивка на поручнях вытерлась местами, а ковровая дорожка на ступенях

истончилась, но издалека богатый красный плюш и шерсть смотрелись царственно.

Фреска на стене, изображавшая пейзаж пенсильванских лугов и пасущихся на них лошадей, служила декорацией для лестничной площадки, где собиралась изысканная публика – владельцы билетов в партер. Глянец на картине поблек от времени, обретя мягкую патину нежного мятного оттенка.

Наверху мерцала великолепная люстра муранского стекла с выдутыми вручную рожками из молочно-белого хрусталя, рассыпавшая золотые блики на отполированные черные и белые мраморные плитки пола. При свете дня все недостатки и шероховатости вестибюля были отчетливо видны, но вечером, когда свет люстры приглушался, мягкое сияние придавало всей обстановке, и даже зрителям, восхитительный вид.

Родители Сэма Борелли основали этот театр семьдесят пять лет тому назад. Труппа ставила итальянские оперы, популярные среди выходцев из Неаполя, истосковавшихся по музыке и текстам, напоминавшим о доме. В Театре Борелли все постановки шли на родном языке, создавая иллюзию, что бирюзовое море у берегов Амальфи и белые пляжи Сицилии находятся так же близко от зрителей, как побережье Джерси. Но поскольку эти итальянцы все больше становились американцами, их вкусы менялись, а память тускнела. Вскоре они стали предпочитать бродвейские шоу, пьесы и кинофильмы, в которых рассказывалось о продавщицах, мужчинах в униформе и золотой молодежи – честолюбивой и богатой. Они перестали искать развлечений, напоминавших, откуда они вышли, а покупали билеты на спектакли, инсценирующие то, куда они стремились, – наверх, в высшее американское общество.

Семья Борелли кое-что понимала в шоу-бизнесе, посему не опустила руки, а приспособилась, создала драматическую труппу. Борелли расстались с оперой, оставив ее на попечение Музыкальной академии, расположенной чуть дальше по Брод-стрит, а сами взялись за классические пьесы, зная, что все хоть сколько-нибудь британское будет иметь успех у их честолюбивой трудящейся публики.

Труппа состояла из полупрофессионалов. Актеры и обслуга формально получали жалованье, но частенько местные работали бесплатно в обмен на билетные привилегии. Ники Кастоне нашел в театре сообщество, которое приняло его с распростертыми объятиями. Не было в театре такого дела, за которое бы он не взялся. Будучи суфлером, он подавал реплики актерам, помогал им надевать костюмы в качестве помощника реквизитора, менял декорации во время спектаклей как рабочий сцены – словом, выполнял все,

о чем бы его ни попросили. Полировал медные балясины на лестнице, мыл окна в вестибюле, подметал дорожку. Временами помогал кассирше, когда у нее, по обыкновению, заканчивалась мелочь на сдачу в день спектакля. Опоздавшие знали, что поскольку в театре всегда полно свободных мест, то их пустят независимо от того, заплатили они или нет. Первое правило шоу-бизнеса гласит, что каждый вовлеченный должен быть готов работать бесплатно, но в профессиональной труппе актеру следует платить, а это значит, что второе правило шоу-бизнеса – представление должно делать сборы – стало весьма существенным для выживания. Но вторым правилом в Театре Борелли часто пренебрегали, поэтому театр не вылезал из долгов.

– Ну, как сегодня зал? – спросил Ники, остановившись у окошка кассы.

Роза Де Неро, пухленькая луноликая кассирша, оторвалась от бульварного романа, который с увлечением читала.

– Могло быть и лучше. Партер продан где-то на три четверти. Бельэтаж пустой. Осталось пробить дыру в потолке и брать арендную плату с голубей. – Она заложила страницу в книге пальцем и посмотрела на Ники: – Вот поставили бы мюзикл, глядишь – и билеты продали.

– Мы – шекспировская труппа.

– В том-то и беда ваша. Шекспир для снобов.

– А что вы читаете?

Роза подняла книгу, показав название: «Порочный круиз. Ей надоело быть безгрешной». Грудастая фемина на обложке уж точно безгрешной не выглядела.

– Шекспир очень сладострастный писатель, если вы именно этого ищете.

– Я не понимаю, о чем они там все толкуют на сцене, – сказала Роза, снова устраиваясь на своей табуретке на колесиках.

– Он писал для людей. Таких, как мы. Вы когда-нибудь слышали о том, что раньше зрители в партере стояли прямо на земле?

– Мне это неинтересно.

– Но вы же работаете в театре.

– Неважно.

– Ну что-то же подвигло вас обратиться к этому старейшему виду искусств?

– Двадцать зеленых в неделю подвигли. Вот я и пришла в Театр Борелли. Коплю на стиральную машинку. Уже не вмоготу отжимать вручную.

– Но ведь не только же деньги? Должно быть что-то еще?

Ники пытался флиртовать, но его чары не подействовали на Розу, он

для нее был скорее назойливой мухой.

– Так как же, Роза? Бросьте прикидываться.

– Я бы подумала, если бы вы взялись за что-нибудь, что мне захотелось бы посмотреть. «Тепло для мая»^[30], там, или еще что хорошее. Чтобы страсти так и кипели.

– В «Двенадцатой ночи» страсти просто бушуют.

– Ага. Зрители это и говорят, когда уходят в антракте, – хмыкнула Роза.

– Не стоит злорадствовать на этот счет.

– Ни у кого здесь не хватает духу сказать все как есть.

– Отложите, пожалуйста, билет для Терезы Де Пино.

– Заплатите?

– Запишите на мой счет.

– Кругом одни халявщики.

Ники пропустил ее шпильку мимо ушей и вошел в театр. Ароматы мастики, свежей краски и несвежих духов витали в воздухе, тяжелые, как зеленые бархатные портьеры, полулуниями драпирующие высокую арку просцениума. Пока Ники шел между рядами, софиты по очереди отбрасывали круги света на сцену. Он уже подходил к сцене, по лестнице слева, когда увидел Тони Копполеллу – ведущего актера труппы, прислонившегося к стенке в глубине сцены и повторяющего свою роль.

– Премьеру уже сыграли, а ты еще учишь текст?

– Актеру никогда не одолеть Шекспира. «Если глаза оторвешь от страницы, то пьесы на сцене уже не случится». Так меня Сэм Борелли научил.

Тони пыхнул сигаретой и засунул сценарий под мышку. Родись Тони где угодно, кроме Саут-Филли, он стал бы звездой. Высокий и стройный, черные глаза, волевой подбородок, отличная дикция и гибкое тело – Тони был просто создан для сцены. Но не судьба: отец его умер, когда он был еще мальчиком, и ему пришлось помогать матери растить шестерых младших сестер и братьев. Теперь Тони стукнуло уже сорок, он обзавелся собственной семьей и руководил отделом отгрузки на фабрике газированной воды компании «А-Трит». Ему уже поздно было начинать театральную жизнь помимо Театра Борелли.

Тони сел рядом с Ники за стол с реквизитом.

– Что за костюмчик? Кто-то умер?

– У меня потом свидание.

– Не видать нам твоей девушки как своих ушей, да?

– Сегодня и увидите.

– Да ну?

– Она придет на спектакль.

– Впервые. Она существует на самом деле! – Тони подмигнул Ники. – И сколько вы уже помолвлены?

– Я подарил ей колечко семь лет назад.

– Семь лет. Хорошо вызрели, значит. – Тони медленно затянулся и так же медленно выдохнул. – Я не был таким везунчиком. Стоило мне сделать предложение Шэрон и подарить ей бриллиант, она тут же назначила дату свадьбы через полгода. Заявила, что долгие помолвки не для нее. И как только я на ней женился, то сразу уразумел почему.

– Шэрон – прекрасная девушка.

– Ага, – согласился Тони без всякого энтузиазма. – Тебе сколько лет?

– Двадцать восемь.

Тони лукаво усмехнулся.

– Неудивительно, что ты прошел всю войну. Очень уж ловко уворачиваешься от пуль.

Ники вышел за сцену и проверил суфлерскую кафедру в левой кулисе. Потом открыл сценарий и включил маленькую настольную лампу. И тут же почувствовал, как по спине колко пробежался сверху вниз десяток длинных ноготков.

– Ты такой зажатый, – прошептал женский голос. Ногти снова взобрались наверх и щипали загривок Ники, пока каждый волос у него на голове не встал дыбом, словно шерсть у перепуганного кота.

– Сегодня на спектакль придет моя невеста.

Ники потянулся назад, чтобы убрать руки Джози Чилетти со своей шеи, но те и сами убрались, сбежав к пояснице.

– Я тебе не верю, – прошептала Джози.

– Она будет сидеть в партере.

Джози обняла Ники за талию и со стуком уткнулась лбом ему между лопаток.

– Хочешь, я вас познакомлю? – спросил Ники.

Джози ослабила хватку, обошла кафедру и встала лицом к Ники, расстроенная тем, что он разрушил магию их притворства, испортил игру. Ее тонкое красное атласное платье было туго перетянута в талии, а елизаветинское бюстье так высоко вздымало груди, что шея пошла складками. С последнего ряда галерки Джози казалась красоткой, но вблизи в свои пятьдесят три вызывала в памяти образы Пикассо. У нее были близко посаженные серо-голубые глаза, иссиня-черные волосы и горячечные губы. Рабочая лампочка над кафедрой беспощадно сгущала тени там, где надо бы осветить.

– Я больше не твоя девушка?

– Джози, ты же замужем.

– А, этот.

– Этот, этот. Берт Чилетти, да? Твой супруг.

– Но что, если бы...

Ники и Джози играли в эту игру с первого дня его работы в театре.

– Если бы ты не была замуж-ж-жем... – прожужжал Ники.

– Продолжай, – промурлыкала Джози.

– ...а я не был бы обручен...

– Фу! – Джози не смогла сдержать отвращения, за возгласом последовала драматическая пауза. Недаром она все-таки была опытной и почти профессиональной актрисой регионального театра.

Ники продолжил:

– И если бы ты по годам не годилась мне в ма...

– Долой эту строчку!

– В молодые няньки?

– Так-то лучше.

– Тогда, конечно, ты была бы мне прекрасной парой, и кто знает, куда бы это нас завело.

– О Николас, как же ты прав! – Джози глубоко вдохнула, принудив содержимое своей грудной клетки подняться так высоко, что ее груди почти стукнулись о подбородок, но выдохнула прежде, чем это случилось. – Время – это все. В театре. В жизни. В любви. Ты и я? Мы живем по часам со сломанными стрелками.

Калла в белом вечернем платье и розовых балетках вытащила шкив, чтобы освободить занавес, и тот упал с громким стуком.

– Роза открывает театр! – сообщила она труппе.

– Пойду-ка я лучше одеваться, – промурлыкала Джози, словно обещая, что ее коготки не в последний раз щипали ему затылок. Ее атласные туфли без задников шлепали всю дорогу до гримерки, словно копыта у пони, которому необходимы новые подковы. Ники покачал головой и сложил по порядку страницы сценария. Все-таки ведущая актриса нуждается в громадной моральной поддержке.

– Выглядишь прекрасно, – сказал Ники Калле.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – сказал Ники, а потом пробормотал: – Ледышка.

– Кто? Я?

– Ага. Прямо пронзила меня холодом. Морозом обдала. Как в первый день зимы. Наверное, за то, что из-за меня упала.

Калле пришлось задуматься.

– А, это? Нет, ты не виноват, я отвлеклась.

– И я.

– Почему?

– Неважно. А почему в платье? Что-то намечается? То юбка, теперь платье. Наверное, пожарная команда попросила назад свои комбинезоны?

– Ты сущий паяц. Если тебе так не терпится узнать, я иду на свидание.

– Кому-то повезло.

– Ты так думаешь? – Глаза Каллы сощурились.

– Наконец-то убедится, что у тебя есть ноги. Все парни Саут-Филли ликуют.

Калла закрыла глаза и разгладила складку между бровей.

– Ники, мне нужно с тобой поговорить.

– Кто угодно, кроме меня. У меня есть невеста, и Джози стоит в очереди. Пока я до тебя доберусь, тебе исполнится шестьдесят два.

Калла сплела руки и уставилась в пол.

– Я не могу себе позволить держать тебя в команде. Боюсь, это твой последний вечер.

Ники с трудом сглотнул.

– Ты меня увольняешь?

– Хотелось бы мне, чтобы финансовая ситуация была иной и все было по-другому.

– Я зарабатываю всего семьдесят пять центов за вечер.

– И даже их я не могу себе позволить.

– Дело не в качестве моей работы?

– Ты знаешь пьесу лучше актеров. Ты мне нравишься. Ты делаешь все, что я ни попрошу. Но наши сборы на нуле. От чего-то придется отказаться.

– Ты имеешь в виду «от кого-то».

– Прости. – Калла положила руку на кафедру, словно хотела как-то разрядить обстановку. – Если тебя это как-то утешит, я ненавижу эту часть своей работы. Ненавижу. – Она направилась к лестнице.

– Калла?

– Что?

– А знаешь, я тут подумал – не нравится мне твоя прическа.

– Моему отцу тоже.

Калла пошла вниз по лестнице.

Ники был потрясен, ошеломлен. Его ни разу еще не увольняли, и уж точно его никогда не увольняла девушка в белом платье из хлопкового пике. Благо его единственными нанимателями были родной дядя и Армия

США, и если семья никогда не лишила бы его работы, а свою почетную отставку он заслужил верой и правдой, то холодная и внезапная ликвидация Каллой его должности в театре очень задела Ники. Но, как ни больно было Ники, у него оставалась еще работа, и он должен ее выполнить, как и все остальные люди театра, так что, выкинув плохие новости из головы, он целиком отдался представлению. Он разберется в своих чувствах, как только упадет занавес в финале, а теперь насладится всем оставшимся ему временем в театре, остановит мгновение. Ники не однажды слышал, как Сэм похожими словами наставлял актеров на репетиции, и поскольку его суфлерская работа проходила исключительно за кулисами, это только поможет не отвлекаться от насущной задачи.

Среди прочих восхитительных моментов работы в театре Ники очень любил стоять в кулисе перед началом спектакля и наблюдать, как публика занимает места. Со временем он научился делать некоторые умозаключения насчет зрителей, основываясь на их поведении до того, как поднимется занавес. Порой возникали препирательства и даже потасовки между капельдинером и каким-нибудь зрителем, присвоившим чужое место. Женщины надевали в театр свои лучшие наряды, которые зачастую включали в себя огромные шляпы с широчайшими полями, украшенными гигантскими шелковыми цветами и атласными бантами невероятных размеров. Большая шляпа на зрительнице партера могла испортить целый акт шекспировской пьесы тому, кого угораздило оказаться позади ее обладательницы. Поди попробуй попросить женщину снять драгоценную парижскую шляпу – предмет ее гордости, произведение искусства. Если женщина не снимет шляпу, а капельдинеру не удастся уговорить ее пересесть, она обидится и уйдет, а если останется – зритель позади нее лишится возможности видеть всю сцену и потребует возмещения расходов.

Бывало, группа приятелей, купивших места рядом, завалится гурьбой с билетными корешками в руках и начнет увлеченно играть в игру, напоминающую «музыкальные стулья», пока каждый не отыщет себе место с обзором по вкусу. Длинноногие, клаустрофобы, ипохондрики вечно сражаются за кресла у прохода. Монахиням все равно, где сидеть. Священники норовят усесться в самом центре партера. Политикам подавай первые ряды, а букмекеры, игроки и уличные гуляки предпочитают стоячие места позади. Как режиссер расставляет актеров на сцене, так капельдинер размещает публику в зале.

Одиночки в зале вызывали у Ники особенно пристальный интерес. Обычно это мужчина без пары, поглощенный происходящим на сцене, хохочущий и плачущий от души, чтобы в следующий раз прийти опять и все пережить заново. Больше всего Ники рассчитывал именно на них – на зрителей, ощущавших, что все представление обращено непосредственно к ним.

От вечера к вечеру зрительный зал был все тот же, но на сцене ни одно слово не звучало одинаково. Театр был изменчивым, коварным и неугомонным морем в огромном мире искусства. В зависимости от настроения, контекста, эмоций и подачи одна и та же пьеса в одной и той же постановке могла меняться от вечера к вечеру, трансформироваться, обретать новые цвета, оттенки, смыслы; она могла угаснуть или взорваться, ослепить или выдохнуться, удивить и вызвать восторг, утешить и наскучить – и сценарий тот же, и актеры те же, но никогда не знаешь, чем дело обернется. Вот эта-то изменчивость и подкупила Ники Кастоне. Он обожал замирать у самого края пропасти, заглядывая в нее из кулис. И хотя занавес, подиум, сценарий в папке и маленький яркий квадрат света отделяли его от сценического мандража, он был счастлив находиться достаточно близко к огню, чтобы ощущать его жар.

Реальная жизнь Ники была предсказуема. Когда умерла мать, его жизнь вошла в колею, по которой двигался мир семейства Палаццини. Армейская подготовка не слишком отличалась от муштры на Монтроуз-стрит, и после возвращения жизнь Ники стала размеренной, упорядоченной, рутинной: пришел на работу, отработал, сдал выручку, ушел с работы, а дома – макароны на ужин по вторникам, рыба по пятницам и воскресные семейные обеды после десятичасовой мессы. Зато в Театре Борелли он упивался негаданностью, сменой настроений, проявлением чувств. Ники взбирался на адреналиновые высоты, падал в пропасть разочарования, испытывал мгновения триумфа, и все это не в одиночку, а в компании актеров и работников театра, все это он делил со своей театральной семьей.

Они полагались друг на друга, как полагался он на своих однополчан во время войны. С точки зрения Ники, труд в театре был тяжелее, чем военная служба. Солдатом он тревожился о том, что его могут убить. В театре смерть наступала, если ты был туп и скучен. Работа в Театре Борелли заставила Ники задуматься о природе возникновения чувств и наблюдать за тем, как режиссер учит актера бросать вызов зрителям, вовлекая их в эти открытия посредством сюжета. Это было единственное место в жизни Ники, где подобное вообще возможно.

Пичи Де Пино слонялась по театру с билетом в руке, потом рассматривала потолок и косилась на сцену, стоя у последнего ряда амфитеатра в ожидании капельдинера. Капельдинер взял у нее билет и проводил Пичи на место. Усевшись, Пичи извернулась, выскользнула из легкого нежно-розового маркизетового пальто с гофрированным воротником и осталась в белой блузке и темно-розовой юбке из хлопка. Она поправила нарядную розовую шелковую шляпу с большой камелией из органзы, свисающей над ухом, и пригладила волосы.

Пичи была диким цветком Филли, исхудавшим из-за войны и треволнений. Ее черные волосы ниспадали на плечи тщательно завитыми волнами, а карие глаза были такими огромными, что занимали чуть ли не половину лица. Нос калабрийской длины и римской формы представлял собой комбинацию наиболее выдающихся черт ее отца и матери. Когда она улыбалась, то озарялся целый квартал на Белла-Виста. Из-за этой улыбки Ники когда-то и влюбился в Пичи Де Пино.

Ники наблюдал за тем, как его невеста читает программку. Читала она быстро, раз в месяц совершала набеги на библиотеку и брала последние книжные новинки. Пичи так и говорила о себе: *«Я всегда в струе»*. Но в этот вечер она была совершенно не в струе. Пичи терялась в догадках, зачем это Ники пригласил ее в театр.

Ерзая в кресле партера и строя из себя посвященную, она озиралась в поисках хоть какого-то намека на отгадку: почему Ники оставил в кассе только один билет? В ожидании, пока поднимется занавес, Пичи сняла с запястья часики и бережно завела, крутя колесико между большим и указательным пальцами. Ники глядел, как она сидит там одна-одинешенька, сердце его затрепетало, и будто теплый сахарный сироп для оладий заструился по жилам.

– Эй, мне пора на сцену. – Тони повернулся к Ники спиной и показал рукой на молнию: – Помоги застегнуться, а?

Ники застегнул молнию и оглядел костюм Тони – золотой кафтан

поверх бледно-зеленых лосин, коричневые башмаки.

– Как там зал?

– Партер полон, – сказал Ники, слегка преувеличивая, но Тони был достаточно близорук, чтобы проверить.

– Здорово.

Уже в образе герцога Орсино Тони прошествовал на сцену и занял позицию у декорации замка на острове Иллирия. Нарисованные окна и двери создавали иллюзию объемности, а золотые и коралловые оттенки подразумевали роскошь. Тони приподнялся на носках, попрыгал, опустил на всю стопу, потряс руками. Покрутил головой, разминая шейные позвонки.

Персонажи потянулись из гримерок и заняли места в кулисах в ожидании своего выхода, а за ними – запах сигарет, талька и неразбавленного виски «Джек Дэниелс» из бумажного стаканчика.

Хэмбон Мейсон клялся, что спиртное нужно ему только по вечерам для поддержания духа на сцене, но он явно прибежал к его помощи и днем, сидя в своем бухгалтерском кабинете в течение всего налогового сезона. Лысый шестидесятилетний Мейсон низко наклонился, коснулся пальцами носков туфель, выпрямился, потянулся руками вверх, вдохнул и выдохнул, заполнив всю левую кулису запахом перегара.

Актеры присоединились к Тони на сцене, Калла взялась за шкив занавеса, и Энцо Карини занял свое место с правой стороны сцены. Вот свет в зрительном зале потускнел и занавес поднялся. Энцо поднес к губам трубу. Круг света нашарил его, и тогда он разразился величественным шквалом звуков и возвестил залу:

– «Двенадцатая ночь, или Что угодно»!

Свет на сцене разрастался, пока декорации не засияли. Тони повернулся к сцене, вошел в лужицу пересекающихся голубых лучей и начал свой вступительный монолог. Ники следил за ним по сценарию, помогая себе линейкой, чтобы не потерять нужную строку.

Спектакль в тот вечер продвигался в бодром темпе. Актеры играли превосходно, команда за кулисами трудилась споро, и, казалось, все шло прекрасно и в Иллирии, и в Театре Борелли.

По мере развития действия актеры и актрисы двигались, как шестеренки внутри больших газонокосилок, которые методично выезжали на сцену, а потом безошибочно удалялись в левую или правую кулису. В первом антракте Ники наконец перевел дыхание. Он помог рабочим сцены передвинуть задник, превратив замок в пасторальный холмистый пейзаж. Ники был так поглощен каждой деталью представления, что ему некогда

было даже оценить реакцию Пичи на пьесу, но он дожидаться не мог, когда же услышит ее мнение.

– Ну, как спектакль? – прошептала Калла у него за спиной, когда он занял свое место на подиуме.

– Лучший из всех, что были до сих пор.

Калла кивнула, соглашаясь.

– Выходим на финиш, ребятки, – тихо сказал Ники актерам за кулисами.

Труппа заняла свои места для финальной сцены четвертого акта, после которой все дальнейшее действие оставалось в умелых руках Тони и великой Нормы Фуско Джироламо – примадонны театра, играющей Виолу.

Ники быстро сосчитал участников по головам.

– Где Менекола? – спросил он.

– Кликните там Менеколу, – обратился Тони к реквизитору.

Джози, которая играла камеристку Марию, прошлепала вверх по лестнице.

– Питер Менекола ушел.

– В каком смысле «ушел»? Вышел? – спросил Ники.

– Совсем ушел. Его мать повредила ногу в церкви. Полезла на хоры, повалила всю группу теноров, как домино, и, приземлившись, сломала бедро. Вот, держи, – она протянула Калле костюм Менеколы.

Калла посмотрела на Энцо.

– Я не смогу его заменить. Я уже играю священника в этой сцене вместо Поли Гатто. Ты же помнишь, он отпросился. Ему вырезают желчный пузырь, – сказал Энцо, натягивая через голову черную сутану.

– Выбрось сцену, – предложил Хэмбон.

– Мы не можем ее выбросить, это же свадьба Себастьяна и Оливии.

Ники в отчаянии листал сценарий.

– Ники, сыграй ты, – нашелся Тони.

– Отсюда?

– Нет, со сцены. Давай. Текст ты знаешь. Играй Себастьяна.

– Я не могу.

– Хорошая мысль! – подхватила Калла.

– Я не умею.

– Ты должен.

– Я не актер.

– Все мы здесь актеры, – усмехнулся Тони.

– Ты – единственный, кто у нас есть, – властно сказала Калла.

Следующие несколько секунд пролетели стремительно, потому что

Ники остолбенел. Энцо вручил ему костюм. Казалось, стая птиц налетела на него и расклевала его одежду, но, вместо того чтобы оставить Ники нагишом, птицы переодели его в детали костюма.

– Давай помогу тебе с кафтаном, – промурлыкала Джози, расстегивая пуговицы на его рубашке.

Ники оттолкнул ее руки.

– Не смущайте его, – приказала Калла.

Актеры отвернулись (Джози – с большой неохотой), пока Ники снимал брюки и с помощью Бонни натягивал штаны Себастьяна.

Похожее чувство он уже испытывал, когда впервые надевал военную форму в Форт-Рукере. Если одежда делает человека мужчиной, а мундир превращает мужчину в солдата, то костюм создает актера. Неужели этот крашенный суконный мешок действительно обладает магической силой? Ники прикрепил воротник и одернул подол, надеясь, что кафтан придаст ему храбрости, обратит его в персонаж. Но кроме всего прочего, Ники хотел спасти спектакль. Ему не довелось стать героем, но, как все мужчины, он мечтал об этом. И вот теперь настал тот самый момент, когда судьба и ремесло сошлись, чтобы дать Ники Кастоне возможность показать миру, в чем его призвание, хотя он сопротивлялся всякой мысли о том, чтобы стать актером. В самой глубине души Ники мучительно желал играть на сцене, но подавлял это желание. Во-первых, театр не совпадал с его регламентированной повседневностью, во-вторых, он не верил, что сможет дорасти до уровня таланта Тони Копполеллы. Но сейчас, хочешь не хочешь, Ники придется открыться. Сэм Борелли верил, что публика скажет тебе, создан ты для сцены или нет. Ники был готов проверить, так ли это.

Норма взбежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Ее сияющие каштановые волосы, завитые в толстые локоны, прыгали по плечам.

– У нас проблема! – прошептала она. – Кэти тоже ушла вместе с ним.

– Как, Кэти Менекола тоже нас бросила? – Калла пришла в негодование. – А один член семьи не мог управиться со сломанной ногой?

– Видимо, нет.

Норма сама была полуодета, в одном только корсаже от костюма для пятого акта.

– Давайте ее костюм, – велела Калла.

Костюмерша Бонни, чье настроение обычно было под стать ее милому имени^[31], сбегала по ступенькам с костюмом в руках. Она протянула его Калле, язвительно заметив:

– И кому нужны эти костюмеры?

– Мне, видимо, – проворчала Калла.
– Бонни, тебя тоже уволили? – спросил Ники.
– Конечно.
– Ну кто так управляет творческой организацией! – разозлился Ники.
– Вот и я о том же! – согласилась Бонни.
– Может, дождетесь конца спектакля, а уже потом перемоете мне кости? – спросила Калла. – Отвернитесь, – велела она.
– Сыграешь Оливию? – спросил Тони.
– А у нас есть выбор? – Калла потянулась, чтобы расстегнуть молнию на платье.

Шеи мужчин дружно дернулись в сторону Каллы, предвкушая падение хлопкового пике на пол.

– Не смотреть! – рявкнула она.

Все отвернулись.

Когда Калла переступила через платье и протянула его Бонни, Ники не удержался и подсмотрел. Загорелая кожа мерцала в золотистом приглушенном свете перекрестных лучей специальных боковых светильников, и в этих лучах было явственно видно, как хорошо сложена Калла. И он отметил, что для простой девушки, не склонной прихорашиваться, расфуфыриваться и уж точно не носившей эластичный пояс, без одежды Калла выглядела далеко не заурядно. Длинная шея, точеные плечи и руки, изумительной формы грудь, но Ники не хотелось пропустить все остальное за то короткое время, что было ему отпущено, поэтому взгляд его спустился на узкую талию, изгибы бедер, ягодицы, чуть более выпуклые, чем казалось в одежде, и самое восхитительное – бледно-розовые подвязки, на которых держалась серебристая дымка чулок. Эти подвязки обвивали бедра Каллы, как ленточки обвивают подарок. Цвет чулок был ему знаком – точно такие же чулки жена его брата Лина стирала вручную и развешивала на веревке у него в ванной каждую субботу вечером, чтобы на завтра надеть их в церковь на воскресную мессу.

Бонни выложила кольцом бархатное платье Кэти на полу, и Калла шагнула в этот круг. Как будто рождение Венеры совершалось у них на глазах, пока Бонни медленно поднимала лиф розового бархата с пола, словно створку раковины, и водружала его на эти полные груди, прежде чем руки Каллы скользнут в пышные рукава. Платье оказалось сильно велико Калле, но теперь уже было неважно, как костюм прячет ее, – ведь Ники видел, что под ним.

Калла поймала взгляд Ники и зыркнула на него.

– Да неужели?

Ники быстро отвел взгляд, прямо на фонари прожекторов, и временно ослеп.

Бонни застегивала платье на Калле, когда та уже шла к сцене следом за Энцо-священником. Ники двинулся за ними.

– Ты подглядывал!

– Это вышло случайно, – виновато прошептал Ники.

– Ну да, случайно среди бела дня въехал на машине в кирпичную стену, – съязвила Калла в ответ.

– Ага, вроде того. – Ники был счастлив, что увидел ее почти совсем нагое тело, пусть точит об него когти сколько угодно.

– Может, передумаешь насчет моей работы? – шепнула Бонни, одергивая юбку Каллы.

– Не сейчас, Бонни, – огрызнулась Калла.

Калла выпихнула Ники на сцену, разместив его в нужной точке, а потом проскользнула за декорациями и встала рядом с Энцо.

Ники знал все мизансцены, потому что не пропустил ни одной репетиции. Он знал все тексты всех персонажей – по правде сказать, он мог бы сыграть и Оливию, и Виолу, возникни такая нужда.

И все же, при всех его знаниях, у него не было никакого опыта в роли дублера. Исполнение роли пастуха в рождественском вертепе в церкви Святой Риты, когда он был еще мальчиком, как и выступление на радио в пьеске, где он озвучивал разных животных, будучи подростком, никак не тянули на актерский опыт. Ники предстояло при ярком свете ramпы поставить на кон все свои скудные умения. Он должен был сыграть роль Себастьяна, но тело его бунтовало. Оно было сущим комком нервов в кафтане. Колени вдруг затряслись, да так яростно, что, поглядев вниз, Ники не увидел своих ступней – только складки шерстяной ткани костюма, под которой ноги ходили ходуном. Горло перехватило, губы пересохли, левое веко задергалось в лихорадочной морзянке. Калла вытолкнула его на сцену во мраке, и впервые с тех пор, как он был ребенком, Ники чувствовал себя растерянным, покинутым и испуганным – таковы были его собственные определения сиротства.

Монолог Себастьяна открывал сцену в саду Оливии, так что не было никаких надежд как-то облегчить Ники задачу. И пришлось Ники брать роль за горло и давить, выжимая хоть какой-то смысл из того, чего он до сих пор не понял.

Не зная, за что уцепиться, он нырнул в глубокий колодец своей памяти и подумал о том, что чувствовал однажды ночью во Франции, в городе Туре, во время войны, когда он и двое его сослуживцев-пехотинцев

оказались отрезаны от своих и заблудились в лесной глухомани. Он вспомнил, как глядел в черное ночное небо, отыскивая кусочек белого света – тоненький черепок луны. Тогда он принял это как знак и последовал за ним, веря, что это путь к спасению.

Теперь Ники стоял в иной темноте, на этот раз на сцене, но так же, как той ночью в лесу он доверился почве под ногами, так теперь доверился сцене, собрал воедино всю уверенность, на какую только был способен. Само физическое действие – то, что он возвел глаза к небу, – каким-то образом придало ему сил в ту ночь. Он позволил своему телу держаться и вести его дух. Позвоночник его распрямился, плечи расправились, грудь раздалась, легкие расширились, впустили в себя больше воздуха, наполнив кислородом его кровь и заставив его скачущее сердце биться ровнее.

Свет на сцене медленно разгорался.

Пичи оторвалась от программки и заметила Ники на сцене, но поначалу не поверила своим глазам, потому что очки она забыла в конторе, в ящике стола. Но она где угодно узнала бы форму головы своего жениха и его стройную фигуру. Она сощурилась, обескураженная, но сомнения улетучились! Это был Ники! Она и представить себе не могла, чтобы ее будущий муж встал и обратился даже к небольшой группе друзей, не говоря уже о целом зрительном зале. Он никогда не давал понять, что ему хватит духу на это. И что же он здесь творит теперь?

А Ники стоял в задуманной режиссером позе, прислушиваясь к перезвону башенных часов и шелесту газет, с помощью которого команда за сценой изображала хлопанье птичьих крыльев в саду. Ники посмотрел в зрительный зал. Свет ramпы проливался на сцену и в партер. С того места, где стоял Ники, темный провал сидений с сероватой рябью затененных голов напоминал предгрозовое ночное небо. Некоторые зрители были в очках, и линзы отражали свет ramпы, словно зеркальца, создавая иллюзию одиноких звезд, вспыхивающих во мраке.

– *Вот воздух, вот торжественное солнце*^[32], – начал Ники.

Он повернулся и посмотрел на софиты, прикрепленные к балкону, – скопище черных металлических коробок, лампочек и проводов. Театральное солнце, покрытое гелем цвета розового грейпфрута, появилось в мерцающем круге света, направленного специальным прожектором. Восхитительный круг света озарил Ники, перед тем как рассеяться туманной дымкой.

Какая-то женщина ахнула, пораженная красотой живописной картинке. Этот звук воодушевил Ники, он повернулся в сторону впечатлительной зрительницы и продолжил:

– И вот ее подарок, этот жемчуг,
Здесь, наяву. Хоть я окутан чудом,
Безумия в нем нет. Но где Антонио?

– Тут я, дружище, – раздался шепот Хэмбона из-за сцены.

Ники уверенно возобновил монолог:

– Я у «Слона» его не обнаружил;
Но он там был и, говорят, пошел
Меня разыскивать.

Ники раскинул руки, перевел дыхание и ринулся дальше, ведя монолог прямо к появлению Хэмбона. Он понизил голос и продолжил:

– Его совет

Мне сослужил бы золотую службу.
Хотя моя душа и спорит с чувством
И здесь ошибка в чем-то, а не бред,
Но этот случай, эти волны счастья
Настолько превосходят все примеры,
Что я готов не верить ни глазам
Ни разуму, который что угодно
Докажет мне, но не мое безумье.

Ники замедлил темп речи и шагнул вперед, вовлекая публику:

– Или она безумна? Но тогда
Она бы не могла вести свой дом,
Решать дела, давать распоряженья
Так ровно, рассудительно и твердо,
Как это я видал. Здесь что-то есть
Неверное. Но вот идет она.

Ники обернулся в глубину сцены. Калла-Оливия вышла из-за декорации, ведомая Энцо-священником. В дымке розового света ее кожа мерцала, щеки словно покрыты росой. Одевание из мягкого кораллового бархата окутала серебристая патина. Оливия будто явилась из пены морских волн. Она направилась к Ники, умоляюще протянув к нему руки, и густая прядь волос упала ей на лицо как будто невзначай. Когда Калла подошла, Ники инстинктивным естественным движением отвел

непослушную прядку от ее лица.

Этот интимный жест застал ее врасплох. Она вспыхнула от смущения, а может, от гнева. Ники не знал, да это и не имело значения. Он ничего не мог с собой поделать.

А зал замер, весь зал, кроме Пичи, ерзавшей на своем хрустящем пальто. Она подалась вперед в надежде разглядеть, что это там происходит между ее женихом и этой странной растрепанной принцессой в платье с чужого плеча. Две глубокие, похожие на спички складки залегли меж бровей Пичи, когда она заметила искру, проскочившую между Ники, одетым в громоздкий горчичного цвета кафтан и тесные штаны, и этой женщиной с дурацкой прической. И где это в шекспировской Англии носили такие стрижки? Пичи вдруг как током дернуло – сюрприз, обещанный женихом, оборачивался чем-то совсем иным. Может, таким образом он хочет ей сказать то, что невозможно выразить лично? Неужели Ники намерен расстаться с ней и вот таким изысканным манером дает ей от ворот поворот? Пичи вспотела и принялась обмахиваться программкой.

Когда Калла сделала шаг вперед, Энцо отступил. Калла хорошо помнила мизансцену, но сейчас она оказалась в центре, хотя должна бы произносить монолог куда ближе к авансцене. Мысли путались. Почему Ники смотрит на нее так пристально? Зачем Энцо слегка кивнул, будто ободряя? Она заговорила:

– Не осуди мою поспешность. Хочешь,
Пойдем со мной и со святым отцом
В часовню рядом; там, в священной сени,
Ты, перед ним, дай мне обет великий
Твоей любви, чтобы моя не в меру
Ревнивая, тревожная душа...

При упоминании ревности и тревоги Пичи громко кашлянула. Зритель, сидевший впереди, обернулся и возмущенно вытаращился на нее, а Калла тем временем продолжила, повторив строчку:

– Ревнивая, тревожная душа
Была спокойна. Это будет тайной,
Пока ты сам не остановишь время,
Когда мы совершим обряд венчанья,
Как требует мой сан. Что ты мне скажешь?

Ники смотрел на нее. Он повернулся и сделал несколько шагов, будто отстраняясь от принятия решения, но потом вернулся и встал рядом с

Каллой.

— *Пусть нас ведет ваш добрый человек*, – объявил он, и зрители хором вздохнули в предвкушении счастливой развязки. А Ники, выжимая этот миг досуха, как губку, которую вытаскивал из ведра с чистой водой, когда ополаскивал машины, поглядел на свои руки, почти автоматически, и вдруг осознал, что в руках у него ничего нет. Так Себастьян понял, что ему нечего подарить Оливии. Посему во весь голос, собрав всю эмоциональную мощь, на которую он только был способен, Ники преподнес последнюю строку – величайший подарок, какой только мужчина может сделать женщине, – обещание беззаветной верности:

– Я клятву дам, и дам ее навек.

Твердолобый фанат Шекспира, сидевший впереди Пичи, издал один короткий хлопок, а весь остальной зал одобрительно загудел. Раньше Энцо думал, что сцена гибнет, но теперь по реакции публики понял, что она еще как жива. В глазах у Каллы стояли слезы. Ники не понимал, то ли они от сознания, что спектакль спасен, то ли от наплыва искренних чувств в этой сцене. Как бы то ни было, Калла не могла смотреть ни на Ники, ни на Энцо. Уголком глаза Ники видел, как Джози из-за кулис пытается подсказать Калле следующую реплику. Но на их режиссера напал ступор.

Энцо повернулся к ним лицом, спиной к публике и просуфлировал шепотом начало строчки, которую должна была произнести Калла:

– *Тогда идем...*

Лицо Каллы обрело осмысленное выражение. Она взяла Ники за руку и сказала, обращаясь к Энцо:

– Тогда идем, отец; пусть ярким светом
Сияет небо над моим обетом.

Рука в руке Калла и Ники удалились в левую кулису, где Калла перестала сжимать Ники ладонь и бросилась к столу с реквизитом.

– Отличная работа, Ник! – похвалил его Тони и поспешил занять свое место во время затемнения между сценами.

Тело Ники горело с головы до пят, и не колючая дешевая шерсть кафтана была тому виной. Он был упоен, буквально наэлектризован изнутри. Ники вполне владел всеми членами, но впервые в жизни чувствовал, что его дух воспарил над физическим телом.

Чтобы вернуться в реальность, Ники вцепился в кафедру, опасаясь, что если не схватиться за что-нибудь, то так и улететь недолго. Пьеса на сцене шла своим чередом, но Ники оставался к ней безучастен. Норма толкнула

его по пути на сцену следом за Джози, которая что-то пробормотала ему, но он их не слышал, пребывая в расхристанных чувствах. Он будто под водой сидел, а они обращались к нему с ее поверхности. Единственное, что слышал Ники, – ток собственной крови, все его нервные окончания пульсировали.

Калла что-то сказала ему, и он кивнул, согласный на все. Она пробежала за холщовым задником к месту своего выхода в пятом акте. В кулисах при звуках финальных фанфар усилилась предпоклонная суматоха – кто хватал реквизит, кто натягивал парик, кто щелкал поясом, кто тушил сигарету, и все спешили на свои места. Вращающаяся декорация на сцене была повернута и установлена в нужной позиции перед финальной сценой, но, наблюдая все последующее действие, Ники пребывал где-то совершенно в другом времени и месте, в епархии доброго священника, рядом со своей настоящей любовью, как Себастьян в «Двенадцатой ночи», познав состояние полного блаженства.

Ники плеснул себе в лицо воды над раковиной в мужской гримерке.

– Сцена у вас получилась что надо, – похвалил Хэмбон, вывешивая костюм на стойку на колесиках.

– Спасибо.

Ники затянул галстук, пригладил волосы и проверил в зеркале чистоту зубов.

– Не наложил в штаны от страха?

– Сначала – да, было дело.

– Играть – это как впервые целовать девушку. При одной мысли о том, чтобы попытаться, впадаешь в панику, но стоит начать – и останавливаться уже не хочешь.

– Очень мудро.

Ники надел пиджак. Ему долго придется объяснять Пичи, какие чувства он испытывал. Он ощущал полное удовлетворение. Наконец-то он обрел ту спокойную уверенность, которая рождается после того, как принимаешь вызов и идешь на риск.

Пичи ждала его в коридоре за дверью гримерки, прислонившись к стенке, словно поникшая маргаритка, но увидела Ники и воспрянула.

– Вот это да! – Пичи повисла на нем и поцеловала. – Вот это да!

– Пришлось выйти на замену в последнюю минуту.

– До меня только в конце пьесы дошло. Ведь твою роль вначале играл другой парень, а тут ты – да еще в панталонах, которые явно не на тебя шиты, получились какие-то средневековые капри, – тархтела Пичи

быстро-быстро, что могло свидетельствовать о ее волнении, смущении или ужасе в равной степени.

– Найти костюм впопыху совсем не было времени.

– Да ничего были штанцы. Никто и не заметил. Как мило, что ты решил сделать мне такой сюрприз на наше семилетие. Другим девушкам дарят букет или коробку конфет, но что это за подарок от жениха? Одни завянут, другие съедятся – и ничего не останется. Зато я! Я получила нечто вечное. Я получила воспоминание. Свадебную сцену в настоящей пьесе Уильяма Шекспира в исполнении моего будущего мужа. Кому еще дарили такое?

Ники открыл было рот, чтобы объяснить суть своей роли, но в этот момент из женской гримерки появилась Калла, натягивая короткие белые перчатки в тон платью.

– Вы та самая актриса! – Пичи повернулась к Ники, ткнула в него пальцем, потом указала на Каллу, потом снова на Ники. – Из твоей сцены же!

Ники шагнул вперед:

– Калла, позволь тебе представить мою невесту Пичи Де Пино.

– У нас случилось небольшое затруднение, и нам с Ники пришлось его ликвидировать. Но вообще-то я режиссер-постановщик этой пьесы, – тепло улыбнулась ей Калла.

Пичи и Ники испытывали неловкость рядом с Каллой, но у каждого была своя причина для смущения.

– Калла присматривает за своим отцом, – брякнул Ники, – Сэмом Борелли. Это его театр. Был. Когда он им руководил.

– Как мило... – Мысли Пичи витали где-то в другом месте. Она вдруг начала прикидывать возможный сценарий с участием Каллы (что за имечко такое странное) и Ники, но за пределами огней рампы. В том просторном платье было не разглядеть, но теперь стало видно, что фигура у нее хорошая. И нос не слишком длинный, и бархатные карие глаза. И не близорукие. Если бы Пичи встретила Каллу, бродящую по рядам «Уонамейкера», то сказала бы, что Калла Борелли – красotka. У Пичи даже в животе забурчало от зависти.

– Калла! – По коридору к ним приближался Фрэнк Арриго, почти задевая стены широченными плечами.

Фрэнк был могучий итальянец боксерской внешности – так часто выглядят трудяги родом с самого каблука итальянского сапога. В прошлом Фрэнку не раз ломали его маленький нос, но он обладал обезоруживающей улыбкой и общительностью, да и рост не подкачал. А это плюсы для человека любой национальности.

– Это был с твоей стороны полный нокаут! – пророкотал Фрэнк, целуя Каллу в щеку. – Видимо, каждый режиссер должен уметь играть.

– Только в крайнем случае. И сегодня был именно такой крайний случай. Правда, Ники?

– Настоящий театральный форс-мажор, – согласился Ники. – Но представление должно продолжаться.

– Независимо от того, впору штаны или нет, – пошутила Пичи.

Но никто не засмеялся. Пичи тихо присвистнула.

– Я подумал, что это у вас такой вариант елизаветинских панталон, – дипломатично сгладил неловкость Фрэнк.

– Нет, вообще-то они должны были доходить до щиколоток.

– Ну не доходили, так и что же? Ты так потрясно играл, что никто и не глянул ниже кафтана, – захлопала в ладоши Пичи.

На радостях, что они с Ники почти освободились от этой напыщенной светской беседы, от этой нелепой ситуации, в которую ее втянули без предупреждения и объяснений, она открыла сумочку, вынула носовой платочек и легонько промокнула вспотевшее лицо.

– Фрэнк, а чем вы занимаетесь?

– Я подрядчик.

– Но собирается стать мэром Филли, – прибавила Калла.

– Ну, это еще когда. Сколько лет пройдет. Как только изучу каждую трубу, каждый стык и все разветвления в городе.

– Вы уже закончили прокладку труб в Белла-Висте? У нас на Монтроуз проблемы, и нужно ваше вмешательство, – пожаловался Ники. – Они месяцами рыли эти траншеи, и теперь у нас засор в трубах в цокольном этаже. Я-то знаю, там как раз моя комната. Может, придете и наладите?

– Он не водопроводчик, – засмеялась Калла. – Но у него наверняка есть трос для прочистки. Есть у тебя трос, Фрэнк?

– Конечно.

Ники посмотрел на Каллу:

– Видишь? У него есть трос.

– Видим-видим. У него есть трос.

Пичи ущипнула Ники, чтобы отвлечь от водопроводной темы. Ники был начисто лишен интуитивного ощущения разницы между важными людьми и людьми обыкновенными и не различал, что уместно говорить в присутствии первых, а что – в обществе вторых. Фрэнк Арриго явно был на пути к тому, чтобы стать человеком важным, но Ники догадался бы об этом последним. Это была одна из многих мелочей, раздражавших Пичи в женихе, но она не сомневалась, что уж после свадьбы сумеет восполнить

нехватку у Ники социальных инстинктов. Ники окинул Фрэнка оценивающим взглядом. Будь у Каллы старший брат, он смотрел бы именно так. Вроде бы нормальный парень. Впрочем, чувства, которые испытывала Калла к Фрэнку, прочесть у нее на лице было невозможно, так что Ники терялся в догадках: может, ей известно нечто такое, чего он не знает?

Фрэнк Арриго сидел на рабочем столе в костюмерной театра, где Калла готовила костюмы для завтрашнего представления, и крутил ручку оказавшегося там радиоприемника, пока не нашел чистую от помех волну с записью Перри Комо^[33]. Костюмерная, большая комната в подвале театра, служила музеем прошедших спектаклей, одновременно являясь цехом, где трудились костюмер и его команда. Огромный стол в центре комнаты окружали металлические табуреты. Там же находился сундук с громадными рулонами незамысловатого бежевого муслина, а рядом такие же рулоны хлопковой ткани в бирюзовых, желтых, оранжевых и синих тонах. Полки были забиты лоскутами в чехлах, ящичками с пуговицами, застежками и нитками, стены украшали фотографии актеров во всевозможных костюмах елизаветинских времен. На гигантской пробковой доске приколоты эскизы костюмов к текущему представлению, рядом с рисунками Бонни повесила список, где перечислила платья, кафтаны, сутаны, юбки и панталоны, использованные в «Двенадцатой ночи».

Большие круглые часы неумолимо тикали над трехстворчатым зеркалом и табуретом перед ним. Часы висели в каждой комнате театра, чтобы стимулировать труппу, напоминая о скором выходе на сцену, – а может, просто потому, что какой-то богатый театрал умер и завещал все эти часы Театру Борелли. Сэм считал, что любое даяние должно служить общему делу.

Фрэнк подхватил тряпичный помидор, нашпигованный булавками, и осмотрел его.

– Ты все тут делаешь сама?

– Иногда приходится. Ты не подумай, мне много помогают. Но времена изменились. У нас была большая труппа, а теперь от нее мало что осталось.

Калла вывернула бархатный кафтан наизнанку, положила его на стол, пригладив, и sprysнула раствором, перед тем как нацепить на вешалку с надписью «Хор», снабдив ярлыком.

– И с костюмами возишься каждый вечер?

– Раз в неделю. Актеры сами заботятся о своих костюмах. Но у нас нет денег на химчистку до самого конца сезона, так что надо выкручиваться.

Калла потрясла бутылку с распылителем на горлышке:

– Водка.

– Обычно, если я на свидании, водка входит в состав коктейля, который я покупаю моей девушке. И она не поливает ею одежду.

Калла рассмеялась:

– Извини, Фрэнк. Добро пожаловать в театр. Этому старому фокусу я научилась от мамы.

Напоследок Калла занялась костюмом Виолы, пышным одеянием из шелковой тафты пурпурного цвета со шлейфом, обшитым золотом. Она бережно положила платье на стол.

– Этот костюм играет в театре, сколько я себя помню. Каждая исполнительница главной роли его носила. Каждая Люциана, и Дездемона, и Офелия. Мы меняли оборки и добавляли другой воротничок или рукав. А зрителям невдомек.

Калла осторожно сбрызнула ткань, чтобы не слишком ее намочить.

– Ты же знаешь, я ничего не понимаю в театре.

– Хочешь поучиться?

– А должен?

Калла засмеялась:

– Хотя бы честно.

– Но меня интересуешь ты.

Калла покраснела:

– Как можно интересоваться мной, не зная, чем я занимаюсь?

– Тебе бы понравилось чистить отстойники?

– Нет.

– И я не ожидаю, что понравится, но... это часть моей работы.

– Весьма справедливо.

– У нас много общего, чтобы интересоваться друг друга.

– Ты так думаешь?

– Я уверен. Смотри, у тебя ровно три веснушки на носике безупречной формы.

Фрэнк соскочил со стола и неожиданно для Каллы прижал ее к себе.

– Мои родители полюбили друг друга на танцах в Сан-Донато в 1917 году, перед тем как папа ушел на Великую войну. Ты танцуешь?

Не успела Калла ответить, как Фрэнк закрутил ее по костюмерной, нечаянно наступив ей на ногу.

– Кто ведет, ты или я?

– Сама виновата, это ты вела.

– Нет, не я!

– Я не мог ошибиться. Я брал уроки танцев, – гордо заявил Фрэнк.

– Требуй деньги назад.

– Они не возвращают.

– Печально для твоего счета в банке и для моих ног. – Калла сделала реверанс и вернулась к костюмам.

– Калла, а сколько тебе лет?

– Двадцать четыре, а тебе?

– Тридцать три.

Калла присвистнула.

– Староват для тебя?

– Нет. В этом возрасте папа стал руководить театром.

– И отсюда же ушел на пенсию?

– Он здесь работал всю жизнь.

– И как он справился?

– Были времена, когда дела шли неважно. Провал спектакля может сильно ударить по семье. Но отцу всегда удавалось что-то придумать и исправить положение. Обычно помогала постановка комедии.

– Люди любят посмеяться.

– Конечно. И раньше они приходили за этим в театр.

– А я только что купил телевизор.

– В самом деле? – заинтересовалась Калла. – И как?

– Надо бы как-нибудь показать тебе. Очень увлекательная штука. Может, потому, что новая. Но там можно посмотреть «Мартина и Льюиса»^[34] и всякие другие развлечения, не ожидая, пока их покажут в клубе или в кино, просто сидишь у себя дома и смотришь. Я думаю, это будущее.

– А я-то надеялась, что это кончится ничем.

– Чтобы твое дело опять начало процветать?

– Чтобы мир не менялся так быстро.

– А что плохого в переменах?

Калла пожала плечами:

– Чем плохо придерживаться ритуалов таких же древних, как сами люди? Есть нечто сакральное в том, что зрители приходят поглядеть на актеров, рассказывающих им истории. Раньше достаточно было просто хорошо рассказывать. Но нынешние зрители желают большего. Знать бы, как заманить публику на спектакли. Я думаю, что если бы они увидели хоть один, то стали бы ходить постоянно.

– Может, театр слишком старомоден, – предположил Фрэнк.

– Может, ничего такого с театром, но люди скорее останутся дома и

будут смотреть телевизор.

Фрэнк перегнулся через стол, приблизив к ней лицо:

– Или, может, люди просто идиоты и не умеют ценить то высокое качество, которое им предлагает театр.

– Я думаю, ты сейчас так говоришь, потому что хочешь меня поцеловать.

– Нет, я просто поцелую тебя, потому что иначе жизнь остановится.

– Тебе точно пора избираться на должность мэра. Умеешь работать с публикой.

Фрэнк обошел стол и встал рядом с Каллой. Он сложил руки, как она, глядя на вешалку с костюмами.

– Я поцелую тебя, если только ты этого хочешь.

Она обернулась к нему, улыбнувшись:

– Возражать не буду.

Фрэнк нежно поцеловал ее.

– Есть хочешь? – спросил он.

– Всегда.

– И я. Но куда оно все девается?

– Пропадает на ступеньках между бельэтажем и подвалом. Если бы мне предложили исполнить одно мое желание...

– Да? – сказал Фрэнк, надеясь, что она подумала о нем.

– Я бы пожелала подъемник. С платформой.

– Хорошо, – кивнул Фрэнк.

– Я видела такой в Оперном театре Филадельфии. Не хочу думать, что я завистлива, но этому лифту я завидую. Мне здесь приходится много мотаться.

Калла вернула бутылку с водкой в секретное место, ящичек в швейной машинке «Зингер». Если оставить ее на виду, то Хэмбон Мейсон вместо spryskivaniya смешает коктейль. Она погасила свет в мастерской и спросила:

– Куда мы пойдем?

– Я думаю, прокатимся.

– У меня машина.

– Тогда оставишь свою дома и возьмем мою. И поедем в «Палумбо» на поздний ужин. Ну как?

Калле нравилось, что Фрэнк умеет принимать решения. Она сама проводила дни и ночи в театре, принимая решения обо всем: от освещения до костюмов, акустики или как избавиться от жевательной резинки, прилипшей к полу в фойе. Хорошо, когда парень умеет планировать, а еще

лучше, что ей уже заранее известно, что он отлично целуется. У Фрэнка Арриго было прекрасное будущее.

Ники и Пичи ехали на велосипеде по Южной Девятой улице. Пичи придерживала шляпку одной рукой, а другой ухватилась за раму, пока Ники лавировал в потоке машин. Когда они добрались до «Стейков Пэт», он мягко притормозил.

Пичи спрыгнула и ждала, пока Ники прислонял велосипед к столу. Он приобнял ее, и они встали в очередь за сэндвичами.

– Я заметил, что ты подружилась с какой-то зрительницей.

– Ага. Милая дама. И тоже работает в «Уонамейкере».

– В бухгалтерии?

– Не-а. В отделе продаж. Она дала мне свою визитку. Никогда не видела ее раньше, но заметь: заведует секцией новобрачных. Это ли не судьба? Я подумала, что нам надо вместе туда сходить.

– Как только захочешь.

– Ну, на самом деле надо сначала назначить день свадьбы, а то бывает, что набегит толпа случайных людей, которые, может, и не собираются жениться, и в результате отдел завален бумажками без всякой выгоды. Мы должны представить настоящий список гостей, чтобы подписаться на сервис от «Роял Альберт» с росписью «английский ситец»...

– Позволь, я догадаюсь: розовый.

– Естественно. Потом столовое серебро, «Уильямсберг» от Тоула, и все остальное, необходимое молодым, вроде ведерка для льда, коктейльного миксера и пивных кружек из хрусталя. Нам надо шесть. Но я ничего не могу предпринять, пока мы не определимся.

– Пич, кажется, я знаю, куда ты клонишь, – поддразнил ее Ники.

– Все завязано на дату свадьбы.

– Понятно.

Ники нагнулся к окошку и заказал два сэндвича со стейком и моцареллой, ей без перца, себе с перцем, и две бутылки газировки на травах.

– Я подумала назначить свадьбу на двадцать девятое октября, – тихо сказала Пичи.

– Меня это устраивает.

– Точно?

– Мне нравится осень.

– Осенью прохладней, и гости могут одеться в бархат. Бархат – моя любимая ткань.

– Как скажешь, Пичи.

– Ты же знаешь мою маму. Единственное, что она требует, это чтобы свадьба состоялась в такое время, когда все носят одежду с длинными рукавами.

– Правда? Это все, что она требует? – пошутил Ники.

– Пусть и она получит удовольствие. Один Бог знает, как долго она ждала этого.

– Я не поленился и съездил в Уортон, поглядел на тамошние новостройки, – признался Ники.

– Правда?

– Я думаю, тебе очень понравится. Домики такие милые. Много места на задних двориках. Ну, для детей и пикников. Крепкие деревянные заборы. Можно покрасить в любой цвет или проморить под сосну или красное дерево, что угодно. Можно даже пустить вьюнок. И для садика хватит места. Как у тебя с садоводством?

– Мои помидоры похожи на помидоры, – заверила его Пичи.

– Хорошо. И готов поспорить, что соседство там из лучших.

– Наверное, молодожены, как мы.

– Наверное.

Пичи обвила Ники руками:

– Я так счастлива.

В окошке появился заказ. Ники рассовал бутылки по карманам и подхватил пакет с сэндвичами. Пичи вскочила на раму, и они покатали через мост к парку Фэйрмаунт, потом свернули и через Сад азалий направились к «Фонтану морских коней».

Институт искусств, величественное белое здание из песчаника, рядами огромных окон обозревавшее сады, подсвечивалось изнутри, делясь огнями с зелеными лужайками.

– Эй, наша скамейка свободна, – обрадовалась Пичи, хватая Ники за руку. – Это знамение: то самое место, где я сказала «да».

Ники поцеловал ее.

– Все к нам расположено.

– Я надеюсь.

– Так и есть, не сомневайся.

– У меня бывают мрачные мысли, все кажется, что-то пойдет не так. Не знаю, откуда они приходят. Просто приходят, и все. Понимаешь?

Пичи оборвала свисавшую нитку на юбке.

– Ну так избавься от них.

– Это не так легко. Я беспокоюсь о нас. А ты такой легкомысленный.

– Ты о чем это? Ты же моя девушка.

– Я знаю. И кольцо это подтверждает. – Она подняла руку и покрутила кольцо, украшенное бриллиантом. – Но вы, мистер, слишком уж дружелюбны с девушками.

– С какими девушками?

– А вот с этой Стеллой Корелли.

– Каллой Борелли.

– Ага, с ней. Между вами какие-то искры проскакивают.

– Какие искры! – Счастье, что Пичи не умела читать мысли, иначе она прочла бы, что Калла Борелли как раз сейчас танцует в лобной доле его мозга в одних трусиках. Ники открыл газировку и протянул одну бутылку невесте, отпил из другой. – Никаких искр нет.

– И не надо. Мой отец однажды изменил маме, и это оставило шрам.

– На тебе или на ней?

– На обеих.

– Я тебе верен, Пичи. Верен тебе.

– У меня нет свидетельств обратного. Но не испытывай меня. Я не для того прошла такой долгий путь, чтобы ты взорвал нас, как динамит в канализационной трубе.

– Никаких взрывов, мне хватило их во Франции. Но я надеюсь, тебя утешает мысль, что твои отец и мать с достоинством решили свою проблему.

– Почти. До суда дело не дошло, но...

Ники расстегнул воротник, чувствуя, что воздух отчего-то не выходит из трахеи.

– До суда?..

– Мама, может, и выглядит скромницей...

Ники еще глотнул газировки. «Скромница» – последнее слово, которое он употребил бы в описании будущей тещи. На самом деле к любым определениям надо было приставить «не» – неделикатна, неподъемна, немилосердна. Сущий молот для забивания свай.

– Но стоит бросить моей мамочке вызов, – продолжала Пичи, – она сражается, как дикий аллигатор. Заляжет на глубине и, когда ты ее меньше всего ожидаешь, откроет пасть и слопает.

– Что это значит? – пискнул Ники.

– Она проведала, где живет папенькина пассия, и навестила ее. Когда та женщина открыла дверь, мама сняла туфлю и стала бить врагиню по голове.

– Господи помилуй...

– Та выжила.

– Спасибо Создателю.

Пичи пожала плечами:

– Зато чуть не осталась без глаза.

– Что?

– Каблук пришелся рядом с глазницей, но только сломал ей нос. Вернее, не совсем сломал, но мамуля хорошо приложила, так что той леди пришлось его вправлять. Даже полиция приезжала.

Ники вскочил:

– Твоя мама привлекалась?

– Голосовать она все еще может. – Пичи достала сэндвичи из пакета. –

Итак, мораль сей истории такова...

– Не открывать дверь, когда твоя мама снимает обувь?

– Ты смешной. Нет. Мораль такая: не стой у нас на пути.

– Да я и не собираюсь.

Ники снова уселся.

– Слушай, а что, если устроить нашу свадьбу в Институте искусств? Кому нужны эти допотопные банкетные залы? Будем не как все. Обожаю этот фонтан, – зашебетала Пичи.

– А знаешь, я видел оригинал в Риме.

– Правда?

– Во время войны. В самом конце. Это работы одного скульптора – Бернини. Но наш фонтан подарил городу Муссолини.

– И мы его оставили?

– Филли получил фонтан еще до войны, в двадцать восьмом. Подарок не виноват, что его преподнес фашист. Кроме того, это дар не от него лично, а от всех итальянцев. Он просто был тогда у власти.

– И мы должны были его принять. Мы ведь оттуда, это наш народ, – сказала Пичи задумчиво. – Жаль, что мы не можем провести медовый месяц в Италии.

– Мы же дом покупаем.

– И это прекрасно. Не могу же я жадничать. Атлантик-Сити тоже хорош для медового месяца.

– Как насчет Ниагарского водопада?

– Замерзнем до смерти, но если хочешь, то замерзнем вместе. Я умираю с голоду, – сказала Пичи, разворачивая свой сэндвич. – Да и ты, наверное, тоже. Весь день за рулем.

– А потом еще смена в театре.

– Так ты получил билет для меня бесплатно за помощь вечером?

– Не совсем.

– Они попросили тебя прийти еще?

Пичи уложила сыр, стекший по краям обратно на булку.

– Пичи, я там работаю уже три года.

– Что значит «работаю»?

– Это моя вторая работа, я служу у Борелли с тех пор, как вернулся с войны.

– Все это время?

– Пару вечеров в неделю. Иногда больше.

– А почему ты мне никогда не говорил об этом?

– Не знаю. Я в основном был суфлером. Не знал, как тебе это сказать. Я подсказываю актерам реплики из будки, когда они их забывают. Мне казалось, что я не смогу объяснить.

– За три года можно объяснить, куда ты ходишь и что там делаешь. Что у тебя есть вторая работа. Это же не хобби. Это обязательства. Даже почти карьера. Как ты получил эту работу?

– Я ее не искал. Однажды вечером, когда я вернулся домой, тетя Джо дала мне билет на спектакль. Церковная община устроила совместный поход в театр, а тете идти не хотелось, так что я пошел в театр вместо нее. Они ставили «Как вам это понравится». Я никогда не видел пьес Шекспира, но эта мне сразу пришлась по душе.

– Представление может сделать такое с человеком! Когда я первый раз увидела ледовое шоу в Атлантик-Сити, то как будто весь мир изменился. Гретхен Мэрил^[35] вживую на коньках! Восьмерки! Прыжки! Каток. Музыка. Костюмы. Все ручной работы. А стеклярус, а горностаевый мех!

Глаза Пичи сверкали, словно блески на воображаемом платье. Ники был уверен, что она поняла его чувства.

– Ага, это важно. То, что называется «зрелище». Но есть еще и слова.

– На ледовом шоу не разговаривают.

– Правильно. Но у Шекспира все в словах. И они разговаривали со мной. Слова казались знакомыми. И сюжет пьесы завладел моим вниманием. Я почувствовал, что знаю ее.

– Может, ты проходил ее в школе.

– Нет, мы читали только «Ромео и Джульетту». В любом случае я там и застрял, и одно повело к другому, я видел, что им нужна помощь, так что старина Борелли предложил мне работу. Я начал кассиром, а потом пробился наверх, в труппу...

– Пробился наверх?

– Ага, в театре есть иерархия.

– Иерархия есть везде, Ники. Так мир в основном и работает. Но чтобы тебя продвинули наверх, ты должен быть в очереди.

– Я понимаю. Тогда я и стал суфлером.

– Хорошо. Ну и ну. Погоди. Ты ходишь к Борелли пару раз в неделю, получаешь повышение и забываешь рассказать об этом невесте?

– Я тебе рассказываю сейчас. Но я думаю, что важно иметь что-то личное, только для себя. Надеюсь, у тебя тоже так.

– У меня – нет. Ты знаешь обо мне все.

– А, ну хорошо.

– Во всяком случае, ничего такого на ум не приходит.

– Ты никогда не спрашивала меня, куда я хожу.

– Я думала, что ты работаешь лишнюю смену в такси.

– Но ты же звонила в гараж, и меня там не было. И часто.

– Я специально не оставляла сообщение.

– И где, по-твоему, я был?

– Я думала, что ты играешь с кузеном Джио.

– Почему ты не спросила меня, если думала, что я играю?

– Не люблю дурных новостей, – сказала Пичи и вонзила зубы в сэндвич.

– Так что ты думаешь о пьесе?

– Мило. Но я все еще не понимаю, как ты в ней оказался.

– Питер Менекола, один из актеров, был вынужден уйти, а денег на дублеров у нас нет. Точнее, есть Энцо, который дублирует все роли, но он уже был занят в той сцене, заменяя Поли.

– А почему тебе пришлось играть любовный эпизод?

– Больше никому было.

– И никто, кроме Каллы, не мог подыграть в роли возлюбленной?

– Никто.

– Она была хороша, – признала Пичи. – Даже плакала. Я думаю, что плакать тяжелее всего.

– Я согласен!

Ники не слишком разбирался в актерской технике – кроме того, что он видел на сцене или замечал на репетициях, которые раньше вел Сэм, а теперь Калла. Но понимал: чтобы заплакать, нужно немалое умение.

– Хочешь начистоту, Ники? Многого в спектакле я не поняла. Вся пьеса показалась мне темной.

– Легко запутаться, – согласился Ники. – Я понимаю, почему ты потерялась. Одни и те же актеры исполняли разные роли по ходу действия, мужчина в следующей сцене становился женщиной, которая одевалась как мужчина, и так все время.

Ники еще попытался было объяснить сюжет «Двенадцатой ночи», но сдался. Однако ему хотелось поговорить с Пичи о своей случайной роли в пьесе. Хотелось признаться ей, как он был испуган, когда его выдернули из роли суфлера, с его места за сценой, и втолкнули в пьесу. Ему хотелось поделиться с ней тем, какой ужас он испытал, когда началась сцена, и как он почувствовал связь со словами и с актерами. Но Пичи не интересовалась театром. Ну и что? Они не во всем соглашались. Ей нравился розовый цвет, ему – нет. Она предпочитала белый соус, он – красный. У него начинали ныть зубы при звуках голоса Джанет Макдональд^[36], а Пичи могла пересматривать любимые фильмы по четыре раза подряд. Они были разными. Мужчины и женщины отличаются – и все дела.

– Но это случилось один раз, так ведь? – осторожно осведомилась Пичи.

– Что Энцо не смог продублировать? Я не знаю.

– Я спрашиваю, ты сыграл один раз – и на этом все?

– Уже можно не беспокоиться. Меня сегодня уволили.

Пичи постаралась скрыть облегчение при известии, что театральная карьера Ники закончена.

– Уволили?

– Калла уволила. И вот доказательство, что между нами нет никаких искр. Не знаю, как долго еще театр продержится. Это борьба. Мы продаем слишком мало билетов.

– Ну, что ни делается, все к лучшему, Ники. Когда мы поженимся, свободного времени у тебя останется не так уж много. Надо будет

обустроить дом, и ухаживать за садом, и путешествовать.

Ники взялся за голову.

– О, Ник, прости меня. Тебе нравилось работать у Борелли? – Пичи погладила Ники по спине и закатила глаза.

– Нравилось.

– Я все понимаю насчет зрелищности и того, чем занимается суфлер, но играть на сцене... – У Пичи перехватило горло. – Ты хотел бы продолжать это хобби?

– Не думаю. Толку от меня...

– Из того, что я видела вечером, и судя по остальной труппе, это не совсем критерий для суждения.

– Тони прекрасный актер. Мне до него как до луны.

– Ну да, сравнить трудно, но откуда это известно? У тебя был только один выход.

– Я знаю.

Ники не хотел признаваться, что, выходя на сцену, он испытал такой подъем, какого не испытывал никогда в жизни. А после реакции Пичи на спектакль, на его вторую работу и на увольнение он сообразил, что теперь не лучшее время делиться с ней своими восторгами.

Пичи пожала плечами:

– Лучше тебе держаться от них подальше. Борелли – это клоповник. И скоро разорится.

– Его просто нужно подновить. – Ники снова отхлебнул газировки.

– Там нужно куда больше. Туда же никто не собирается ходить. Никто не говорит: «Сходим к Борелли субботним вечером», нет, все говорят: «Сходим в кино». Или: «Прошвырнемся к Луису Приме и Келли Смит в Сейлорс-Лейк», «Поедем в Нью-Йорк на Бродвей и закатимся в “Везувио” пропустить стаканчик». Никто не говорит: «Хорошо бы посмотреть “Двенадцать ночей”».

– «Двенадцатую ночь».

– Да какая разница. Это уже труха, изъеденная молью. Как волосы, которые моя бабушка собирала в баночку с крышечкой. А теперь мы делаем начесы. Мы не храним волосы. Много выходит из моды и становится ненужным. Как Театр Борелли.

– Он старомоден, я понимаю.

– Когда мужчина надевает трико, это не *au courant*^[37]. Прошли те времена, когда люди скакали на лошадях и носили доспехи. А в программке было написано: «Карета прибывает в 9 ч. 20 мин. пополудни».

– Это просто дань тем временам, когда театр только открылся. Они

выставляли такое объявление в кассе, чтобы посетители знали, когда представление закончится.

– Хорошо, Ник, как бы ты это ни объяснял, со всеми подробностями, – все равно старье все это. И годится для книг по истории, которых никто не читает, потому что всем скучно. Мы молодые. Мы не можем жить в прошлом, на пыльном чердаке среди сундуков с затхлыми панталонами. Мы живем здесь и сейчас. Когда мы поженимся, то будем все делать ради будущего, ради совместной жизни. Ради наших детей и нашего дома с новейшей кухонной утварью. Мы живем на пороге пятидесятих. Все внове. И время называют новым. Подумай только, даже платья, стиль называют «новый образ». Мы сами и есть пятидесятые! – Пичи взяла Ники за руку. – Ты действительно хочешь себя похоронить в этой дыре? Мы купим машину, мы будем путешествовать. Мы – современные люди! Будем ездить в город и ходить по клубам. Нью-Йорк, вот тебе еще одна новость, – всего-то час и двадцать минут через Джерси и по мосту. Что нам стоит пойти в музей, и приобщиться к культуре, и пообедать у Сола Энтони, и потанцевать в Латинском квартале! Мы же можем осмотреть мир сверху донизу, стоит нам только пожениться. Все спектакли, какие захочешь. Прекрасные. С настоящими актерами, как Эрнест Боргнайн^[38]. А не с теми, кто доставляет газировку в парк на Двенадцатой авеню по случаю пикника Международного профсоюза работниц в День труда. Ты понимаешь, о чем я?

Ники кивнул.

– Так вот я и говорю, замечательно, что тебе есть куда пойти после работы, есть чем заняться, получить удовольствие, помимо меня. Мой отец играет в карты. Моя мать? Она наслаждается собраниями прихожан в церкви. Это их товарищество. И я понимаю, что Борелли – это место общения для тебя, общения с людьми, которые обычно не озабочены работой или церковью. Я хочу сказать, что они наверняка устраивают вечеринки и ты там познакомишься с людьми, заводишь друзей и беседуешь на интересные темы. Но это не настоящая жизнь. Все понарошку – как этот парень, который днем бухгалтер, а вечером в панталонах размахивает мечом.

– Хэмбон?

– Какая разница? Или та дама с грудью, соблазняющая парня, который явно не хочет к ней приближаться.

– Джози?

– Да какая разница. Это все ненастоящее.

– *Не подлинное*, ты хочешь сказать.

– Нет.

– Подлинный драматический театр – театр профессиональный.

– Тогда – да. Это непрофессионально.

– Но это не так. Мы продаем билеты. Нам платят за них.

– Хорошо. Если люди за что-то платят, это еще не означает, что товар доброкачественный. Эти Борелли вцепились в семейный бизнес, никому не нужный, ухватившись за старую мечту, подобно какому-то бедняге недотепа, висящему на ветхой веревке над пропастью. В конце концов веревка порвется и он разобьется на острых утесах, превратившись в котлету. Но если и удержится, то что с того? Изотрет руки в кровь. И все тут. Борелли держится, но долго это не может продолжаться. Да и здание уже почти приговорено.

– Ты что-то слышала?

– Нет, я просто зашла в дамский туалет, и у меня нога провалилась под линолеум, когда я мыла руки.

– Тебе пьеса не понравилась, правда?

– Второй раз я туда не пошла бы, если ты об этом спрашиваешь.

– Никогда?

– Никогда, если у меня есть выбор.

Ники откусил от своего сэндвича и медленно начал жевать. Мягкое мясо, теплый сыр и острый перец были вкусны, но он не мог этим наслаждаться. Он думал, что, возможно, никогда не вернется в Театр Борелли, и что это значит для него, и во что это его превратит. Он мог представить, что никогда больше не сядет за руль такси, но не мог представить жизнь без Театра Борелли.

– Ник, ты ешь слишком долго.

Пичи покончила с едой и вытерла руки бумажной салфеткой. Камелия на шляпке свесилась ей на шею, и она выглядела как маленькая девочка. Огромные глаза, едва заметный подбородок, томление и желание на лице, да еще этот нимб из розовой органзы вокруг головы.

– Я сказала что-то не так? Ма говорит, что я постоянно переживаю. Я пережала, да?

– Нет. Конечно, нет.

– Ну не знаю, иногда я все неправильно говорю. – Ее карие глаза наполнились, как аквариумы. – Да и делаю все неправильно.

– Ну не надо. Не плачь, Пичи.

– Вдруг возникло чувство, будто у меня что-то отобрали.

– Почему?

– Как будто мне запретили рассказывать, что я чувствую. Как будто я

должна все скрывать.

– Я от тебя никогда этого не требовал.

– Отлично. Потому что я не умею. Мы слишком долго вместе, чтобы так обращаться друг с другом.

– Ты права.

– К тому же все кончается для меня мигренью. Мне это надо? И так забот хватает.

Она протянула к нему обе руки, с одной свисала сумка:

– Пошли. Мне на работу завтра спозаранку.

– Может, поймает автобус? По вечерам разрешают брать велики с собой.

– Не-а, нам полезен свежий воздух. – Пичи нежно поцеловала Ники в губы. – Все отлично. Замечательно. Пока мы вместе.

Ники аккуратно запаковал остатки своего сэндвича и протянул сверток Пичи. Она села на раму, и Ники помог ей устроиться поудобней. Она держалась за руль, и он, наклонившись, поцеловал ее в шею, а потом тронулся с места.

Фрэнк Арриго ехал по мосту медленно-медленно, потому что хотел, чтобы вечер с Каллой как можно дольше не кончался. Она была именно той, кого он искал, – дерзкой итальянской девчонкой из Саут-Филли. Младше его, но далеко не глупа. Глупых он не переносил. И хорошенькая к тому же, но не из тех, к кому бы он не посмел подступить. Она вроде бы не сильно обращала внимание на прическу, просто позволяла волосам развеиваться. Ему нравилось, что она согласилась оставить верх машины поднятым. Что она все подобрала с тарелки и что отведала вина. И что не заказала коктейлей с бумажными зонтиками. Он готов был побиться об заклад, что в жаркую погоду она пьет пиво. Калла скользнула поближе к нему на переднем сиденье и взяла его за руку.

Фрэнк и Калла миновали Ники и Пичи на пешеходной дорожке моста, два силуэта в темноте.

– Бедняжки на велосипеде, – прокомментировал Фрэнк.

– Что в этом плохого? – Калла смотрела, как парочка свернула с моста на дорогу вдоль реки.

– Не знаю. У них нет машины.

Фрэнк погладил приборную панель «пontiака-торпедо».

– Я думаю, это романтично. – Калла наблюдала, как пара исчезает в темной ночи.

– Романтику оставь мне. – Фрэнк прибавил скорости и включил радио.

Ники вез невесту по дороге, а бледное серебро луны озаряло ему путь у реки. Пичи закрыла глаза и позволила холодному ночному воздуху унести подальше все заботы, которые еще остались. Не так много девушек в мире, которые согласны на сэндвич в парке и велосипед на обратный путь к дому, но Пичи Де Пино оказалась именно такой и согласилась. Для Ники Кастоне это делало ее «той самой» девушкой.

ТЕЛЕГРАММА

КОМУ: Э. ГУАРДИНФАНТЕ

ОТ: К. ГУАРДИНФАНТЕ

10.05.1949

VAGGIO PIACEVOLE. PIÙ DALL AMERICA ALL' ARRIVO^[391].

Теплоход «Вулкания» плыл по Атлантике уже пять дней, когда под дверь каюты второго класса, которую занимал посол Карло Гуардинфанте, просунули приглашение, написанное от руки.

Будем очень признательны за удовольствие видеть Вас сегодня вечером на обеде и танцах в 20:00 в Большом зале.

(Глаза Карло расширились.)

К нам присоединятся капитан Джек Ходжис

(Карло потрясенно кивнул),

мистер и миссис Джозеф (Изабелла) Скаччьяферро,

мистер и миссис Аттила Марио Селтембрино

(Дорена Фата) Кастеллани

и

миссис Патрисия Дзампиери.

Сердце посла чуть не выпрыгнуло из грудной клетки. Скаччьяферро, Кастеллани и вдова Дзампиери были титанами американской индустрии, импортерами итальянского мрамора с тесными связями в карьерах Тосканы. Они снабжали американских строителей превосходным каррарским мрамором для дворцов, церквей и монументов. Приглашение предлагало именно то общество, на которое посол рассчитывал, ступая на

борт теплохода «Вулкания». Его взгляд упал на последнюю деталь.

Форма одежды: официальная.

Карло ослепит их своим парадным мундиром. Элизабетта все предусмотрела.

3

Кончетта Де Пино аккуратно разложила стопки ярко-розового тюля перед каждой тарелкой на обеденном столе, сверху – коробочки с миндальным драже, перевязанные розовыми атласными лентами и снабженные ярлычками с именами каждой подружки невесты, а также именем Джо Палаццини, тети будущего супруга Пичи. Две рабочие корзинки с ножницами, рулончиками розовых лент и дополнительные коробки с миндальным драже расположились по краям стола.

Мать невесты проверила главный экспонат – огромный объемный свадебный колокол из ячеистой бумаги. Колокол этот Кончетта позаимствовала у своей соседки Долли Фарино, обладательницы целого шкафа прихотливых украшений на все случаи жизни.

С хрустальной люстры над столом свисала дата свадьбы: 29 октября 1949 года, прописными картонными буквами и числами с серебряными блестками. Если бы Кончетта Де Пино могла выгравировать эти цифры бриллиантами на золотых слитках, она бы так и сделала в ознаменование наивысшего достижения в своей материнской карьере – свадьбы ее дочери и Николаса Кастоне.

Только Вторая мировая война и нерешительность Ники стояли между ее дочерью и алтарем, чествующим Де Пино/Кастоне высокой брачной мессой, но теперь дорога очистилась. Через несколько кратких месяцев мечта Пичи исполнится, бумаги будут подписаны, а на пальце ее появится золотое кольцо. Мистер и миссис Николас Кастоне будут навечно занесены в архивы. Энтузиазм переполнял Кончетту, а еще она испытывала невероятное облегчение.

Кончетта взглянула в зеркало над барной тележкой и проинспектировала свое изменившееся лицо. Оно было обрамлено волосами, выкрашенными в светло-абрикосовый цвет, чтобы скрыть седину, брови оставались черными и густыми, как в юности, красиво подчеркивая карие глаза, но губам уже чего-то не хватало. Кончетта обычно пользовалась тремя оттенками коралловой помады, от светлого до темного, комбинируя их, чтобы изобразить пухлость, отнятую природой.

Она перебрала бриллиантовую застежку жемчугов со спины на грудь, чтобы драгоценности заиграли, – как полагала Кончетта, это придавало блеска и ей самой, – затем отступила, повернулась боком и наклонила лицо к зеркалу, втянув живот и распрямив плечи. Формы Кончетты к шестидесяти пяти изменились: была скрипка – стала утка. Узкая некогда талия раздалась и стала похожа на растянутую резинку поношенных трусов. Теперь до конца жизни придется носить жесткий пояс. Кончетта издала тихий вздох, признавая поражение. По крайней мере, она сохранила лицо.

На керамическом блюде были разложены по сортам маленькие бутерброды к чаю на тонких ломтиках белого американского хлеба – с острым сыром и ветчиной, с творогом и красной икрой, с инжирной пастой и взбитым медом. На многоярусной серебряной вазе шарики белоснежного свадебного печенья, украшенного розовой кокосовой глазурью, располагались рядом с вырезными коржиками в виде букв «Д» и «К». И вдруг Кончетта с ужасом сообразила, что это не только инициалы жениха и невесты, но и аббревиатура процедуры, которую она перенесла несколько лет тому назад в клинике Аллегени. Она быстро поменяла буквы местами.

– Какого черта, Конни, что за переполох? – Ал Де Пино, вот уже сорок два года как ее супруг, стоял в дверном проеме в плотных белых трусах. Своей комплекцией он очень походил на Шалтая-Болтая: шея, грудь, талия смотрелись одним целым, буквально без единого шовчика.

– Господи, Ал! Оденься. Палаццини уже на пороге.

– И что?

– Не хочу их пугать.

– Боюсь, что это мы, Де Пино, должны пугаться.

– Чего нам бояться?

– Этому Кастоне нельзя доверять.

– Не говори такое.

– Он мне не нравится.

– А мне нравится.

– Он сомнительный сирота. Почему она не могла выбрать мальчика с родителями?

– Ей нравится племянник, и что? Старший никогда бы не увлекся Пичи. А Джо? Не надо нам азартного игрока в семью. Это проклятие, от которого никогда не избавишься. Кроме того, он уже женат на ирландке. А Нино любит Лину Кортино со школы. Остается только Ники Кастоне.

– А у нас для выбора только одно семейство на всю Филадельфию? – Ал сложил пальцы двумя клювиками и клюнул слова для большей

выразительности. – Мы что, не могли выбрать из трех штатов? Нас ограничивает география? Мы что, растения, которые могут вызревать только в определенном климате? Кто придумал эти правила?

– Твоей дочке нравится то, что ей нравится.

– Ты ее избаловала, и вот тебе результат.

– Нет, это ты против нашего желания перевез нас из Род-Айленда, когда на Пичи только начали заглядываться интересные молодые люди, и здесь ей пришлось начать все сначала, а потом война – и вот мы там, где мы есть.

– Это-то здесь при чем?

– В Северном Провиденсе было больше юношей, годных для брака. Посмотри вокруг. Филли – это помойка.

– Это ты так считаешь. А мне здесь нравится. Зато не попали в лагерь для интернированных.

– Только благодаря мне и моим связям. Ты и твоё семейство – просто куча покорных овец. Все Де Пино подняли лапки вверх и потопали прямо в кутузку. Кабы не моя семья, не находчивость Джо Питерса...

– Я не собираюсь целовать твоего кузена Джо в зад до конца жизни.

– Ничего, не умрешь. Он спас нас от лагеря.

– Я посылаю ему бутылку на каждое Рождество, чего ты еще хочешь?

Ал почесал задницу.

– Ну не рядом же с едой, Ал! – Конни отпихнула мужа от обеденного стола. – Пожалуйста, веди себя прилично. Я терплю твои свирепые взгляды, и ворчание, и ветры, но другие люди же не обязаны. Вылупится своими черными глазищами, словно убить готов. Это недопустимо. Что за дурные манеры.

– Я не собираюсь меняться, чтобы нравиться другим. Ты не за Сержа Оболенского^[40] замуж выходила.

– Это уж точно. Но ты бы мог хоть немного постараться. Приложи чуть усилий. Чуть галантности. Если не ради меня, так ради дочери. – Кончетта обошла стол и выровняла стулья, поправила салфетки. – Не понимаю я тебя, Алессио.

– Чего не понимаешь? Я люблю свое дитя. – И глаза Ала увлажнились. Он схватил бумажную салфетку.

– Только не мои парадные салфетки!

Кончетта запустила руку в вырез платья, выудила из-под лямки бюстгальтера сложенный носовой платок и протянула мужу, отобрав бумажную салфетку.

– Вечно эти финтифлюшки. – Ал вытер глаза платком.

– Таковы женщины. – Кончетта помахала салфеткой над печеньем. – Мы устаем глядеть на всё те же вещи, и тогда мы их украшаем. А теперь поднимись и надень брюки. И от тебя не убудет, если ты прибавишь к ним галстук.

– Убудет.

– Сделай это для Пичи.

– Что сделать для Пичи? – Пичи вошла в комнату. На ней была розовая шерстяная юбка и бледно-зеленый свитерок. Свитерок украшал небольшой розовый бархатный бант, и таким же, только зеленым, она повязала волосы.

– Все, что пожелаешь! – Кончетта взяла голову Пичи в ладони и поцеловала в лоб. Провела рукой по ее талии и потянула за пояс: – Ты такая худенькая.

– Я в порядке, Ма.

– Ты ж моя Пичи-Пичужка, худышка-малышка, пончик-симпомпончик. Меня не заботит твой размер. Ты выходишь замуж, и я так счастлива за тебя.

– Впервые вижу твою мать такой счастливой.

Ал сунул в рот кокосовое печенье.

– Ал, перестань вторгаться в закуски. Штаны.

– Я серьезно, Пичи, – сказал Ал, подтягивая трусы, чтобы скрыть пупок. – Эта свадьба – вся жизнь твоей мамы.

– Моя жизнь – это Пичи. И что с того? У нее будет самая блистательная свадьба из всех когда-либо виденных в Саут-Филли.

Зазвенел дверной звонок, и Кончетта, подбоченясь и вытесняя с дороги мужа, направилась из комнаты.

– Брюки, Ал! Штаны!

Пичи рассмеялась и по пути из гостиной к входной двери слямзила из вазы коржик в форме буквы «К». Прожевала коржик и быстро проглотила, потом распахнула дверь и впустила гостей.

– Тетя Джо! – Пичи обняла тетю Ники, появившуюся здесь в качестве посаженной матери жениха.

Джо Палаццини была невысока, коренаста и отличалась шикарной стрижкой, демонстрирующей во всей красе ее густые волосы, тронутые сединой.

– Ма! – закричала Пичи. – Девушки уже здесь!

Невестки Джо с подарками набились в прихожую. Пичи пригласила их в дом, а тут и мать ее выплыла из гостиной, приветственно потрясая полированной серебряной чашей:

– Призы! У меня есть призы!

– Будет весело! – Лина захлопала в ладоши. Совсем юная, недавно вышедшая замуж, она еще не насладились свадебной суетой. Лина была из Сицилии, изящная, стройная, с ореховыми глазами, как у Клеопатры.

– Где мое место? У меня варикозные вены в левой ноге пульсируют, как насос, откачивающий воду из подвала после потопа. – Мэйбл сильно отекала в этот день, ее обручальное кольцо впилося в палец, напоминая скорее золотой жгут, чем ювелирное украшение.

– Эльза, ты выглядишь по-королевски, – сообщила Кончетта, оглядывая ее льняной наряд.

– Спасибо.

– Настоящий Мейнбокер^[41].

– Боюсь, что нет. Мне это платье свекровь пошила.

– Как бы мне хотелось уметь управляться с иглой и ниткой, – пожаловалась Кончетта.

– Но ты же превосходно справляешься, Ма. Тебе и не надо много шить, раз я работаю в «Уонамейкере». У тебя постоянная скидка в магазине, – напомнила ей Пичи.

– А мы получим скидки, когда вольемся в семью? – брякнула Мэйбл.

– Я спрошу, – сказала Пичи сквозь зубы.

– Следуйте за мной, девушки. – Кончетта повела их в гостиную.

Она уже разложила карточки для дам. Найдя свои имена и сев, женщины клана Палаццини зашушукались, обсуждая прелестные свадебные украшения. Пичи расположилась во главе стола. Кончетта начала разливать чай, пока дамы наполняли тарелки.

Мэйбл не озаботилась тарелкой, отправляя печенье всех сортов прямо в рот, а кокосовые шарики она просто заглотила, словно пригоршню таблеток.

– Они бесподобны, – заявила она с полным ртом. – Мне так хочется сладкого сейчас, во время беременности.

– Я не сомневаюсь, что ты потеряешь вес сразу после родов, – завершила ее Кончетта.

– Да какая разница, даже если буду напоминать вагон для перевозки угля, – сказала Мэйбл со вторым печеньем во рту. – В моем положении я не смогу быть подружкой невесты.

– А ты можешь взять на себя гостевую книгу? – спросила Пичи.

– Конечно. Почему бы и нет? – уже с меньшим энтузиазмом ответила Мэйбл. – Исторически именно так и поступают с толстухами. Им дают должность секретарши и сажают подальше от глаз. Это разумно. В

свадебном альбоме их тел никогда не видно, потому что во время съемки они собирают подписи, только голова выглядывает из-за стола.

– Не-е-е-ет! – разом вскричали Пичи, Джо и Кончетта.

– Никто не хочет щеголять толстухами, выставлять их напоказ. Уж поверьте. Я помню, как мне когда-то придерживали двери и как те же люди захлопывали их у меня перед носом, когда я набрала несколько фунтов. Просто покажите, где у вас тетрадь и ручка, и я всех заставлю расписаться. – Мэйбл попробовала бутерброд с икрой. – Я перехожу на соленькое, если вы не возражаете.

– Конечно, конечно. – Кончетта начала беспокоиться, что еды может не хватить.

– А что мы наденем? – Лина не могла сдержать восторга.

– Розовое, – уверенно ответила Пичи. – Ма, у тебя какого цвета будет платье?

– Бледно-зеленый шелк с темно-зеленой отделкой. Это комплект – платье с легким пальто.

– Тетя Джо?

– Ты посоветуй.

– Желтое вам бы пошло, – предложила Пичи.

– Отлично. – Джо ненавидела желтое, но готова была сделать все, что захочет невеста племянника.

– А нам ты что выбрала? – Лина обожала быть подружкой невесты. Это ведь была работа в униформе.

– Кое-что из магазина для новобрачных в «Уонамейкере». Фасон Сьюзен Постер. Сногшибательно! Розовый бархат, юбка «солнце», вырез «каре». Шляпки тоже розовые с розовым мелким жемчугом.

– Слишком много розового. – Мэйбл опять потянулась за бутербродом. – Вы, девочки, будете смотреться как коробка пирожных с заварным кремом.

– Чем же тебе не нравится розовое? – удивилась Пичи.

– Мне нравится. Но я-то не обязана его носить. Я могу вообще надеть тряпочку болотного цвета, и никто даже не заметит. Я ведь просто собираю подписи.

– Розовое выглядит прелестно, – сказала Джо, улыбаясь, чтобы разрядить напряжение.

Лина кивнула:

– Ты все продумала, Пичи.

– С семилетнего возраста, – заметила Кончетта с гордостью.

– Я надеюсь, ты займешься цветами для алтаря. Папа говорит, никто не

умеет так красиво убирать цветами, как ты. – Пичи посмотрела на Эльзу.

– Я с радостью. – Эльза погладила Пичи по руке, чтобы подбодрить.

– Спасибо.

– А мне спасибо за мои предстоящие труды по сбору подписей? – спросила Мэйбл, потянувшись за сливками для чая. – Ты же понимаешь, что я полностью пропущу коктейли, ожидая запоздавших и припозднившихся и тех, кто не смог найти парковку. И останусь без шведских фрикаделек.

– Я благодарна тебе за жертву, Мэйбл, – уронила Пичи.

– Эльза обходится с цветами лучше всякой цветочницы. Наш сад никогда так прекрасно не выглядел. – Тетя Джо улыбнулась Эльзе. – И майские веночки были такие чудесные.

– А что наденешь ты, Пичи? – спросила Мэйбл.

– Итак... – Пичи положила руки на стол и закрыла глаза, вызывая образ великолепного одеяния в самый важный день своей жизни. – Мягкий блестящий атлас. Прозрачные рукава...

– Обожаю прозрачные рукава, – сообщила Кончетта мечтательно. – У нашей семьи руки далеко не греческие, но Пичи их не унаследовала и может спокойно демонстрировать свои.

– У большинства древнегреческих статуй вообще нет рук. Так что вам еще повезло иметь хоть одну руку. Не говоря уже о двух. – Мэйбл дотянулась до шоколадного драже и набрала полную пригоршню.

– Наши бы тебе не понравились, – заверила ее Кончетта. – Вверху дряблые, локти как орехи.

– Вот для чего Господь изобрел широкий рукав с манжетом, – прокомментировала тетя Джо.

– Прозрачные рукавчики, – продолжала Пичи, – прозрачное кружево над глубоким вырезом в виде сердечка, манжеты клинышком, семьдесят семь хрустальных венецианских пуговиц на спинке...

– Нам придется нанять третьеклассницу, чтоб все это застегнуть. Нужны тонкие пальчики на тонких ручках. Пуговички малюсенькие! – сообщила Кончетта с удовольствием.

– Тиара, кружевная фата... Мистер Да Понте шьет фату из кружев...

– Которые хранились в семье со времен Торре дель Греко, – подтвердила Кончетта.

– И шлейф. – Пичи встала и расправила воображаемый шлейф. – Как настоящая итальянская принцесса. У меня будет шлейф, который протянется от первых рядов церкви до последних, ярды и ярды узорных кружев, не знаю даже, сколько им лет, их носили невесты в семье

Куккаморсина с тех пор, как у них родилась первая девочка.

– Однажды и твоя дочка украсит ими свое платье, – вмешалась тетя Джо.

– Конечно, – пообещала Пичи. – Мы придерживаемся традиций.

– И хранить кружева умеете, ни тебе шелковичных червей, ни моли. Для жуков ветхие кружева – как конфеты. – Мэйбл отрезала ломоть от кофейного пирога. – Наряд моей бабушки сожрали долгоносики во время неурожая картофеля.

– Какая жалость.

Пичи перехватила взгляд матери.

– Судя по твоему описанию, платье будет восхитительное. Мы обязательно придем утром в день свадьбы и поможем тебе одеться, – ободряюще сказала Лина.

– Обещаете?

– Конечно, – закивали все женщины Палаццини.

– С таким шлейфом тебе понадобится помощь, – улыбнулась Лина.

Глаза Пичи наполнились слезами.

– Я – единственный ребенок и всю жизнь мечтала о сестрах, и вот теперь они у меня есть. Нужно будет оставить побольше времени на одевание.

– Лучше начать прямо сейчас. С этим шлейфом, и этими пуговицами, и фатой тебе понадобится стая кармелиток, чтобы успеть. Я слышала, что они сдают внаем своих послушниц в обмен на пожертвования. – Мэйбл отколупнула вилкой большой кусок кофейного пирога и принялась с аппетитом жевать.

Кончетта хлопнула в ладоши.

– Я думаю, всем доставит удовольствие набить мешочки с конфетами. На каждом месте рядом с вами тюль, ленточки и драже с миндалем.

– Папуля сломал зуб этим драже у меня на свадьбе. До корня. Завыл от боли. Надо их снабжать инструкцией с предостережением, – добавила Мэйбл.

Дамы наполняли тюль орешками, Эльза завязывала ленточки, чтобы получился мешочек.

– Кто делает кукол на машины? – спросила Лина. – Это моя любимая традиция в Саут-Филли. Как хорошо выйти из церкви и увидеть машины, украшенные куклами в костюмах подружек невесты, и потом, конечно, куклу-невесту на лимузине. Ты, кстати, поосторожней со своей копией – длинный шлейф может развеяться на ветру и мешать шоферу.

– Мэйбл, я надеялась, что ты сделаешь кукол. Те, что ты сделала для

своей свадьбы, просто прелестны.

– Ну конечно, я могу. Сколько автомобилей?

– Двенадцать.

– Но у тебя же только две подружки невесты.

– Еще из Канады семья приедет, – объяснила Пичи.

– Ну нет. Нездешние кукол не получают. Тут только начни. Куклы на капотах только для своих.

– Я думала, это будет приятно. Что-то особенное, другое. Они так далеко живут, но приедут.

– Тогда почему не усадить кукол на все машины? Включая те, что продают у Дотта, раз уж этим займусь я? – съязвила Мэйбл.

– Тогда в них не будет ничего особенного.

– Вот именно. Они перестанут быть особенными, когда ты увидишь двенадцать розовых пупсов на капотах всех машин, перевозящих кучу канадцев.

Казалось, что Пичи сейчас заплачет.

– Просто сделай кукол, – миролюбиво попросила Джо.

– Я подумала, давайте устроим девичник в «Тарелло», – завела Лина.

– Почему? – нервно спросила Кончетта.

– У них там позади прелестный сад.

– Папочка подавился там кальмаром, – выпалила Пичи.

– Но девичник только для женщин, твой папа не придет, – напомнила ей Лина.

– А как насчет кафе «У Виктора»?

– Ну, может... – задумалась Пичи.

Лина выдавила улыбку:

– Ладно, почему бы тебе самой не выбрать?

– Мой был в Эхо-Лейке, в отеле «Отдых в долине», – предложила Мэйбл.

– В Поконо? Долгонько ехать, – отрезала Кончетта.

– Не так долго, как мне шить это стадо кукол, – вздохнула Мэйбл.

Эльза села за руль седана, припаркованного перед домом Де Пино. Мэйбл взгромоздилась рядом с ней на переднее сиденье. Лина последний раз помахала Пичи и ее родителям на обочине, прежде чем забраться на заднее рядом с тетей Джо.

Эльза завела машину и выехала на улицу. Через несколько минут Лина сказала:

– Бедный Ники.

– Да все с ними в порядке, – оптимистично заметила тетя Джо. – Пичи знает, чего хочет. Кончетта – тем более, и она так старается. Все будет хорошо.

– Вашими бы устами... – вздохнула Мэйбл.

Лина поискала, чего бы еще сказать хорошего.

– Они все делают тщательно и организованно. Но меня пугает мистер Де Пино. Просто черный шар в кегельбане.

– Держись от него подальше, – посоветовала Мэйбл.

– И никто не вспомнил Ники, – вздохнула Эльза.

– Ну да, в этом мало хорошего. Но зато ты отхватила кухонные щипцы, когда мы играли в «Угадай мармеладку».

– Тебе тоже приз достался, – напомнила Лина.

– Прости, что я не восторгаюсь этой банкой присыпки для ног.

– Ты угадала, сколько изюма в шоколаде было в смеси драже, это настоящий талант, – сказала тетя Джо.

– Просто у меня было время их пересчитать, пока Пичи вдавалась в детали угощений на празднестве. Так много перемен! Да еще и венецианский столик с десертами. Сколько вообще бывает начинок для *канноли*? – Мэйбл стряхнула несколько розовых кокосовых хлопьев с воротника.

– Все невесты нервничают и хотят, чтобы все сложилось так, как им мечталось. И она так долго ждала свадьбы. Так что дадим ей возможность насладиться, – примиряюще сказала тетя Джо. – Давайте дальше говорить о них только приятное, девочки. Согласны?

Какое-то время женщины ехали молча. Потом Мэйбл обернулась и сказала:

– А бутерброды с творогом были ничего, вкусные.

Калла стояла у входа в гараж Палаццини и осматривалась.

– Кто-нибудь! – позвала она. Никто не отозвался, и она вошла внутрь, туда, где в воздухе висели запахи моторного масла и сигарного дыма. Она посмотрела на пол, где были изображены красным номера от одного до четырех, означавшие места парковки машин, услышала тихое стаккато сквозь звуки приглушенного радио в диспетчерской, так что пришлось подняться по ступеням.

Гортензия сидела за столом, изучая каталог семян от «Берпи», когда Калла легонько постучала в открытую дверь.

– Извините. Я ищу Ники Кастоне.

– Зачем? – спросила Гортензия, не поднимая головы от картинок со

шпорниками.

– По делу.

– По какому делу? – Гортензия оторвалась от каталога и уставилась на Каллу поверх очков.

– Театральному.

– Вы продаете билеты? Если так, то он слишком стар для цирка.

– Нет. Ники у меня работает. Ну, вернее, работал. И сейчас я хочу взять его обратно.

– Тогда это другой Ники.

– Я вполне уверена, что тот самый. Он сказал, что работает здесь днем. Он таксист. Водитель «четверки». Около шести футов ростом. Шатен, почти рыжий. Голубые глаза. Милая улыбка. Превосходные зубы.

– Не такие превосходные, как у меня. – Гортензия изобразила улыбку.

– И у вас прекрасные зубы.

– Я знаю. Не жалуясь. У моих предков были крепкие зубы. И я заботливо чищу их с содой и солью каждый вечер. И по утрам.

– Старинные средства лучше всего.

– Не забывайте этого.

– Меня зовут Калла Борелли, – сказала Калла, протягивая руку.

– Миссис Муни. – Гортензия ответила на рукопожатие.

– По вечерам Ники работает у меня в театре.

– Капельдинером?

– Суфлером. Но теперь и как актер.

– Он играет на сцене?

– Он заменил актера, и сейчас он мне необходим. Актер, который играл эту роль, будет отсутствовать весь сезон. Его мать сломала бедро.

– Ужасно. Сломанное бедро – это первый шаг в небытие.

– Я слыхала, – печально согласилась Калла.

– А вы что делаете?

– Я режиссер.

– Девушка?

– Ну да. У нас семейное дело. Не думаю, что я должна за это извиняться. Или должна?

– Нет-нет. Женщины нынче трудятся вовсю. Хоть на меня взгляните. Диспетчер. Работаю с азбукой Морзе. Ну да. «Вестерн Юнион». И посмотрите вокруг. Розы-клепальщица^[42]. Она выпускала танки «Шерман». Да, делайте что хотите. Война все изменила и для женщин тоже. Ну, для вас.

– И я так считаю.

– Лучше оставьте ему записку. Он на рейсе, наш трудяга. Сейчас повез кого-то в Нью-Йоркский международный аэропорт.

Гортензия протянула Калле блокнот. Калла настрочила записку и отдала ее Гортензии.

– Борелли. Интересно, хоть одна семья осталась жить в Италии? Или все перебрались в Америку?

– Я не знаю. Многие из нас переехали. Я никогда не была в Италии.

– Но это интересный вопрос тем не менее, не правда ли?

– Интересный. – Калла почувствовала, что Гортензия ее внимательно изучает. – Что-то не так? У меня ощущение, что у меня комбинация выглядывает или еще что.

– Нет, мисс Борелли, все хорошо с комбинацией. Просто смотрю на вас. Я часто смотрю на людей.

– Приятно было познакомиться, миссис Муни.

Калла выдавила улыбку и попятилась из диспетчерской.

Гортензия, подойдя к окну, наблюдала за Каллой, спускавшейся по лестнице гаража.

Ники ехал через Эмблер, тихий пригород Филадельфии, где извилистые улицы были покрыты новой щебенкой, а по обочинам тянулись ряды платанов. Зеленые лужайки, окаймлявшие каменные дома, больше походили на ковры, чем на траву. Он тихо присвистнул, воображая цены на недвижимость в этом райончике.

Притормозив, Ники вглядывался в номера зданий и в конце концов нашел № 17 на Макино-стрит, дом мистера и миссис Эллисон. Гортензия обычно давала Ники поездки в международный аэропорт Нью-Йорка, зная, что чаевые бывают щедрыми, а ему необходимо поднакопить денег на медовый месяц. То же самое она делала для двоюродных братьев Ники, когда они ходили в женихах. Гортензия была женщиной заботливой.

Ники сверился с адресом и увидел три желто-коричневых чемодана, выстроившихся вдоль дорожки к дому георгианской архитектуры. Двери дома были настезь.

Когда Ники выпрыгнул из машины и стал грузить чемоданы в багажник, на пороге появилась маленькая блондинка лет сорока и замахала рукой.

– Скорее! – закричала она.

Ники побежал по дорожке и влетел в дом.

– С мужем что-то случилось! – воскликнула миссис Эллисон.

На ней был темно-синий костюм, в руке шляпка с белой лентой. Муж

ее сидел на стуле, держась за голову.

– Сэр?

Мужчина посмотрел на Ники. Глаза его были затуманены и не сфокусированы.

– Мы опоздаем на самолет, – нервно сказала его жена.

– Вашему мужу нужно срочно в больницу.

– Что с ним не так?

– Надо ехать немедленно.

Ники помог мужчине подняться и провел его по дорожке до самой машины, где и усадил на заднее сиденье. Женщина обежала машину и села рядом с мужем.

Ники врубил аварийную сигнализацию и помчал по улицам Эмблера, а миссис Эллисон криками подсказывала ему дорогу к больнице.

Ники слышал, как миссис Эллисон нежно утешала мужа.

– Гэри, держись, мы уже почти на месте, – говорила она между командами. Ники посмотрел на них в зеркало. Гэри лежал на руках жены. – Пожалуйста, скорее, – взмолилась она.

Ники вырвался из ряда машин на красном свете и выехал на тротуар. Он уже заворачивал к больнице, когда миссис Эллисон вскрикнула.

Ники остановился у входа в отделение экстренной помощи, выпрыгнул из машины и помчался в поисках врача. Он вернулся, подбежал к двери, за которой сидела миссис Эллисон, и открыл ее.

– Помощь уже близко, – сказал он мистеру Эллисону, жена которого плакала и гладила мужа по лицу и рукам, стараясь привести его в чувство.

– Он умирает. Гэри, очнись, – в отчаянии сказала она.

Ники проверил пульс, как его учили, когда он был в армии. Он потрогал шею мистера Эллисона с одной стороны, с другой, на руке, на запястье. Пульс еле прощупывался.

– Есть пульс? – спросила жена.

Ники закрыл глаза, чтобы сконцентрироваться, ощутить пальцами слабые биения.

– В сторону, – рявкнул санитар.

Ники отступил от машины, пока санитар под руководством медсестры переносил пациента на каталку.

Жена выскочила из машины, уже в неистовстве. Она кричала на медиков, словно это была их вина, спрашивала, знают ли они, что делают, словно чье-то знание могло здесь помочь.

Медсестра приподняла простыню, сложенную треугольником в ногах каталки. Ветер усилился, когда она расправляла простыню. Простыня

вздымалась, словно белоснежные крылья ангела в голубом небе.

Ники слышал, как хлопают крылья над криками санитаров, скрипом колес каталки, отчаянными жалобами жены и уверенными приказами медсестры. Попытки спасти умирающего происходили как будто за стеклом. Ники поднял голову, чтобы найти причину звука, но там не было ничего, кроме синевы.

Миссис Эллисон бежала рядом с каталкой, которую санитар толкал по коридорам Абингтонской больницы. Ники все еще стоял там, где уступил место медикам. И не сдвинулся, пока не начали прибывать машины «скорой», нуждавшиеся в парковке. Он закрыл двери такси и припарковался поближе к входу в больницу, затем вытащил чемоданы Эллисонов из багажника и отнес их в холл. Там он сел так, чтобы видеть приемный покой, и стал ждать. Ники не знал, как долго он сидел там и смотрел на часы.

Появлялись люди с разными жалобами. Вбежала женщина, нянча завернутую в окровавленное полотенце руку. Отец принес на руках мальчика лет семи с пакетом льда на разбитой бейсбольным мячом губе. Мать мальчика бежала рядом с ними, не забыв положить выбитый зуб в стакан с молоком, чтобы сберечь корень. Чуть позже появилась парализованная женщина. Ее серое лицо казалось вылепленным из мокрой глины, словно скульптор сжал его, придав ему невысказанную форму в поисках идеала симметрии и красоты.

Дневная смена перешла в ночную в регистратуре напротив Ники, и миссис Эллисон, женщина без шляпки, так и не доехавшая с мужем и чемоданами до Международного аэропорта Нью-Йорка, наконец вышла из дверей. Она казалась крошечной, как нежная птичка из дутого стекла из тех, что вешают на люстру, такая хрупкая, что свет мог просочиться сквозь нее.

Ники встал, держа в руках фуражку. Она подошла к нему:

– Вы ждали меня?

– Я думал, что могу что-нибудь для вас сделать.

– Он умер.

Ники кивнул:

– Мои соболезнования. Наверно, мне следовало вызвать «скорую помощь».

– Это уже не имело бы смысла.

Ники удивился:

– Не понимаю.

– В детстве он чуть не умер от скарлатины. Когда я его встретила, это

было первое, о чем он мне сообщил. Он сказал: «Время мое отсчитано», сказал, что у него больное сердце, аритмия. Мы были на вечеринке, музыканты играли громко, и я подумала, что он сказал «я неритмичный». И я ответила, что это поправимо. Он засмеялся и сказал: «Нет – у меня аритмия». И все годы напоминал об этом. И однажды, когда мы спорили о чем-то, я потеряла терпение и сказала: «У всех время отсчитано». И он сказал: «Разница в том, что я это точно знаю». Почему я не поверила ему?

Сыновья миссис Эллисон и другие родственники появились в дверях и заметили ее. Они окружили ее, плачущую, стали успокаивать, и скоро все двинулось к выходу. Ники передал чемоданы одному из близких. Миссис Эллисон этого не заметила, но Ники понимал, что потом ей понадобится одежда мужа. Все это станет важным – потом. Ники смотрел, как миссис Эллисон, обмякнув на руках сыновей, покидала больницу. Семья – самое главное, она сплачивается ради себя самой, чтобы пережить трагедию, чтобы быть поближе, стать сильнее и излечиться. Те, кто не разделяет их имени, их горя, их прошлого, остается в стороне. Он лишь свидетель, прохожий, наблюдающий один миг в пейзаже чужой жизни. Но Ники слышал шум крыльев, и теперь смерть Гэри Эллисона стала частью и его прошлого тоже.

Ники бесцельно ехал по Четвертому шоссе, после того как покинул больницу. Он остановился выпить кофе и покурить. Не готовый еще вернуться в гараж или домой, он вдруг оказался на Брод-стрит.

Он припарковался за Театром Борелли, около служебного входа, поднялся по ступенькам, потянул дверь, и, к его радости, она легко открылась. Этим театр сильно напоминал церковь – обычно там тоже в любое время можно было найти незапертую дверь. Он включил освещение и прошел на сцену, где декорации «Двенадцатой ночи» скучали под пятнами света. Весельная лодка, сохнувшая на мешковине, изображающей берег Иллирии, была подперта на полу, весла аккуратно сложены внутри. Лес, скопление деревьев из папье-маше, обступил кулисы. Ники стоял на опушке воображаемого леса, он желал ему разрастись и заполнить акры и акры нарисованного горного пейзажа на заднем плане. Он представлял, как входит в тот мир и никогда не возвращается в этот.

Но ничего не произошло. Постояв, он спустился со сцены и пошел по ступенькам, ведущим на бельэтаж. В темноте театра он занял место на бархатном сиденье, истертом задами и временем, – в самый раз для его усталого тела. Запах театра – краски и мела, застоявшихся духов и мяты – успокоил его.

Потрескивание потолочных ламп, тускнеющих на черном фоне, напомнило ему о заторе на дороге, металлические оболочки налегали друг на друга, крылья люстр открывались, как капоты. Ему нравился дремлющий между представлениями театр, каждая его отдыхающая деталь. Не хватало только актеров, услуги и зрителей. Несмотря на случившееся сегодня, театр еще подавал Ники надежду.

Ники наблюдал из бельэтажа большинство репетиций за последние три года и помнил каждую подробность. В первый день репетиции новой пьесы Сэм Борелли всегда вершил ритуал. Он собирал сотрудников и труппу на сцене, представлял их друг другу. Вместе получалось сорок или пятьдесят человек, но Сэм всех знал по имени, и когда он представлял каждого отдельно, то кратко перечислял его обязанности и объяснял, почему он самый лучший в своем деле.

Одинаково оценивались и исполнитель главной роли, и оформитель, и костюмер, и ассистент режиссера, и сам режиссер. Борелли настаивал, что театр принадлежит всем, независимо от роли или должности, и это пришло от желания каждого добиться наивысшего результата, фокусируясь на задаче, делать свою работу наилучшим образом, потому что вкладом каждого участника определяется результат представления и, следовательно, – то, что получают зрители.

Ники помнил, как миссис Борелли наблюдала за репетицией из последнего ряда партера. А Калла в те времена приходила и уходила. Ники не слишком обращал на нее внимание, она была младше и помогала где могла, но он с ней не общался. И очень удивился, когда узнал, что она будет руководить труппой. Очевидно, он был не единственным у Борелли, кто хранил секрет.

Ники уже засыпал, когда вдруг увидел на сцене Каллу, оглядывающую театр в поисках признаков жизни.

Он помахал рукой:

– Вверх посмотри.

– Ники?

– Ага.

– Быстро ты. Миссис Муни послала тебе телеграмму?

В руках Калла Борелли держала ведро и швабру.

– Не понимаю, о чем ты.

– Спускайся, и я тебе расскажу.

Ники присоединился к ней.

– Дай-ка мне. – Он забрал у нее ведро и швабру. – Чем я могу помочь?

– Отнеси их в кладовку. Месье и Мадам уже сверкают.

– Зачем ты моешь туалеты? – Ники шел за Каллой в костюмерную.

- Они в этом нуждаются.
- Но для этого есть уборщик.
- Мне пришлось его сократить.
- И его тоже?
- Он не в обиде. У него теперь больше часов в банке.

Калла открыла дверь кладовой. Ники загрузил ведро и швабру и пошел за ней в костюмерную.

– Тебе не кажется, что банков в Филадельфии развелось как никогда?

– Ты же знаешь, что папа говорит. Лучше кабаре на каждом углу, чем банк. Если есть кабаре, то, по крайней мере, можно спеть о своей боли. – Калла засунула руки в карманы рабочего халата и посмотрела на Ники. – Я тебя сегодня искала в гараже.

– Ты спохватилась и поняла, что Фрэнк Арриго никогда ничего не достигнет и тебе будет лучше с таксистом?

– Нет, я хотела попросить тебя взять роль Себастьяна в «Двенадцатой ночи». Питер Менекола от нас ушел.

Что сказать на это, Ники не знал.

Калла помолчала, предчувствуя сложные переговоры.

– Я помню, что уволила тебя, и это заставляет тебя задуматься.

– А разве нет? – спросил он мягко.

– Но одно никак не связано с другим. Тони и Норма восхищены тем, как хорошо ты играл, и они полагают, что ты справишься с ролью. И я так думаю.

– А ты играешь Оливию?

– Кэти вернулась.

– Гм. – Ники скрестил руки и наклонился над столом. – Право, не знаю.

– Пять долларов за представление.

– Ты поднимаешь мне зарплату, после того как выгнала?

– Можно и так посмотреть. Так что, хочешь вернуться?

– Это не вопрос желания. Я-то хочу. Но ты и вправду думаешь, что я справлюсь?

– Иначе я бы не предложила тебе роль. Мы будем репетировать, так что тебе не о чем беспокоиться. Придется поспешить – и это потребует сверхурочной работы. Но отец поможет. Он сказал, что если тебе понадобится наставник, то он готов.

– Так и сказал?

– Конечно. Он годами репетировал с Тони. И с Нормой. И других актеров время от времени он тоже подтягивает.

– Я этого не знал.

– Но дело не в репетициях, а в самом действии.
– Теперь мне страшно.
– Так и должно быть.
– Неужели ты – тот же режиссер, который только что меня нанял?
– Если актер не испытывает страха, значит, он никчемный актер. И если бы я не боялась, то была бы никудышным режиссером.

Ники опустил на табурет.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила Калла.

– У меня был самый плохой день в моей жизни, а ты превратила его в лучший. Такого со мной не случилось. У меня или все хорошо, или все плохо, но теперь что-то ужасное привело к хорошему в тот же день. И это означает только одно. Фатум.

Калла положила руки на плечи Ники. Он накрыл ладонями ее ладони.

– Можно, я тебе кое-что расскажу?

Калла села рядом с ним.

– Сегодня у меня в машине умер человек. Инфаркт. Я повез его в больницу. Доктор и медсестры занесли его внутрь. Я думаю, они оживили его и он прожил еще несколько часов. Я там оставался до конца.

– Ты правильно поступил, что не покинул его.

– С ним была жена. Все время. Я сидел в комнате ожидания.

– Она попросила тебя остаться?

– Нет. Она даже удивилась, когда увидела меня потом.

– Зачем же ты остался?

Ники почувствовал, что сейчас заплачет. Он никогда не плакал, так что сдержал слезы и на этот раз.

– Я не знаю. А ты что думаешь?

– Наверное, решил, что можешь помочь.

– Чем я мог помочь? – Ники посмотрел на нее.

– Знаешь, как иногда бывает, когда ты на вечеринке и подумываешь уйти, но тебе кажется, что тогда все это без тебя сразу развалится.

Ники засмеялся:

– Может быть.

– Может, ты подумал, что если уйдешь, то он умрет.

– Но он ведь умер.

– Но не сразу же. Ты раньше был когда-нибудь возле умирающего?

Ники покачал головой: нет, не привелось.

– У меня мама умирала. Сестры вышли выпить кофе, отец – подышать воздухом. Но что-то подсказало мне не покидать комнату. И я осталась. В самом конце она открыла глаза, и я была последним, что она видела на

земле. И мне нельзя было плакать. Я улыбнулась самой радостной улыбкой, на какую только была способна, потому что хотела, чтобы она умерла счастливой.

– Я хотел, чтобы мистер Эллисон жил.

– Это не в наших руках.

– Но он так не думал.

– Что ты имеешь в виду?

– Тут какой-то нюанс, но я не знаю точно. Он ничего не говорил, но смотрел на меня, словно хотел сказать, что не хочет умирать. Он еще не был готов.

– Не переживай ты так, – тихо сказала Калла. – Это не ему было решать. И мама тоже не сама решила умереть.

– Я не мог его спасти.

– Это верно. И никто не мог.

Калла встала и подошла к буфету. Она достала бутылку виски, спрятанную в ящичке с надписью «катушки», захватила два чистых бокала с тележки, припаркованной в углу. И налила им обоим.

– Так я и знал. Ты пьянчужка.

– Никому не рассказывай.

Она подняла бокал. Он чокнулся с ней. «*Cent'anni*»^[43], – сказали они в унисон, перед тем как выпить.

– Калла, мне надо десять долларов за представление. Это же подкосит мою основную работу.

– Но я могу дать только пять.

– А вдруг я великий актер?

– Пять.

Стены, стол, вся кухонная утварь и приспособления для уборки на кухне Палаццини были белыми, и, если не считать серых разводов на каррарском мраморе рабочих поверхностей, некоторое цветное разнообразие сюда привносила только пища, которая на этой кухне готовилась. Когда бы ты туда ни вошел, в любое время дня или ночи кухня сияла чистотой и порядком.

Большое окно над мойкой выходило в сад тети Джо на заднем дворе. На подоконнике выстроилась шеренга терракотовых горшочков, в них тетя круглый год выращивала зелень. Базилик она щедро добавляла в свою традиционную подливку или крошила и посыпала им моцареллу, сбрызнутую оливковым маслом. Росла там и мята, используемая тетей в медицинских целях: когда кто-то из домашних болел, она заваривала

мятный чай, а еще готовила любимое блюдо Ники – спагетти со свежим зеленым горошком и мятой. Сад тоже был под стать кухне тети Джо. Аккуратные грядки с овощами, все рабочие инструменты в идеальном порядке хранятся в сарае, садовый шланг свернут калачом и повешен на крюк. За работами в саду-огороде надзирало побитое непогодой пугало, напоминавшее киноактера Петера Лорре^[44].

Кухня тети Джо вполне могла соперничать с кухней профессионального ресторана. Тетя была сторонницей использования наилучших кухонных приспособлений, посуды и ингредиентов для достижения наилучшего результата. По просьбе жены Дом в 1926 году первым на Монтроуз-стрит приобрел холодильник, а потом, в 1948 году, купил ей первую посудомоечную машину, как только они появились в «Мартинелли». На что Дом никогда не скупился – так это на кухню Джо.

Стол, покрытый белым пластиком, и кухонный диванчик, обитый белой кожей, устроились в углу между окном и дверью в прихожую. За этим столом Ники и мальчики обедали по выходным, когда были маленькими. А еще этот кухонный уголок был кабинетом тети Джо. Тут она сортировала счета, решала кроссворды и вела разговоры по телефону, висевшему на стене позади диванчика. У черного аппарата был очень длинный шнур, и тетя могла крутиться по кухне и болтать с подругой.

Столовая, соединенная с кухней распашными дверями, была центром всего дома, самой большой комнатой на первом этаже. Чтобы обустроить ее, Джо заручилась помощью своей невестки Нэнси. Закончили они как раз незадолго до того, как совсем побили горшки, и печаль Джо о том, что она навсегда потеряла Нэнси, Майка и их сыновей, мешала ей радоваться красоте столовой. Комната была точной копией классической столовой в одном особняке на Мейн-Лайн, которая, в свою очередь, скопировала лондонский оригинал, декорированный «Колфакс & Фаулер». Джо, может быть, и обошлась бы чем-то более строгим, но для Нэнси важен был шик-блеск. Так что в 1932-м столовая была обставлена лучшей мебелью, какую только могло себе позволить семейство Палаццини, – полированный георгианский обеденный стол из вишни и стулья в том же стиле. Джо и Нэнси собственноручно обили сиденья полосатым бело-золотым плюшем, а Дом и Майк лично поклеили набивные обои с золотистым рисунком. «Тайную вечерю» – чеканку на серебре, обрамленную сусальным золотом, – Майк и Нэнси подарили Дому и Джо на последнее Рождество перед разрывом. Эту картину даже благословил приходской священник.

За столом помещалось шестнадцать душ. Люстра истекала кинжалами сверкающего хрусталя. У Нэнси дома висела такая же люстра, а это

значило, что она купила две люстры по цене одной, к обоюдному удовольствию братьев. Хрусталь отражался в тончайшем фарфоре, который Джо собирала годами. Позднее Джо пошила портьеры – нежно-желтые, шелковые, оборчатые, подвязанные сбоку тонким плетеным шнуром. Источником вдохновения для создательницы этой цельной портьеры, собранной на одну сторону, послужила асимметричная прическа Вероники Лейк^[45]. Ники припомнил, как Джо торжественно продемонстрировала эту портьеру и Дом сказал: «Я бы предпочел Веронику Лейк за нашим столом, а не эти шторы».

Золоченый столик предназначался для десертов, и когда бы ты ни шел мимо, вазочка для печенья всегда была полна *бискотти*, а хрустальная конфетница – всякими сладостями. После каждой трапезы невестки убирали со стола и мыли посуду, а тетя Джо накрывала стол для следующего приема пищи. Тщательно отутюженные скатерти хранились в бельевом шкафу на перекладинах. Когда Ники был алтарным служкой, он заметил, что точно так же обращаются с облачением священников.

Тем вечером тетя Джо оставила для Ники в духовке два фаршированных перца и печеную картофелину. Ники вынул из духовки горячее кушанье и поставил на подготовленный тетей Джо поднос.

Во многом дом 810 на Монтроуз-стрит напоминал пансион, хотя Ники никогда не жил в пансионах. Самое близкое – армейские казармы в Алабаме, куда он уезжал на стрельбы, там солдаты ели и спали по распорядку, установленному командирами подразделения.

Тетя Джо вела хозяйство Палаццини сообразно своим собственным представлениям о военном порядке. Ей пришлось: с тех пор как ее сыновья женились, у нее появились три невестки-помощницы, и трижды в день нужно было накрывать стол на всю семью. А еще стирка, глажка, готовка, огород, за которым надо ухаживать, и внук, которого надо растить. И вскоре малышей должно было прибавиться.

Ники установил на поднос тарелку, бутылку пива и приборы и, пройдя через подвальную кухню, вошел в свою комнату. Тетя Джо выкрасила его комнату в веселый желтый цвет. Окна находились под самым потолком, на уровне земли, и пропускали очень мало света. Зато у Ники были двуспальная кровать, кресло-качалка, комод, зеркало, платяной шкаф и, самое лучшее, – собственная ванная с душевой кабинкой.

Ники поставил ужин на туалетный столик и вывернул карманы, перед тем как переодеться в домашнюю одежду. Он ссыпал мелочь в горшок для чаевых, а сигареты и зажигалку положил рядом с пепельницей. Чуть было не выбросил заказ Эллисонов из Эмблера в мусорную корзину, но

передумал и спрятал в ящик. Ники хотелось запомнить этот день, хотя он и сомневался, что когда-нибудь сможет его забыть.

Ники покрутил ручку радиоприемника, и атласный голос Дины Шор^[46] запрыгал по кирпичным стенам. Он убавил звук, снял костюм, засунул распорки в свои рабочие «оксфорды» и надел пижаму. Тетя Джо оставила чистое белье Ники на комод. Свежий запах борного мыла с легкой примесью хлорки, которой тетя отбеливала его исподнее, наполнил ящик, в который Ники сложил белье.

Ники откупорил бутылку и глотнул пива. Толчком распахнул дверь в подвальную кухню и включил свет. Невестки днем делали пасту, и деревянные стержни были увешаны длинными полосками *лингуини* для воскресного ужина. *Кавателли* – маленькие, раскатанные вручную макаронки, – словно бусины, россыпью лежали на чистой белой холстине, посыпанной кукурузной мукой.

Ники любовался женским рукоделием. Он подошел к столу и рассматривал макароны, словно это были произведения искусства. Мука, да яйцо, да немного воды. Замешивание теста – единственное тактильное воспоминание Ники о матери. Сосредоточившись и включив разом все чувства, можно было увидеть ее здесь, в этой кухне у стола, в переднике с красными карманами в форме сердечек. Он вдыхал аромат муки, трогал мягкие змейки из теста, отщипывал и пробовал его, чувствовал боль в руке, которую легонько шлепнула тетя Джо, и теплоту маминых объятий сразу после шлепка.

Самое драгоценное воспоминание Ники – смех мамы и тети Джо, когда они судачили, пока лепили равиоли, или сворачивали тортеллини, или стояли у плиты и пекли блинчики для маникотти. Он зажмуривался и слышал, как они смеются, опершись локтями на стол. Больше всего он скучал по маминому голосу. Ники помнил его звучание, его приятный тембр, легкий и чистый, как золотой церковный колокольчик у алтаря во время святого причастия. Голос Николы Кастоне был нежен и мягок, когда она читала сыну по вечерам, и тверд, когда она его журила, но никогда не был грубым. Ники помнил маму нежной и доброй. Истинной леди.

Ники выключил свет и притворил дверь. Радиопередача закончилась, пришла очередь бархатному голосу Розмари Клуни^[47] заполнять воздух над Саут-Филли. Голос Розмари нравился Ники больше, чем голос Дины. Розмари пела так, будто знала, что такое одиночество, и, слушая ее, Ники чувствовал себя не таким заброшенным.

Он откинулся на спинку кресла, не качаясь, и оно скрипнуло под его

весом. Ники уставился в потолок, изнывая от чувства вины. Появление чувства вины означало: совесть напоминает ему, что надо отвечать за свои проступки. Именно так наставлял приходской священник накануне первой исповеди. И вот, как повелось с его седьмого дня рождения, Ники мысленно покопался в событиях дня в поисках источника своего прегрешения. Кого он обидел, кем пренебрег, с кем дурно обошелся? Ники небезосновательно гордился собой за то, что не бросил миссис Эллисон. Он вспомнил о шуме крыльев и подумал, что, наверное, это было нечто мистическое; впрочем, как знать. И тут Ники резко выпрямился в качалке, вспомнив: Пичи. Во всей этой суматохе он напрочь забыл о своей невесте. Он не позвонил ей, хотя телефонная будка была прямо в приемном покое больницы. Почему он ей не позвонил? Той самой Пичи, которая любит приговаривать: «Пожалеешь грош – будешь нехорош».

Один звонок – легче легкого, но он об этом даже не подумал. И ничто его не толкнуло остановиться возле универмага на обратном пути из Эмблера в гараж. Он мог бы позвонить и из гаража, но не позвонил. Телефонные будки стояли на каждом углу в каждом районе, куда он доставлял телеграммы этим вечером, он без труда мог бы заскочить в одну из них и набрать ее номер, поинтересоваться, как она, и, в свою очередь, получить от нее ободрение. На исходе ужасного дня получить поддержку от любимой женщины. Но он этого не сделал. И никакого оправдания ему не было. Пичи вылетела у него из головы. И еще хуже он почувствовал себя, когда вспомнил, что кинул сегодня в копилку семь монеток. Получается, у него даже мелочь была, чтобы позвонить из автомата.

А вместо этого он оказался в Театре Борелли, куда приволокла его какая-то неведомая сила. Он не понимал, что это. Лишь чувствовал. Он пошел туда, где находил покой, где мог подумать. Ники верил, что находил некоторое утешение в общении с Пичи, действительно находил. Но сегодня эта вера не привела его к ней. Она привела его в театр, к другу, к Калле Борелли.

Калла могла быть самоуверенной занозой и за словом в карман не лезла, но она хорошая. Она замечательная. Он подумал о ее теле, как совершенно оно было в лучах прожекторов за кулисами, – или на самом деле то была лишь игра света, окутавшего Каллу, точно кружева? Нет, это не свет, это *она*.

Ее тело очаровало его, как серебряное украшение для капота в виде стрелка с луком, прибывшее в гараж в плотной упаковке из мягкой оберточной бумаги, когда он был ребенком. Зная, что там, Ники осторожно развернул украшение и застыл в благоговении перед плавными линиями и

гладкой поверхностью серебра. Он помнил, как вцепился в это украшение и не хотел его отдавать.

Одежда Каллы, как та бумага, служила лишь оберткой для произведения искусства. Ники подумал о том, как ее тело могло бы принять его, но, не давая этим мыслям обрести плоть, затряс головой, изгоняя ее образ из сознания. Что ж он за человек такой? Сначала выискивал свои дневные прегрешения, а потом без всякого зазрения совести очертя голову бросился в грех вожделения.

Ники наскоро произнес молитву святой Марии Горетти в надежде, что она поможет стереть образ великолепных форм Каллы Борелли с поверхности его внутреннего взора. Но молитва оказалась слабым отбеливателем, пятно не стиралось. От религии было мало пользы – Калла Борелли непрощено являлась ему во сне; и вовсе не духовные искания помогали Ники не уснуть во время долгой смены. Устав за баранкой, он думал о Калле в кулисах, вступающей в круг одеяния на полу, и глаза его тут же открывались, и ее полуобнаженный образ придавал ему бодрости и энергии завершить рабочий день. Нет, он, конечно, воображал и свою невесту в разных соблазнительных ракурсах, частенько воображал. Но Калла была другой.

Ники не хотел сравнивать Каллу с Пичи, да и какие тут могут быть сравнения. Он предан Пичи. Он сделал ей предложение. И она ответила «да». Они назначили день свадьбы. И оглашение будущего брака уже отпечатано в церковном бюллетене. По сути, первую страницу контракта, который будет записан в церковной книге в день их свадьбы, уже обсудили. Ники осенил себя крестом, дабы отогнать нечистые мысли о Калле Борелли и вероломные мысли по отношению к Пичи Де Пино. Но он знал, что вожделение подобно катанию на водных лыжах: стоит отвлечься, всего на секунду ослабить хватку на перекладине – и все, катание окончено, ты свалился в воду.

Всевозможные простительные варианты блудного греха промелькнули в сознании Ники, как второсортный кинофильм, и вскоре мысленно Ники оказался в опытных руках ведьмы – без лица, но с очень соблазнительным телом, которая занялась с ним любовью всеми способами, какие представлялись ему утоляющими похоть, безрассудными и атлетическими, а на самом деле вели к ее экстазу, его гибели, краху Святой Римской церкви и всех народов. И вся эта катавасия и полное моральное разложение случились из-за того, что Калла Борелли тогда в костюмерной без всякой задней мысли положила руки ему на плечи. Ему стало тошно от себя самого.

Ники не смог допить пиво, не доел ужин. У него начисто пропал аппетит. Он скорчился на кровати в темноте, против обыкновения не выключив радио. Этой ночью он не мог оставаться в одиночестве.

Калла сидела на стуле с высокой спинкой у дверей бухгалтерской конторы «Калабрезе и сыновья», что на Вайн-стрит. В приемной стояли всего два стула и маленькая консоль, выкрашенная в черный цвет, а на ней – букетик синих пластмассовых роз в псевдокитайской вазочке на салфеточке ручной вязки. Она поставила коробку с театральными гроссбухами на пол у своих ног, стянула белые перчатки, спрятала их в сумочку, разгладила подол юбки и проверила, все ли пуговицы жакета застегнуты.

– Калла, входи, – крикнул ей Джо из недр кабинета.

Калла подхватила коробку и выпрямила спину, набираясь храбрости. Перед тем как войти, она улыбнулась.

– Анна передает привет. Зовет вас летом навестить ее на побережье Джерси.

– С удовольствием.

– У нее домик в Тинтон-Фоллс. Слыхала о таком?

– Не-а. Но я смогу отыскать что угодно вдоль автобусной линии на Саут-Шор.

Джо Калабрезе был поджар и опрятен. Он носил очки, прямые темные волосы слегка редели, но для высоколобого умника он был довольно привлекательным мужчиной.

– Кузены должны держаться друг друга. Теперь, когда умерла твоя мама, это будет труднее.

– Да, она всех нас собирала вместе.

– Что у тебя там?

– Отчеты за последние два сезона.

Джо откинулся на спинку кресла:

– Отец передал мне контору, и пришлось все здесь усовершенствовать.

Он вел дела по-своему, а я буду по-своему.

– Мой отец хорошо управлял театром, – заметила Калла.

– Но ничего не зарабатывал.

– Он – собственник недвижимости.

– Калла, эта недвижимость требует огромной работы. Даже чтобы просто ее продать.

– О чем это ты?

– Ты тратишь время впустую. Я считаю, что театр надо закрыть.

Попытайся сдать здание в аренду. И готовь его к продаже.

– Джо, я пришла к тебе не затем, чтобы найти способ закрыть театр. Я пришла к тебе за помощью. Найти способ, как сделать капитальный ремонт, чтобы театр продолжал работать.

– Я не вижу тут никакой прибыли. Даже в перспективе нескольких лет.

– Просто отец вливал обратно в театр все заработанное. На это мы и жили.

– Да? Ну, тогда это было не совсем провальное увлечение. Ладно. Но я объясняю тебе, основываясь на цифрах, на твоих текущих расходах, кассовых сборах и долгах, – у тебя нет иного выбора. Зачем ты все это на себя взваливаешь?

– Это моя жизнь.

– Это жизнь твоего отца.

– Значит, ты мне не поможешь?

– Я бухгалтер. Я не умею творить чудеса, я имею дело только с цифрами. Что конкретно ты от меня хочешь?

– Я надеялась, что ты сведешь меня с банком и поможешь взять кредит на развитие бизнеса. Насколько я понимаю, банки нынче дают кредиты – война ведь позади.

– Как мы их убедим, что театр сможет получать прибыль?

– Я могу давать больше спектаклей. Реклама. Еще я подумываю о гастролях. У меня сейчас нет ресурсов, чтобы это устроить. Мне просто нужна помощь – и я смогу, уверена, что смогу.

– Единственным доказательством для банка будут твои прошлые спектакли. А эти отчеты показывают: максимум, на что театр способен, – это время от времени покрывать текущие расходы.

Для Каллы достаточно было услышать, каким тоном ее кузен произнес это, чтобы понять: он больше не собирается ей помогать.

– Ну что же, спасибо, что уделил внимание и все просмотрел.

– Я не возьму с тебя денег за консультацию.

– Ну что ты, я заплачу.

Калла встала и взяла свою коробку.

– Мне бы не хотелось, чтобы это вызвало размолвку между нами.

– Не вызовет.

– Я рад.

Калла обернулась в дверях:

– Знаешь, Джо, и все-таки ты мог бы кое-что сделать, чтобы помочь мне. И это не имеет отношения к бухгалтерии.

– Конечно.

– Приходи как-нибудь на спектакль. Ты ведь ни разу не был у нас.

– Я так занят. Ты же знаешь. У меня жена. Детишки. Работа.

– Мой отец столько лет был клиентом твоего отца, и я уверена, папа всегда вовремя платил по счетам.

– Да.

– А твой отец не пропускал ни одного спектакля. Понимаешь, я не могу принять твой совет как непреложную истину, потому что он – плод невежества. Если бы твой отец сказал мне, что надо повесить на театр амбарный замок, я бы, может, и подумала об этом. Но твой бесплатный совет? Как говорится, за что заплачено, то и получено.

Калла поспешно вышла за дверь, чтобы Джо не увидел, как ее глаза наполнились слезами. Она негодовала на себя и сгорала со стыда, что не сумела предвидеть, чем дело кончится.

Фрэнк ждал ее на тротуаре неподалеку от конторы Калабрезе. Он оттирал носовым платком пятнышко на капоте, когда Калла сбежала по лестнице.

– Что стряслось? – спросил Фрэнк, открывая перед ней дверцу автомобиля.

– Он сказал, что я должна закрыть театр.

– Прямо так и сказал?

– Он не поможет мне с банками. – Калла уронила голову на руки. – Заем, говорит, получить невозможно. А я-то думала, что после войны дают уже какие угодно кредиты, даже для небольшого дела.

– Как насчет ланча?

– Я не голодна.

– Что мне сделать, чтобы ты улыбнулась?

– Ты знаком с Джей Пи Морганом?^[48]

Фрэнк взял Каллу за руку и повел к крыльцу дома на две семьи на Конститушн-стрит. Фрэнкова часть двора была опрятна. Пара простых стульев с прямыми спинками караулила дверь по обе стороны. На соседской половине дверь подпирали бейсбольная бита, перчатка и мяч, под окном валялся самодельный кукольный домик, а клочковатая трава во дворе была втоптана в грязь.

– Рядом живет моя сестра. Четверо детишек и пятый на подходе.

Калла оглядела гостиную, если эту комнату можно было так назвать. Кофейный столик завален документами, стопка бумаг и чашка кофе прижимали к столу листок с написанным от руки словом «ЦЕНЫ». В углу примостились тренога, набор геодезиста, уровень, дождемер. К стене была

приколота карта Филадельфии, где все трубопроводные магистрали изображались в виде сетки, которую Калла даже не знала с чем сравнить. Она прохаживалась по комнате, заложив руки за спину, словно гуляла по музейному залу. Калла питала слабость к экспертам, мастерам своего дела, испытывала горячее уважение к тем, кто глубоко разбирался в предмете. Человек, страстно любящий свое занятие, бесконечно пленял ее, и неважно, в какой области он трудился.

– Если трубу прорвет, скажем, в Уортоне, я без ошибки смогу назвать стык, – похвастался Фрэнк, протягивая ей бокал красного вина.

– Спасибо.

– Улицу твоего друга Ники доделают в кратчайшие сроки, – сообщил Фрэнк, указывая на Монтроуз-стрит, изображенную на карте в виде длинной и узкой синей полоски, похожей на лапшу *лингуини*.

– Я ему передам.

– Иди сюда, – поманил он ее в нишу в глубине гостиной и показал на диванчик, обитый коричневым вельветом с белой окантовкой, – присядь.

Калла узнала телевизор – тот самый, из воскресных рекламных листовок, красовавшийся в витрине «Уонамейкера». Он назывался «Филко» и представлял собой квадратный экранчик молочно-зеленого стекла, помещенный в ореховую тумбу. По обе стороны экрана находились две панели, обтянутые золотисто-коричневой сетчатой тканью. Длинный тонкий серебряный стерженек, напоминающий дирижерскую палочку, торчал под углом к телевизору, нацеливаясь прямо на входную дверь.

– Это антенна. Ее приходится настраивать, чтобы улучшить картинку. – Он указал на панели: – А это колонки для звука.

– Он совсем как мебель.

Калла обхватила колени руками и подалась вперед, а Фрэнк сел на пол и открыл небольшую панель с тремя дисками, кнопкой «вкл. – выкл.», кнопкой контраста и кнопкой яркости с нарисованной стрелкой.

– Эти кнопки контролируют качество изображения.

– Так чего мы ждем? Давай, развлекай меня, – подзадорила Калла, и Фрэнк включил телевизор.

По экрану побежали черно-белые полосы. Они расширились, вибрировали, а потом превращались в зигзаги, похожие на узор на свитере.

– Погоди, сейчас появится.

В считанные секунды на экране возникла движущаяся картинка – машина, едущая по пустой сельской дороге.

– Это коммерческий канал, реклама перед шоу. А за то, что ты это видишь, платит Форд.

– Зачем?

Фрэнк пожал плечами:

– Вот так люди посмотрят-посмотрят да и купят машину.

– Просто возьмут и купят?

– А почему бы и нет? Покупают же, увидев машины на плакатах или в журналах?

Калла смотрела на Гертруду Берг^[49], возникшую на экране. Актриса выглядывала в окно и кричала кому-то на воображаемой улице, как в театре. Послышался смех публики. Но самой публики не было видно. Калла замерла, будто под гипнозом.

– Вот что такое телевидение, – сказал Фрэнк, не сводя глаз с экрана.

– Как они это делают?

– От камеры в телестудии изображение передается на пульт, а оттуда по проводам – куда угодно.

– Как электричество?

– Вроде того. Для передачи изображения нужна электронно-лучевая трубка, которая находится внутри каждого такого телевизора. Человек, который мне его продал, показывал, как телевизор изнутри устроен. Я глазам своим не верил.

– А радио? Что будет с ним?

– Да кого это волнует? – пожал плечами Фрэнк.

Калла отстранилась и смотрела на экран. Изображение не было гладким, как на кинолентах, не поражало буйством цвета, как богатая голливудская продукция, стоившая в кинотеатрах четвертак, но оно было здесь, у Фрэнка дома, – вот в чем новинка. Черно-белое изображение напомнило Калле фотографию: освещение располагалось таким образом, что актеры то ныряли в тень, то выскакивали на поверхность, как марионетки, в них было мало кинематографического, они скорее напоминали фотокарточки Мана Рэя^[50].

– Ну как тебе?

– Даже не знаю, что и думать. Все движется слишком быстро.

Ники припарковался на улице в трех кварталах от епископальной церкви Святой Троицы в Эмблере. На площадке у входа яблоку негде упасть, улица напротив похоронного бюро Мэттьюсов была перекрыта. Такими сочными красками сияло то майское утро, что Ники казалось, будто он очутился внутри живописного полотна Тьеполо^[51]. Над головой сверкало бирюзовое небо. Мандарин солнца покоился на подушках из

коралловых облаков. Ники миновал куст азалии, взорвавшийся лиловыми соцветиями, и клумбы с желтыми тюльпанами и фиолетовыми ирисами. Он шел сквозь всю эту палитру и был в своем трауре похож на чернильный мазок. Ники подтянул узел галстука. Ноги, обутые в черные кожаные туфли, сами внесли его на лестницу и в вестибюль церкви.

Хорошо одетая женщина в перчатках и двухцветных туфлях – парадной обуви, принятой у протестантских прихожан, – дала ему программку, на титульной странице было напечатано:

ГЭРИ БИГЕЛОУ ЭЛЛИСОН
(1903–1949)

Распорядитель повел было Ники вдоль рядов, но Ники остановился, предпочитая сесть поближе к выходу, чтобы места на передних рядах заняли родственники и те, кто был знаком с покойным, работал с ним, любил его. Ники же был лишь его шофером в тот роковой день. И всё.

Сев на скамейку, Ники посмотрел вперед и с удивлением увидел у алтаря гроб, покрытый простым покрывалом из глянцевого зеленого лиственного местного лавра, который только собирался зацвести. Ники никогда прежде не присутствовал на похоронах за пределами своей церкви, так что все для него было внове.

Церковь была полна, но не до отказа. Скорбящие оделись в легкие ткани сумрачных тонов – простой шелк, тонкая летняя шерсть. На дамах строгие шляпки и короткие перчатки. Они сидели на белых сосновых скамейках, лицом к витражному окну с изображением Иисуса, преклонившего колена в саду Гефсиманском. Боковые окна из незатейливого рифленого стекла; алтарь без изыска и кафедра, покрытая белым ритуальным покрывалом. Витраж с изображением Иисуса оказался единственным украшением этой церкви.

Поначалу аскетическое убранство храма изумило Ники, ожидавшего увидеть в таком обеспеченном районе сверкающую медь и блестящий хрусталь. Где же рука Микеланджело, пусть и в виде копии? Где дух Бернини или хотя бы его имитация? Где гений Леонардо, пусть даже в виде уменьшенного слепка со скульптуры? Аромат белых лилий – лилий Мадонны витал в воздухе, но в нем не хватало ладана Святой Римской церкви, не хватало аромата восковых свечей, оплывающих на подносах.

Ники приучили молиться в живописной роскоши. К этому он привык, это предоставляла ему его вера в обмен на пожизненную преданность. Молясь о спасении, Ники воображал себе величественное Возрождение во всем богатстве масляных красок, золотых лиственных, мрамора с серебряными

прожилками, ждущее по ту сторону. А вид этой церкви сулил его протестантским братьям во Христе лишь гладкую скамью да масляный светильник в обещанной им версии дома Отца Его, где обителеев много, когда достигнут они райских врат.

Пастор в черном костюме появился из ризницы под пение хора. Миссис Эллисон и ее сыновья, ведомые распорядителем похорон, прошли вдоль рядов и заняли места на передней скамье. Ники подался вперед, когда пастор заговорил о Гэри Эллисоне, о том, какой замечательный это был человек, муж, отец и сослуживец.

Старший сын Гэри встал и произнес панегирик в честь отца. Он рассказал, что отец научил его рыбачить и охотиться, играть в бейсбол и разбивать лагерь в лесу. Ники было больно слушать похвалы сына, хорошо знавшего своего отца.

Немало долгих часов провел Ники в мечтах, как было бы, останься его отец в живых. Дружили бы они? Или у них были бы другие отношения, недопонимание, боль и упущенные возможности, как это бывает между отцами и сыновьями? Эти раздумья заставили его плакать. И он ненавидел себя за слезы.

Он нашарил платок в кармане и вытер глаза. Зачем, спрашивается, он вообще пришел на эти похороны? Но, учитывая нечто, подвигшее его прийти, теперь ему пришлось вкусить свою долю чужого горя.

Поднялся младший сын Гэри, чтобы тоже произнести речь. Ники решил было уйти, пока молодой человек направляется к кафедре, но распорядитель, сидевший в конце скамьи, загоразживал путь. Принужденный остаться, Ники постарался подумать о чем-то другом, но вдруг услышал, как сын мистера Эллисона сказал: «Папа ни разу не был за океаном, он впервые собрался туда».

Ники хотелось встать и крикнуть: «Твой отец знал, что у него большое сердце, он не должен был так долго ждать!» – но потом он вспомнил человека, которого едва ли можно было упрекать за промедление, да и к тому же путешествие – роскошь, а у человека была семья. Но теперь Гэри Эллисон умер, и оказалось, что он не сделал всего, о чем мечтал. Ники видел отчаяние в глазах мистера Эллисона в тот день. Зная, что у него большое сердце, мистер Эллисон все равно не хотел умирать и не планировал умереть именно в тот день. Все у него было отнято, и у него не было даже права голоса.

Ники почувствовал приступ клаустрофобии – такой острый, что стало трудно дышать. Он вспотел с головы до ног, сердце трепыхалось. Отбросив приличия, он шепотом извинился, перелез через пару в конце ряда и

сбежал из церкви в сверкающий рубиновый день. Вырвавшись на свободу, онпил свежий воздух могучими глотками, наслаждаясь им, наполняя легкие, радуясь пространству, не стиснутому стенами.

Потом он пришел в себя. Медленно бредя к машине, он услышал тиканье больших часов, тех самых, которые определяют точный миг рождения человека и миг его смерти, и присутствуют они в каждом хронометре, установленном солнцем. Ники видел, как истекают дни его жизни, глядя на равнодушный циферблат круглых часов в классе школы Святого Карло Борromeо, он видел это и на маленьких золотых часах священника в ризнице церкви Святой Риты, на часах с кукушкой в кухне семейства Палаццини, на мигающем таймере мины во Франции. Время утекало под тиканье часов в диспетчерской и хлипкого медного циферблата в гараже, на котором был еще и термометр, его наручных часов и секундомера миссис Муни, который она включала, отстукивая морзьянку. Об этом тикал будильник на тумбочке, который грохотал, как пустое мусорное ведро, и подпрыгивал, напоминая Ники, что пора вставать и взять себе день, ему не принадлежащий.

Время тащилось по циферблату часов в Первом национальном банке, когда он ждал собеседования по поводу кредита, по римским цифрам на часах в филигранной оправе в костюмерной Театра Борелли, где он дожидался окончания антракта, по перламутровому гляncу вокзальных часов в Риме сразу после войны. Ониксовые стрелки этих часов замерли, и он опоздал на поезд, следовавший в портовый город, где Ники мог бы сесть на корабль и отплыть на нем домой в Америку. Он слышал каждый хронометр, тикающий, бьющий, звенящий, жужжащий, кукующий, и все они волокли его к концу жизни, в которой он был обречен доставлять радость всем на свете, кроме себя самого.

Но вдруг все стихло. Лишь отдаленный собачий лай и залиvistый смех девичьей стайки, пробежавшей мимо.

Пришло время Ники Кастоне начать жить осмысленной жизнью, проводить долгие часы дней своих, занимаясь любимым делом, – делом, которое имеет для него значение, которое привносит смысл в мир, принадлежащий только ему, тот мир, где риск означает взросление, где само действие и есть награда.

Все должно уйти, решил он, садясь в машину, и все уйдет. Потому что теперь он знал, знал с определенностью, данной не каждому, что скоро и ему лежать в сосновом гробу под покрывалом из лавровых листьев невыразимо прекрасным весенним днем.

Ники Кастоне решил, что не должен умирать, так и не пожив.

Калла сидела на краю сцены, болтая ногами, и перелистывала разъемную папку со сценарием «Двенадцатой ночи». Ники пристроился рядом, заглядывая Калле через плечо. Она отыскала нужную сцену, принялась читать и при этом не глядя взяла сигарету из руки Ники, поднесла к губам и затянулась. Вернув сигарету, продолжила чтение.

– Не знал, что ты куришь. – Ники стряхнул пепел в импровизированную пепельницу – старую жестянку из-под горохового супа.

– Я не курю.

– А кто стащил у меня сигарету?

– Всего-то одна затяжка. Это меня успокаивает.

– Значит, ты курильщица.

– Я за всю жизнь пачки сигарет не купила.

– Значит, ты «стрелок».

– Никакой я не «стрелок». Я ни разу не докурила сигарету до конца.

– За всю твою жизнь, скажем, лет с пятнадцати...

– С шестнадцати...

– С шестнадцати лет ты начала стрелять сигареты. А теперь тебе сколько? Двадцать один?

– Двадцать четыре, но спасибо. Мне пригодятся эти три года, я бы прибавила их к девяти прошедшим.

– Не думаю, но – пожалуйста. Значит, за двенадцать лет ты могла бы выкурить целую пачку сигарет, а то и больше.

– Может, и так. – Калла впрыгнула на сцену. – Но это все равно не превращает меня в курильщицу.

– А чем плохо быть курильщицей?

– Да ничем. Но я не хочу курить постоянно.

– Почему? Кому-то не нравится, что ты куришь?

– Фрэнку.

– А-а-а, Фрэнку. – Ники приложил руку к сердцу.

– Да, Фрэнку. Пообещай мне не прижимать руку к сердцу, играя в моих пьесах.

– Обещаю. – Ники опустил руку и спрятал в карман.

– Он не любит, когда женщины курят.

– Тогда он точно не поклонник Бетти Дэвис.

– Угадал. Линда Дарнелл, Джейн Тирни – вот кто в его вкусе.

– Брюнеточки.

– А что такого?

– Да ничего. Вспомни Пичи. У нее волосы черные, как шины фирмы «Файрстоун».

– Надеюсь, ты находишь более романтические сравнения, когда описываешь внешность Пичи в ее присутствии.

– Она еще ни разу не жаловалась. – Ники положил окурок в пепельницу и вскочил на сцену рядом с Каллой. – Поверь мне.

– Верю каждому твоему слову, Ники.

– Во всяком случае, вслух не жаловалась. Что я должен делать, когда Виола признается, кто она?

– Ты выходишь на сцену слева. Останавливаешься вот здесь. На авансцене. Ты сбит с толку, ждешь герцога. – Калла мягко положила ему руки на плечи, зафиксировав его на сцене, потом спрыгнула и побежала в конец партера, повернулась, чтобы оценить правильность положения. – Хорошо. Реплика Виолы: «Прошла меж государем и графиней». И тогда ты обращаешься к Оливии.

Ники принял растерянный вид, слегка развернулся к публике, как велела Калла, вытащил из-под мышки сценарий и произнес:

Так, значит, вы ошиблись, госпожа;
Но вас природа направляла верно.
Вы с девушкой хотели обручиться
И в этом не обмануты, клянусь:
Тот, с кем вы обручились, тоже девствен.

– Вот в этих строчках, которые произносит Себастьян, высказывается суть всей пьесы.

– И все это в *моих* руках? – покачал головой Ники.

– В *твоих*. Прости, дружище. Нужно сообщить зрителям, что ты знаешь, что Оливия влюбилась в Виолу, притворившуюся мужчиной. Но ты – ее брат-близнец, и Оливия согласилась выйти за тебя замуж, думая, что ты Виола-Цезарио. Ты должен преподнести это Виоле.

– Я понял.

– Так вот, объясняя нам, что происходит, дай нам понять, что ты чувствуешь.

– Я боюсь потерять Оливию, когда она поймет, кто я на самом деле.

– Это мысль.

– Правильно?

– Не знаю.

– Ты же режиссер.

– А ты – актер, – парировала она.

– Ты – начальник.

– А ты – рассказчик. Они платят, чтобы увидеть тебя. Меня здесь не будет, когда публика усядется на свои места. Ты должен донести до них смысл и содержание. Любая пьеса – это своего рода спор. Ты высказываешь свою точку зрения.

– Понятно, – кивнул Ники.

– Ты вдыхаешь в слова жизнь и придаешь им эмоции и смысл.

– Красиво сказано.

– А бывало с тобой такое: кто-то садится к тебе в такси, и ты, сам не зная почему, вдруг начинаешь с первого взгляда испытывать симпатию к пассажиру?

– Ага.

– Ты заговариваешь с ним?

– Ага.

– Ты везешь его, куда он попросил, он задает тебе вопрос, и ты рассказываешь ему историю. Не слишком задумываясь о деталях – просто сообщая ему, что произошло. Это естественно. Ты просто рассказываешь историю, ее подробности, передаешь информацию. В этом и состоит актерская игра. Рассказывай то, что записано на бумаге, как будто ты рассказываешь пассажиру о том, что ты слышал, что тебе кажется интересным, или смешным, или даже тревожным. А то и страшным, как вот эти строчки стали бы страшными, если бы мужчина решил, что потеряет любимую женщину, когда она поймет, что он – не тот, кем она его считала.

Ники кивнул:

– Я кое-что знаю об этом.

– Так используй это знание, – предложила Калла.

Тони Копполелла распахнул служебную дверь, и вскоре на сцене один за другим стали появляться актеры, пришедшие на дополнительную репетицию: Калла назначила ее, чтобы ввести Ники в пьесу. Ники не слышал, как открывалась дверь, не слышал смеха Джози за сценой, не слышал топота Хэмбона, выходявшего из гримерки. Он все это время размышлял над тем, что сказала ему Калла.

Ники уже давно подозревал, что у жизни есть два уровня. Первый – улица, по которой он водит машину, где люди живут, работают, ходят, стоят, спят, занимаются любовью, спорят и улаживают разногласия, и второй уровень – подземный, под мостовыми и тротуарами, в глубине земли, под речными ложами, под камнями и глиной, под пластами породы,

в глубине расплавленной магмы, в недостижимой дали, в центре мироздания. Именно там погребены такие ископаемые чувства, которые возможно добыть лишь невероятными усилиями человеческой души.

Ники проникся этой дуальностью поверхности и глубины в очень раннем возрасте, потому что познал горе задолго до того, как научился читать. Он был уверен: переживший утрату знает: это единственное, перед чем все прочее отступает. Горе было альфой и омегой всего, что есть между мыслью и чувством, между пассивностью и действием. В присутствии горя ничему больше не находилось места, кроме понимания. Понимание было наиглубочайшим проявлением сочувствия. Наверное, – и об этом Ники еще нужно будет хорошенько поразмыслить – именно понимания нужно добиться от себя самого, если он собирается играть роль, если ему суждено стать актером. Он должен будет показать зрителям, что чувствует человек, когда проходит через некое испытание, что все это для него означает. Он знал: такое возможно, потому что видел из-за кулис, как актер словами драматурга рассказывал публике ее личную историю.

У Каллы была своя теория насчет театра, но и Ники теперь тоже начал обзаводиться собственной теорией. Он будет играть сцену так, как она ее замыслила, прислушиваясь к собратьям-актерам, живя настоящим. Если он выполнит эти три условия, то сможет стать Себастьяном из «Двенадцатой ночи». Если нет, то, Ники знал со всей определенностью, это будет самое большое фиаско, какое только видывал Саут-Филли.

Ники припарковал «четверку» перед номером 832 на Элсворт-стрит, подхватил бумажный пакет с переднего сиденья, направился по дорожке к дому и постучал в сетчатую дверь:

– Мистер Борелли!

Ники постучал снова. Дверь за сеткой была открыта. Ники взгляделся, увидел свет в кухне.

– Эй, мистер Борелли? – Он постучал сильнее.

Ники провел достаточно времени среди пожилых людей, чтобы всегда быть настороже. Он толкнул дверь и продолжал звать отца Каллы, направляясь в кухню. Там он выглянул в окно и увидел Сэма, сидящего в заднем дворике. И вздохнул с облегчением.

Ники собрался присоединиться к Сэму и тут заметил раскрытый ящик для инструментов и его содержимое, разбросанное в беспорядке на кухонном столе.

– Мистер Борелли! – заорал он, прокладывая путь на задний дворик. – Калла передала вам обед. И просила сказать, что задержится. Жена Тони

наготовила кучу бутербродов со свиной.

– Мои любимые.

– Я слышал. И *пиццелле* в придачу.

– Спасибо. Справляешься с ролью?

– Трудно сказать.

Сэм улыбнулся:

– Это хорошо. Человек, который полагал, что дергает мир за веревочки, на них и повис.

– Во Франции в окопе было не так страшно.

– Это пройдет. Надо влюбиться в слова. А влюбившись, ты научишься им служить.

– Приму к сведению. На репетиции тяжело, но актеры очень помогают. Хотите, чтоб я принес выпить?

– В холодильнике пиво. Я принесу. – Сэм встал. – Присоединишься?

– Конечно. – Ники пошел с Сэмом на кухню. – Вы чините что-то?

– Пытался. Раковина вроде потекла. Я ждал, что парень Каллы придет и хоть попытается починить, но ты же знаешь, что сапожник без сапог, потому отец дочери, у которой ухажер-подрядчик, должен жить с поломанной раковиной.

– Я ею займусь. Но дайте мне пива. Я же не профессионал.

Ники взял фонарик, встал на колени и осмотрел трубы.

– Нужно новое соединение. Тройник прохудился.

– И все?

– Ну да. – Ники пошерудил в ящике с инструментами и нашел нужные для починки.

– Не хотелось бы оставлять этот дом в руинах.

– Вы куда-то собрались?

– Когда умру.

– А, понятно.

– Не хочу оставлять Калле развалины. Достаточно театра. Если я оставлю дом в порядке, мои дочери смогут его продать.

– А Калла куда денется?

– Я надеюсь, что она скоро устроится.

– Хорошо бы.

– Чего еще желаешь детям? Чтобы была какая-то надежность, даже если ты ведешь жизнь артиста.

– И как это? Быть артистом? – спросил Ники.

– Это значит, что ты сделал со своей жизнью что хотел, но ничего не заработал. Неплохая сделка. И об этом «Двенадцатая ночь». Каждый

персонаж там пытается найти свое счастье.

Ники выглянул из-под раковины:

– Любовь.

Сэм кивнул.

– Или смысл жизни. В конце пьесы Шекспир отвечает на вопрос «Почему я так важен?». Это слишком большой груз для комедии.

– Пожалуй. Могу ли я спросить вас, мистер Борелли, зачем ему самозванцы? Почему они все прячут свои личности?

– Я думаю, что Шекспир хочет сказать: ищи истину везде, где можно, надень другую шляпу, или костюм, или маску и посмотри, куда это приведет. Может, и к той самой жизни, которую следует прожить. Чистота и достоинство – вот куда это тебя приведет.

Ники вылез из-под раковины, пустил воду, наклонился и проверил трубу.

– Починил? Вот спасибо! – восхитился Сэм.

– Пусть Фрэнк все-таки тоже взглянет. Последнее слово за экспертами.

А мне пора.

– А пиво?

– Я еще вернусь.

– Не окажешь ли еще одну услугу? Отвези этот ящик с инструментами в театр. Я попросил Каллу позаимствовать его из театральной мастерской.

– Нет проблем. – Ники сложил инструменты в ящик.

Сэм полез в холодильник, достал еще две бутылки и протянул их Нику:

– Дочка любит пропустить холодненького пива в конце рабочего дня.

Не передашь ли?

Единственным незапертым входом в Театр Борелли была служебная дверь, которую подпирали камни. Ники распахнул ее коленом. Он занес ящик с инструментами на сцену. Калла сидела скрестив ноги у стенки просцениума и просматривала бухгалтерскую книгу, а суфлерский экземпляр пьесы валялся открытым на полу. Прожекторы лили свет во всю силу.

– Соскучилась? – Ники сел рядом с ней.

– Нет.

– Я починил тебе раковину на кухне.

– В самом деле?

– Твой папа заплатил мне двумя бутылками пива. Но попросил одну передать тебе.

Ники протянул ей холодную бутылку, которую припрятал в ящике для инструментов.

– Он у нас нечто.

– Это точно. – Ники сорвал крышку с бутылки Каллы, а потом со своей.

– У него нет терпения. Я же сказала, что Фрэнк забежит завтра и починит.

– Поздно. Твой отец уже разложил там все инструменты, как хирург.

– Но он понятия не имеет, что с ними делать. Мне всегда хотелось иметь отца, который умеет чинить хоть что-то. Ручка на двери в спальню отвалилась, когда мне было восемь, и ее до сих пор не приладили обратно.

– Человек не может быть всем. И все делать.

– Но стоит поискать такого, как ты думаешь?

– Если есть время. И оно у тебя есть. У тебя есть юность и красота и длинный список требований к тому же.

– Время у меня есть.

– Но ты не принимаешь комплиментов.

– Нет, принимаю.

– Тогда скажи «спасибо». Я думаю, что ты хорошенькая. Это не задевает тебя?

– Совсем не задевает, – взъерошилась Калла.

– А кажется, что задевает. Ты почти застыла. Закрылась. Ты отвергаешь мою элегантную светскую беседу.

– Я не отвергаю!

– Нет, отвергаешь. Ты прикрыла глаза. – Ники показал как. – Веки опущены. Как двери гаража.

– Прелестно.

– И я так думаю.

– Ты со мной флиртуешь. – Калла не отрывалась от гроссбуха.

– Нет.

– Хорошо, потому что ты собираешься жениться на мисс Де Пино.

– Ты слышала про атомную бомбу?

– Ага.

– В день, когда я вступлю в брак с Пичи Де Пино, огромное розовое

облако взорвется над церковью Лоретанской Богоматери. Оно раздуется до небес, как шаровая молния, сделанная из кружева, дыма, розовых лепестков и миндального драже. Никто не выживет. Даже ты.

– А ты?

– И я не выживу. Все погибнут во имя ее.

– Кроме праведных. Мужчина. Женщина. Священнодействие. Истинная любовь. Ничего лучше не бывает.

– Ты слишком насмотрелась Шекспира.

– Я росла с ним. Вот мои родители – у них была настоящая история любви. – Калла закрыла бухгалтерскую книгу.

– Ты счастливица. А я ничего не могу сказать о любви моих родителей. Это самое печальное в сиротстве. Нет на земле такой любовной истории, которую я мог бы назвать своей.

– Прости меня. Вот дура. Не нужно было мне болтать о родителях.

– Еще как нужно! И наслаждайся этим. Что может быть лучше, чем услышать о людях, любивших друг друга, не проживших жизнь зря, создавших семью. Совсем как в пьесе. Я многое бы отдал, чтобы увидеть любовь моих родителей, – увидеть их вместе, знаешь, просто их вдвоем на кухне, смеющихся, готовящих бутерброды, держащихся за руки на улице, видеть, как отец открывает дверь машины для мамы. Отсутствие таких воспоминаний делает тебя сиротой, тебе не хватает обычных ежедневных проявлений любви.

Калла отвернулась.

– Эй, тебе со мной скучно, – подтолкнул ее локтем Ники.

– Совсем нет.

– Ты уверена?

– Кто же этого не хочет?

– А ты хочешь?

– Конечно. – Калла почувствовала, как ее щеки покрылись румянцем.

– Я помню твою маму. Она была красавица.

– Была. – Калла посмотрела на свои руки, потому что они напоминали ей материнские.

– Ты выглядишь точно как она.

– Я похожа на отца.

– Нет. На мать, ты на нее похожа.

– Спасибо. Лучшего комплимента ты не мог мне сделать.

– Правда? Я пытался сообразить, как произвести на тебя впечатление, и нес что в голову придет. Поди догадайся.

– Ну вот, – засмеялась Калла.

– Мне жаль, что ты ее потеряла.

– Да, было нелегко. И очень тяжело для отца. Он так и не пришел в себя после ее смерти. Не смог справиться с горем и потому заболел. Но я уверена, что помогу ему выкарабкаться и заставлю режиссировать следующую постановку. Пусть он не хочет, но я его заставлю.

– Ты все это делаешь ради него?

– Это семейное дело, – улыбнулась Калла.

– Я понимаю. Я ведь работаю в таком же.

– Но я люблю театр. Может, не так сильно, как отец, который для него всем пожертвовал, но ненамного меньше. Он проводил в театре все время, когда мы были детьми. Мама заворачивала ему обед и приносила ужин. Я больше времени провела в бельэтаже, чем на заднем дворе дома.

– И мама не возражала?

– Все, что делало его счастливым, было счастьем и для нее.

Мысли Ники унеслись к Пичи, которая утверждала, что счастье – это совместное предприятие, а не личное дело.

– Таких, как твоя мама, уже не делают.

– Не делают. Но ее больше нет – и, может быть, именно поэтому. Она тяжело трудилась, чтобы сделать нашу жизнь удобной и счастливой, и пожертвовала здоровьем и покоем. Смысл всей ее жизни – отец и мы, ее дочери. Мы были ее миром. И теперь я не знаю, хорошо ли это.

– Это хорошо для вас, – сказал Ники.

– Да, но как насчет нее?

– Матери о себе не думают. Умирая, моя мама сказала: «Когда ты счастлив, и я счастлива и буду это знать и в другом мире. Так что обещай, что будешь счастлив».

– То есть теперь ты из чувства вины должен быть счастливым.

– Я это вижу иначе, – покачал головой Ники.

– Моя мать всегда заставляла сестер и меня быть добрыми, прилежно учиться в школе и прочее. Чувство вины – это был ее инструмент. Эффективный, надо признать.

– И оттуда же – преданность. Мать оставалась с вами все эти годы. Я бы принял на себя любую вину, да все что угодно, лишь бы моя мать была рядом.

– Сколько тебе было, когда она умерла?

– Пять. Почти шесть.

– И ты ее помнишь?

– Помню. И хочу думать, что помню каждое ее слово, но, видимо, принимаю желаемое за действительное. Все, что я запомнил, это вроде

пьесы с ее словами, и я смотрю эту пьесу мысленно.

– И со мной происходит то же самое.

– Так и должно быть. Кто же еще ее будет помнить, если не ты? Я воображаю маму молодой, и полной жизни, и красивой. Я помню, как она причесывалась. И что носила. И как смеялась. Помню ее аромат. И, знаешь, твои духи... тоже напоминают мне мать.

Калла вытянула руку и поднесла запястье к носу Ники:

– Называются *Bella Arancia*. Я покупаю их на ярмарке, по флакону в год.

– Прелестно.

– Спасибо. Каждый год сюда приезжает пара из Калабрии, они сами смешивают духи и одеколоны. Мои сделаны из красных сицилийских апельсинов. Ты бы купил такие для Пичи на следующей ярмарке.

– Я никогда не покупаю ей духи. Она их берет по скидке в магазине. Это всегда *Arpuge*.

– Изысканно.

– Весьма. Мне нравится. Но она не пахнет, как итальянский сад летом. Как мама.

– Однажды у вас будет дочь, и мама вернется. Так обычно бывает.

– Думаешь? Надеюсь, что это правда. Я начинаю забывать всякие мелкие детали и боюсь, что память о ней исчезнет, как только я уеду с Монтроуз-стрит. Я прожил в этом доме всю жизнь, и это единственное место, где я жил с матерью. Я вспоминаю о ней каждый раз, когда ухожу из дома или возвращаюсь. И когда я выхожу за дверь, то чувствую, что оставляю там ее.

– И что это говорит о нас? – задумалась Калла.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы не можем расстаться с родным домом.

– Наверное, есть важные причины оставаться, – пожал плечами Ники.

– Мне надо заботиться о папе.

– И я не был готов жениться до сих пор.

– А как ты узнал, что готов?

– Просто знаю. А как насчет адского красавца с нежным вздернутым шнобелем, с которым ты встречаешься?

– Фрэнк очень мил.

– Будущий мэр Филли. Важная персона. С амбициями. Основательный. Он взбирается по карьерной лестнице. Тебе лучше вложиться в шляпки.

– Эта роль не по мне, ты хочешь сказать?

– Ты способна сыграть любую роль.

Калла покраснела. Единственный человек, который говорил ей эти слова и действительно так и думал, был ее отец. И именно эти слова давали ей уверенность в себе, когда она режиссировала первую свою постановку.

– Но «Филадельфия инкуайрер» так не считает, – сказала она, собирая страницы суфлерской копии. – Мы закончили на сегодня. Иди отдыхать. Тебе надо работать над Шекспиром, а мне – заняться бухгалтерией.

– Я слышал, что некий Ники Кастоне, новый актер, все изменит. И черная полоса сменится белой для этого старого сарая. – Ники встал и помог подняться Калле.

– Это было бы прекрасно, потому что я слышала от агента Марио Ланцы, что он собирается в Голливуд, так что не приедет в Саут-Филли спасти нас, – призналась Калла.

Ники не отпускал рук Каллы.

– Тебе не нужен Ланца, когда у тебя есть Кастоне.

– Пора запереть.

Ники отпустил ее руки.

– Работать. Работать. И еще раз работать, – подшучивал Ники, провожая Каллу до двери со сцены мимо стола с реквизитом, на котором лежали стопки буклетов и афиш, рекламирующих будущее представление.

– Только так достигается совершенство. – Калла взяла пачку буклетов. – Сделай одолжение, возьми их и раздай своим пассажирам.

– У меня всего лишь человек десять в день.

– Поможет и это.

– Почему бы не мыслить большими числами?

– Хочешь забрать все?

Ники подхватил большие картонные афиши, сложенные на столе.

– Я спрошу дядю, можно ли их установить на такси. Мы же по всему Саут-Филли катаемся. Я думаю, что так весть распространится быстрее.

– Вы правда это сделаете?

Ники кивнул и зажал афиши под мышкой.

– Увидимся вечером в субботу.

И вышел.

Калла слышала, как он насвистывает за дверью. Завелся двигатель машины, потом захрустел под колесами гравий. Она выключила свет и тоже вышла, нащупывая ключи, чтобы запереть дверь. Ключ щелкнул в замке, и с этим щелчком сердце ее разбилось. Она не могла представить, что закроет театр навсегда, и у нее не осталось идей, как его спасти.

Ники ехал в гараж медленно, не торопя время. Ему надо было подумать

о том, что он узнал на репетиции, перед тем как присоединиться к семье за вторничным ужином с макаронами. В животе заурчало. Он вспомнил о тете Джо, набирающей в тарелки спагетти; как она поднимает их из миски высоко в воздух двумя большими вилками, грациозным движением, словно дирижер оркестра, и рот его наполнился слюной. Он зевнул, паркуясь на огромной цифре 4.

Пичи сидела на ступеньках, ведущих к офису, и утирала слезы. Ники вылетел из машины.

– Что с тобой? – спросил он, подбежав к ней.

Она взглянула на жениха. Там, где поплыла тушь, было темно. Вылитая Теда Бара^[52] в немом фильме, одинокая, несчастная, огромные обиженные глаза.

– Ты где был? – Она потянула носом. – Пахнет пивом. Ты пил.

– Всего бутылку.

– У нас было назначено вечером в отделе для новобрачных в «Уонамейкере».

– Ой, Пич, прости! Я забыл.

– Никто не мог тебя найти. Ни твоя тетя, ни твой дядя, ни эта цветная леди, – Пичи показала на диспетчерскую, – никто не знал, где ты. Так где же ты был?

– Я был в театре.

Она уронила голову на руки.

– Я думала, что они тебя уволили.

– Меня взяли на роль в пьесе. Я хорошо сыграл, когда ты меня там видела, и...

Пичи перебила его:

– Ты будешь играть в театре?

– Ага.

– И ты не спросил у меня?

– Это случилось так быстро.

– Еще бы.

– Извини, дорогая. Я не нарочно. Просто забыл тебе рассказать.

– Ник, нам надо составить список свадебных подарков. Серебро.

Посуда. Бокалы. Скатерти. Украшения!

– Милая, ты же знаешь, что ты хочешь. Тарелки леди Кармайн.

– Карлайл.

– Просто составь его сама. Зачем я-то тебе нужен?

– Я не обручилась со всем этим одна. Идея обручения и женитьбы – стать одним целым, все делать вместе. И в этом радость жизни. Слияние! Я

хочу, чтобы ты все это видел, держал в руках, потому что это будет то, с чего ты будешь есть и пить до конца жизни.

– Но я доверяю твоему вкусу, Пич.

– Прекрасно.

– Я не понимаю даже, зачем мы должны составлять этот список. Пусть люди дарят что хотят.

Пичи вытаращила глаза, не веря услышанному.

– Вот здесь остановись, Николас. У нас будет триста пятьдесят гостей, включая канадцев, которые не знают, что подарить, и если мы сами не выберем, то останемся в дураках с кучей всякой ерунды из «Вулворта»! Нас надуют, и мы будем жить с прессованным стеклом, хотя достойны хрусталя! Розмари Де Кара не потрудилась составить список, и теперь она живет в доме с кучей дерьма, которого не выбирала. И ест себя поедом до сих пор за то, что поленилась туда пойти.

– Я пойду с тобой завтра, – пообещал Ники устало.

– Ты должен отказаться играть. Ты не можешь работать весь день, а потом заниматься этим хобби и быть женихом. Это уж слишком.

– Позволь я тебя провожу домой.

– Я приехала в отцовской машине.

– Ты в таком состоянии, что не можешь ее вести.

– Могу. Я уже не плачу. Я рыдала, как моя тетя Шуш, которую положили в дурку, потому что она не могла остановиться. Понял?

– Это та, у которой зуб?

– Ага. Шея как у полузащитника. Я так расстроилась, когда вообразила тебя на обочине, избитого дубинкой, как животное, облезлое, покинутое,дохлое, один скелет, это и dokonало меня.

– Мне от этого не легче, Пич.

– А мне не надо, чтоб тебе было легко. Я хочу, чтоб тебе было мерзко и чтобы это не повторилось.

– Не повторится.

Пичи воздела руки:

– Это время должно быть самым счастливым в моей жизни! А стало самым мрачным. Я пребываю в юдоли слез. Каждая мелочь сжигает мне кишки, как карболка. Я не могу есть. Не могу спать, потому что только о тебе думаю. Это самый жуткий период моей жизни. И от тебя никакой помощи, Николас Кастоне. – Пичи смахнула опять набежавшие слезы.

– Все изменится, Пичи.

– Да уж надеюсь. – Она вытерла слезы платком, притаившимся под манжетой ее пальто. По белой материи расползлись разводы туши. –

Потому что я так жить не буду.

– Мы не будем.

– Поцелуй меня.

Ники поцеловал Пичи и помог ей подняться.

– Ты уверена, что мне не следует отвезти тебя домой?

– Нет, сама доберусь. Я позвоню тебе завтра, когда назначу новое время.

Ники вывел невесту на Монтроуз-стрит, открыл ей дверцу машины, и она села за руль. Пичи казалась такой маленькой – крошечное тело, тонкие руки. Даже голова казалась мелкой, и эта ее шляпка, гроздь розовых листьев, плотно прижатых к макушке... Сверху на шляпке торчал зеленый атласный стебель, из-за него головка Пичи смахивала на лесной орех. Ники долго стоял на тротуаре, после того как Пичи уехала, думая о том, что он наделал. Она права. Он все время забывал о Пичи. Что с ним случилось? И почему Пичи отошла на задний план? Она же ничего плохого ему не сделала, только любила его. Разве этого не достаточно?

Женщины семейства Палаццини собрались в главной кухне для приготовления ужина. Малыш Доминик IV пытался встать на ножки в манеже в прихожей, и Эльза наблюдала за сыном в полуоткрытую дверь. Бабушка, мать Джо, спала в качалке под шерстяным пледом в столовой. Эльза взглянула и на бабушку и повернулась к плите.

Когда мальчики Палаццини женились, то их жены вливались в жизнь на Монтроуз-стрит, 810 под началом тети Джо, которая старалась, чтобы они чувствовали себя как дома, но также давала им понять, что они должны принести жертву домашнему очагу, и у девушек появлялись обязанности. Эльза, Мэйбл и Лина должны были готовить, убирать, садовничать, стирать одежду мужей и свою и подключаться к семейным трапезам.

Все пять этажей дома были распределены по возрасту; старики расположились поближе к земле. На первом этаже – кухня, столовая и прихожая. На втором, самом просторном, помещались четыре небольшие спальни и одна ванная. Тетя Джо и дядя Дом занимали одну комнату, бабушка – другую, а Доминик, Эльза и малыш – еще две. На третьем этаже были только две комнаты, где жили Мэйбл и Джо. Поскольку Мэйбл должна была скоро родить, то вторая комната готовилась под детскую. Там же располагалась ванная, куда ходили Нино и Лина, жившие в большой комнате на четвертом этаже. Извилистая лестница вела от прихожей до самого чердака. Почту и записки оставляли на ее ступеньках, и там же

стояли корзины с бельем, носимые вверх и вниз.

В кухне в конце первого этажа бурлил огромный, до блеска начищенный чан для макарон.

Эльза добавила соли, и вода зашипела и вспенилась.

– Лина, скажи маме, что вода кипит.

Лина открыла дверь в подвал и крикнула свекрови:

– Закипела, Ма.

– Уже иду, – откликнулась тетя Джо.

– Смотрите, кто появился. Призрак Ники, – сказала Мэйбл, нарезаю свежий хлеб и складывая его в корзинку с накрахмаленной салфеткой.

Ники сел. Лина готовила закуску из сырых овощей, укладывая рядом оливки, сельдерей, фенхель и морковь.

– Хорошо выглядишь, Мэйбл.

– Как грузовик со льдом.

– Не говори так, Мэйбл, – сказала Лина, поддерживая ее.

– Да ты на мое лицо посмотри! Как головка пармезана.

– Ну скулы-то все еще точеные, – заверил ее Ники.

– Где? Над кем ты шутишь? Я купила детскую книжку про трех поросят. У него мать будет похожа на одного из них.

– Ты слишком требовательна к себе, – тихо сказала Эльза.

– Ты-то с малышом Домиником вес не набрала. Высокая и стройная, как Довина, как эти экзотические европейские модели. Может, потому, что и сама из Европы. Там все стройняшки.

Эльза улыбнулась и взяла миску салата, чтобы отнести в столовую. И грациозно миновала двери.

– Плюс еще налет загадочности, – тихо сказала Мэйбл. – Военная невеста.

– Мы все военные невесты, – заметила Эльза, подслушав на ходу, как сплетничают ее золовки.

– Извини, Эльза.

– За что? Мы все вышли замуж за солдат, так что мы все – военные невесты.

– Верно подмечено, – сказал Ники. – И теперь вы все будете мирными матерями. – Он выудил оливку из банки и сунул в рот. – Семья расширяется.

– Вместе с моей талией, – Мэйбл погладила живот.

– Неважно, какого ты размера. Ты выглядишь здорово, – заверила ее Лина.

– Спасибо моей одежде. Моя мама сшила двенадцать блуз для

беременных – и все по одной выкройке. Модель «Простота № 512», если интересно. Однажды вы увидите меня в клетчатой бумазейке, в другой день – в полосках, есть еще пара с пятнышками там и тут, с цветами и тому подобное. Потом можно будет использовать их вместо скатертей. Я пока только одну надела, и меня уже тошнит от всего комплекта.

– Очень миленькие, – зачирикала Лина.

– Ты так думаешь? Приберегу их для тебя. Ты когда-нибудь видела такой большой воротник? Мама говорит, что если на блузе для беременных большой воротник, то люди будут заглядываться на лицо, а не на то, что ниже. А я думаю, что они просто пляшутся на большой воротник.

– Во всех журналах предлагают воротники, как у пилигримов, и рукава «жиго», – вставила Лина.

– Джио заявил, что я выгляжу как те ребята, что подписали Декларацию независимости. Но что он понимает в моде?

– Не так чтобы много, – согласился Ники.

– Полегче. Он же дальтоник. Впрочем, в моем положении просто невозможно модно одеваться. Лучше бы в отделах для беременных продавали мантии для выпускников. Это сильно облегчило бы мою участь.

– И вдохновило родить умного ребенка, – сказал Ники, жуя ломтик фенхеля.

– Я о том не сильно волнуюсь. Наш ребенок точно будет разбираться в арифметике. Ты видел, как Джио делает ставки? В его мозгу больше цифр, чем в барабане лотерейщика.

– Как дела, девочки? – Тетя Джо протиснулась через подвальную дверь, держа поднос с домашними *кавателли*. Эльза взяла у нее поднос и осторожно опустила макароны в кипящую воду. – Зови мальчиков, – велела тетя Джо Ники.

– Уже. – Ники двинулся из кухни.

– Ты не поцелуешь свою тетю, которую не видишь неделями?

– Да всего пару дней, тетя Джо, – сказал Ники, но обнял ее и поцеловал в щеку. – Вы такая требовательная.

– Ты ее любимчик, – уверила его Эльза.

– Да, это так, – согласилась тетя Джо.

– Вы любите его больше, чем сыновей, – пошутила Лина.

– Ну, по крайней мере, не меньше. Правда, тетя Джо? – Ники опять приобнял ее.

– По крайней мере.

Джо вышла в прихожую и, подняв внука из манежа, вернулась в кухню.

– Ему нужна бутылочка, Эльза.

– Уже готова. – Эльза вынула бутылочку из подогревателя и попробовала ее рукой, перед тем как передать свекрови.

– Можно мне его покормить? – спросила Джо.

– Конечно.

Джо понесла внука в столовую, а Мэйбл, Лина и Эльза дружно организовывали ужин с макаронами, как всегда по вторникам. Эльза сняла *кавателли* с плиты и откинула их на дуршлаг. Лина подставила миску с тертым сыром, а Мэйбл разложила на тарелке ароматные итальянские колбаски, нежные фрикадельки и сочные ломти свинины, тушенной в томатном соусе.

Эльза вылила густой томатный соус на *кавателли* в миске, и Лина добавила еще пармезана поверх всего. Эльза взяла миску и отнесла ее в столовую. Золовки шли следом, неся тарелки с мясом, хлебом и салатом. Доминик разлил домашнее вино по бокалам. Джо наклонилась и поцеловала в щеку свою девяностодвухлетнюю мать, прежде чем занять место во главе стола. Уложив внука на руках, она стала кормить его из бутылочки. Джо вышел из гостиной в итальянском костюме, шелковой рубашке и ярко-желтом галстуке. За ним следовал Нино в серых форменных брюках «Вестерн Юнион» и в рабочей бледно-голубой рубашке с расстегнутым воротником.

Нино был худ, черные глаза искрились, величественный нос и полные губы достались ему от сицилийской ветви семьи. Братья заняли свои места, и Доминик наполнил бокалы.

– Эльза, можно ему дать немножко *кавателли*?

– Нет. Мы же только начали прикорм бананами. Посмотрим, что из этого выйдет. – Эльза поцеловала мужа в щеку.

– Ты моришь голодом моего внука, – прогремел Дом, входя в столовую. – Вот, – сказал он и протянул коробку Лине. – Я ехал сегодня по шоссе и остановился у Стаки. Черепашки^[53] на потом.

– Спасибо, папа.

– Как, а мороженое? – спросила Джо.

– У меня не было времени заехать в «Говард Джонсон».

– Мне нравятся их тянучки, – намекнула Лина.

– Ну, сегодня обойдешься черепахами.

– Спасибо, папа.

Дом сел на другом конце стола напротив Джо.

– Я уже ел макароны, когда мне было две недели от роду. Джо, скажи своей матери, чтобы научила Эльзу правильно кормить итальянских младенцев.

– Мама уже все забыла. – Джо подмигнула Эльзе.

– Если бы помнила, то приказала бы вам давать ему макароны, – рявкнул Дом.

– Папа, он наполовину поляк, так что с макаронами придется подождать, – примирительно сказала Эльза.

Бабушка шевельнулась на стуле у подноса. Мэйбл подоткнула ей одеяло под ноги. Бабушка вздохнула. Ее здоровье было подорвано после инсульта, случившегося еще во время войны.

– Да делайте что хотите. – Дом поднял руки, сдаваясь, но остался при своем мнении. – Моя мать, да будет ей мир среди ангелов, хватала все, что было под рукой, добавляла молоко, наливала это в бутылочку и кормила нас без затей. Приходилось тыкать в соску булавкой, расширяя дырочку, но на что только не пойдешь, чтобы у твоего мальчика были крепкие кости.

– Спасибо, папа. – Эльза опустила салфетку на колени.

Лина и Мэйбл быстро переглянулись. Лина пришла в семью недавно и сделала бы все, что приказал папа. Эльза же ухитрилась настоять на своем, не перечая свекру. Мэйбл и Лина полагали, что Эльза очень искусно управляется с ним.

– Джо, – сказал Дом, поворачиваясь к сыну, – сегодня заходил Джек Каррао.

– Зачем? – Джо отхлебнул вина.

– Я возобновил страховку на мастерскую, и он рассказал мне, что ты играл в карты у Казеллы.

– Да просто развеялся, папа.

– Возможно, если ставка – мелочь.

– Ну, я поигрываю то там, то здесь. Вот и все.

– Джек сказал, что ставка в ту субботу была тысяча двести долларов.

– Джо! – Мэйбл резко выпрямилась на стуле. – Опять! Да за эти деньги дом можно купить! – Она вскинула руки, и воротник на ее блузе взлетел, чуть не ударив по глазам. Она пригладила воротник. – Ты же сказал, что никогда больше не сядешь за карты.

Джо пожал плечами:

– Я только чуть-чуть, дорогая.

– Это должно прекратиться немедленно, – приказал Дом. – Мы не те люди, чтобы работать весь день и все спускать за вечер. Мы работаем, копим и на это живем. Верно, Джо?

– Совершенно верно.

– Так что завязывай, Джо.

– Ладно, папа.

Мэйбл через стол сверлила мужа глазами. Джио взглядом с ней не встречался, нарезаая колбаску тонкими ломтиками, а потом принялся класть их в рот и глотать, не разжевывая, словно пилюли.

– Я тут договорился с похоронной конторой Фьоре, – объявил Нино.

– Сделал заказ на поминки по Джио? – пошутил Доминик.

– Только если папа его прикончит, – подыграл Нино.

– Или я, – сказала Мэйбл, намазывая хлеб маслом.

Вся семья засмеялась.

– Мне не до смеха, – пробурчал Джио.

– Так что за договор, Нино? – спросил Дом.

– Им нужен еще один седан время от времени, для похорон помноголюдней, и до сих пор они брали его у «Пронто»^[54].

– Не упоминай этой фирмы в моем доме. Кто так называет компанию? Имени никого!

– Ты же забрал себе название «Палаццини», Доминик. Уже шестнадцать лет тому. Пора бы уже угомониться, – спокойно сказала Джо.

– Ладно. В общем, Фьоре сказал, что качество обслуживания там не на высоте и он предпочитает нас. Ну и я сказал, что мы только рады работать с ним, так что он зайдет повидаться с тобой.

Дом потряс вилкой, целя в Джио:

– Видишь это? Своего брата? Он приносит в дом деньги, а не ужас. Я требую, чтобы ты изменил свое поведение, Джио. Я вырос с отцом-букмекером, этот вечный стук в стену, ставки даже в сочельник. Как вспомню ту облаву прямо во время рождественской мессы, до сих пор вздрагиваю. Когда видишь собственного приходского священника в наручниках, то, уж поверь мне, начинаешь ставить под сомнение веру. И когда наместник Бога на земле сидит в камере рядом с твоим отцом, твои кишки сворачиваются как питон. Я не позволю, чтобы будущие поколения этой семьи витали в дураках!

– В облаках, Дом. Витали в облаках, – мягко поправила Джо.

– Пап, я же сказал, что брошу. – Джио покосился на Мэйбл и снова взглянул на отца: – Достаточно. Всё. Я отношусь к тебе с уважением.

– Если бы мы готовили *брачиоле*, то мясо бы уже пережарилось. – Джо грозно посмотрела на мужа: – Коли хочешь его распекать, то после еды.

– В других делах... – начал Дом.

– Я думал, мы ужинаем. Мирно и культурно принимаем пищу в кругу семьи. Это что, деловое собрание? – перебил его Доминик.

– Это называется экономией времени и сил, – объяснил ему отец. – Нам надо продать «четверку».

- А что будет водить Ники? – спросил Джо.
 - Седан, пока мы не купим новое такси.
 - А зачем продавать? – спросил Доминик.
 - Возможно, ты не слышал. У нас там был труп. Ты бы сел в такую машину?
 - Но сейчас же его там нет?
- Парни засмеялись, и к ним присоединились жены.
- Нет, – отрезал Дом.
 - Так в чем проблема, папа? Всякое случается, ты просто переступаешь и идешь дальше.
 - В нормальных обстоятельствах так и есть. Но не в нашем случае.
 - Ау! – крикнула из кухни Гортензия Муни. – Я оставлю пакет в холодильнике.
 - Миссис Муни, заходите, – завопил Дом.
- В дверях появилась Гортензия в шляпе, пальто и перчатках.
- Я положила бухгалтерскую книгу в банковский пакет. Достаньте ее оттуда перед ночной отправкой.
 - Как мы поработали на неделе?
 - Превосходно, мистер Палаццини. Мальчики трудятся вовсю, и почему-то на этой неделе было полно телеграмм.
 - День поминовения^[55] скоро, – предположил Нино.
 - Может. Я хотела бы взять неделю отпуска на Четвертое июля.
 - Конечно, миссис Муни, – разрешил Дом.
 - Куда вы собираетесь в этом году? – спросила Джо.
 - Я собираюсь покрасить кухню, – улыбнулась Гортензия. – Увидимся завтра. Доброго вечера.
- Гортензия ушла через черный ход так же тихо, как пришла. Оказавшись на улице, она заглянула в окно столовой и понаблюдала за сидящей там семьей Палаццини. Она подумала, что эти итальянцы все делают правильно – каждый вечер собираются вместе за столом за ужином. Что-то в этом есть хорошее, семейное, доброе.
- Дядя Дом, не надо продавать «четверку», – сказал Ник и отпил воды. – Я ее тщательно вычистил. Никто не догадается о том, что случилось на заднем сиденье.
 - Я не о тебе пекусь. Меня беспокоит пассажир, которому надо будет сидеть там, где другой получил инфаркт, а потом и того хуже.
 - Что – хуже? – спросила Лина. – Что может быть хуже смерти?
 - Доминик, не говори, – предупредила Джо. – Мы едим.
 - Так девушки уже убирают.

– Я хочу еще фрикаделек, – сказал Джо, забирая последнюю с тарелки. – Продолжай, папа.

– Может, хватит о делах на сегодня? Давайте обсудим что-нибудь поприятней. Свадьбу Ники, например. Она назначена на двадцать девятое октября.

Кузены принялись подтрунивать над Ники. Он заерзал на стуле.

– Успокойтесь, ребята, – осадил сыновей Джо.

– Мы ждем не дождемся, когда Ники женится, – сказал Джо.

– Теперь он узнает, что такое истинное счастье. – Мэйбл пронзила вилкой свиную отбивную и уложила ее к себе на тарелку.

– Ага, сладкая моя. Именно. – Джо закатил глаза.

– Миссис Де Пино назначила нас ответственными за печенье. Займемся этим после Дня труда^[56]. Девушки одеваются в розовое, я в желтом, а Конни Де Пино – в зеленом.

– Как рождественская елка. Будет сверкать, что твой клоун на новогоднем параде, – пообещал дядя Дом.

– Ты говоришь о будущей теще Ники.

– И что? Они нам не родственники.

– Но она будет ему семьей. Придержи язык, – твердо сказала тетя Джо.

Ники постучал ложечкой по столу:

– Дядя Дом, сделайте мне одолжение.

– Кажется, ты никогда не просил об одолжении.

– Никогда.

– Что ж, пусть это будет что-то особенное. Ведь, ясное дело, я тебе задолжал.

– Можем мы поместить афиши спектакля Театра Борелли на машины?

– Какого спектакля? – спросил Джо.

– Шекспир. Они играют Шекспира, – рявкнула Мэйбл. – Где твоя культура?

– Сейчас нету, – парировал Джо. – Мазь «Рексал» вылечивает сразу любые культуры.

– «Двенадцатая ночь». Мы ее сейчас играем, – объяснил Ники.

– Почему бы нет. Но не на «четверке». Мы ее вернем, как только я договорюсь.

– Что, интересно, такого ужасного случилось, что ты возвращаешь машину?

– Это неважно, Доминик.

– Ма, мы тут все ветераны, – сказал Доминик и посмотрел на братьев. – Мы и похуже видели.

– Расскажи им, Ники. – Дядя Дом вытащил салфетку из-за воротника рубашки. Она была покрыта красными горошинками соуса, брызнувшего, когда он поглощал *кавателли*. – Давай расскажи всем, что случилось в такси.

– Может, не надо? – Ники кивнул на бабушку, спящую на стуле.

– Она уже не здесь, что твой мешок с каштанами, – съязвил дядя Дом.

– Малоприятная тема, – заметил Джио, ковыряя в зубах.

– Ты знал? – Мэйбл посмотрела на мужа. – И мне не рассказал?

– Не хотел тебя беспокоить.

– Ты без колебаний тратишь мои сбережения, когда хочешь играть, но глупую историю с машиной держишь при себе?

– Ну, тут другое дело, – возразил Джио.

– Видишь, что ты затеял, Доминик? Эльза, принеси, пожалуйста, рулет с повидлом, – попросила Джо.

– Вот что случается, если мой племянник слишком зашился, чтобы поделиться историей. Заказ был сделан из... где ты бы?

– В Эмблере.

– Отличный тариф до аэропорта, – подтвердил Джио.

– Клиент в машине. Жена в машине. Мужик в отключке. И Ники без раздумий везет его в больницу. Жена слетела с катушек.

– У нее муж заболел, папа, и, конечно, она расстроилась, – сказала Мэйбл и оглянулась, ища поддержки.

– Они повезли его в больницу, но он уже получил обширный инфаркт в «четверке» до того, как его уложили на каталку.

– Ох, Ники, – выдохнула Лина, прижав руку к груди.

– И он умер, – тихо закончил Ники.

Вся семья забормотала соболезнования. Мэйбл перекрестилась.

– Но они все же забрали его в больницу и шарахнули разрядом! Не помогло. Все равно умер. – Дом ударил себя кулаком в грудь.

– Я был на его похоронах, – добавил Ники.

– Хотел получить чаевые? – пошутил Нино.

Все, кроме Ники, засмеялись.

– Принести дань уважения.

– Ты же не знал этого парня, – мягко заметил Нино.

– Правда, – кивнул Ники.

– Иногда в жизни появляются люди, и ты сам того не знаешь, но они меняют твою судьбу, – уверенно заявила тетя Джо.

– Вот и со мной так случилось. Он погубил мою машину, – добавил Дом.

– Я двенадцать лет спал в кровати, на которой умер дедушка, и ты не купил мне новую. Зачем тогда менять отличную машину? – не унимался Нино.

– Потому что человек умер в машине из моего гаража, и я не хочу, чтобы сплетни о моей компании бродили по Саут-Филли. Понятно? Мы предоставляем услуги высшего качества, а подобные истории губительны для дела. «Пронто» все это раздует, разукрасит и лишит нас бизнеса, они напечатают деньги на нашем несчастье. Я слишком тяжело трудился, чтобы все потерять из-за случайного происшествия на пути в аэропорт. Так вот. Это мое окончательное решение. Ники, ты водишь седан, пока я не доберусь к моему корешу Лою Карузо на Стейтен-Айленде и не заменю «четверку».

– А ты скажешь ему, что случилось? – спросила Джо. – Зачем ему навьючивать на себя катафалк?

– Ты теперь решила заговорить? – Дом посмотрел на жену. – С машиной все в порядке. Ей всего три года, не драндулет какой.

– Это как заложить обручальное кольцо, когда свадьба расстроилась. Дурная примета, – встряла в разговор Лина.

– Или счастливая примета для человека, который покупает кольцо с камнем по дешевке и не интересуется его происхождением. Просто отдает его подогнуть по мерке и живет долго и счастливо, натянув бриллиант на палец, – охладил Дом невестку.

– Думаю, ты должен рассказать своему продавцу, что в машине случилось несчастье. Тогда все будет по-честному, – предложила Джо.

– Ну вот, теперь ты принуждаешь меня рассказать о худшем.

– Это необязательно, Дом, – возразила Джо.

– Что может быть хуже смерти? – раздумчиво заметил Джо.

– Когда тот пассажир получил обширный инфаркт в моей машине...

– Дом, я серьезно, – угрожающе сказала Джо.

– Он обмарался.

– Он... что?! – Фрикаделька в желудке Нино подпрыгнула мячиком. Он отложил вилку.

– Ты слышал его, – скорчила гримасу Мэйбл. – У меня, кстати, очень слабый желудок.

– А я не слышала. Но услышала сейчас, – нахмурилась Лина.

– Вот, теперь у всего семейства несварение, – прикрикнула Джо на мужа.

– Джо, они должны знать. Что касается «четверки», я сделаю так, как привык вести дела. Точка. Факты: пассажир почувствовал боль. Инфаркт.

Он умер. Он обделался. Машина продается. Конец истории.

Из кухни пришла Эльза и начала расставлять тарелки для десерта.

– Я собираюсь порвать с Пичи, – тихо сказал Ники.

Доминик повернулся к кузену:

– Тебе так нравится жить в подвале?

– Что случилось? – спросила Лина.

– Что ты натворил? – начала допытываться Мэйбл.

– Ничего. – Ники откинулся на стуле.

– С тобой все в порядке, Ник? – мягко спросила Эльза.

– Нет, не все.

– Видишь, что ты наделал. – Тетя Джо зыркнула на мужа.

– А я тут при чем?

– Ты продаешь машину, на которой он ездил. Нарушив порядок вещей в нашем мире. Заставив Ники сомневаться. Это был человек, уверенный в своих решениях, а теперь он в растерянности. – Тетя Джо повернулась к Ники: – Ты не можешь разорвать помолвку.

– Почему не может? – вмешался Дом. – Отмени подносы с печеньем. Возврати образцы ткани Конни Де Пино. Она может надеть свои зеленые блестки и огромную шляпу на пикник «Рыцарей Колумба».

Эльза вернулась на кухню.

– Меня не волнует одежда, – ответила тетя Джо. – Меня не волнуют десерты. Меня волнует Ники. Он любит Пичи – любит ее уже семь лет. Не фунт изюма. Нельзя просто все отбросить. Это что-то значит. И ему пришло время жениться.

– Я согласен, тетя Джо. Но начал задумываться.

– О чем?

– Что-то я сомневаюсь.

– Однажды утром, когда я брился, это случилось и со мной. Так бывает, – авторитетно сказал дядя Дом. – Я всегда сомневаюсь. Сомнения кувыркаются во мне, как китайские акробаты. Я так от этого возбуждаюсь, что, думаю, получаю микроинфаркты.

Эльза вернулась, неся рулет с повидлом. Она поставила его на стол и начала резать, укладывая ломти на десертные тарелки и пуская тарелки по кругу. Мэйбл дотянулась до деревянной вазы с орехами и расположила ее в центре стола. Мужчины брали орехи в скорлупе пригоршнями, пока Мэйбл раздавала щипцы для колки.

– Может, это из-за тех странных похорон, на которых ты был? Может, тебе не следовало туда идти? – предположила Лина. – Там тебя и сбили с панталыку.

– Может быть.

– Не делай ничего наспех. – Мэйбл дотянулась до последней фрикадельки на тарелке Джо и съела ее. – Утро вечера мудренее, – добавила она и унесла оставшуюся посуду.

– Надеюсь.

Все это время Ники оставался с Пичи по причине более важной, чем любовь. Раньше он полагал, что она ему подходит. Но так ли это теперь, когда в его жизни столько произошло? Он не был уверен.

– Обещаешь, что не будешь спешить? – взмолилась тетя Джо.

– Мама не хочет, чтобы ты рвал с Пичи, потому что она уже получила от банка посуду, – сказал Доминик, раскалывая фундук щипцами и отправляя ядрышко в рот.

– Какую посуду? – растерялся Ники.

– Это сюрприз, – подтвердила тетя Джо.

– Какой может быть сюрприз, если ты ее всем даришь? – спросил Нино.

– Эта посуда из банка ничего не стоила. – Джо налил себе кофе.

– Ничего? – удивилась Мэйбл.

– Ох и болтун же ты, – упрекнула Джо среднего сына. – Ладно. Эльза, Мэйбл и ты, Лина, помните, я подарила каждой из вас по сервизу на свадьбу? Так вот, я сэкономила и получила их от банка.

– С бирками, – добавил Нино.

– Отличная посуда. – Лину весьма заботили все свадебные ритуалы, включая выставку подарков в доме невесты после церемонии. – У меня на девичнике она имела огромный успех.

– И я так думаю. Конечно, у меня уже есть сервиз для Ники и Пичи. Он в подвале. Белый, с узором из маргариток.

– Очень сподручно на каждый день. Наш – голубой с васильками по ободу. Если когда-нибудь у нас будет собственный дом, – тоскливо сказала Лина.

– Так подари сервиз с маргаритками кому-нибудь другому, – нетерпеливо заметил дядя Дом. – Или придержи до поры, когда Ники женится на другой девушке, ему по нраву. Почему мы столько обсуждаем коробку бесплатной посуды?

– Меня не посуда волнует, – сказала тетя Джо. Она ровно расположила столовые приборы по бокам своей тарелки. – Мне жалко Пичи. Несчастливым Де Пино и так досталось. Во время войны его родственников отправили в Нью-Мексико и посадили в лагерь для интернированных. Тогда собрали всех итальянцев в Нью-Хейвене без объяснений. Именно так семья Де Пино тут и оказалась.

– Я не знала, что они беженцы. – Мэйбл расколола орех.

– Ну, не совсем. Ал нашел здесь работу незадолго войны.

– Все итальянцы с лодками были на подозрении. А у Де Пино был ялик, – подтвердил Дом. – Вот так они с нашими и обходились.

– Папа, были же основания. Италия воевала на стороне врага. – Мэйбл налила себе кофе.

– Но это не давало им права преследовать нас в Америке.

– Это еще одна пощечина семье. Еще одно разочарование. Сначала их оторвали от семьи из-за войны, а теперь они теряют Ники. Что они сделали, чтобы заслужить такое потрясение? Они хорошие люди.

Эльза взяла ребенка у свекрови и ушла в кухню.

– Ма, поосторожней. – Доминик последовал за женой.

– Мне что, никогда не вспоминать войну в этом доме? – воздела руки Джо.

– Нет, – сказали хором Нино и Джо.

– Извини, Ники. Надеюсь, ты передумаешь. У тебя голова идет кругом. Я думаю, ты нездоров. Ты бледный. Может, у тебя анемия. Низкий уровень железа. Ты устал, – рассуждала Джо.

– Может, его Пичи утомила. – Дом отведал рулета с повидлом.

– Да не в том дело, дядя Дом.

– Тогда почему ты решил с ней порвать? – спросил Джо.

– Семь лет – дальше ждать некуда, – назидательно сообщил дядя Дом.

– Что это значит, папа? – тут же спросила бдительная Мэйбл.

– Это значит то, что значит. – Дом ударил кулаком по столу.

– Ну не совсем же семь лет, – возразила тетя Джо. – Ники здесь не было половину срока. Пичи училась в коммерческом училище в Олбани какое-то время, он ушел в армию. Если так посчитать, то они только недавно начали встречаться.

– Он не должен жениться на ней, если не уверен на сто процентов, что он этого хочет. Иначе он будет несчастен и сделает ее несчастной, и это будет катастрофа. – Лина встала и положила руки на плечи Ники. – Я тебя поддерживаю, Ники. Делай все правильно – и окажешься на верном пути. Надо принести еще сливок для кофе. – И она ушла на кухню.

– Пичи покончит с собой, – сказала Мэйбл, ковыряя вилочкой рулет. – У меня нет личного интереса, потому что я не подружка невесты. Как женщина в положении, я буду сидеть с прочими гостями и даже не смогу участвовать в приношении даров. Никак. Буду в толпе с остальными зеваками, пока на свадебном обеде меня не посадят за фикусом в горшке, где я буду предлагать гостям расписаться в книге, перед тем как они

войдут в зал. Но я знаю кое-что про семью Де Пино: они собирали ящики шампанского на эту свадьбу еще со времен гражданской войны в Испании и пойдут в штыковую атаку, если Ники все порушит.

– Мэйбл, не подливай масла в огонь, – тихо предупредил Джо.

– Кто подливает? Это правда. Нельзя держать девушку на привязи семь лет, а потом обрезать веревку и отправить ее болтаться по морю, как прохуdivшуюся шлюпку. Пираты так делали, и в наказание их заставляли пройти по доске прямо в воду. Но все дело во времени. Оно имеет цену. Следовательно, когда ты расточаешь чье-то время, ты его крадешь, особенно женское. Ты крадешь ее юность, а это все равно что украсть у нее машину.

– Ты сейчас еще больше усугубляешь чувства Ники, – упрекнул жену Джо.

– Но это он разрывает помолвку! – возвысила голос Мэйбл.

– Он ее не любит! – заорал Джо.

– Он сам не знает, чего хочет! – завопила Мэйбл еще громче.

– Ее он не хочет! – вскочил Джо.

– Ему надо повзрослеть! – Мэйбл тоже встала и нависла над обеденным столом.

– Он уже взрослый! – Джо стукнул по столу, а потом снова уселся.

– Мужчина не колеблется, приняв важное решение! Он точно знает, что ему нужно, и добивается этого. Так ведь, Ма?

– Ты права, Мэйбл, – вяло отозвалась Джо.

Дядя Дом налил себе немного ликера.

– Женщины всегда заодно, с самого детства. Никогда не играй в «Али-Бабу» с ученицами школы Святого Сердца. Эти девки выстраиваются, как забор, уж поверьте мне, и даже четыре всадника Апокалипсиса не прорвутся. – Он осушил бокал.

Ники глотнул «Фернет-Бранки»^[57], и это придало ему сил.

– Она поймет. Я это делаю не ради себя.

– О, теперь это акт благородства любящего сердца? – Мэйбл была озадачена. – Ники, во имя Господа, выбери уже версию.

– Ты ей наверняка жизнь разрушишь, если не женишься, – мягко сказала тетя Джо.

– Как? Помимо кольца, нового дома и самой свадьбы, что такого важного в женитьбе? – Ники начал раздражаться.

Словно гроб пронесли по комнате. Ники слышал, как сердце дяди Дома бьется в сонную артерию.

Мэйбл подняла руку:

– Можно я скажу?

– Лучше бы помолчала, – сдавленно пробормотал Джио.

– Ники, – начала Мэйбл, – я живу в этой семье двенадцать месяцев, и, если позволишь, я тебе объясню запросто. Так что слушай внимательно. Как только девушка начинает мыслить, она начинает мечтать о дне свадьбы. Она мечтает о свадьбе, как мальчик мечтает стать знаменитым бейсболистом, разбогатеть, покорить мир и прославиться.

Джио застонал.

– Женщина хранит девственность как приз, – продолжала она. – Так она оберегает свое будущее с одним мужчиной, под одним Богом, в единственном доме, по ее замыслу. В обмен на такую жизнь, взлелеянную в ее мечтах, обещанную мужчиной, которого она выбрала, и связанную приличным кольцом, женщина дарит мужчине удовольствие, которого он никогда прежде не ведал.

Дядя Джо рыгнул ликером.

Мэйбл продолжала:

– Посмотри, что получает мужчина. Он получает жизнь! О нем заботятся! У него появляется дом, полный детей, горячая еда, стираное белье, отполированный пол, чистые простыни, ему массируют ноги каждую субботнюю ночь по нечетным неделям или что там еще пожелает муж, тут уж каждая пара сама решает. А что она получает? Она обретает смысл жизни. Женщина создана невестой, чтобы стать женой, и это ее работа, дающая ей место в этом мире, которое неоспоримо, неопровержимо и уникально в ее глазах и в глазах Бога и закона. Когда ты лияешь, обманув женщину, когда ты нарушаешь брачное обязательство, ты лишаешь ее работы, обесмысливаешь ее жизнь.

– Найдет кого-нибудь другого, – вмешался дядя Дом. – Она достаточно хорошенькая девушка. Такой зеленый помидорчик.

– Это не то, что мы хотим от помидора. – Джо уже не скрывала раздражения.

– Неважно. Этого не случится. Она никого не найдет, если Ники все порушит, – уверила свекра Мэйбл.

– Откуда ты знаешь? – спросила Лина.

– Пичи слишком долго ждала Ники. Все из нашего круга уже женаты. Все, кто мог бы заменить его, погибли на войне. Ну разве что какой старый гусь свободен, но никто не хочет выудить такое. Пичи пришел конец. – Мэйбл закинула три ложки сахара себе в кофе.

– Я согласна с Мэйбл. – Тетя Джо погладила Ники по руке. – До сих пор ты никогда не делал людям больно.

– Послушайте, я хотел бы стать Джо Ди Маджо^[58], но я не злюсь, если не способен бросить бейсбольный мяч. Я не собираюсь жениться на Пичи, потому что она этого хотела с пеленок. Я не стану на ней жениться, потому что вам так удобно, или потому что Де Пино хотят воспользоваться дармовым шампанским, которое они выиграли на ярмарке, или потому что им неприятно, что их кузенов отправили в лагерь.

– Так не женись. – Тетя Джо убрала руку с руки Ники.

Мэйбл собрала посуду для десерта.

– Отлично. Не женись на ней, Ники. Но ты будешь ненавидеть себя до конца жизни. Вечером, закрывая глаза, ты будешь видеть ее лицо – как лица святых на открытках. Ты будешь думать о ее огромных глазах размером с крышку люка, и призрак ее лица заставит тебя содрогнуться, как электрический кабель в ванне. Я бы не смогла жить с постоянным напоминанием о боли, которую я причинила. Но, конечно, решать тебе.

Мэйбл подхватила посуду и удалилась на кухню.

– Боже милостивый, что твоя наковальня. – Дядя Дом допил пиво одним глотком.

– Я женился на крепкой девушке, – сказал Джо, пожав плечами. – Она может голыми руками машину поднять.

– Для этого у нас в гараже есть подъемник, – напомнил ему Дом.

– Джо, помоги жене с десертом. Папочка захочет мороженого. В морозильнике есть персиковое. – Тетя Джо постаралась отвлечь отца и сына от перепалки. Джо послушался.

– Мэйбл у нас исполинша. Никогда не видел такой большой женщины. – Дом съел шоколадную «черепашку» из кондитерской Стаки.

– А твоя мать?

– Она в юности была ширококостной.

– Так Мэйбл тоже ширококостная.

– От *сфольятелле*. Не от костей.

– Неважно. Все высыхают под конец. Мы все сжимаемся. Кости, не кости. Так что помолчи.

– Может, у Мэйбл там тройня. Ники, мы, наверное, подселим к тебе парочку младенцев.

– Никаких младенцев в подвале не будет, – пообещала Ники тетя Джо.

Это напомнило ему, что он уже заплатил первый взнос за дом в Уортоне. Как же он запутал все, сколько теперь предстоит распутать, если это вообще возможно. Ему хотелось проснуться однажды утром, опять изменив решение, и все-таки жениться на Пичи.

– Не женись на ней, – донесся из качалки голос укрытой пледом

бабушки.

Вся семья уставилась на нее.

– Нехорошая! – сказала она и снова закрыла глаза.

– Стоит прислушаться к моей теще. Когда она не в маразме, то способна к провидчеству. – Дядя Дом расколол орех, выудил ядрышко и сжевал. – Как по мне, это знак.

– Папа, надень свитер, – сказала Калла, выглядывая из-за сетчатой двери.

– Мне нравится прохлада, – объяснил ей Сэм.

Ветерок тормозил листву на старом вязе, бросавшем тень на веранду, опускался синий вечер.

Калла открыла дверь ногой, протянула отцу чашечку эспрессо, а другую, для себя, поставила на стол, достала полотняную салфетку из кармашка фартука.

– Бискотти, – Калла протянула печенье отцу, – с орехами и фисташками.

Сэм взял печенье и сел.

– Из тебя получается отличный кондитер.

– Ты так думаешь?

– Эти уже не хуже, чем у твоей мамы.

– Я передам твои слова парням из кондитерской.

Сэм улыбнулся.

– Я подумал, ты собираешься сообщить мне, что готова выйти замуж за Фрэнка Арриго, завести собственный дом и начать печь по маминым рецептам.

– Перестань, папа.

– Ты не хочешь замуж?

– Может, когда-нибудь.

– Он хочет на тебе жениться.

– Он что-то сказал?

– Да это лишнее. Он летает кругами, как колибри. Так все мужчины делают.

– Он мне нравится.

– И кажется славным парнем.

– Все случилось слишком быстро.

– Твоей матери было восемнадцать, когда мы полюбили друг друга. А поженились, когда ей было двадцать.

– Я знаю.

– Мне хотелось бы, чтобы ты уже устроилась.

– Я устроена.

– Ты за мной смотришь. Не так должна проводить время молодая

женщина.

– Я сама это выбрала, и именно этого я хочу.

– Елена предлагает, чтобы я жил с ними.

– Елена? Ты там и двух дней не выдержишь.

– И даже одного, – хмыкнул Сэм.

– Но как мило, что она предложила.

– У меня три добрые дочери, Порция тоже приглашает. Но я никогда не перееду в Нью-Йорк. Не в мои годы.

– Ты должен жить здесь, в доме, который ты любишь, и до последнего дня.

– Это не всегда возможно, Калла.

– Возможно, пока это зависит от меня.

– Почему ты так уверена? Кто сделал тебя ответственной за счастливый конец моей жизни?

– Я считаю, у тебя должно быть то, что ты хочешь. Ты проработал всю жизнь. И тяжело. И это не та работа, где пробил пропуск, отсидел там, забрал зарплату и ушел домой. Ты работал, не боясь высунуть голову из-под панциря, рисковал, создавал нечто, увлекавшее людей, поднимавшее их дух, заставлявшее думать. Твое творение уносило людей от скучной работы и заставляло их чувствовать, что невозможное возможно. Ты никогда не знал, много ли останется тебе на жалованье и содержание семьи. Куда уж труднее. И более того, ты терпел критику на виду у всех. Тебя терзали в рецензиях, а ты должен был высоко нести голову и возвращался вечером в театр, притворяясь, что все эти ужасные вещи, написанные о твоих лучших усилиях, тебя не беспокоят. Поэтому я хочу, чтобы ты жил в этом доме до самого конца. И делал то, что хочешь. Так что выбор за тобой.

– Я выбрал, Калла. И твоя мать позволила мне выбрать. Она хотела, чтобы я был счастлив работой, даже если это значит, что год или два пройдут без нового платья для нее, или отпуска у океана, или что там еще доставляет удовольствие женщинам. Она никогда не давала мне почувствовать, что я теряю время или разбрасываюсь на мечту, которая нас не обеспечивает. Она позволила мне быть самим собой. Я надеюсь, что жизнь после смерти существует, потому что я хочу ее увидеть и поблагодарить. Я не благодарил ее. Она пожертвовала всем для меня и для вас, девочек, и мы принимали это как должное. У меня были свои цели, у нее свои. В итоге все, пожалуй, успешно сложилось, но альтруистом был только один из нас.

– Когда мама умирала, она просила меня присматривать за тобой.

Сказала, что, может, ты женишься второй раз. Она думала, что Моника Спадони уже положила на тебя глаз.

– Она сошлась с обойщиком из Метачена.

– Так что в этом мама ошиблась. Но и ты ошибаешься, говоря о ней. Она любила тебя, восхищалась твоей работой и поддерживала театр. Я почти уверена, что она наслаждалась Шекспиром даже больше, чем ты. Поэтому не стоит бичевать себя за то, что ты сделал или не сделал. Ты сделал много, и этого достаточно. И ты тоже многим пожертвовал. И поэтому я не хочу, чтобы ты был вынужден жить с Еленой, ее мужем и их шумным выводком или с Порцией в Нью-Йорке. Ты останешься здесь, в своем доме, где у тебя есть покой, и кухня, и сад, который, может, и не особо хорошо выглядит, но по-своему растет как умеет. Договорились?

Сэм Борелли кивнул, потому что говорить он не мог. Он боялся, что заплачет, и последнее, что он хотел, – это чтобы Калла его пожалела.

– Я помою посуду. – Она поцеловала отца в щеку. – Тебе ничего не надо?

– Не-а. Спасибо.

Калла ушла в обветшавший дом. Зажглись уличные фонари, розовые лучи пробились через сумрак, словно осветив сцену. Сэм пил эспрессо и воображал, что могло бы развернуться на этой сцене.

Сэм перечитывал «Лира», и «Ричарда», и всех «Генрихов», ища совета у королей. Он возвращался к пьесам, захватившим его в юности, но теперь все эти истории стали ему понятны, он находил мудрость в стихах, фразах, описавших его боль и бесконечную тоску по последнему акту жизни. Монологи и диалоги, однажды бросавшие ему вызов на сцене, теперь стали для него литературой, и он мог читать их просто в поисках ответа. Сэм всегда чувствовал ясность и прозрачность шекспировского канона, но теперь обнаружил там еще и утешение.

Лир испытывал дочерей, поэтому Сэм не делал этого никогда. Ричард покровительствовал фаворитам двора, что и привело его к поражению, так что Сэм тщательно следил, чтобы в труппе соблюдалось равенство. Генрих IV убедил Сэма передать театр Калле, следующему поколению, чтобы он стал ее собственностью и отражал новые взгляды. Но у Шекспира, такого знакомого Сэму, в текстах, сопутствовавших ему многие годы, не было ничего, что могло бы подготовить его к последней сцене его жизни.

Сэму Борелли трудно было поверить, что он прибыл по месту назначения. Он никогда не думал, что может состариться, но это случилось. Он никогда не предполагал, что переживет жену, но пережил. Он не предвидел время, когда не сможет работать, ставить пьесы, вести

дела театра, но и это произошло. Так что он проводил время за чтением пьес, которые всегда доставляли ему удовольствие, пытаясь обрести в их чтении смысл жизни на последнем отрезке.

Он сомневался, что успеет срежиссировать это таинство.

С самого начала своей карьеры Сэм Борелли взял за правило ставить финальную сцену каждой пьесы уже на первой репетиции, и со временем этот прием стал его личным почерком. Актерам это никогда не нравилось, но Сэму такой подход давал возможность посмотреть на пьесу как на целое и подвести игру к задуманной развязке. Так и в жизни: если человек вообразит себя на смертном ложе, он будет способен принять лучшие решения, зная, что его ожидает в конце. Или, по крайней мере, он проведет отмеренное ему время умнее.

Ночное небо над Белла-Вистой, украшенное серыми облаками, заслонявшими звезды и луну, отливало фиолетовым. Под огородиком на плоской крыше дома Палаццини мерцала вся округа, мерцали ряды огней над садами, а оранжевый янтарь на жаровнях сверкал, словно корзины с золотом.

Эльза одна на крыше поливала помидоры и наслаждалась свежим воздухом. Ники открыл дверь, ведущую на крышу.

– Извини, Эльза. – Ники повернулся, собираясь обратно на лестницу.

– Нет, нет, поднимайся. Сегодня было безоблачно, так что им хватило солнца. Но надо побольше воды.

– Вроде ночью будет дождить, – сказал Ники, поглядев на небо.

– Может, и будет.

– Хороший урожай?

– Хватит на две зимы.

– Слушай, давай я помогу. – Ники отобрал у нее шланг.

Эльза села в шезлонг и вытянула ноги.

– Малыш спит? – спросил Ники.

– Он всегда засыпает в восемь.

– Ты знаешь, что тетя Джо от тебя в восторге?

– Почему?

– Твой мальчик живет по режиму.

– Я помню маму, и как она вела наш дом, так и я делаю.

Ники кивнул.

– Все о тебе беспокоятся, – сказала Эльза. – Ты уверен, что следует порвать с Пичи?

– Во мне уверенности даже больше, чем когда я просил ее выйти за

меня.

– Не давай никому давить на тебя, вынуждать сделать то, чего ты не хочешь.

– Это нелегко.

– Если ты ошибешься в выборе жены, то жизнь твоя будет очень печальной.

– Похоже, печаль меня ждет в любом случае.

– Только сначала.

Ники закрыл воду, сел в другой шезлонг и предложил Эльзе сигарету. Она не отказалась. Ники дал ей прикурить и закурил сам.

– У тебя есть опыт расставания?

– Есть.

– Ты шутишь.

– Я была обручена с одним мужчиной до войны. И он был хорошим человеком. Его звали Питер. Он был профессор и ехал домой с конференции, попал в аварию и погиб.

– Соболезную.

– Мы должны были пожениться и планировали переехать в Америку вместе. Перевезти мою семью и его родителей. Он умер, все развалилось. Его мать не хотела уезжать далеко от его могилы. Заупрямилась и осталась на родине.

– А твоя семья?

– Мои отец и мать полагали, что все это ужасная ошибка и что народ Германии опомнится. И мы знаем, что случилось дальше. Я потеряла семью. Сестер. И ради чего?

– Уже потеряв Питера.

– В каком-то смысле это приготовило меня к худшему. Я уже сломалась, война добила меня.

– Но ты встретила Доминика.

– Он похож на Питера.

– Да ну?

– Я подумала, что Доминик – это он. Война закончилась, пришли американцы. Однажды я стояла в компании девушек – мы вместе работали в госпитале, и считалось, что нам повезло. Американцы были в увольнении и позвали нас на танцы. Вместе с другими офицерами вошел Доминик и посмотрел на меня так, будто давно меня знал, и я почувствовала то же самое. Так все и началось.

– И вы сразу поженились?

– Когда нас освободили, Доминик вернулся за мной.

– После единственной встречи?

– Он знал.

– А ты?

– С ним я чувствовала себя в безопасности. Для меня это и есть любовь.

Ник, ты должен решить, что такое любовь для тебя. Так все поступают. И все люди разные.

– Кто бы спорил.

– Тебе надо найти девушку, похожую на тебя в том, что для тебя важно.

– Пичи хочет свадьбу, дом, детей, но у меня странное чувство, что меня она, по сути, не хочет.

– Почему ты так говоришь?

– Все, о чем она мечтает, она может получить с любым парнем в мире.

Чтобы ее мечты осуществились, во мне она не нуждается.

– Уверена, что она так не думает.

– Наверное, она этого не поймет, даже если я ей объясню.

– Но ты должен будешь объяснить.

– Я знаю. Она слишком долго ждала.

– Пусть тебя это не расстраивает.

– Почему?

– Потому что она не обязана была ждать. Никто не заставлял ее ждать.

Ники обдумал эти слова, и они показались ему резонными. Ни разу Пичи не сказала: «С меня достаточно». Она никогда ни на чем не настаивала, не принимала ничью сторону – только его; она терпеливо ждала, зная, что Ники в конце концов исполнит ее желание, потому что он всегда делал, как она хочет.

– Пойду проверю малыша.

Она начала спускаться по ступенькам, но потом вернулась:

– Ники, помимо всего, что я желаю тебе испытать, я хочу, чтобы ты познал радость видеть, как спит твой малыш. Это восполняет почти все, что я потеряла.

– Я тебе верю.

Эльза ушла, а Ники откинулся в кресле, медленно затянулся сигаретой и задумался, где же взять смелости изменить свою жизнь. Он помнил, что мужество появляется неожиданно. Если он сможет помолиться об этом, то надо просить умения узнать, когда это случится.

Калла прижала ухо к двери спальни. Услышав громкий ритмичный храп отца, она улыбнулась и пошла по коридору в свою комнату. Она оставила дверь слегка приоткрытой на случай, если понадобится отцу

ночью, и залезла в постель. Легкий прохладный ветерок веял через открытое окно. Калла слышала тихие отголоски хохота с улицы: мужчина с женщиной прошли под окном, смеясь какой-то шутке. Она поежилась и натянула одеяло до подбородка.

В последнее время Калла засыпала, проигрывая в уме одну и ту же сцену – пятую сцену четвертого акта «Двенадцатой ночи». Она воображала, как негнущееся бархатное платье висит отдельно от ее тела, жар прожекторов у себя на лбу, пятна краски на полу сцены и прикосновение Ники Кастоне, когда он отбросил прядь волос с ее глаз. Ее мысль уносилась к свидетелям, зрителям за изгибом рампы, эту сцену наблюдавшим. Она помнила свои наставления актерам на тему свадебных сцен в комедиях Шекспира. Персонажи вступают в брак перед толпой, чтобы клятвы нельзя было нарушить. Люди редко нарушают обещания, сделанные публично.

Калла постоянно видела сон, где они с Ники появляются в других сценах пьесы, иногда играя самих себя. Действие начинается, Ники произносит слова своей роли, но, когда приходит время вступить Калле, она не может говорить. Калла никогда не говорила во сне, хотя помнила текст. Она раздражалась, стараясь заговорить, объяснить, что понимает, что знает роль.

Калла подумывала рассказать Фрэнку об этом странном сне, но решила промолчать, хотя раз они становились ближе, то именно таким следовало бы поделиться. Она все никак не могла понять, почему ей это снится, а когда просыпалась – сон не забывался.

Вызывая в памяти тот вечер, она вспоминала, что не могла контролировать свои эмоции. Она помнила, что Энцо и Ники играли отлично, но по какой-то непонятной причине сама потеряла контроль над действием. Это неважно, конечно, она же была лишь дублером, введенным в последнюю минуту, и к тому же почти совсем неопытным дублером. И не то чтобы она не оправдала собственных ожиданий. Было там еще что-то, совершенно иное, до поры от нее скрытое. Но со временем она надеялась разрешить эту загадку.

Посол Карло Гуардинфанте проснулся на больничной кровати, не понимая, где он и почему тут оказался. В окне ему был виден кусочек пасмурного неба. Когда он попытался двинуться, живот, туго перетянутый бинтами, как корсетом, не позволил ни согнуться, ни сесть, ни сделать глубокий вдох.

Последнее, что он помнил, – это как цедил шампанское и ел омара, сидя

с американскими итальянцами и капитаном теплохода «Вулкания».

Карло запаниковал и стал громко звать кого-нибудь.

Солидная монахиня, невозмутимая сестра Джулия Деннехи, появилась в дверях в длинном бело-голубом облачении. Она помогла Карло лечь.

– Вам следует отдыхать, сэр.

– *Parli Italiano, Sorella?*

– *Poco*^[59], – улыбнулась она.

Монахиня немного говорила по-итальянски, а посол слегка владел английским, так что в итоге получилось кое-как побеседовать – достаточно, чтобы развеять его страхи.

– *Dove sono?*

– *L'ospedale*^[60]. В больнице Святого Винсента в Гринич-Виллидже, в Нью-Йорке.

– *Cosa mi è successo?*^[61]

– Вы потеряли сознание на борту корабля, вы были очень больны. Вас доставили сюда, как только корабль пришвартовался. Хирург удалил вам аппендикс.

Карло осмотрелся. Его парадный мундир висел на двери. Медали болтались на перевязи, оттягивая шелк. Кофр стоял в углу комнаты.

– Мне надо ехать. *Sono un ospite d'onore di una festa a Roseto*^[62], Пенсильвания.

– Нет. Я не могу этого позволить. У вас была операция. Вы можете подхватить инфекцию, если выпишитесь. Я пошлю телеграмму и объясню обстоятельства вашего отсутствия.

Карло посмотрел в глаза сестры Джулии. Неважно, на каком конце света ты пребываешь, спорить с монахиней везде бесполезно.

Он кивнул на мундир:

– *C'è una lettera nella tasca della mia uniforme.* – Карло вздохнул. – *I miei piani*^[63].

Сестра записала маршрут Карло и адрес получателя в Розето и ушла. Листок с текстом телеграммы она передала дежурной медсестре:

– Телеграмма в Розето, Пенсильвания.

– Где это, сестра?

– Пошлите в Филадельфию, там разберутся.

ТЕЛЕГРАММА

КОМУ: БУРГОМИСТРУ Р. ТУТОЛОЛЕ

ОТ: СЕСТРЫ ДЖУЛИИ ДЕННЕХИ, БОЛЬНИЦА СВ. ВИНСЕНТА,

Н. –Й.

ПОСОЛ ЗАБОЛЕЛ РИСКОМ ЖИЗНИ. ВСТРЕЧУ ОТМЕНИТЬ. СДД.

5

По случаю дебюта Ники в «Двенадцатой ночи» семейство Палаццини выкупило весь девятый ряд партера целиком. Ники предупредил девушек насчет шляп, и те сделали ему одолжение. Тетя Джо спрятала шиньон под сеточку; Эльза надела скромную шляпку из черного бархата, которая очень шла к ее воскресному пальто; Линина бирюзовая атласная каскетка без полей выглядела так, будто Лине голову перебинтовали; а Мэйбл надела берет, свой единственный миниатюрный головной убор. Берет изумрудного бархата хоть и смотрелся не по сезону, но был признан крошечным и потому годным для похода в театр.

Тетя Джо пригласила семейство Де Пино. Пичи, одетая с головы до пят во все розовое, казалась плюхой малинового варенья, восседая между своими родителями по самому центру ряда. Троица застыла, будто кол проглотив, напоминая гранитные колонны тосканской гробницы.

Ники не постеснялся сообщить Де Пино о «шляпном правиле», так что Пичи повязала волосы лентой с плоским розовым бантом, а вот ее мамочка, пытаясь вписаться в отведенные рамки, остановила выбор на небольшой соломенной шляпке, украшенной высокими страусовыми перьями. (Зрительнице позади Кончетты пришлось взгромоздиться на городскую телефонную книгу, чтобы видеть сцену поверх этих самых перьев.)

Дом обосновался в крайнем кресле в конце ряда. Его больное колено торчало в проход, как прут для поиска воды. Нино сидел возле отца, Доминик-сын занял последнее сиденье с другой стороны, место Джио рядом с братом оставалось пустым.

Джио переминался с ноги на ногу в глубине зала, положив подбородок на балюстраду, и глядел на сцену. Лицо кузена напоминало яблоко, на котором хорошенько потренировались стрелки из Шервудского леса. Джио помнил предупреждение Ники насчет ловчил, занимающих чужие кресла в театре, но вот беда – в толпе кузен всегда страдал клаустрофобией. Стоило ему попасть в людное место, как он начинал обильно потеть, хватать ртом воздух и искать выходы, так что Джио обосновался поближе к одному из них, чтобы в случае чего спастись бегством.

Калла прошла по коридору позади гримерных в подвале. Из комнат выходили актеры в костюмах, чтобы подняться наверх и занять свои места в первой сцене спектакля. На Калле была тюлевая юбка карамельного

цвета с пышным многослойным подъюбником и белоснежная блузка, с которой так хорошо сочетался мамин жемчуг. На ходу она причесывала щеткой волосы.

– Ну что, как у нас дела? – спросила она ведущего актера труппы.

– У нас все хорошо.

Тони сунул окурок в жестянку-пепельницу, собираясь подняться на сцену. Калла отвела его в угол:

– Пригляди там за Ники, ладно?

– Он справится.

– Ты так думаешь?

– Он этот спектакль получше меня знает.

– Мне кажется, он очень нервничает. – Калла сжала руки.

– А мой первый выход? Ты помнишь?

– Ага. Ты сбежал через служебную дверь. Нам пришлось дать занавес. Папа отыскал тебя на Пайн-стрит, в переулке.

– И душа у меня была в пятках.

– Пойду посмотрю, как он.

Калла прошла в конец коридора, к мужской гримерной, и постучала в дверь:

– Все в приличном виде?

Услышав утвердительное мычание в ответ, она вошла и увидела Ники. Тот сидел в одиночестве перед зеркалом.

– Ты готов?

Ники кивнул.

– Ты замечательно сыграешь, – сказала Калла, чтобы его поддержать.

Ники кивнул.

– Я постараюсь... пережить это.

– Ты все делаешь просто отлично.

– Вся моя семья здесь.

– У нас аншлаг. Твой дядя пригласил всех, кто служил в Американском легионе, и они оплатили полную стоимость. Роза чуть не рехнулась. Ей никогда не приходилось считать такое количество денег. Пришлось даже счетной машинкой воспользоваться. Спасибо тебе! – Калла повернулась, чтобы уйти, но Ники схватил ее за руку. Она посмотрела на него, и на сердце у нее потеплело. – Ты готов, Ник. Честное слово, готов.

Она улыбнулась, и в эту минуту лицо Каллы Борелли показалось Ники ангельским ликом. Свет, отраженный в зеркале, мерцал в ее глазах, словно в черных шпинелях, волосы обрамляли лицо, словно картину. Золотая и чистая, она парила над ним, оберегая. И чувство защищенности позволило

ему быть с ней откровенным.

– Я боюсь.

Калла села рядом и взяла его за руки:

– Ты знаешь все до последнего слова. А если и забудешь что-то, Тони и Норма тут же тебя прикроют. Энцо тебе верное подспорье. Он знает все роли в пьесе и подстрахует тебя. Да и Джози, как обычно, так и норовит сзади прижаться... (Ники засмеялся.) Бояться нечего, если только ты не боишься успеха.

– Я делаю именно то, что хочу, – тихо сказал Ники.

– Так что в этом плохого?

– Со мной такое впервые.

– Ну, самое время. И ты это заслужил.

Фрэнк Арриго стоял в дверном проеме гримерки, наблюдая, как его подруга держит за руки парня в лосинах, как они склонились друг к другу и шепчутся, чуть ли не щека к щеке. Момент был так интимен, казалось, голубки вот-вот поцелуются. Фрэнк даже попятился, не желая мешать, но тут вспомнил, что Калла – его девушка, и увиденное ему не понравилось. Ревность окатила его всего мерзкой грязно-зеленой волной.

– Эй! – рявкнул он, и они отпрянули друг от друга.

Калла подпрыгнула на стуле, а Ники обернулся к Фрэнку.

– У меня тут небольшой сценический мандраж, – объяснил он.

– Хлопни рюмашку, глядишь – и отпустит.

Фрэнк подал руку Калле, и та встала и пошла за ним.

– Все у тебя получится, – подбодрила Калла Ники. – Увидимся после спектакля.

– Если я расщедрюсь, – предупредил Фрэнк.

Роза Де Неро приглушила свет в фойе. За много лет работы в Театре Борелли она впервые была в приподнятом настроении. Время постановки больше не тянулось для нее бесконечно долго, ей, между прочим, было чем заняться. Аншлаг означал полный сбор, какое же это было для нее удовольствие после стольких вечеров, когда боольшая часть бархатных кресел в зрительном зале пустовала. Роза вернулась в кассу, чтобы сосчитать выручку.

Гортензия Муни протиснулась в застекленную дверь и подошла к окошечку кассы:

– Один билет, пожалуйста.

Роза подняла на нее глаза.

– Есть у вас места для цветных? – непринужденно поинтересовалась Гортензия.

– В бельэтаже, кажется.

– Вам кажется? – Гортензия улыбалась, но в голосе чувствовалось праведное возмущение.

– Цветные зрители еще ни разу в этом театре не появлялись.

Гортензия хмыкнула:

– Ну, у Шекспира нас маленько есть. Отелло, например. У вас найдется билет для меня?

– Да, найдется. Осталось всего одно место в бельэтаже. Два доллара.

Гортензия просияла и полезла в сумочку:

– Ники Кастоне собрал полный зал!

– Вы считаете, дело в этом?

– Конечно!

– А я-то думала...

– Он особенный, – сказала Гортензия. Она положила две хрустящие долларовые банкноты на тарелочку для денег и поднялась по лестнице, чтобы занять свое место.

Капельдинер несколько опешил, увидев ее, но кивнул, проверил билет, протянул ей программку и предупредительно приподнял плюшевую занавесь, чтобы она могла незаметно проскользнуть на свое кресло с краю.

Сэм Борелли прошел через фойе, когда Роза Де Неро закрывала двери зрительного зала.

– Мистер Борелли!

– Мне придется стоять, – сказал он с усмешкой.

– Смотрите молодцом.

– Я слышу удивление в твоем голосе.

– Вас так долго не было видно.

– Я репетирую возвращение. Что скажешь?

– Мы сегодня распродали полный зал. Только что купили последний билет.

– А вот и вершина моего триумфального возвращения.

Сэм прокрался в зал. Из-за балюстрады партера он глядел поверх голов зрителей. Роза была права. Ни одного пустого кресла. Он полной грудью вдыхал атмосферу театра, запах масляной краски, благоухание ландышей, табачный дух и аромат свежих чернил на глянцевой бумаге афиши. Столько лет прошло, а предвкушение мига, когда поднимется занавес, все так же будоражило кровь Сэма Борелли.

Калла поддернула юбку и бросилась по лестнице, ведущей за кулисы, перешагивая через две ступеньки. Фрэнк следовал за ней по пятам. В кулисах актеры выстроились по порядку, точно карты в колоде, готовые

выйти в начальной сцене спектакля. Ники стоял позади Тони, не сводя со сцены глаз и сосредоточившись на задаче, которая ему предстояла.

Калла тихо присвистнула, готовясь освободить шкив и открыть занавес. Фрэнк взял на себя тросы, так что у Каллы появилась возможность бросить последний взгляд на трупку, прежде чем грянули фанфары. Она была уверена в них, но сейчас ей хотелось успеха для Ники гораздо больше, чем для себя. Ники-Себастьян не появится на сцене до начала второго действия. Калла на цыпочках подошла к нему:

– У тебя полно времени. Расслабься.

– Хорошо, – прошептал Ники, неотрывно глядя на сцену.

Фрэнк бесило, что Калла снова уделяет внимание Ники. Если бы он мог, то поднял бы один из мешков с песком, которые служат грузилами для канатной системы, опускающей и поднимающей декорации, да и швырнул бы этот мешок в Ники Кастоне. Но вместо этого он нежно взял Каллу под локоток, притянул к себе и обхватил за талию, чтобы всякому стало понятно, кому она принадлежит.

– Пошли смотреть спектакль вместе с папой.

В ответ Фрэнк легко поцеловал ее в губы.

Пичи Де Пино собиралась попросить у Ники текст пьесы, чтобы прочесть ее перед дебютом жениха, но ее так поглотили предсвадебные заботы, что она забыла. К тому же театр стал темой, которую они обходили стороной. Она настаивала, чтобы он бросил игру, но он проигнорировал ее требование, так что она в ответ притворилась, что ничего и не требовала.

Рука Пичи, затянутая в перчатку, проскользнула под руку матери. Конни посмотрела на дочь и кивнула, отчего страусовые перья на шляпе качнулись и заплясали в воздухе. Сидевшая на телефонной книге зрительница позади Конни отстранилась, а на сцене тем временем разворачивалась первая картина.

Пичи была благодарна матери – верному рулевому на корабле ее долгого сидения в невестах, безошибочно ведущему дочь в спасительную гавань свадебной церемонии. Именно мама уговорила Пичи не обращать внимания на Никину дурацкую увлеченность театром. Всякий брак – это тяжелая борьба, убеждала ее Конни, и как бы мать ни хотела оградить свое дитя от любых треволнений, Пичи и Ники тоже борьбы не избежать.

А еще Конни очень обрадовалась, когда Джо Палаццини позвонила и пригласила их на спектакль, – тем самым Джо показала, что Палаццини с Де Пино заодно и хотят, чтобы свадьба прошла без недоразумений, чтобы все было так же восхитительно, как Конни запланировала, что они любят Пичи и жаждут соединения двух семейств. Эти жесты доброй воли были не

просто жестами, они давали понять, что брак намечается крепкий и будет поддерживаться с обеих сторон, двумя добропорядочными семействами. И тем вечером Конни смогла вздохнуть с облегчением: ее опасения насчет шоу-бизнеса и участия в нем Ники отошли на второй план, когда они с мужем и дочерью, надежно обрамленные Палаццини с обеих сторон, расположились в самом центре ряда. Конни расслабленно откинулась на спинку кресла с видом уверенным, если не сказать самодовольным.

Прожектора, закрепленные на стене бельэтажа, были прикрыты синими светофильтрами – в цвет воды у побережья Капри. На сцену лились лучи всех оттенков голубого, вызывая в воображении мерцание морских волн. Ники проследовал за Поли, чтобы занять свое место на авансцене. Все чувства его обострились до предела, он слышал в кулисах шепот: «Ни пуха ни пера», шелест программ в зале и знакомый гул голосов его домочадцев, пока он шел через сцену.

Поли-Антонио повернулся к Ники:

– *Остаться дольше вы не хотите? И не хотите, чтобы я шел с вами?*

Ники посмотрел на него, зная, что следующая реплика – его, но не мог ее вспомнить. Он глубоко вдохнул. Поли тихо подсказал ему, направляясь в глубину сцены: «Не взывайте, но...» Однако суфлерство не помогло. Ники стоял неподвижно, залитый синевой беспредельной, текучей и неосязаемой.

Палаццини и Де Пино подались вперед, не совсем понимая, в чем дело, но чувствуя – происходит что-то ужасное. Сэм Борелли безмолвно произносил слова Себастьяна, стоя в конце зрительного зала.

Находчивый Поли подал свою следующую реплику, надеясь вывести Ники из ступора. Он знал, что когда актер пропускает реплику, то ее надо немедленно забыть, и пусть представление идет своим чередом.

– *Позвольте мне все-таки узнать, куда вы направляетесь.*

Фрэнк подпирал стену партера позади балюстрады, скрестив руки на груди, и тайком ликовал, что этот артишок в колготках сейчас провалится, а Калла шагнула к отцу и встала рядом.

Гортензия в бельэтаже подалась вперед.

– *Давай же, Ники, – шепнула она чуть слышно, – давай!*

Ники повернулся к зрителям, и голубые прожекторы, словно прохладные воды, освежили его, вернули к жизни, в пьесу, в эту сцену, в эту роль и в этот самый миг.

– *Нет, сударь, право же; намеченное мною путешествие – простое скитальчество. Но я вижу в вас такое замечательное чувство скромности, что вы не станете испытывать у меня то, что я хотел бы*

оставить про себя; поэтому пристойность тем более велит мне открыться самому. Так вот, вы должны знать обо мне, Антонио, что мое имя – Себастьян, которое я сменил на Родриго. Мой отец был тот самый мессалинский Себастьян, о котором, я знаю, вы слышали. После него остались я и сестра, с которой мы родились в один и тот же час. Отчего не угодно было небесам, чтобы так же мы и кончились! Но вы, сударь, судили иначе, потому что за какой-нибудь час до того, как вы извлекли меня из морского прибоя, моя сестра утонула.

Калла торжественно приподнялась на цыпочки, когда Сэм одобрительно кивнул. Руки Гортензии взметнулись вверх, она беззвучно воскликнула «Аллилуйя!», а семейство Палаццини хором облегченно выдохнуло и откинулось на спинки кресел. Ал Де Пино по-прежнему сидел прямо, презрительно взирая на будущего зятя. Что за мужчина наряжается в обтягуши? И почему этот тип в обтягушах женится на его дочери?

Конни украдкой оглядела зал. Как только она увидела одобрение зрителей, его победа тут же стала ее собственной победой. Губы ее расплзлись в улыбке, которая так и осталась на лице до самого занавеса. Пичи, вспотевшая так, словно ее окатил проливной дождь, оттянула влажную ткань на подмышках, чтобы проветриться.

А на сцене Ники окунулся в пьесу, вспомнив свою роль. Стараясь не переиграть, не приукрасить, он вслушивался, двигался точно и отчетливо произносил слова. Сэм заметил, что Калла особенно пристально следит за Ники во время сцен с его участием. Калла заметила, что отец смотрит на нее. Без лишних слов он знал, что происходит, и она знала, и знал Фрэнк Арриго.

После спектакля обе семьи и несколько зрителей ждали актеров в фойе. Чтобы отпраздновать дебют Ники, Роза принесла бумажные стаканчики и несколько бутылок холодного шампанского, оставшегося после премьеры.

Едва Ники появился, его со всех сторон обступили тетя, дядя и кузены. Джио схватил его в охапку:

- Поверить не могу, что ты все это выдержал до конца.
- Да и ты, Джио. Это же твоя первая пьеса, да?
- Ага. Если не считать «Герту в чулочках». Смотрел ее в Поконо.
- Высокий класс! В этом весь мой Джио. И как ты только запомнил такую кучу строчек, Ники? – восхитилась Мэйбл.
- Они просто сами слетали с губ в нужное время.
- Ты был такой красивый в сцене свадьбы! – млела Лина.
- А язык вас не смутил? – спросил их Ники.

– Со временем начинаешь понимать, – заметил дядя Дом. – Как будто приехал в чужую страну, слушаешь-слушаешь, и наконец люди становятся тебе понятны.

Роза передавала стаканчики с шампанским, а Ники наслаждался поддержкой своих родных. Пожалуй, именно это он любил больше всего – быть частью большой семьи и чувствовать ее поддержку. Палаццини стояли друг за друга горой всегда и везде. Когда кто-то принимал присягу, получал диплом или водительские права, все члены семьи надевали свои лучшие шляпы и отправлялись к герою дня, чтобы стать свидетелями достижения. И если было у Ники хоть какое-то чувство уверенности в себе, то исходило оно из круга, созданного тетей Джо и дядей Домом. Хотя он был для них не сыном, а только племянником, Ники всегда чувствовал, что он внутри этого круга.

Пичи со своими родителями стояла в сторонке и наблюдала, как Палаццини обхаживают Ники, ожидая, когда настанет ее очередь. Мать подтолкнула Пичи пальцем в спину.

– Иди к ним, – прошипела она.

Пичи просочилась в толпу Палаццини, как розовое пятнышко во взбитых сливках на вишневом десерте, и пробралась поближе к жениху.

– Ники, ты был прекрасен, – сказала она, обвивая его обеими руками.

– Ты так считаешь?

– Да. Поначалу была какая-то неловкость, что-то случилось, но потом ты опомнился. (Палаццини примолкли.) Ну, я имею в виду, все это чепуха, – спохватилась Пичи. – Никто и не заметил ничего.

– Так зачем ты тогда вспомнила об этом? – пробормотала Мэйбл себе под нос.

– Это заминка была, просто заминка. А дальше ты всю пьесу был безупречен, как палмеровское чистописание.

Ники обнял Пичи:

– Спасибо, солнышко. Для меня твоя поддержка дороже всего на свете.

Ал Де Пино стоял в стороне и закатывал глаза, пока не остались одни белки.

– Ни слова! – шепотом предупредила мужа Конни. – Держи себя в руках.

– Может, закажешь еще один кружевной пеньюар, женишку в приданое?

– Вот я о том и говорю, Ал, – зыркнула на него Конни. – Не умеешь себя вести – седи в машине.

К группе присоединились Калла и Фрэнк.

– Мистер Палаццини, я Калла Борелли, и я хочу поблагодарить вас за то, что сегодня театр был полон.

– Это меньшее, что могли сделать парни из Легиона. Думаю, что спектакль им пришелся по душе.

– Мы вам очень благодарны.

– А знаете, мистер Пи, парень Каллы однажды станет мэром, – сообщила Пичи. – Мэр Фрэнк Арриго.

– Пичи просто провидица. – Калла похлопала Пичи по плечу. – Надеюсь, это пророчество сбудется.

– Я тоже. – Фрэнк улыбнулся Пичи.

– В самом деле? – сказал Дом, смерив Фрэнка взглядом. – Вы не в своем уме, если думаете, что этот город когда-нибудь выберет мэром итальянца.

– Времена меняются, сэр, – пожал плечами Фрэнк. – Мы вторгаемся в их границы.

– Только потому что сами же их и возводим, – огрызнулся Дом. – Но желаю удачи. Вы мужчина крупный, станете крупным политиком со временем. Иногда это все, что нужно.

– И денег мощно, – пошутил Фрэнк.

Дом одобрительно кивнул:

– Эй, да с таким отношением вы можете повернуть выборы на свой лад.

Ники убедился, что у всех есть шампанское. Пичи взяла поднос и встала рядом с ним, а Ники поблагодарил всех в фойе за то, что пришли на спектакль.

– Нам надо идти. – Конни продела руку под мужнин локоть. – Мы хотим попрощаться. – Она прервала Ники, скармливающего небольшой группе слушателей анекдоты о пьесе: – Утром у нас примерка. Ты ведь скоро привезешь ее домой, Ники?

– Да, конечно.

– Я на самом деле устала, дорогой. – Пичи обняла Ники за талию.

– Сейчас, одну секундочку – и пойдем, – пообещал Ники и продолжил свой рассказ.

Фрэнк помогал Розе собирать пустые стаканчики. Калла стояла у кассы с отцом.

– Устал, папа?

– Я не устаю в театре.

– Кто захочет спать, занимаясь любимым делом.

– Вот именно, Калла. Не забывай об этом. Когда любишь свою работу,

тебе не нужен отпуск.

– Неужели это правда?

– По-моему, да.

– Я думала, мы не ездили в отпуск, потому что у нас денег не было.

– Ну и поэтому тоже, – рассмеялся Сэм.

Калла оглядела фойе. Пичи положила голову Ники на плечо. Она посмотрела на Фрэнка, беседующего с Алом Де Пино, потом снова на Ники. Проследила, как Ники взял Пичи за руку и повел к застекленной двери, следом шел клан Палаццини.

– Все хорошо? – спросил ее отец.

– Какая большая семья.

– Что может быть лучше.

– Жаль, что у нас такой не было.

– У нее тоже есть свои минусы.

– Конечно, есть. Но кажется, что так у тебя всего втрое, – сказала Калла с легким сожалением. – Больше поддержки, больше любви. Видишь, как они любят Ники.

– Смотря какая семья. Иногда семья не помогает, а даже наоборот. Я такое тоже встречал. Со стороны все кажется иначе. За закрытыми дверями и занавешенными окнами всегда прячется какая-то тайна.

Сэм отошел к труппе, кучкующейся в стороне, актеры курили и смеялись. Он хотел поздравить и их.

Калла облокотилась на окошечко кассы, как раз когда Роза Де Неро подняла заслонку. Треск испугал Каллу.

– У меня вопрос, – сказала Роза сквозь стекло.

– Да, у нас есть ночной депозитарий в банке. Нам просто до сих пор не приходилось им воспользоваться.

– Ну это-то я знаю. Я уже все подготовила. У меня другой вопрос, если вы не против. У нас есть секция для цветных?

– Не думаю.

– Теперь есть. Я продала одной леди билет. Единственный. Посадила ее в ложу.

– Она не обиделась?

– Да нет, ей понравилось. До конца отсидела.

– Шляпа с длинным пером?

– Ага. Ваша знакомая?

– Знакомая Ники.

Калла сияла. Гортензия Муни пришла. У Ники больше чем семья – весь мир за ним стоит, вот счастливчик. Мир всех цветов.

Ники сделал крутой поворот, объезжая Институт искусств по пути к ближайшей стоянке возле «Фонтана морских коней» в Саду азалий. Оранжевое солнце вставало на розовом небосклоне, фиолетовое кружево азалий просвечивало сквозь зелень вдоль извилистых дорожек, посыпанных белым гравием. В утреннем свете камешки у него под ногами казались золотыми самородками.

Не услышав привычного плеска каскадов воды, опадающих из ребристой чаши на верхушке фонтана, он ускорил шаг и увидел, что просторная чаша под постаментом суха. Мраморные морские кони, поддерживающие чашу, тоже были сухими, струйки воды не стекали по резным чешуйкам их гладких спин, не опадали в бассейн под ними.

Ники обошел основание фонтана и обнаружил ремонтника, который обрабатывал проволочной щеткой известняковый бортик бассейна под морскими конями.

– Что тут стряслось?

– Трещина в дне. Вчера нашли и поставили заплату.

– Я думал, что этот фонтан незыблем.

– С чего вы взяли?

– Ну, не знаю. Итальянский белый известняк. Разве это не самый долговечный камень? К тому же высечен великими мастерами.

– Великим мастерам далеко до Бога. Они создают красоту, но не могут заставить ее существовать вечно. Да и Бог сам из их артели. Посмотрите на женщин.

– Женская красота – вопрос восприятия, а не возраста, – пожал плечами Ники.

– Да это я шучу. Здесь проблема во внешнем виде. Работа великолепная, но фундамент под давлением скульптур, да прибавьте еще массу воды. Рано или поздно придется все разобрать и закрепить центральный диск.

– Как-то мудрено.

– И дорого. В том-то и беда с такими творениями – они созданы впечатлять. Никто не думает: «А как долго оно будет работать, как сохранится через десять, двадцать лет, как выстоит при непогоде?» В благоуханном Риме слыхом не слыхали о филадельфийских ветрах. Понимаете, о чем я?

– Понимаю.

– Долговечное должно строиться с запасом внутренней мощи. Облицовка...

– Это всего лишь облицовка, да?

– Строителю нужно было оставить себе возможность работать над камнем при надобности, здесь ведь не одна монолитная глыба.

– Я часто сижу на скамейке у этого фонтана. Очень интересно узнать такие подробности. Спасибо. – Ники повернулся, чтобы уйти.

– Куда же вы теперь пойдете загадывать желание?

– Что?

– Вы разве не собирались загадать тут желание? Ну, там, швырнуть монетку в фонтан.

– Я пришел просто подумать.

– У вас вид человека, который уже принял решение.

– Принял?

Мужчина засмеялся:

– Или вы рассчитывали тут кого-то встретить.

– Я один.

– И пришли подумать.

Мастер оторвался от своего занятия.

– Жаль, что не могу пообещать вам, что скоро вода снова польется из этого фонтана. При нынешнем положении вещей я бессилён. Даже работая сверхурочно, я не смогу быстро закончить.

– Вы любите свою работу?

– Я зарабатываю, чтобы моя жена могла тратить. Я доволен. Меня ждет хорошая пенсия. Я работаю инженером в этом городе с двадцати шести лет. Вы женаты?

– Нет.

– А хотели бы?

– На правильной девушке.

Ники пинал камешки носком ботинка. Теперь, когда солнце встало, гравий на дорожке снова посерел, золотой налет исчез вместе с утренним светом.

– Когда Бернини строил оригинальный фонтан в Риме^[64], ему как раз разбила сердце женщина. Морские коняшки – единственные существа мужского пола, которые могут размножаться без женских особей. Вот такое послание в *равиоли*, понимаете?

– Еще бы.

– Вам тоже разбила сердце?

– Боюсь, я сам должен разбить кое-кому сердце.

– Хотите совет? Не делайте этого в ее день рождения, или на праздник, или в привычном для нее месте.

– Вы говорите так, словно побывали в моей шкуре.

– Ну, не без того. Я как раз выбрал не тот день, не то время, не то место.

И это сказалось.

– И во что это вылилось?

– В декабре будет тридцать два года, как я женат.

– Мои поздравления. – Ники протянул руку: – Ники Кастоне.

– Эд Шонесси. Все зовут меня Большой Эд.

Дядя Дом откинулся на водительском сиденье «четверки», словно в обитом бумазеей мягком кресле в углу гаража, где он дремал или слушал игры «Доджеров» по радио. Левый локоть он выставил в открытое окно водительской двери, руль покоился в ложбинке между большим и указательным пальцем, а правая рука обнимала спинку пассажирского сиденья.

Когда они встали в очередь на автомобильный паром, у Дома заурчало в животе.

– Ники, пошарь там в корзинке для пикника, что нам тетушка твоя собрала.

– Сейчас. – Ники дотянулся до корзинки на заднем сиденье и поставил ее себе на колени. – Да тут всякой снеди полно.

– А что именно?

– *Кавацуны*. Сэндвичи с ветчиной и маслом. Оливки. Печенье.

– А попить что?

– Лимонад.

– Вот умница моя! Ники, когда женишься, неважно, на своей чудосочной яголке или...

– На Пичи?

– Ага, на девчонке Де Пино этой. Худышке. На ней ты женишься или еще на ком, но выбирай девчонку, которая умеет собирать корзинку для поездки в автомобиле.

– Так что вы будете?

– Сэндвичи и оливки оставим на обратный путь. Подкрепимся *кавацуном*. На этом мы продержимся какое-то время. Люблю поесть сладенького перед сделкой.

Ники развернул широкий полукруг из теста, который тетя Джо предусмотрительно разрежала надвое. Хрустящая корочка, начинка из взбитой *рикоотты*, яйца и ванили. Дядя и племянник откусывали и блаженно жевали нежную вкусноту. Не было слов, чтобы описать, какое легкое и вкусное лакомство эти *кавацуны*, так что ели они молча.

- Дядя Дом, вы знали моего отца?
- Да, знал. Не очень хорошо, правда. Но знал.
- И какой он был?
- Хороший парень. Почему ты спрашиваешь?
- Интересно.
- Раньше ты никогда не спрашивал.
- Не считал, что это уместно.
- Почему?
- Ну, вы знаете, как это бывает, о чем-то можешь спросить, а о чем-то не стоит.
- Ты, сынок, можешь спрашивать меня о чем угодно. Я – открытая книга с оборванными страницами. Мама твоя была красавица.
- Я ее помню.
- Все, кто ее знал, никогда ее не забудут. Твоя тетя до сих пор плачет, так по ней скучает.
- А вы скучаете по своему брату?
- Дом крикнул.
- Нет, не скучаю.
- Он ведь еще жив.
- Да, жив.
- Тогда это другое дело. Если бы он умер, вы бы испытывали другие чувства. Или нет. Не хочу говорить за вас.
- Я стараюсь не думать об этом. И не могу ничего изменить.
- Можете. Вы в любое время, когда захотите, можете пойти на Фицуотер-стрит и поговорить с ним.
- Я не хожу туда, где мне не рады.
- А если бы он к вам пришел?
- Мои двери всегда открыты.
- Значит, вы скучаете по дяде Майку.
- Дядя Дом стряхнул крошки с рубашки.
- Ну, скучаю по нашему общему прошлому. Он знает то, что только он может знать обо мне, и наоборот. Вот доживешь до моих лет, поймешь. Но приходится на другую чашу весов положить *Sturm und Drang*, суматоху и возбуждение. А когда дело касается твоего дяди, то очевидно, что чаши то и дело качаются и шатаются.
- Если бы у меня был брат, я бы не смог жить совсем рядом с ним и не видеться.
- Я знаю, что Майк есть где-то там.
- Но вы не разговариваете друг с другом.

- Но знаю, что он там.
- И этого достаточно?
- Должно быть достаточно. Уже ничего не поправишь.
- Почему?
- Слишком все запутано. Слишком.
- И это все?

– Просто нужно это принять. Я ходил к священнику поговорить об этом. И он рассказал мне историю про Возрождение. Смешно, что всякий раз нужен ирландец, чтобы рассказать итальянцу о его народе. Словом, я рассказал ему о своих горестях, потому что виноват в этой ситуации. Я старший брат, я несу ответственность, понимаешь? Первородство – понятие, уходящее корнями в Библию, к Исааку, Иакову, Исаву, это основа закона как такового. Первенец получает все. И никаких разговоров. Так вот тот священник сказал, что мы с Майком были соперники, как Микеланджело и Леонардо Да Винчи. Когда мы работали вместе, мы собачились и у нас были проблемы. Но когда мы разделились, у меня дела пошли хорошо и у него дела пошли хорошо. Священник сказал: «Иди поговори со своим братом, и будьте просто братьями. Оставьте бизнес в стороне». Но я не смог этого сделать. Было слишком поздно.

Дом въехал на территорию автомагазина «Авто Лу Карузо: новые и подержанные» на Эмпайр-стрит и плавно остановил «четверку» возле стеклянной будки в центре площадки.

– Корзину захвати, – велел он Ники.

Ники ждал снаружи с корзиной в руках, а дядя Дом вошел внутрь стеклянной будки. Ники видел, как мужчины пожали друг другу руки. Лу Карузо сел в кресло, и дядя Дом принялся договариваться о том, чтобы снова выставить «четверку» на продажу. Дядя Дом широко развел руки в стороны в торговом раже и сильно смахивал на того канатоходца, что прогуливался по проволоке между двумя небоскребами с арбалетом в руках, одетый только в балетные тапочки и борцовское трико. Все выглядело так, будто дядя пытается уравновесить в руках цену подержанного автомобиля и стоимость нового.

Ники восхитился и попытался скопировать позу дядюшки, глядя на собственную тень на асфальте. Он вспомнил, как Сэм Борелли настойчиво просил своих актеров наблюдать, как люди себя ведут, как эмоции воздействуют на движения тела. Что-то было такое в телесном языке дяди Дома, заставляющее мужчин внутри будки слушать и делать, как он скажет. Сквозь стекло Ники видел, что Лу Карузо не то заморожен, не то

развлекается. Неважно. Судя по всему, дядя Дом преуспел. Если кому и довелось изучить всю гамму человеческих эмоций, от лютой жадности до равнодушия и в обратном порядке, так это продавцу подержанных авто.

Дядя Дом вышел со связкой ключей и бросил ее племяннику.

– Возьмем чуть подержанный «крайслер» 1946 года. Пробег меньше, чем у нашей старой «четверки», можешь себе представить? И салон роскошный. У Лу Карузо отличный вкус. Будешь кататься с шиком.

Дом взял корзину и подвел Ники к площадке, на которой стояло новейшее пополнение автомобильного парка семейства Палаццини.

Горчично-желтый автомобиль сиял на солнышке. Ники заглянул внутрь. Дядя Дом не шутил. Черные кожаные сиденья, простеганные пуговицами бирюзовой кожи, со сверкающей отделкой лакричного цвета, выглядели модно и стильно, даже слишком стильно для простого филаделфийского такси. Перед тем как занять водительское сиденье, Ники поднял капот. Двигатель смотрелся оркестром из трубок, проводов, болтов и коробок – все в идеальном состоянии.

– Как там под шляпой? – поинтересовался дядя Дом, когда племянник устроился на водительском месте новой подержанной машины и вставил ключ в замок зажигания. Сам он забрался на пассажирское.

– Просто красавица, – ухмыльнулся Ники.

– И вся она твоя. Поздоровайся со своей новенькой «четверкой», – сказал дядя Дом, отодвигая спинку своего кресла.

– Я почти счастлив, что работаю таксистом, дядя Дом.

Ники повернул ключ в замке. Мотор замурлыкал, как Эрта Китт^[65] на вибрирующей длинной ноте, и Дом с племянником отправились домой.

Ники ждал Пичи на дорожке возле «Уонамейкера». Он сделал последнюю затяжку, и тут Пичи показалась за вращающейся дверью. Она улыбнулась сквозь стекло.

– А где «четверка»? – спросила Пичи, целуя Ники.

– Дядя Дом вернул ее продавцу.

– Она же была почти новая.

– Ага. Но у него имелись на то причины.

– Вы там присматривайте за ним. Ты же понимаешь, что в его возрасте артерии твердеют, старики съезжают с катушек и начинают делать глупости. Я не позволю, чтобы это случилось с тобой.

– Уже, наверное, поздно.

– Какие у тебя симптомы?

– Да все, какие есть.

– Тогда держи их в секрете хотя бы до свадьбы. Мне эти болячки не нужны. Мама хочет, чтобы мы пошли к священнику в воскресенье, потому что список вступающих в брак на наше число уже закрыт, но там уже много, и мы записаны карандашом, а надо чернилами или, как предпочитает мама, кровью. Под конец десятилетия слишком многие женятся.

– Я этого не знал. Почему?

– Последний срок. Девушка говорит: смотри, или мы поженимся до конца 1949 года, или в 1950 году вообще не будет слова «мы».

– Разумно.

– И я так думаю. В жизни ничего нельзя достичь, если не установить конечный срок.

Ники свернул на парковку церкви Царя Мира.

– Что мы здесь делаем?

– Давай посидим в саду.

– Но это не мой приход. И не твой.

– Но тут тихо.

– Давай поедем вокруг и послушаем радио. Сейчас передают «Ласковую ночь». Поет Клуни. Ты же ее любишь.

– Мне сейчас не до музыки. И мы не виделись с того раза, когда ты пришла в театр.

– Я была занята планированием свадьбы. Всякими деталями. У мамы столько дел! Все проверить. Коктейльные салфетки с нашими инициалами. Спички! Наши имена и дата свадьбы серебром, о, Ники, тебе понравится. Когда ты откроешь спичечный коробок, ты найдешь сюрприз, мама туда что-то положила. Там изречение на бумажке: «Чиркни во имя любви». Разве не мило? Мама все подбирает в голубых тонах. Скатерти. Блюда для закусок. Я не знала, что «океанская волна» – это цвет, а ты?

– Никогда не слышал.

– И я. Я слышала про цвет морской волны, но «океанская волна»... Это глубокий синий.

– Не знал.

– Кстати, ты будешь в визитке. Серое пойдет твоим голубым глазам. Мама вспомнила, как я вырезала фотографию герцога и герцогини Виндзорских из журнала «Лайф», когда была в школе, – это до того, как я узнала, что они симпатизировали нацистам. Так или иначе, герцог надевал визитку по любому случаю, даже на пляж. Он совсем не такой красавчик, как ты, да и она, честно говоря, лицом напоминает старую кувалду, но вместе они выглядели безумно элегантно.

Ники припарковался у церкви.

– Что случилось, Ник? Церковь. Или что-то с тобой происходит, или что-то разваливается. Или хорошие новости, или дурные. Или ты мне сейчас подаришь драгоценность, или у тебя рак мозга.

– Ни то ни другое. – Он открыл дверь машины, помог Пичи выйти, взял ее за руку и повел к скамейке.

– Спасибо, Господи Иисусе. – Пичи откинулась на спинку скамейки, воздев руки к небу. Потом обернулась и посмотрела на статую Девы Марии: – И тебе, Святая Дева. Помогите мне. Не хочу дурных новостей.

– Пичи, нам не следует жениться.

Пичи повернулась, взяла его за лицо и повернула к себе:

– Что?!

– Я долго думал об этом, молился, и получается, что мы не должны жениться.

– Почему не должны?

– Мы не подходим друг другу.

– Откуда ты знаешь?

– Если убрать все свадебные подробности, что остается?

– Мы с тобой.

– Мы друг другу безразличны.

– Даже когда я подбираю образцы ткани, я думаю о тебе. Когда я выбираю закуски для коктейлей, я думаю о тебе. Когда я обдумываю свое платье – должен ли быть на нем круглый воротничок или глубокий вырез сердечком, я думаю: а понравится ли Ники? Когда я выбираю столовую посуду в отделе для новобрачных в «Уонамейкере», я думаю о тебе и о том, как ты будешь есть завтрак каждый день и всю жизнь и какой должна быть вилка для твоей яичницы. Я всегда только о тебе и думаю.

– Я не за ночь пришел к этому решению.

– Ты так и таскался с ним, словно с горбом?

– Нет. Произошли события, и я дошел до понимания.

– Говори нормальным языком.

– Я пытаюсь. Мне это стало ясно в театре.

Пичи подогнула ноги и почти соскользнула со скамейки.

– Ты рвешь со мной из-за этой дурацкой пьесы?

– Частично. Конечно, плохо, что ты ненавидишь то, чем я люблю заниматься. Но себя я возненавидел еще больше за то, что не рассказал тебе о театре. Не поделил с тобой нечто, важное для меня уже три года. А это почти половина срока нашей помолвки. Все это время я там работал, а тебе не говорил.

– А я тебе сказала, что мне нет до этого дела. Мой отец прячет под матрасом журналы для мужчин. Мама делает вид, что не замечает их, когда меняет простыни. У всех есть секреты.

– Но не у меня. У меня их больше нет. И было неправильно не рассказать тебе. Я держал это в секрете, потому что боялся, что ты расстроишься, или обозлишься, или осудишь меня. И когда я тебе в итоге рассказал, то случилось все вместе.

– И ты еще меня винишь? А если бы у меня была деревянная нога и в нашу брачную ночь я вышла бы из ванной в ночнушке, отстегнула ногу и

объявила: «Кстати, Ник, забыла сказать. У меня протез?»

– Это разные вещи.

– Почему? Ты три года чем-то со мной не делился, а потом решил со мной порвать, потому что я не отреагировала должным образом на то, чего не предвидела. Это несправедливо. Но и до этого мне нет дела. Ты ударил меня с неожиданной стороны. Ладно, я и это снесла. Я быстро прихожу в себя. Ты снова сыграл в этой пьесе, не спросив меня, и я не устроила скандала. Вместо этого я привела родителей, и мы отпраздновали твой дебют шампанским.

– Твой отец сообщил мне о своих надеждах, что я выброшу театр из головы.

– И что, ты выбросил?

– Нет.

– Значит, до конца жизни ты будешь водить такси весь день, а вечером выходить на сцену?

– Я не знаю. Но я наверняка знаю, что не хочу жениться.

Пичи сжала кулаки, закрыла глаза и глубоко вдохнула.

– Ты бросаешь женщину двадцати восьми... – медленно проговорила она, – тридцати четырех лет на исходе 1949 года?

– Тридцати четырех?

Ники задохнулся. Он никогда не спрашивал Пичи о ее возрасте. Ее семья переехала в Филадельфию перед войной. Он и представить себе не мог, что она старше его. Трудно определить возраст, когда человек такой щуплый.

– Ты не один что-то скрываешь. Да-да, ты все правильно услышал. Мне тридцать четыре, и я на пути к катастрофе тридцати пяти. Для девушки это возраст смерти всего, на тебе просто ставят крест. Ты с тем же успехом мог бы забить меня дубиной. Вперед. Найди лопату и вбей меня в землю, как гвоздь, по самую шляпку. Я – старая дева, которая ждала своего солдата с войны, и он вернулся цел и невредим, без единой царапины и ждал еще три года, не сделав мне предложения, а потом, когда пирог уже отправился в печь, он меняет решение? Вот если бы ты погиб в чужой стране, я бы сейчас уже окончила скорбеть. Три года спустя я снова стала бы самой собой.

– Да уж надеюсь.

– Все девушки, ждавшие всю войну, замужем, кроме меня!

– Мы не должны пожениться только потому, что остальные замужем.

– Почему нет? Ты думаешь, что есть лучшие возможности? Открой глаза! Я – необыкновенная! Что не так с твоей тупой маковкой? У тебя там

плавают золотые рыбки? У тебя в мозгах чердак, где хранится всякая рухлядь? Пустое место с объявлением «Сдается внаем»? Ты меня бросишь, и мне придется жить рядом с тобой в Саут-Филли всю жизнь, болтаясь, как вывеска зоопарка? Я буду видеть тебя в такси и махать – а кому? Не своему мужу? Человеку, с которым я встречалась семь лет, а потом – пшик?

Пичи соскользнула со скамейки и свалилась на землю, глухо шлепнувшись, как мешок с мукой.

– Что со мной будет? Мое время почти истекло. Как ты мог так поступить со мной? Ты выбросил меня, как старую покрышку. Я как нож без лезвия. Машина, смысл которой потерян. Лучше убей меня, потому что не могу себе представить, как сказать об этом родителям. Это убьет мою мать! А потом отца! Может, они решат умереть вместе! Они отправятся к Делаверской расщелине на нашем «форде-фейрлейне» и сорвутся вниз, объятые пламенем.

– Пичи, ты ведь меня не любишь, – спокойно сказал Ники.

– Как ты можешь говорить такое? Чем еще я занималась все это время, если не любила тебя? Я делаю тебя счастливым.

– А как насчет тебя? Что я для тебя делаю?

– Ты отвечаешь мне взаимностью. Ты мой мужчина. Ты танцуешь со мной на всех свадьбах. Я не знаю, что еще женщина может получить от мужчины?

– Подумай. Ты меня не любишь. Если бы ты любила меня, ты бы хотела, чтобы я был счастлив.

– Это ты о моей работе? Что я работаю в конторе и закончила колледж?

– Я горжусь твоими достижениями.

– И я даже не рассказала тебе, что меня повысили до заместителя начальника отдела в «Уонамейкере», потому что не хотела тебя расстраивать. Мама сказала, что надо зарыть мое продвижение, как собачью косточку, потому что оно может тебя отпугнуть. Но, похоже, тут она ошиблась. Тебя отпугнуло что-то другое.

– Дело не в твоей карьере в «Уонамейкере», Пичи. Речь идет о счастье. О самореализации. Видишь ли, если бы ты меня любила, ты бы желала, чтобы я занимался тем, что приносит мне удовольствие, и взамен я бы делился с тобой этим счастьем, и ты тоже была бы счастлива.

Пичи поднялась с земли, отряхнула шерстяную юбку, которую носила на работе, и встала лицом к жениху.

– Николас Кастоне. Ты живешь в подвале у тети и работаешь таксистом. Я – твое удовольствие. Я! Я тебя люблю, и в мои намерения входит обзавести тебя собственным домом, нарожать тебе детей и,

надеюсь, не растолстеть. Я собиралась уйти с работы после свадьбы, отложив деньги на черный день, не потому что меня тошнит от работы, но потому что я хочу снять с тебя ношу. Что еще может сделать женщина для мужчины? Скажи мне.

– Она может поддерживать его мечту.

– Хм. Какую мечту?

– Театр Борелли.

– Эту кучу психов? Мы опять о них?

– Но они – мое отдохновение.

– Они – изгои. Мужчины не в своем уме, а женщины распутны.

– Это мои друзья.

– Господи, Ники.

– Они меня понимают, а я их.

– Что тут понимать? Ты человек простой.

– Они так не думают.

– О, теперь они – куча интеллектуалов? Великие мыслители в париках... и... и в трико.

– Это не так.

– Я закончила колледж! Нью-Йоркскую школу бизнеса. А ты недоучка! Где ты набрался этих безумных идей?

Ники начал терять терпение.

– Кольцо можешь оставить себе.

– Ты думаешь, я все это затеяла ради кольца? За семилетнюю верность мне надо побольше кольца, шахту алмазную, и чтоб сам мистер Де Бирс мне завтрак в постель приносил до конца жизни в обмен на время, которое я вложила. Плевать мне на кольцо. Мне жизнь нужна. Ты был моей жизнью, и только ты.

– Не говори так.

– Но это правда. Кто меня теперь захочет? Я уже древность. Я как какой-то допотопный талисман, найденный монахинями в старом монастыре, который они повесили в ризнице, чтобы молиться на него по праздникам. Может, я изготовлена из ржавой жести и прикреплена к стене вместе с клочком моего рукава в стеклянной коробке – в доказательство того, что я существовала?

– Но ты еще молода и прелестна, как и всегда.

– Сто пятнадцать фунтов. Со времен Крестовых походов не было среди женщин Де Пино такой худышки. Я еще влезаю в школьную форму, которую носила в четвертом классе. И ты не хочешь меня.

– Дело не в хотении. Ты очень соблазнительная женщина.

Пичи начала ходить взад-вперед, словно решение проблемы можно было найти на земле, как бумажные следы в танцевальной инструкции «Учим линди-хоп». Она сжала руки:

– Это потому что я не сделала этого.

– Ты сделала достаточно.

– Нет. Я воздерживалась. Донна Боннани уговаривала меня это сделать, но я решила оттянуть до первой брачной ночи – устроить тебе фейерверк после брачной мессы. Что-то особенное. Но Донна была права. Она сказала, что я должна отдаться.

– Но я не хотел, чтобы ты отдалась. – От слова *отдалась* Ники чуть не стошнило.

– Ох, только не говори мне, что ты такой же чокнутый, как твои актеры.

– Не думаю.

– А тут и думать нечего, Ники. Это надо *знать*. Люди знают, кто они такие. И что им нравится.

Пичи пришла в отчаяние. Она взобралась к нему на колени и прижалась изо всех сил. Положив руки ему на грудь, она поцеловала в шею, нашла его рот и впиалась в него губами, с такой страстью, что Ники не мог пошелохнуться.

Язык Пичи был настолько влажен, что когда Ники закрыл глаза, то представил себя машиной на мойке.

– Пичи. Прекрати. Ну же. Статуи святых вокруг.

– А, теперь тебе стыдно?

Она вытерла рукой рот и стерла пятнышко коралловой помады со рта Ники.

– Я омерзительна?

– Нет.

– Так в чем дело?

– Это неправильно.

– Тебя осенило после того, как я пожертвовала ради тебя моральными принципами?

– Ты не можешь принудить меня остаться с тобой из чувства вины.

– Я внушу тебе такое чувство вины, которое останется с тобой до конца жизни. Подумай, что ты делаешь. Мы должны смотреть на годы, проведенные вместе, как на сбережения к Рождеству в Первом национальном банке. У меня накопились проценты на наш союз, и у тебя тоже. Это так просто не выбросишь. И кроме того, ты сделал меня счастливой. А я тебя разве нет?

– Пичи, человек не может сделать другого счастливым. Человек должен

сам о себе позаботиться.

– Да ты сошел с ума.

– Наверное.

– Вот что я скажу родителям. Я скажу, что ты сошел с ума, что-то забило твой мозжечок. Или ты стоял слишком близко к танку в Германии, и теперь у тебя нарушена логика. Или что ты эгоистичный подонок, которому я надоела, и он бросил меня по каким-то загадочным причинам.

– Поверь, я буду всегда сожалеть, что выбрал неправильный момент.

– Серьезно? Только об этом? О моменте?

– Мне следовало сказать тебе раньше.

– Кто она?

– Нет у меня никого другого.

– Но я же все равно узнаю. Давай, выкладывай.

– Дело не в другой женщине, дело в мужчине. Во мне. Я был удовлетворен, но этого оказалось мало.

– Ты знаешь, сколько бедных недотеп в мире надеются на удовлетворение? Это – цель, а не враг.

– Я хочу рискнуть жизнью. Я хочу сделать то, что меня пугает.

– Что, немцы с ружьем у твоего виска тебя напугали недостаточно?

– Это другой страх. Когда ты вдруг понял, что у тебя есть шанс.

– На что?

– На самого себя. На собственную жизнь.

– Ники, так разговаривают пьянчуги.

– Я понимаю, почему ты так думаешь. Это нерационально.

– Нельзя же проснуться однажды, щелкнуть пальцами – и вот тебе хорошая жена и прекрасная семья. Ты будешь похож на гадкого мистера Фрегго, который живет на автобусной станции и ловит блох в трусах. Останешься один на старости лет.

– Я не думаю, что хочу того же, чего хочешь ты.

– Кто не хочет дом и семью? Это не по-американски. Это не по-человечески. Это вечное одиночество!

– Вероятно, так и есть, но я могу с этим жить.

– Мама предупреждала меня, что у сирот нет связей. Кто так разбрасывается будущим?

– Те, у кого будущее уже написано. Они предвидят все, что может случиться между этим мгновением и пятном на легком в возрасте семидесяти восьми.

– Ты ходил к гадалке?

– Я просто размышляю, Пичи. Я не живу, я просто стою в очереди. Я

всегда делаю то, что мне говорят. Я ушел в армию, надел форму и последовал за двоюродными братьями. Когда вернулся, я надел другую форму и последовал за ними из дома на Монтроуз-стрит прямо через улицу в гараж. Я водила, потому что они водили. Я сделал то, что они от меня ожидали, и все были счастливы. Я думал, что это и есть счастье – чтобы все вокруг были счастливы. И теперь, когда мои кузены переженились...

– И это нормально! – взвизгнула Пичи.

– Да, это нормально, но я сказал себе: как долго мне еще за ними следовать? Мне идти за ними до самого кладбища Святого Креста?

– Наверное. У Палаццини там свой участок, – напомнила Пичи.

– Вот видишь, даже это предопределено. Однако так далеко в раздумьях я не иду. Какой смысл думать о смерти, когда ты еще не жил.

– И чем же ты занимался все это время, если не жил?

– Существовал.

– Ладно. – Пичи схватила за голову, будто надеялась, что мозги лучше осознают, что же происходит вокруг, если их подержать в руках.

– Ты была очень терпелива. Умный парень женился бы на тебе и дал тебе все, что ты хочешь, и тяжело трудился бы каждый день, чтобы дать еще больше. Но я не умен. Я за тридцать лет не смог сообразить, что я несчастлив.

Пичи растегнула сумочку и выудила носовой платок.

– Ты мог бы догадаться три года назад. Бинни Фальконе получила письмо от Чичи Алзаро, где говорилось, что он сидел в забытом богом окопе во Франции, когда понял, что Бинни не для него. А потом выяснилось, что окопов он никогда не видел и прозрение пришло к нему на свидании с французской девушкой, и только потому, что оно сидело у него на коленях. Но все хорошо закончилось, потому что Бинни была молода и у нее было время оплакать потерю и вернуться в мир, чтобы найти отличного парня своей мечты. А для меня все уже поздно. Все прошло мимо меня – все, что только можно.

– Это неправда, Пичи.

– Неправда? Посмотри на меня. Я изношена, как старая потаскуха в прачечной, у которой вышли мыло и четвертаки.

– Ты найдешь свое счастье, Пичи.

– Что угодно можно найти или вернуть, кроме времени. Оно ушло, Ники, и нет тому замены.

– Прости меня.

– И это ты сотворил с девушкой, у которой половина семьи была интернирована в Нью-Мексико? В самом деле? Мало было моей семье?

Они жили в курятнике два года и ели говяжьи кости и черный хлеб, и ты говоришь «прости меня»?

Пичи встала и пошла к машине, распахнула дверь и уселась. Ники сел на место водителя.

– Не разговаривай со мной, – предупредила Пичи.

Ники вез ее домой в молчании. Слышно было, как слезы, стекая по ее щекам, капают на лакированную сумочку.

Ники остановил машину у входа в дом Де Пино.

– Пичи...

Пичи выскочила раньше, чем Ники успел даже открыть дверцу со своей стороны.

Она уже добежала до середины лестницы родительского дома, когда он наконец вылез из машины, и засунула ключ в замок прежде, чем он обогнул капот. Он прошел только полдорожки, когда Пичи хлопнула дверью. Громко щелкнул засов. Ники стоял и смотрел, как ему случалось стоять и смотреть много вечеров, но в других обстоятельствах, как зажигался свет в темном доме по пути Пичи к спальне. Свет зажигался и гас в коридоре, когда она поднималась на второй этаж. Потом зажегся и в спальне. Она включила лампу у изголовья кровати. Но в этот раз, вместо того чтобы подойти к окну и послать Ники поцелуй, она опустила штору и отошла от окна, оставив прямоугольник света в синем мраке улицы.

АКТ 2

У истинной любви пути тернисты.

У. Шекспир. Сон в летнюю ночь

6

Гортензия наклонила голову и рычажком выстукивала морзянку, принимая телеграмму. Потом повернулась к пишущей машинке, напечатала сообщение и взглянула на Ники:

– На тебе та же одежда, что и вчера.

– Вечер выдался неудачный.

– Нечего гулять допоздна перед утренней сменой.

– Не хотел бы я, чтобы такой вечер повторился.

– Тогда сделай себе одолжение и отставь выпивку. Хуже пьяницы только игрок. Тогда ты и пьяный, и нищий.

Она оторвала кусок «вестерн-юнионской» ленты и приклеила к листу бумаги.

– Съездишь в Розето, здесь, в Пенсильвании?

Прежде чем Ники успел ответить, они услышали грохот шагов по металлической лестнице. Тетя Джо и дядя Дом, а следом Доминик, Джо и Нино набились в диспетчерскую.

– Беда, Ники, – пропыхтел дядя Дом.

– Сюда мчится Ал Де Пино, чтобы тебя убить! – объявил Джо.

Тетя Джо взяла Ники за плечи:

– Ты порвал с Пичи?

– Вчера вечером.

– Тебе еще повезло, что старик не появился ночью и не зарезал тебя во сне. – Джо подошел к окну и окинул окрестности цепким взглядом бывшего разведчика.

– Я не спал.

– Ему без разницы, – сказал дядя Дом. – Он достанет тебя живым или мертвым.

– Тебе надо спрятаться, – взмолилась тетя Джо.

– Доброе утро, – сказала только что вошедшая Калла Борелли, держа в руках коробку со сдобой. – Я принесла вам небольшой подарок в

благодарность за помощь в сборах. Мы получили прибыль от спектакля благодаря вам.

– Только не сейчас, – загремел Дом.

– У нас тут вопрос жизни и смерти, – добавил Джо, но выпечку взял.

– Я могу зайти потом. – Калла собралась уходить.

– Останься, – взмолился Ники.

Вошла Мэйбл в банном халате, задыхаясь.

– Ники, тебе надо свалить. Ты имеешь дело со взрывоопасными людьми. У меня есть кузен с польской стороны...

– Я думал, ты ирландка, – сказал Нино, изумившись.

– Одна из моих бабушек полька. Поэтому я умею печь. Так вот. Мой кузен как-то перешел дорогу Алу Де Пино, и больше его никто не видел.

– Мы получили телеграмму, и ее надо доставить в Розето, у нас в Пенсильвании. Кто ее отвезет? – нетерпеливо спросила Гортензия.

– Вы не слишком беспокоитесь о Ники? – повернулась тетя Джо к Гортензии.

– Ужасно беспокоюсь. У меня все нутро дрожит и дергается, но кто-то же здесь должен быть в трезвом уме? – сказала Гортензия ровным голосом.

– А что там в телеграмме? – спросил Джо.

– Я не имею права тебе рассказывать. Но так уж и быть, расскажу. Гость юбилея заболел и не может приехать.

– Это парень, на которого ты похож! – Джо ущипнул Ники за руку. – Парень с плаката!

– Я похож на того парня, который не сможет приехать. – Ники посмотрел на Каллу: – У меня есть близнец.

– У меня долг перед «Вестерн Юнион», я обязана доставить бургомистру телеграмму с известием, что гость не будет на их юбилее. Так кто доставит телеграмму?

– Миссис Муни, забудьте о телеграмме. Нам надо спрятать Ники, – закричала тетя Джо.

– Засунем его в багажник и отправим в Нью-Джерси. У наших кузенов Спатуцца там ферма, – предложил Джо.

– Отличная мысль, я как раз такое видел в кино у Ван Джонсона, – отозвался Дом.

– И я. Не сам же я это придумал. – Джо копался в коробке с пирожными, ища *канноли*.

– Я не могу в багажник. У меня легкая клаустрофобия.

– Но и в гробу лежать не большое удовольствие, если мы не поспешим. А ведь там постоянное местожительство. – Дядя Дом забарабанил

пальцами по стене.

– Отвези телеграмму в Розето, – сказал Джио, – или не вези.

Глаза Ники прыгали, как шарики в пинболе, пока он обдумывал интригу.

– Я возьму телеграмму, но не доставлю по адресу. Я доставлю себя. Я превращусь в посла. Сыграю его роль, спрячусь у всех на виду. Деревня получит свадебного генерала, почетного гостя, а я сыграю лучшую в жизни роль и сохраню все, что останется от нее. К тому времени, как я вернусь, Ал Де Пино успокоится и поймет, что не хочет такого зятя, и жизнь пойдет своим чередом, как это всегда бывает.

– Ужасная затея. В сценарии дыр больше, чем в «Цимбелине». Не делай этого, – взмолилась Калла.

– Но что-то надо делать.

– И кто-то должен доставить телеграмму, – добавила Гортензия.

– Переведи дыхание, успокойся. Обдумай.

– Предложи мне выбор, Калла.

– Вернись к Пичи. Скажи ей, что совершил ошибку. Моли о прощении. Купи ей украшение в знак раскаяния. Скажи, что любишь ее, и свадьба состоится.

– Спасибо. Так и я думаю! – одобрила тетя Джо. – Она милая девушка.

– Я на ней не женюсь. Я вообще ни на ком не женюсь. – Ники развернул телеграмму. – Отныне я «посол Карло Гуардинфанте из Розето-Вальфорторе, Италия». Я буду гарцевать на параде, поцелую пару младенцев. Неужели это трудно?

– Ты играл только в одной пьесе, – напомнила Калла.

– Но это была правильная пьеса. Комедия ошибок, – сказал Ники, воодушевленный своим талантом.

– Он отлично там сыграл, – заметил Дом.

– Правда же?

– Актеры полны или высокомерия, или отвращения к себе, среднего не дано. Ники. Слушай меня. Ты играл в пьесе со словами и сюжетом. В твоём чокнутом плане нет сценария!

– Я сымпровизирую.

– Ты крадешь чужую жизнь, – напомнила ему Калла.

– Судя по телеграмме, он недолго пробудет на этом свете. И сделает мне одолжение на пути в мир иной, – рассудил Ники. – Своей смертью он спасет мне жизнь.

– Но ты не посол. Ты ни одного посла даже в глаза ни разу не видел.

– Однажды я вез вице-мэра Филадельфии.

– Но ты не итальянец из Италии, как ни крути.

– Я могу изобразить акцент. Просто буду говорить, как наша бабушка.

– Мы животики надрывали на праздничных обедах, – подтвердил Дом.

Ники продемонстрировал:

– «Я счастливица жить в Америка». Видите, я могу. Это уникальная роль, такой шанс выпадает раз в жизни. И в ней три ипостаси – «Два веронца», «Комедия ошибок» и «Как вам это понравится». Я видел все постановки твоего отца, Калла. И знаю их наизусть. Я знаю, как надо играть близнеца. И я буду занят в спектакле на выходной.

– У тебя слишком мало опыта, чтобы все это провернуть.

– Все дело во времени. И у меня его нет. Мне надо выбраться отсюда. Ал Де Пино, может, и неповоротлив, но машина у него быстрая.

– А пули летят со скоростью звука, – добавил Дом.

– Ты со мной или против меня?

– Против! – Калла скрестила руки на груди.

– Тогда можешь оставаться. Миссис Муни, поедете со мной сыграть медсестру?

– Я ничего не понимаю в медицине.

– Тогда будете служанкой. У Шекспира их полно.

– Ну почему цветная дама всегда играет служанку?

– Тогда будьте атташе, – расщедрился Ники.

– Это портфель такой? – уточнил Джио.

– Нет, атташе – это помощница посла. Она сопровождает меня как представитель правительства Соединенных Штатов. Миссис Муни работала на... Элеонору Рузвельт.

Общий вздох вознесся из диспетчерской в небеса. Упоминание Франклина Делано Рузвельта в рабочем семействе демократов «Нового курса»^[66] сразу сменило общий настрой, и все отдали голоса в поддержку программы Ники, – все, кроме Дома.

– Он ничего хорошего не сделал для итальянцев, – пожаловался Дом.

– Но постарался для ирландцев, – возразила Мэйбл.

– А мне нравится предложение Ники. Миссис Рузвельт симпатизирует негритянской расе. Продолжай. – Гортензия округлила руки, как гавайская танцовщица, словно пыталась добыть побольше информации из воздуха. – Что мне играть?

Калла обернулась к ней:

– Вы должны придать официальности визиту посла.

– О, теперь и от тебя есть польза. – Ники нежно ткнул пальцем в руку Каллы.

– Без режиссера ты ничего не можешь.

– Сказал режиссер, – хмыкнул Ники.

– Ты можешь взять седан, – предложил Дом.

– У вас сохранились те итальянские флажки с Дня Колумба и американские с Четвертого июля? – обратилась Калла к Джо.

– Они в кладовке внизу.

– Достань их. Это придаст седану официальности, – сказала Калла, смиряясь с предстоящим лицедейством.

Ники улыбнулся ей.

– Что? Во время войны к нам на спектакль приезжал посол Америки в Гуаме. Я помню флаги.

– Мне понадобится выходной костюм, – сказала Гортензия. – Мой воскресный костюм.

– Поехали, – сказал Доминик. – Я отвезу миссис Муни домой. Ники, подхватишь ее на пути из города.

Гортензия заскользила по лестнице, словно танцовщица, пока Доминик открывал пассажирскую дверь такси.

– Давайте, Гортензия! – распорядился Дом, уже стоявший рядом с Домиником.

Дом никогда не называл Гортензию по имени. Она бросила на него выразительный взгляд, потом пригнулась и уселась в машину. Доминик завел мотор и вынесся из гаража.

– Заводи седан, Джо! – заорал Дом.

– Мне нужна одежда, – крикнул Ники.

– Я принесу костюм! – И Мэйбл загрохотала по ступенькам.

– Не забудь мои лучшие носки, Мэйбл! И бритву! – выкрикнул Ники. – И мне нужен мундир. Парадный. Парень на плакате был в мундире.

– У меня есть тот, что мы надевали на принца Хэла в «Генрихе IV». Он в кладовке в костюмерной.

– Тридцать четвертого размера?

– Ты влезешь.

Ники сунул телеграмму в карман.

– Что вы собираетесь делать с Алом Де Пино?

– Мы позаботимся о нем, – кротко сказал Дом.

– Вы его не убьете, надеюсь?

– Конечно, нет! – Дядя Дом хрустнул пальцами.

Ники и Калла сбежали по ступенькам и уже сели в седан, когда в гараж влетела Мэйбл с костюмом, ботинками и набором для бритья. Она закинула все это на заднее сиденье так, словно вещи были охвачены огнем,

отступила и погладила свой беременный живот. Дом полез в карман и протянул Нику пачку денег.

– Держись подальше от Филли, пока я не дам знать.

– Спасибо, дядя Дом. Не плачьте, тетя Джо.

– Если с тобой что-то случится, я этого не перенесу.

– Если со мной ничего не случится, то этого не перенесу я.

Ники чмокнул тетю Джо и стремительно выехал из гаража.

Калла держалась за ручку дверцы, пока Ники мчал по улицам.

– Что ты имел в виду, когда сказал «если со мной ничего не случится»?

– То, что ты слышала. Если со мной *ничего не случится*, то я зря прожигаю жизнь.

– Что не так с твоей жизнью?

– Всё. – Ники поправил зеркало заднего обзора.

– Почему ты порвал с Пичи?

– Я ее не люблю.

– Разворачивай машину.

– Что?

– Ты так не думаешь. Иди к ней. Скажи, что ошибся.

– Но я не ошибся.

– Она прекрасная девушка. Она подходит твоей большой семье. Она смотрит на тебя так, словно ты Марк Антоний и только что пришвартовал баркас в ее порту. Любовь к тебе превратила ее в Клеопатру.

– Я не хочу жениться.

– Конечно, хочешь.

– Откуда ты знаешь?

– Ты струсил, у тебя от страха даже ноги похолодели. А она может их согреть. Она же загорается, как мигающая лампочка на этом дереве, когда ты рядом с ней.

– Я буду послом. – Ники вцепился в руль. – И ты меня не остановишь.

– Ты не посол.

– Что плохого в том, чтобы дать людям то, чего они хотят? Зачем портить совершенно чудесный юбилей?

– Ты обманываешь людей.

– Чем это отличается от исполнения роли Себастьяна?

– Тебя потянуло к искусству, и теперь ты думаешь, что найдешь в нем все ответы. Театр – твоя религия, и если ты встречаешь иноверца, то он должен уйти с дороги. Но это ошибка! Когда сияние потускнеет, ты поймешь, что Пичи – твоя судьба. У тебя хорошая работа. Ты из семьи, где тебя любят. У тебя был план. Ты был воодушевлен новым домом и

парковкой перед ним, и свадьбой, и миндальным драже. Все это затевалось из любви и ради любви. И что у тебя осталось в итоге?

Ники так резко свернул в переулок за театром, что Каллу отбросило вбок. Он повернулся к ней:

– Все хорошо?

Она кивнула.

Он выскочил из машины и крикнул:

– Скорей!

Они пронеслись стрелой через служебную дверь, по коридорам, слетели со ступенек и ворвались в костюмерную. Калла отперла кладовки с костюмами, включила свет и начала расправляться с вешалками, перебирая мужскую одежду.

– Быстрее, Калла, быстрее.

– Вот. – Калла держала в руках ярко-синий мундир с золотыми эполетами и брюки с белыми лампасами.

– Немного безвкусно, но сойдет.

– Ты не примеришь?

– Нет времени.

Ники прихватил широкий пояс из белого атласа с какого-то вечернего платья.

– Спасибо, Калла.

И выскочил из костюмерной.

Калла вышла в коридор и прокричала вдогонку:

– Ты мог бы всего этого избежать, если бы помирился с невестой.

– Все кончено, – завопил он в ответ.

– Это ошибка!

Калла услышала, как хлопнула служебная дверь.

Ники бросил мундир на заднее сиденье машины и вырулил на Честнат-стрит, которая должна была переулками вывести его к дому 103 на Шарлот-стрит.

Он никогда не чувствовал себя таким живым с той минуты, когда появился на сцене в «Двенадцатой ночи». Он отчаянно желал рискнуть, впервые в своей жизни, наполненной чужими решениями. Он отправится в Розето, займет место умирающего и представит его жизнь как свою. А почему бы и нет? У него была причина, мужество и костюм! Ники определенно решил стать драматургом своего будущего, запустить в действие последовательность событий, основанных на риске, а не на осторожности. Он горел желанием создать другой персонаж и сыграть его, зная, что если преуспееет, то сможет сотворить человека, которым хотел

быть.

Ники Кастоне собирался прервать цикл ожиданий, навязанный каждому молодому американцу итальянского происхождения в Саут-Филли. Превратившись в Карло, он не будет определяться стандартами успеха здешнего общества: регулярной зарплатой, венчальной мессой, домом на две семьи – и целью существования, приводящей его в ужас: смертью в собственной постели в конце жизни, прожитой, чтобы ублажать других, с прощальным подарком любимым – предоплаченными похоронами. Сыграв итальянца из Италии, Ники обретет свободу.

Юбилей Розето – это первый шаг в широкий мир, вне безопасности Монтроуз-стрит. Слова Сэма Борелли, обращенные к актерам на давних репетициях, звучали эхом в голове Ники: *«Живите настоящим. Если сумеете, оно поведет вас вперед»*.

Гортензия в черном костюме ждала на крыльце, словно стойкий солдатик. Шляпа и туфли были подобраны в тон. Ники уже нравилось, как его атташе исполняет свою роль.

Ники подкатил поближе, выскочил из машины и поспешил открыть ей дверь. Она заняла свое место, отправляясь в приключение, не имевшее маршрута, а имевшее только место назначения.

Когда они отъезжали, ее соседка, школьная учительница Джин Уильямс, подглядывала за ними из-за занавески и качала головой:

– Гортензия Муни. Черный костюм. Черная машина. Черный день.

Фрэнк Арриго стоял под люстрой в фойе театра Борелли и ждал, пока инженер спустится с бельэтажа. Он постукивал ногой по бетонно-мозаичному полу, удивляясь, как театру десятилетиями удавалось выстоять. Фрэнк ценил качество, но полагал, что стандарты строительства изменились. Больше нет нужды выкладывать пол на века, раз существует современный стиль. Он был открыт новым веяниям – дешевле, быстрее, лучше.

– Это древняя красота.

– О да, – согласился Фрэнк Арриго.

Эд Шонесси спустился по ступенькам и присоединился к нему.

– Тут потребуются серьезные переделки. Течет в туалетах на верхних этажах. Нешуточные проблемы с водопроводом. Сам театр в неплохом состоянии, но бельэтаж надо перестроить. До 1916 года не было единых стандартов, так что никто не знает, какая там допустимая нагрузка. Я, например, не в курсе. Крыша в порядке. А вот подземные галереи там, где примерные, тоже не отвечают нынешним требованиям.

– И сколько это будет стоить?

– Дешевле все снести и построить заново. Но если, конечно, кого-то заботит история этого здания и улицы, тогда надо искать реставратора.

– Мы сейчас работаем над новым квартирным комплексом на Пирс-стрит. Еще не закончили, но уже сдали все ветеранам. А постройка жилых домов на Брод увеличила бы доход вдвое. Прекрасное место. Погрузочную площадку позади здания можно переделать в отличную стоянку.

– Мне понятен ход вашей мысли. Можете все снести и оставить фасад. – предложил Шонесси.

– Зачем он мне?

– История.

– На истории денег не заработаешь, Эд.

– Да, но люди привязаны к этим древним сараям.

– Ага. Но вы удивитесь. Стоит построить что-то новое, и никто не вспомнит, что здесь стояло.

Фрэнк открыл записную книжечку, черкнул пару замечаний.

– Я буду вам благодарен, если это останется между нами. Калла чересчур чувствительна, когда дело касается этого здания, и потребуется немного искусной дипломатии, чтобы она осознала собственную выгоду.

– Я понимаю. И слово не вылетит.

Пичи Де Пино протиснулась через стеклянные двери в вестибюль. На ней была пышная хлопчатобумажная юбка с широкими красными и белыми полосками, короткая алая блузка и шляпка в стиле венецианских гондольеров. Все это завершалось очками от солнца.

– Добрый день. – Она выдавила улыбку.

– Пичи, верно?

– Да. А вы Фрэнк. Где Калла?

– Она внизу, в костюмерной. Познакомьтесь с Эдом Шонесси, инженером отдела коммунальных услуг города.

– Приятно познакомиться.

– Он инспектирует здание.

– Я чуть не провалилась через пол в женском туалете, когда была на спектакле. Может, вы сможете что-нибудь с этим сделать. Извините, мне пора.

Пичи напряженно улыбнулась и ушла.

– Если это не аргумент в пользу сноса, то я не знаю, что это, – фыркнул Эд.

Пичи ворвалась в костюмерную. Калла сидела скрестив ноги на столе

для выкроек и перебирала куски тканей.

– Калла, я думаю, нам надо поговорить.

– Ты в порядке, Пичи?

– Нет. Не в порядке.

– Что случилось?

– Почему у меня навязчивое чувство, что ты уже в курсе дела?

– Какого дела?

– Где мой жених?

– Я не знаю. А дело-то в чем?

– Он порвал со мной вчера вечером.

– Он идиот.

Пичи оторопела, услышав реакцию Каллы. Она удивилась так сильно, что рухнула на табурет, сорвала шляпку и очки, уронила голову на стол и разрыдалась.

– Он идиот, потому что порвал с тобой. Ты замечательная девушка, Пичи. Я видела тебя с семьей Палаццини. Единственное, что я могу сказать, – наверное, у него нервный срыв.

Пичи выхватила носовой платок из-под бретельки бюстгальтера и вытерла слезы.

– Может, у него опухоль мозга? Запущенный рак. Такое было у моего дяди Джерри. Однажды он проснулся и свободно заговорил по-французски.

– Ники дурак.

– Я все правильно делала. Сидела как мышка. Не давила на него. Ждала. Ходила вокруг него на цыпочках, лишь бы ему было хорошо. И он меня бросил.

– Глупый, глупый парень.

– Я знаю. Да все они, ты же понимаешь. – Пичи высморкалась.

– Мы их не изменим.

– Папа убьет его.

– В самом деле?

Пичи кивнула.

– Папа с самого начала его невзлюбил. Он чувствует, что тоже пожертвовал семьей годами. Хочет свернуть Нику шею голыми руками.

– Жестокость не заставит болвана думать.

– Верно. Но папе станет гораздо легче.

Бегущие поля за Филадельфией открывали вид на доли Поконо, густо засаженные лавровыми деревьями, а в разрывах – розовыми пионами и

дикими оранжевыми тигровыми лилиями. Вдали вершины и гребни Голубых гор заполняли горизонт полосками густого пурпура.

Воздух этим утром благоухал дымным ароматом елей. Ники быстро ехал по направлению к Розето. Если бы Гортензия так не нервничала, она могла бы насладиться пейзажами Северо-Восточной Пенсильвании в начале лета. Но она скукожилась на сиденье, стараясь не шевелиться.

– Я не люблю ездить на заднем сиденье.

– Если пересядете, то привлечете ненужное внимание.

– Этот посол – что ты о нем знаешь? – спросила Гортензия, листая юбилейный буклет.

– Только то, что там написано.

– Он вроде зажиточный. – Гортензия взглянула на костюм, лежавший рядом с ней. – Ты думаешь, что этот мундир обманет тамошних людей?

– Должен.

– Что значит «Банкет с “кадиллаком”»?

– Они собирают деньги для города. Потом разыграют «кадиллак».

– Прелестно.

– Я должен буду танцевать с дамами. Тогда и надену мундир.

– Господи, помоги. А мне что делать, пока ты будешь танцевать и выдавать автомобиль?

– Стоять там с официальным видом.

– Хорошо. Это я могу. Но имей в виду, в городишках не очень приветствуют цветных. И мы не жалуем места, где нас могут загнать в угол.

– Вы произведете на них впечатление. Не будет никаких углов.

– Это ты так думаешь. Раньше я еще надеялась на такое, но потом перестала. Стоит им обнаружить, что ты не горничная, начинается ад.

– Держитесь поближе ко мне, и никто вас пальцем не тронет.

– Угу, – хмыкнула Гортензия.

– Я серьезно.

– Ники, я была цветной всю свою жизнь и знаю одно: сюрпризов не бывает. И это истинная правда. Я всегда знаю, на что иду, – хихикнула Гортензия. – Ну, не всегда. Однажды меня застали врасплох. Знаешь, старик Ротундо, владелец парка грузовиков, хотел меня переманить во время войны.

– Шутите?

– Ротундо прослышал, что у Палаццини диспетчер дела ведет по первому классу. Он позвонил в офис и спросил, сколько я хочу. Я сказала. Он ответил: «Нет проблем. Зайдите ко мне». Когда я пришла, его лицо

побагровело, а потом побледнело. Но это не сразу, потому что он с юга Италии и сам-то не шибко блеее меня. Короче, он бросил на меня взгляд и сказал, что место уже занято. То самое, которое он предложил мне по телефону. Честное слово. А деньги мне бы не помешали. У меня уже были две девочки, и нам нужна была новая печь. Так что я вернулась на Монтроуз-стрит, пошла напрямик к твоему дяде и рассказала о Ротундо и о его предложении и заявила, что мне надо повысить зарплату. Он сопротивлялся, но я стояла насмерть и получила что хотела. Я не особо нажилась, но печь купила.

– Что бы вы предпочли – богатство или уважение?

– И то и другое.

– А если одно из двух?

– Уважение, конечно, ценнее.

– Мне на деньги наплевать, – сказал Ники, и вполне искренне.

– Наплевать?

– Да. Только то, что нужно для выживания, и мне достаточно. Пичи купила государственные облигации во время войны и еще акции и накопила деньги. Она накопительница. Когда она об этом говорит, я умираю со скуки.

– Очень ответственная юная леди.

– Ей тридцать четыре!

– Очень ответственная леди.

– Можно и так взглянуть. Или представьте, что вот мы поженились и она караулит у дверей каждую пятницу с банкой, чтобы я высыпал туда чаевые.

– Если бы ты женился на ней, она, может быть, изменилась бы.

– Вполне возможно. К худшему.

– Тогда ты правильно поступил.

– Вы думаете, ее отец меня укокошит?

– Если каждый отец укокошит по парню, который обидел его дочь, то не за кого будет выходить замуж. Ал Де Пино может тебя поколотить. Выбьет пару зубов. Руку вывихнет и сломает нос. Но ты выживешь.

Ники сглотнул.

– Ну спасибо.

– Я старею с каждым днем и за всю свою жизнь еще не видела, чтобы пары расходились любовно, обоюдно желая этого. Это всегда кто-то один. Так что всегда один человек зол на другого в финале любовной связи. Почему? Просто уйди и живи себе. На земном шаре уйма людей, а ты жалуешься, что не найдешь того, кто заставит крутиться твои колеса?

Никогда не понимала такого.

– Мне следовало попросить вас поговорить с Пичи.

– И я бы все упростила. У меня такое чувство, что ты слишком долго миндальничал. Не стоит ходить вокруг да около, когда решил что-то завершить. Надо прямо все выложить.

– Она не хотела с этим смириться.

– Что ж, и так тоже бывает.

– Она все спланировала. Будущее было расписано по пунктам.

– Какая жалость. В жизни нужно иметь пространство для маневра, потому что никогда не знаешь, что попадет на пути.

– Вот как мои родители.

– Правильно. Они умерли молодыми, а это значит, что они отправились на небеса раньше, чем брак стал для них адом.

– Или были счастливы, – возразил Ники.

– Конечно, были.

– Вы это говорите, чтобы поднять мне настроение.

– А почему бы не верить в сказки, Ники? Красивые картинки вызывают красивые мысли.

Они больше не говорили, пока Ники петлял по узкой дороге вдоль берегов реки Делавэр. Но потом он спросил:

– Почему вы согласились поехать со мной в Розето, миссис Муни?

– Ой, даже не знаю. Небольшое приключение не повредит.

– Я рад, что вы со мной. Спасибо вам.

– Пожалуйста. Я проработала в гараже двадцать три года. И видела то, что вполне сойдет за итальянскую оперу. Сражения. Диалоги. Ледяное молчание, которое разбивается от звона бутылки, запущенной в цементный пол, а потом крики и ругательства. Дивертисмент. Полет гаечного ключа, несущегося по воздуху, как птица. Кульминация. Удар в челюсть с последующими сожалениями и прощением. Борелли – не единственный театр в Саут-Филли. Представления всюду идут и в гараже. Наверное, это похоже на жизнь на вершине Везувия. Не знаешь, когда все взорвется. Но итальянцы – хорошие люди. Я точно знаю.

– А как вы получили работу у дяди Дома?

– Я работала у обоих твоих дядей. И оба мне нравятся. Я закончила Чейни с дипломом учительницы. Когда я туда поступала, давно, в 1905 году, он назывался Институтом для цветной молодежи. Я закончила его и хотела работать в бизнесе. Школы мне надоели, но пришлось поработать учительницей еще пару лет. Я искала чего-то нового. Твои дяди объявили о найме через городское бюро. Там раньше висели доски с вакансиями. Я

пошла на собеседование и получила работу.

– Должно быть, она вам нравится.

– Я бы не сказала.

– Но вы же не уволились?

– Мистер Муни сначала работал как проклятый, а потом спрос на него упал. Моя работа как раз заполнила эту дыру в наших доходах. Ну, не совсем так, я немного преувеличиваю. Что мне понравилось – это когда появился еще и телеграф. Что-то новенькое, вроде испытания.

– Я рад, что вы готовы к испытаниям. Неизвестно, что нас ждет.

Ники поправил зеркало заднего вида так, чтобы смотреть Гортензии в глаза.

– Миссис Муни, я многому научился у Борелли, но вот самое важное. Вы должны посвятить себя роли. Вы сейчас введены в пьесу. Это значит, что вы согласились играть, то есть работу надо выполнить и оставаться на сцене, пока не упадет занавес. Тут уже не увернешься. Надо держаться сценария. И не паниковать.

– Если кто-то собирается увертываться и паниковать, то это не я. Случалось мне бывать под светом рампы. Я умею очаровывать.

– Отлично. Просто следуйте моим репликам.

Гортензия выглянула в окно и пробормотала:

– Любой дурак может это сделать.

– Что вы сказали?

– Я сказала, что могу это сделать.

Вскоре Ники проехал Истон и, следуя знакам, свернул на север, к Розето. В конце концов они добрались до города, спустились по склону и повернули на Гарибальди-авеню.

Гортензия надела на голову черную соломенную шляпу с широкими полями, туюлю украшали лента в рубчик и большой плоский бант. Она прикрепила шляпу к прическе заколкой, натянула белые перчатки для официальных приемов с фестонами на крагах и поправила воротник черного саржевого костюма, своего лучшего, выходного. На лацкане красовалась тканевая брошка в виде флага, которую она получила, когда сделала пожертвование в Фонд помощи неграм-ветеранам. Можно было надеяться, что брошка выглядит достаточно внушительно для всего, что бы Ники ни задумал, заставив Гортензию изображать представительницу правительства Соединенных Штатов.

Гортензия полезла в сумку и достала серебряный флакончик французских духов, слегка окропила шею, вернула флакон в сумку, а

потом защелкнула замочек.

– Чудесный аромат, – отреагировал Ники.

– «Парижский вечер». Миссис Рузвельт подарила мне их на Рождество. – Гортензия сложила руки в перчатках на коленях. – У нее отличный вкус.

Ники ухмыльнулся. Похоже, миссис Муни вполне готова к юбилею.

Ники собирался ехать напрямик к дому номер 125 на Трумэн-стрит, где проживал бургомистр Рокко Тутолола, но на Гарибальди-авеню седан встречали сотни местных жителей, собравшихся поприветствовать *амбашьяторе*.

– А это что такое? – Гортензия ошеломленно взирала на лозунги и плакаты на фасадах домов, на ликующих горожан. – Этого в буклете не было.

– Не знаю.

– Мы на параде?

– Нет, парад завтра.

– Увези меня обратно, Ники, я не могу в этом участвовать. – Гортензия почувствовала, что угодила в ловушку.

– Всего-то один уик-энд. Все у вас получится.

– Я не шучу, выпусти меня из машины.

– Может, не надо?

– Я хочу позвонить твоему дяде – пусть приедет и заберет меня отсюда.

Гортензия надвинула шляпу на самый нос. Ники притормозил. Жители Розето обступили машину со всех сторон. Ники повернулся к Гортензии:

– Ну пожалуйста, миссис Муни.

Гортензия не поднимала головы. А за окнами седана колыхалось море итальянских американцев, и Гортензия быстро смекнула, что даже если ей удастся выбраться из машины, то вряд ли ей дадут добраться до телефона. Она признала, что увязла по самые уши.

– Что ж, придется нам это пережить. Но в воскресенье утром уберемся отсюда. Пообещай мне, – прошептала она.

– Обещаю.

Седан Ники медленно тронулся по Гарибальди-авеню. Горожане отпрянули и выстроились за бровкой по обе стороны улицы. Когда Ники улыбался и махал им, толпа оживлялась, раздавались хлопки и радостные крики, радушные приветствия.

Ники подкатил к дому 125 по Трумэн-стрит, преследуемый толпой, запрудившей всю улицу от края до края. Не успел Ники выбраться из

седана, как из дома появился бургомистр Рокко в костюме с перевязью поперек груди. У него были жесткие каштановые волосы ежиком, суровые черные глаза, острый нос и теплая улыбка.

Гортензия выглянула из-под шляпы.

– Они идут за нами, – прошептала она. – Да тут весь город набежал.

– Соберитесь, миссис Муни.

Ники вышел из машины поздороваться с бургомистром.

– Земляки мои! Друзья мои! – произнес фальшивый посол с итальянским акцентом, комбинируя говор дедушки своего приятеля Бена Тартальи, который работал в мясной лавке на Уортон-стрит, и интонации собственной бабушки.

– *Ambasciatore Guardinfante, come sta!*^[67]

– Не итальяно. Я учить английски. Мы говорим английски, пожалуйста, этот ви-и-изит.

– Очень хорошо. Но мы подготовились, одна наша леди свободно говорит по-итальянски. Мы условились, что она будет сопровождать вас во время вашего визита. Большинство жителей Розето владеет диалектом вашей провинции.

– Нет необходимость. Я должен... эээ... практиковать мой английски. Так что я говорить английски для вас.

– Bravo!

Ники погрозил пальцем:

– Запомните, никакой италиано!

– Хорошо, никакого итальянского. Я...

– О! Рокко Тутолола! – Ники крепко обнял принимающую сторону, совершенно ее обезоружив.

– Да. Вы получили мое письмо? – поинтересовался Рокко.

– Не получил.

– Я вам писал. К письму приложил ваше расписание и маршрут.

– Наверное, он потерялось. Океан-то большой, да? Но теперь я здесь! Мы все юбилей!

Ники повернулся к толпе и помахал обеими руками. Народ возликовал в ответ.

– Да-да, юбилей, – согласился Рокко.

Толпа воодушевленно подалась вперед. От мысли, что его сейчас разоблачат, Ники прошиб пот. Радужное многолюдье может легко превратиться в разъяренную ораву. Он пожалел, что не предусмотрел возможность спешного бегства и не заправился в Истоне.

– Как вы сюда добрались? Вы же должны были приехать нью-йоркским

поездом, и я собирался через час встречать вас на станции в Истоне.

– Планы изменились. Я хотел посмотреть Филадельфия, родина свободы. Я надеялся... эээ... вы понимаете. *Capisce?*^[68] Мой первый визит в Америка, повод для восторга! И независимости. Так что я повел... эээ... машину сам из Нью-Йорка в Филли ради юбилея! Приключение! Впечатления! «Такси Палаццини» из Филадельфии бесплатно предоставили мне седан.

– Неужели?

– Да, все оплачено. И бензин! – Ники усмехнулся, хлопнув Рокко по спине. – Петроль! У нас в Розето-Вальфорторе мы называем бензин «петроль»!

– Что ж, надо будет выразить им благодарность. А как пересекли океан, с комфортом?

– Аэроплан был очень быстро. Уууу-ууууу. – Ники нашарил в своей котомке плохого итальянского образ Луи Примы^[69].

– Какой аэроплан? Вы уверены, что не хотите перейти на итальянский? Нам надо поработать над вашим английским.

– Рассекли океан?

– Пересекли. Переплыли. На корабле. – Рокко выговорил с расстановкой: – Океанский лайнер.

– О, да-да! Это было *magnifico!*^[70]

Ники сложил пальцы щепоткой и поцеловал их. Толпа возликовала.

– «Вулкания» – лучший корабль на маршруте из Неаполя.

– Лучши! – подтвердил Ники с восторгом. – Лучши всех!

Сетчатая дверь позади бургомистра распахнулась, и на пороге появилась его супруга.

Рокко повернулся к Ники:

– Моя жена. Первая леди Розето, штат Пенсильвания, миссис Тутолола.

Чача Тутолола, дама за пятьдесят, сложением напоминала буксир, и сходство усиливало платье в широкую черную, красную и синюю полосу. Волосы были выкрашены в радикально черный цвет, на губах лежала алая помада, а два розовых треугольника румян на щеках создавали видимость впадин. Она протянула Ники руку:

– *Ambasciatore, per favore...*^[71]

– Не по-итальянски, Чача, – сказал ее муж с укоризной.

– Почему? Я месяцами тренировалась, – простонала Чача. – Я могу уже экскурсии водить для Объединенных Наций.

– Я учить... эээ... английски для вас. *Bellissima, signora. Bellissima.* – И

под одобрительный гул толпы Ники поцеловал ей руку.

– Ну а я выучила итальянский для вас, *Ambasciatore*.

Чача заглянула в синие глаза посла, а затем впиалась в него взглядом и вобрала в себя всего с головы до пят – его рост, густые волосы, красивое лицо и сияющую улыбку. Суммировав все достоинства, она рассудила, что таких ощущений не испытывала с тех пор, как однажды в Дорни-парке ее настигла внезапная буря и небольшая молния угодила прямо в металлическую защитную дугу ее авто.

– Вы намного красивее, чем на фотографии.

– А вы много... эээ... как это сказать... ошеломительнее, чем на официальном фото в юбилейном проспекте.

– Черно-белая фотография не может передать мои истинные краски.

– О да, я вижу.

– Я ведь Белоснежка. Вся на контрасте. – Она понизила голос и подмигнула: – Это преимущество *brunetta*^[72].

За спиной у них еще раз хлопнула дверь.

– А это наша дочь Розальба, – объявил Рокко. – Мое единственное дитя. Цветок моих чресел.

Девочка-подросток прокралась на крыльцо, не отрывая от Ники взгляда голодной лисы, подбородок отвис, карие глаза впились в добычу. Пышная ситцевая юбка в полосочку была так туго затянута на талии, что высокая сдобная грудь поднималась и опускалась при каждом вдохе-выдохе, а пуговичные петельки натянулись до предела. Розальба протянула руку Ники.

– Видно, что она унаследовала красоту от матери.

– Она смущена, – прошептала Чача.

– Господин бургомистр... – начал было Ники.

– Зовите меня Рокко, прошу вас.

– Рокко, *mio figlio*. – Можно я буду звать вас *mio figlio*?^[73]

– Конечно-конечно! – Рокко был явно польщен.

– Правительство... эээ... Соединенных Штатов любезно предоставило мне сопровождающую для этой поездки. Она... эээ... из вышних кругов...

– Наверное, вы хотели сказать «высших»?

– *Si, si*, высших государственных кругов. И я хотел бы... эээ... представлять ее вам.

Ники открыл дверцу седана и засунул голову внутрь. Толпа разразилась аплодисментами. У Гортензии был вид наэлектризованной кошки.

– Если это не работает, – прошептала она, – я убью тебя до того, как до

тебя доберется Ал Де Пино.

– Сработает, – шепотом ответил Ники.

Нога Гортензии в черной лодочке на низком каблуке ступила на асфальт. Она вышла на свет.

При ее появлении аплодисменты оборвались, послышался тихий и дружный удивленный вздох. Недоуменный гул прокатился по толпе, удивление сменилось заинтересованностью, нестройным ропотом, а потом и вовсе тишиной. Было так тихо, что Гортензия могла поклясться, что слышит, как мясник нарезает салями в лавке на Гарибальди, в квартале отсюда.

Замешательство нарушил Ники:

– Позвольте представить вам миссис Гортензию Муни, атташе миссис Элеоноры Рузвельт.

Бургомистр и его жена пожали руку Гортензии.

– Счастливы познакомиться с вами, добро пожаловать в Розето!

– Очень приятно познакомиться с вами обоими. Миссис Рузвельт много раз бывала в Пенсильвании. Посетила колокол Свободы и могилу Бена Франклина.

– Миссис Муни, простите, но мы не ожидали вашего приезда. – Чача тревожно посмотрела на мужа. – У нас нет гостиниц. Ближайшая за много миль отсюда. Посол остановится в нашей гостевой комнате, но она у нас одна.

– То есть у вас нет для меня жилья?

– Нет.

– Тогда я просто вернусь в Филадельфию, приятно было познакомиться. Господин посол, если мы выедем немедленно, вы сможете посадить меня на поезд на станции и вернуться к ужину. Всем пока!

– Нет-нет, не может быть, чтобы вы не нашли где поселить такую важную представительницу американского правительства, – не сдавался Ники.

– У миссис Вильоне есть квартирка над гаражом, – вспомнила Розальба. – Ее жильцы как раз съехали.

– А ты-то откуда знаешь? – подозрительно поинтересовалась Чача.

– Они из Скрантона были, Ма. Расписывали нашу церковь, помнишь?

– Да, эти украинцы хорошо знают свое дело, – пожал плечами Рокко.

– О, ну тогда я звоню миссис Вильоне.

– Мы запланировали поездку на блузочную фабрику «Капри». А потом, мы думаем, вы сможете отдохнуть.

– Я бы хоть сейчас, – пробурчала Гортензия себе под нос.

– А вечером у нас банкет с «кадиллаком».

– Очень... эээ... впечатлительно. Я жду не дожидаясь! – воскликнул Ники.

– Я понесу ваш багаж, – вызвался Рокко.

– Нет-нет, я носить сам. У нас в Италии все сами носить свой багаж.

– Почему? – поинтересовалась Чача.

– С войны.

– О! – понимающе кивнула Чача.

Рокко повернулся к толпе:

– Друзья мои! Спасибо, что пришли встретить наших гостей. Теперь позвольте нам устроить их и продолжить мероприятия, запланированные нами на сегодня, увидимся на банкете с «кадиллаком».

Толпа радостно загудела. Ники и Гортензия поспешно вернулись в машину.

– Неразумно останавливаться в частном доме. Они тебя раскусят, – тихо сказала Гортензия.

– Вы в безопасности.

– Зато ты в опасности. – Гортензия бросила взгляд на крыльцо, где Розальба взгромоздилась на перила, как голодный канюк, выслеживающий добычу.

«Капри» была одной из тридцати швейных фабрик, разбросанных по всему Розето прямо между жилыми домами. Фабричные фасады были выкрашены в те же тона, что и домики, – молочно-белый, бледно-голубой и коралловый. Вывески над входом смотрелись скорее изысканно, чем индустриально. Одни фабрики носили имена владельцев – «Фасоны Кэрл», «Спортивная одежда Кэй Энн», «Мануфактура Йоланды», «Корпорация “Фабрики Кашиоли”» – или комбинацию имен, например, «МайкРо», которой владели и руководили Майкл и Розмари Филлинго. Другие описывали конечную продукцию, как, например, «Превосходная сорочка».

Ники стоял рядом с Рокко у входа на фабрику «Капри».

– Ваш город... эээ... процветает.

– После войны у нас просто бум.

– Вы приносите *felicita*^[74] в Розето. Наверное, вы... эээ... *populare*^[75].

– Я выиграл выборы, если вы об этом. Но моя победа весьма условна. У успеха много отцов, а поражение смердит. Я и это пережил. Зажимаешь нос и идешь дальше.

Рокко открыл двери, и Ники прошел следом за ним внутрь. Фабрика

была наполнена мощным стрекотанием пятидесяти швейных машин, работающих на огромной скорости. Ворсинки ткани плавали в мареве фабричного воздуха. Толстые, как пенька, электрические кабели переплетались высоко под потолком, неся энергию к машинкам, разделенным центральным проходом.

За каждой швейной машиной сидела швея-мотористка, которая проворно и умело сшивала детали изделия, выполняя определенную часть общей работы. Окончив, она передавала блузку сидящей рядом швее, которая проделывала следующую операцию, пока готовая блузка не отправлялась в контейнер в конце каждого ряда.

Подносчик связывал блузки лентой дюжинами и увозил на тележке по главному проходу в дальний конец огромного зала, где они проходили заключительную отделку. Клубы белого пара окружали гладильщиц, отпаривающих блузки.

– Видали хоть что-то подобное в Италии?

Ники покачал головой.

– В мире множество женщин, и все они нуждаются в нарядах, – практично заметил Рокко.

Ники наблюдал за швеями, которые сосредоточенно делали свое дело.

– Чем быстрее они работают, тем больше зарабатывают. Дело мастера боится, – сказал Рокко.

Как было не восхититься мастерством работниц! Женщины обгоняли время, трудясь в бешеном темпе, и процесс завораживал. Ники радовался возможности наблюдать, вместо того чтобы самому тяжело работать, коверкать язык, изображая акцент. Он был полностью поглощен процессом.

И тут в дальнем конце зала появилась женщина. Ей было, пожалуй, столько же лет, сколько и Ники, или чуть меньше. Темно-русые волосы, аккуратно завитые на концах, лежали на плечах, но прядки выбились из-под заколки и упали на лицо, когда она наклонилась проверить содержимое контейнера. В руках у нее был планшет, с которым она сверялась на ходу. Гости были довольно далеко и не могли слышать, что она говорит, но зато могли видеть, что ведет себя она как руководитель, давая указания мотористкам, а те кивали в знак согласия, не поднимая глаз от работы. Она двигалась по залу, останавливалась, давала инструкции или подбадривала, будто была дирижером опытного оркестра.

Ники наблюдал за этой картиной, и жужжание машин стало музыкой. Эта женщина сама была мелодией, но не менуэтом, не ритурнелем, а оперой во всем блеске – накатившая волна увертюры, пронзительная ария,

оживленное интермеццо и эмоциональный финал. Она будто шла по саду, ее платье из какой-то мягкой ткани в крошечных розовых розочках, с пуговками от подола до воротника, стянутое поясом на тонкой талии, облегалo ее классическую фигуру, как одеяние мифической Елены или любимой голливудской актрисы Ники – Ланы Тёрнер. На фабрике было жарко, и несколько верхних пуговиц остались расстегнутыми.

У нее было лицо женщин со скалистых берегов Средиземноморья, морских портов вроде Санта-Маргариты или Сестри-Леванти, об этих дальних краях бабушка рассказывала Ники, когда он был маленьким. Ее волосы напоминали цветом песчаные пляжи, море плескалось в зеленых глазах. Они никогда не встречались, но он ее узнал.

– Кто она? – спросил Ники у Рокко, и голос его невольно дрогнул.

– Наш мастер, Мэйми Конфалоне. – Рокко жестом подозвал ее. – Это посол Карло Гуардинфанте из Розето в Италии. Представляете себе? Он все-таки приехал.

Мэйми протянула руку Ники.

– Вы... эээ... заведуете *factoria*?^[76] – спросил Ники, применив свой лучший итальянский акцент.

– Только цехом.

– Мэйми свободно владеет итальянским. Она собиралась вас сопровождать во время вашего визита в Розето. Мэйми, все отменяется. Посол пожелал общаться на английском.

– Ну... жаль. Плакал мой итальянский.

– Может, тогда вы могли бы помочь мне с английским?

– Вы не нуждаетесь в помощи. Я никогда не слышала, чтобы так говорили по-английски.

– Ну вот видите, мне нужна... эээ... ваше помогание. Чтобы я использовал любой шанс для, *come se dice*^[77], практиковаться, мисс Конфалоне.

– *Миссис* Конфалоне, – поправила его Мэйми с улыбкой и вернулась к работе.

– Пойдемте, господин посол. Я покажу вам закройный цех.

Ники шел по фабрике следом за Рокко, но его не интересовал ни закройный цех, ни цех отделки. Не увлекла его и работа упаковщиков, складывающих новые блузки в картонные коробки, которые потом штабелями на грузовиках отправят в Нью-Йорк. Ники хотелось найти угол, забиться в него и там в одиночестве лелеять свое горе. За столько лет он впервые встретил женщину, у которой было все, что он так долго искал,

она пришла к нему, увитая розами. Но он опоздал. Миссис Мэйми Конфалоне уже принадлежала другому.

– Надеюсь, миссис Муни, вы найдете это жилье достойным, – нервно произнесла Чача.

– Здесь очень мило. Благодарю вас, – ответила Гортензия, снимая перчатки.

В квартирке над гаражом позади дома миссис Вильоне, что на Гарибальди-авеню, имелся альков с тремя отдельными кроватями, застеленными белыми хлопковыми покрывалами, и круглый стол с четырьмя стульями у широкого полукруглого окна. Дверь вела в маленькую ванную, выложенную белым кафелем. В кухонном закутке уместились раковина и печь-тостер.

– Кухня крошечная, но вас обеспечат питанием, так что в ней нет нужды. Миссис Вильоне живет одна в доме. Если вам что-то понадобится, то у нее есть телефон.

– Хорошо. А в Розето живут какие-нибудь негры?

Чача покачала головой.

– Ни одного?

– Ни одного, насколько я помню. Кроме итальянцев мы позволили здесь поселиться только грекам, да и то одной-единственной семье, потому что они делают конфеты.

– Куда же без конфет.

– Я прослежу, чтобы вам их доставили.

– То есть я первая цветная, которую вы видели в своей жизни.

Чача кивнула.

– Ну и каково ваше мнение?

– Вы очень интеллигентны, миссис Муни. Но вы ведь работаете на миссис Рузвельт, а она путешествует по всему миру.

– Она меня не на континенте нашла. Я из Филадельфии, это около часа езды чуть южнее отсюда. Вы бывали в Филадельфии?

– В зоопарке. Вот ключи. За вами приедут около шести и отвезут на банкет.

– Я буду сидеть рядом со своей хозяйкой?

– Миссис Вильоне? Нет. Она никогда не выходит из дому.

– Никогда?

Чача наклонилась поближе и понизила голос:

– Много лет уже. Она выходит в сад и сидит на крыльце, но не более.

– Она больна?

– Не телом. – Чача постучала пальцем по голове.

Гортензия повесила свой парадно-выходной костюм на вешалку, осмотрела туфли, убедилась, что они по-прежнему блестят черной полировкой и только чуточку поношены, затем облачилась в простое хлопковое повседневное платье и обула сандалии.

Она написала записку, оставила ее в дверях и, закрыв дверь на ключ, прошла через сад к дому миссис Вильоне. Дорожку обрамляли неровные куски сланца приглушенных голубых и сиреневых тонов. Судя по всему, хозяйка была отменным садоводом. Она использовала для растений каждый дюйм, оставив совсем немного места на дорожку и декоративные детали.

Но нельзя сказать, что сад был начисто лишен украшений. Гортензия шла под шпалерами, сплетенными из березовых веток, которые от времени приобрели серо-бело-розовый оттенок, похожий на тусклый ситец. Нежные бледно-зеленые листочки, которые станут укрытием для винограда в летнюю жару, пробивались сквозь березовое плетение, и Гортензия сразу подумала о шляпе в этих тонах.

Гортензия постучала в дверь черного хода, позади которой сквозь сетчатый верх виднелась еще одна массивная деревянная дверь. Сначала Гортензия стучала легонько, а потом приложила некоторые усилия.

Наконец миссис Вильоне отворила.

– Миссис Вильоне. Я остановилась в гостевых апартаментах над вашим гаражом.

– Что-то протекает?

– Вовсе нет. На самом деле там очень уютно.

– Спасибо.

– Мне захотелось представиться вам лично. Я Гортензия Муни, работаю на Соединенные Штаты.

– А разве не все мы работаем на Соединенные Штаты?

– Правительство. Я представляю правительство Соединенных Штатов.

– Чача сказала, что вы работаете с миссис Рузвельт?

– Да.

– Я четырежды голосовала за ее мужа.

– Я ей передам.

– Как ей живется-то вдовой?

– По-разному. То так, то этак, понимаете?

– Понимаю. Я ненавижу это. Вдоветь всегда страшно и больно. Вы замужем?

– Много лет.

– Хорошо.

– Надеюсь. Ну, я только поздороваться пришла и познакомиться. –

Гортензия повернулась, чтобы уйти.

– Не хотите ли войти?

Гортензия улыбнулась:

– Благодарю вас, буду рада.

Минна Вильоне открыла дверь. Она была невысокой и щуплой, белые волосы, заплетенные в две простые косицы, собраны на затылке в низкий пучок. Ей было под восемьдесят, но энергия была в ней через край, это было очевидно при первом же взгляде на ее образцовый сад и ухоженный дом. Простое платье в серо-белую клетку с глубокими карманами, на молнии спереди; домашний наряд завершали серые рабочие ботинки и чулки.

Гортензия вошла в идеально чистую кухню, оглядела стены, отделанные белым мрамором, и пол, выложенный гладким нежно-голубым камнем. На изысканной керамической поверхности круглого кухонного стола была искусно изображена старинная карта.

– Чудесная у вас кухня.

– Я тут провожу большую часть дня.

– Будь у меня такая кухня, я бы и сама не прочь. Где вы нашли такой стол?

– Его прислали из Италии. Мы с мужем ездили навещать родных на медовый месяц, я увидела его там, и мне так захотелось его купить. Это мой самый любимый предмет обстановки во всем доме.

– И я понимаю почему.

Гортензия провела рукой по гладким плиткам.

– Прошу, присаживайтесь, – пригласила Гортензию миссис Вильоне. – Вы голодны?

– С самого завтрака ничего не ела.

– А теперь уже почти ужинать пора. Вы дожидаетесь сегодняшнего банкета?

– Я не пойду туда.

– Разве вы не должны сопровождать посла?

– Я уже достаточно сделала для него сегодня.

Миссис Вильоне рассмеялась.

– Трудно с ним?

– У него свои причуды.

– Они все не без причуд, правда?

– Он же мужчина, наконец, – хихикнула Гортензия. – А вы? Пойдете на банкет?

– Нет-нет. А вы не хотите ли отужинать со мной, здесь?

– С удовольствием!

– Но вы пропустите все развлечения, – предупредила ее Минна.

– Думаю, на сегодня с меня хватит развлечений, – уверила ее Гортензия.

Ники разглядывал себя в зеркале комнаты для гостей семейства Тутолола, и у него было такое ощущение, будто его окунули в банку с женским кольдкремом. Вязаный полог над кроватью с четырьмя столбами по углам. Покрывало из розовой оборчатой органзы. Белый ковер, антикварный розовый туалетный столик, лампа под абажуром, похожим на пачку балерины. Все поверхности застланы кружевными салфеточками.

Он откинул покрывало, стараясь не смять оборки, затем сбросил штаны и повесил их на вешалку в маленьком шкафу, забитом коробками с елочными украшениями. Он как раз пристраивал пиджак на ту же вешалку, когда раздался стук в дверь.

Приоткрыв дверь на щелку, Ники выглянул в коридор.

– Я погладила ваш мундир для званого ужина. – Чача высунулась из-за отутюженного наряда, держа его высоко над головой, потому что тот был вдвое длиннее ее роста.

– *Grazie, signora*^[78].

Ники протянул руку в щель, чтобы взять вешалку, но Чача толкнула дверь свободной рукой.

– Я не одет!

– О боже, – сконфузилась Чача, пытаясь заглянуть внутрь. – Я хотела показать вам, где шкаф.

– Я... эээ... уже нашел. *Grazie*.

– Может, вам еще что-нибудь нужно?

Ники стоял достаточно близко к лицу Чачи, чтобы разглядеть сквозь дверную щель, что она подмазала черным брови, прихватив редкие белесые волосинки. Она заметила его взгляд и потерла левую бровь.

– Мы стукнем вам в дверь вечером, когда будем готовы ехать.

– Я пока отдохну.

– Отдохните.

Ники протиснул мундир сквозь щель и быстро закрыл дверь перед носом у Чачи, зная, что любое промедление будет расценено как поощрение. На двери не было замка, но и ладно. Кто же захочет оказаться взаперти в этом женском логове?

Он перебрал мундир на дверцу шкафа и прилег на кровать, которая под его весом просела чуть ли не до самого пола. Ноги Ники взлетели на край кровати, а голова утонула между двух подушек. Все на этой кровати оказалось излишне мягким.

Ники хотел было встать и закурить сигарету, но побоялся, что если чиркнет спичкой в этой комнате, то взорвет всю Трумэн-стрит. Вместо

этого он заложил руки за голову, закрыл глаза и легко, без малейших усилий отправил свои мысли витать вокруг изысканной красоты Мэйми Конфалоне. Представил, как она плывет по фабричному проходу прямо к нему, и томительно возжелал ее. Мэйми подошла к нему, потянула к себе и поцеловала, и он тут же провалился в сон.

Минна стояла у окна своей кухни, глядя на квартиру над гаражом.

– Что-нибудь видите? – прошептала Гортензия из-за кухонной двери.

– Чачу и Эдди Даванцо.

– А кто это?

– Местный коп. Подойдите, сами посмотрите. Они вас отсюда не заметят.

Гортензия выглянула из-за кухонной занавески:

– А он красавчик.

– И холостяк.

– Какая жалость.

– Не понимаю, куда смотрят наши молодые девицы. Но мне кажется, он сохнет по одной определенной девушке и не может ее получить, потому и не пристроен до сих пор.

– Безответная любовь. Больно одному, а прибыль – никому. – Гортензия довольно хихикнула: – Читают мою записку.

– А что в ней?

– Что я не приду на банкет сегодня вечером. Слишком устала, чтобы быть на виду.

– Понимаю. У нас тут могут таким холодом окатить, если ты не один из них.

– Ну, замерзнуть я сегодня не замерзла, но они так на меня уставились, будто никогда не видели чернокожих. И мне стало не по себе.

– Мне не по себе с тех самых пор, как я сюда переехала.

– Вы не местная?

– Я вышла замуж за местного.

– Ну, не родная, так двоюродная. Вы не итальянка?

– Итальянка. Но не из их провинции родом и не здешняя. Они любят все свое. Вот так. А я венецианка, а значит – чужачка.

– Когда свои отвергают своих... От этого наверняка так и веет холодом.

– Вы любите всех негров?

– По большей части.

– Уверена, в вашем сообществе вас очень уважают за такую успешную карьеру. Многие ли могут сказать, что работают на Элеонору Рузвельт?

- Меня не за эту работу уважают. А за мой статус в приходской церкви.
- Это тоже важно. Но не всякой женщине выпадает такая должность, как ваша. Миссис Рузвельт что-то в вас разглядела.
- Она провидица, таких – одна на миллион. Они с Франклином... ох... я не могу говорить о них без эмоций. Пусть он покоится с миром.
- Лучший президент из всех, что у нас были.
- И я так считаю. За исключением разве что Авраама Линкольна.
- Да, он тоже был молодец.
- Особенно для моего народа. – Гортензия прижала руку к сердцу.
- Вы любите стряпать?
- Мое любимое занятие по дому.
- И мое.
- Но я еще люблю возиться в саду. И у вас сад просто замечательный.
- Я его обожаю. Выращиваю собственные помидоры. И латук. Огурчики. А вы?
- И я тоже. Еще я сажаю окру, цикорий. Мы их в готовке используем.
- А с помидорами что делаете?
- Тушу. Готовили когда-нибудь тушеные томаты?
- Ни разу.
- Меня мама научила. Берем штук восемь крупных спелых красных помидоров, – начала Гортензия, – режем треугольными дольками, разогреваем в сотейнике сливочное масло, две чайные ложки сахара, шинкуем лук, припускаем до прозрачности. Посыпаем помидоры четвертью чайной ложки гвоздики, и пусть все кипит до готовности. Не забывайте помешивать. Если хотите подать как отдельное блюдо, поломайте кусочками хлеб и перемешайте. Ничего вкуснее вы не пробовали.
- Я сегодня собираюсь приготовить макароны. Вы же не против?
- Если только подадите к ним плод виноградной лозы, – подмигнула Гортензия.
- У меня найдется бутылочка или две.
- Ну, тогда я славно устроилась. Аллилуйя! Немножечко домашней выпивки, и я позабуду все свои печали.
- Ничего плохого в том не вижу.
- Господи, спасибо! – Гортензия села у рабочего стола, где Минна готовила еду. – Я всегда мечтала научиться готовить подливку.
- Наверное, вы знакомы с итальянцами. Вы называете подливку подливкой, а не соусом.
- Итальянцы сплошь и рядом трудились в службе Рузвельтов.

– Я покажу вам, как готовить подливку по-венециански. В этом городе готовят подливку по-розетански, она вкусная, но моя лучше, – прошептала Минна.

– Верю. А что входит в розетанскую подливку?

Минна помолчала минутку.

– Она готовится так: оливковое масло на сковородку, шинкуем лук, крошим чеснок, жарим до прозрачности, как говорится. Отставляем. Затем готовим томаты. Зимой – из банки, летом – свежие. Один помидор на порцию. Так что на четверых – четыре. Если помидоры свежие, большинство хозяек предпочитают обдать их крутым кипятком, чтобы снять шкурку, а уж потом положить в соус. Через сито перетираем помидоры в сковородку, так что там ни семечек, ни кожицы в подливке, однородная масса. Добавляем петрушку, базилик и дробленый красный перец. Солим, перчим, припускаем на медленном огне. Поливаем подливкой макароны и посыпаем тертым сыром.

– И все?

– Это розетанская *маринара*. Конечно, когда готовят большой горшок подливки, то добавляют мясное. Фрикадельки, колбаски, свинину, курятину – что есть. И помидоров двойную порцию, если для большого горшка. И потом вся семья неделю это ест.

– Понятно.

– Может, хотите помочь мне приготовить подливку по-венециански?

– Еще бы.

Гортензия наблюдала, как Минна методично собирает горшочки и прочую кухонную утварь – ножи, сито, деревянные ложки, разделочную доску из сланца и глубокую кастрюлю для варки макарон. Повязав полотенце вокруг талии, Минна вымыла руки, налила воды в кастрюлю и поставила ее на огонь, добавив в воду соли. Из холодильника она достала морковь и пучок сельдерея. Из ведерка рядом с холодильником вынула несколько луковиц. Нарвала пучок базилика на своей плантации на подоконнике. Из керамической миски выбрала три зубчика чеснока покрепче. Затем достала с полки самую большую сковороду с ручкой, поставила ее на плиту, налила оливкового масла на дно. И протянула Гортензии нож:

– Покрошите для меня чеснок. А я луком займусь. Не могу же я заставить гостью плакать.

Минна положила лук и чеснок в сковороду, убавив огонь. Потушила лук и чеснок, тщательно перемешивая их с оливковым маслом.

– Поскоблите морковку и нарежьте тоненькими кружочками,

пожалуйста.

Пока Гортензия занималась морковью, Минна отрезала внешние стебли сельдерея, добралась до сердцевинки, а потом нашинковала ее на доске.

– А почему вы используете только сердцевинки? – спросила Гортензия.

– Ну, так мне захотелось. Наружные стебли горчат, и соус горчит. Как на мой вкус.

Минна высыпала морковь и нарезанный сельдерей на сковороду и перемешала.

– Пахнет божественно, – прокомментировала Гортензия.

Минна припустила овощи до мягкости, то и дело помешивая. Затем она взобралась на табурет-стремянку, открыла буфет, где на полке красовались стеклянные банки с томатами в собственном соку – с кожицей, семенами и прочим, выбрала банку и передала ее гостю. Потом добавила в сковороду полквартиры томатов и перемешала с прочими овощами. После чего поместила сито на миску из нержавеющей стали, вылила смесь в сито и методично перетерла деревянной ложкой, отжимая мякоть и сок, чтобы кожица, семена и овощные волокна остались в сите. Убедившись, что самая лучшая и ароматная мякоть перетерта в миску, Минна переложила ее обратно в сковороду, убавила огонь и накрыла крышкой.

– А теперь по бокальчику вина.

– Наливайте, миссис Вильоне!

– Но, прежде чем мы начнем, я прошу вас отвернуться.

– Я никому не скажу, что вы пьете, если вы не скажете, что я пью.

– Не поэтому. Мне необходимо добавить в соус секретный ингредиент.

– Вы же только что показали мне все приготовление.

– Один ингредиент я не положила.

– Почему?

– Рецепт хранился в нашей семье, и я поклялась никому не говорить.

– Вы не откроете мне свой секретный ингредиент? Но как же я смогу приготовить подливку по вашему рецепту?

– Вы получите его после моей смерти, – сказала Минна, поглядев на Гортензию так, что у той улетучились всякие сомнения, и она отвернулось.

Гортензия слышала, как Минна снова взобралась на стремянку, слышала щелчок дверцы буфета, стук крышки жестяной банки, звяканье ложки. Она услышала, как хозяйка дома подняла крышку сковородки на плите и опустила обратно. Потом, судя по звукам, секретный ингредиент убрали назад тем же путем.

– Можете повернуться, – сказала Минна.

– Не люблю секретов.

– Как же вы тогда можете работать на правительство?

– И то правда. Они отягощают мою христианскую совесть. Но не так сильно, как кулинарный секрет теперь довлеет над моей негритянской совестью.

– Обещаю, вы узнаете секрет, когда я умру.

– Мы с вами знакомы так недолго, но одна мысль об этом нагоняет грусть.

– Я знаю. До чего чудно порой возникает дружба, правда?

Минна взяла кувшин с вином из буфета, налила по бокалу Гортензии и себе.

– За миссис Рузвельт! – Минна подняла бокал.

– За миссис Рузвельт!

Гортензия пригубила. Глоток густого пурпурного домашнего вина наполнил ее теплом итальянского полуденного солнца в безоблачный день. Она подержала вино во рту, посмаковала, зажмурился глаза, и проглотила. Впервые за свою долгую и насыщенную жизнь Гортензия испытала поистине восхитительное мгновение.

7

Полумесяц над Розето сломанной пуговицей торчал сквозь прорезь в серебряных шифоновых облаках. Огромный белый шатер, место ежегодного банкета с «кадиллаком», ослеплял темное пространство, а музыка в исполнении живого оркестра уносилась в ночь.

Совершенно новый сизый «кадиллак» с откидным черным верхом стоял на помосте под сиянием прожекторов. Главный приз вечерней лотереи сверкал огромным золотым бантом, как будто такой великолепный предмет нуждался в дополнительном украшении. И каждый из присутствующих надеялся уехать на нем домой.

Отовсюду на банкет стекались гости – кто на машинах, кто пешком. Быстрый перестук каблуков выходной обуви раздавался на дорожках, когда их обладатели спешили ко входу в шатер.

Женщины нарядились в вечерние платья из атласа, кружев и тюля весенних оттенков розового, желтого и мятно-зеленого, испещренные бисером, стеклярусом и мелким жемчугом. Выстроившись в очередь за настольными карточками, дамы казались текучей цветочной гирляндой. Мужчины были в смокингах и тесной, натирающей ноги праздничной обуви и, отдавая дань вечернему официозу, сменили сигареты на сигары.

Юбилейный комитет постановил разукрасить шатер изнутри в цвета итальянского флага – красный, белый и зеленый. К счастью, городские

рождественские украшения оказались той же расцветки, так что праздничные гирлянды лампочек, висевшие на Гарибальди-стрит в декабре, теперь исполняли дополнительную обязанность в шатре в июне.

Столы застелили красными скатертями, на них поставили белый приходской фарфор. Главным украшением стола являлись пьедесталы с подносами печенья, завернутыми в целлофан и декорированными букетиками красных гвоздик, перевязанными ленточками. Домовитые хозяйки из Розето испекли к празднику *бискотти*, кокосовое печенье с глазурью, инжирные полоски, ореховые шарики, звездочки с джемом, *пиццелле* и кренделя с шоколадом в количестве неизмеримом. Ароматы миндального драже, анисового ликера и ванили наполнили шатер, соревнуясь с запахом лучших духов – «Табу», «Шарль из Рица» и «Упоение».

Пятьдесят столов на десять персон каждый. Это был самый большой банкет с «кадиллаком» в истории, и явно потому, что посол Розето-Вальфорторе посетил его в качестве почетного гостя. За несколько мимолетных часов Карло Гуардинфанте стал самой популярной личностью в городе. Он снискал расположение розетанцев своим превосходным английским и благодушным нравом.

Все непрестанно обсуждали детали его итальянского происхождения (которое переплеталось с их собственным), его внешность (власть и красота – прекрасное сочетание), его рост (редкая удача для итальянца) и его теплое к ним отношение (ведь он один из них). Будь сейчас время выборов, посол легко победил бы Рокко в борьбе за пост бургомистра, а ведь Рокко Тутололу любили все.

В центре шатра настелили паркетную танцевальную площадку. По одну сторону от нее возвышался помост, на котором сидели посол и городские чиновники, а по другую расположился оркестр. По оставшимся двум сторонам площадку обрамляли столы.

Ники наблюдал празднество со стула на помосте. Карточки с указанием мест были напечатаны золотом, кроме одной, рядом с ним, где от руки значилось: «Миссис Муни. Атташе миссис Рузвельт». Ники положил руку на спинку пустого стула Гортензии.

Он посмотрел на часы. Где же миссис Муни? В животе заурчало. Ничто не вызывает в человеке такого чувства голода, как необходимость быть учтивым. Так что Ники умирал с голоду. Дожидаясь Гортензию, он принялся выживать кокосовое печенье из-под целлофана.

Ники как раз глодал печенье, когда Эдди Даванцо протянул ему конверт.

Дорогой посол, сожалею, что пропустила ужин, но я скорее покончу с собой, чем там появлюсь. Наслаждайтесь.

Ваша миссис Муни

– Надеюсь, с ней все в порядке, – сказал Эдди. – Миссис Тутолола и я постучали несколько раз, но она не ответила.

– У нее подагра разыгралась. Наверное, сидит в горячей ванне. – Посол засунул записку в карман куртки, а Рокко отправился встречать новоприбывших гостей. – Или нашла попутчиков до бара гостиницы в Бангоре и сейчас через три «Розовые белки»^[79] забудет собственное имя, – пробормотал Ники себе под нос.

Ники загнули позировать для серии групповых фотографий с важными общественными организациями и религиозными клубами Розето – сначала с Юбилейным комитетом, потом с общиной Пресвятой Богоматери Кармельской, Пожарным обществом Колумбии, постом Марточчи Капобьянко Американского легиона, Рыцарями Колумба, Голубой армией Девы Марии Фатимской, Пресвитерианцами Розето (долго объяснять), потомками отцов-основателей города: семействами Розато, Фальконе и Поличелли, хором старшекласников имени Пия X, победителями научного конкурса школы Пресвятой Богоматери Кармельской, драматическим кружком школы имени Колумба, духовым оркестром Розето под управлением Луи Анджелини, чиновниками и членами местного отделения Международного женского профсоюза швей и, уже под самый конец, с дирекцией и членами дискуссионного клуба имени Маркони.

Когда все групповые съемки закончились, каждый из пятисот гостей был запечатлен по крайней мере на одной фотографии. Между съемками гости ухитрялись вернуться на свои места, чтобы доесть говядину «Веллингтон» с тертым миндалем, зеленой фасолью и салатом, а потом, когда подали кофе, наброситься на сладости. Джаз-бэнд «Ночные колпаки» уже был готов потряхнуть стариной.

Ники пробрался к помосту и чуть слюной не захлебнулся при мысли о горячей еде. Когда он в изнеможении опустился на стул, было уже поздно. Его тарелку убрали, а Тутололы совместно разорили поднос с печеньем. Все, что осталось рядом с его именной карточкой, – это стакан воды со льдом и лимонная долька. Что бы только не отдал Ники за одно печенье с инжиром! При том что он его на дух не переносил!

На хлебной тарелке отсутствующей Гортензии скучала одинокая булочка. Ники схватил ее, намазал маслом и проглотил всю целиком.

Булочка плюхнулась в желудок, как теннисный мяч. Быть знаменитым означает, что времени на еду не остается. «Стать бы невидимым», – подумал Ники, касаясь пальцем кончика языка и собирая крошки сдобы с подноса, вкушая намек на несбывшиеся сладости.

Гортензия стояла у плиты, а Минна демонстрировала завершающий шаг в приготовлении венецианской подливки.

– Вы видите, теперь соус загустел и большая часть жидкости выкипела, – сказала Минна, помешивая густой ароматный томатный соус. – Я делаю углубление в середине, добавляю пятьдесят граммов масла и мешаю, пока масло не растворится полностью.

Минна подала Гортензии ложку.

– Никогда не промывайте макароны, – наставляла она, слегка потряхивая дуршлаг, и отставила его в сторону.

Сняв сковородку с плиты, она налила немного соуса в миску, выложила туда макароны, добавила оставшийся соус и все смешала. Потом натерла свежий пармезан, посыпала им блюдо и взяла миску с макаронами с кухонного стола.

– Возьмите, пожалуйста, поднос, – попросила она Гортензию.

Ее гостя подхватила поднос, где расположились хрустящий хлеб, сливочное масло, салат из одуванчиков, маслин и сладкого лука в оливковом масле и уксусе и графин домашнего вина, и последовала за Минной к столику в саду.

– Так вот как это делают в Италии! – восхитилась Гортензия.

– *Al fresco*. Попробуйте *macaroni*.

Гортензия отведала и прикрыла глаза.

– Я никогда не ела ничего подобного. Наверное, все дело в секретном ингредиенте.

– Не в нем одном. Как вы думаете, сможете приготовить подливку сами?

– Я все это запишу.

– Непременно.

– С удовольствием приготовлю ваши макароны для следующего церковного ужина.

– Думаете, им понравится?

– Не знаю. Единственный красный соус, который мы использовали до сих пор, это соус барбекю. Возможно, не понравится.

– Если вы любите готовить, то и людям всегда нравится то, что вы им предлагаете.

– Это правда. Моей семье нравится моя стряпня, – признала Гортензия.

– Но вы ведь работаете в офисе?

– Да. Оплачиваю счета.

– Миссис Рузвельт, должно быть, делает вашу работу интересной.

– Так и есть. Не дает расслабиться. У вас есть дети, Минна?

– Сын. Он живет в Олбани, штат Нью-Йорк.

– Так далеко?

– У его тестя там дело.

– Ваш сын не хочет жить здесь?

– Его жена не хочет.

– Сыновья от нас уходят, так ведь?

– Как всегда. У вас есть сыновья?

– Две дочери. Уже взрослые. И сын был. Родился 5 ноября 1916 года. Он умер на следующий день. Я назвала его Малахия.

– Очень жаль. – Минна положила ладонь на руку Гортензии.

– Но я знакома с поведением мальчиков. На работе их много. И я мать каждому, можно сказать.

– Мы все матери мужчинам. Я работала у мужа.

– Чем он занимался?

– У него была блузочная фабрика. У всех тут швейные фабрики.

– Когда он покинул нас?

– Шесть лет тому.

– Тяжело такое пережить.

– Мне все еще трудно с этим смириться. Я пошла на поминальную службу, потом на кладбище. Вернулась домой и никогда больше не выходила.

– Что вы имеете в виду?

– Я не выхожу из дома. Только в сад и к самшитовой изгороди.

Гортензия пригубила вино. Наверное, это и есть психическое расстройство, на которое намекала Чача.

– А как же вы справляетесь?

– У меня добрые соседи. Они покупают мне все, что нужно, а священник приносит причастие. Люди обо мне заботятся.

– Вы когда-нибудь пытались выйти из дома?

– Не могу. Я пробовала. Даже купила билет на сегодняшний банкет. Когда я покупала его, то действительно верила, что пойду. Я даже спланировала, что надену. Если вы подниметесь в мою комнату, то увидите там голубое шифоновое платье, висящее на двери. Выходные туфли на коробке, чулки на комод. Но чем ближе подходило время идти, тем

сильнее я тревожилась. А потом, под вечер, вы постучали в дверь и сняли с меня эту тяжесть. Теперь мне не надо идти, потому что вы пришли ко мне.

– Можно, я открою вам секрет? Мне тоже не хочется идти туда.

– Вы, думаю, часто появляетесь на публике.

– Это становится утомительным. Если бы мне удалось навсегда избежать публичности, я была бы счастлива.

– Конечно, это зависит от миссис Рузвельт. Гортензия, если бы вы смогли прожить жизнь сначала, что бы вы сделали иначе?

– Все.

Минна засмеялась.

– Нет, серьезно. В жизни было немало хорошего. Но я бы пошла другой дорогой.

– Что это значит? – Минна подлила гостье вина.

– Я бы нашла истинную цель моей жизни.

– Вы полагаете, что у вас ее нет?

– Думаю, что нет.

– Это интересно.

– А какая ваша, Минна?

– Я старше вас на добрые лет двадцать. И я сказала бы, что больше не ищу. Моя цель теперь – заслужить мирный конец. Это ведь тоже цель, не так ли?

– Поэтому мы и проводим время в церкви. Просто пытаемся заслужить спасение своих душ.

– Мирный конец важен, но его надо спланировать. Дни и ночи, ведущие к концу, должны быть наполнены мыслями о прощении. Нельзя сидеть и размышлять о том, чего ты недополучил в жизни, кто чем тебе обязан, завидуя тем, у кого есть то, чего ты сам желаешь, злясь на супруга, потому что он не дал тебе того, чего желал ты. Хотите верить, хотите нет, но некоторые так и умирают, злясь на родителей, не давших им то, что они, по их мнению, заслужили.

– Бедняги. – Гортензия выпила еще глоток вина.

– Не избыв страданий, не обретешь благодати.

– Если вы выйдете отсюда, то увидите много страданий, – уверила ее Гортензия.

– Я не поэтому не выхожу.

– А как вы поняли почему?

– Это началось после смерти мужа и становилось хуже с каждым днем. Я пыталась стряхнуть все это с себя. Старалась оправиться, но страх овладел мною и не позволял выйти. Мой близкий друг послал ко мне

ведьму. Я жгла травы, купалась в белом уксусе, покрасила стену в бирюзово-синий цвет и таращилась на нее по пятнадцать минут утром и вечером – ничего не помогло. Уже и мессы пробовали, и четки, и *новенны*^[80]. Ничто не снимает заклятие. Потом я все обдумала. И сказала себе: раз случился день, когда я в это вляпалась, значит, однажды наступит день, когда я открою дверь и выйду. Все пройдет.

– Плохие времена рано или поздно проходят, это так.

– Да-да. Но сейчас я готовлюсь. Ем только свое, из сада. Выращиваю цветы. А когда посчастливится, у меня появляется новый друг.

Ники раздумывал, как улизнуть с помоста и прибраться к рукам поднос с печеньем со стола, стоявшего рядом с танцевальной площадкой, когда услышал за спиной голос.

– Эй.

Он обернулся и увидел Мэйми Конфалоне в коротком коктейльном платье, повязанном кухонным фартуком. Мэйми протягивала ему полную еды тарелку, и он не знал, что выглядит аппетитнее – блюдо или сама Мэйми.

– Вы ангел!

– Нет, я отвечаю за обслуживание столов на помосте, и не хотелось, чтобы ваша еда остыла.

– Никогда не был так голоден.

– Вы чуть не упали в обморок, когда позировали с клубом Маркони. Ешьте, – приказала Мэйми и, лавируя в толпе, направилась к походной кухне, расположенной неподалеку.

Ники наблюдал за ней, за тем, как покачиваются ее бедра, обтянутые платьем, и это отвлекло его внимание, но не настолько, чтобы бросить еду и побежать за ней. Он до того проголодался, что забыл о замужестве Мэйми. Он отделил кусок картофеля, мяса и поджаристой корочки от говядины «Веллингтон» и засунул в рот, когда оркестр заиграл что-то разгульное. Тут-то на танцплощадке и появился Рокко Тутолола, а два человека прикатили огромный красный стальной барабан для лотереи и установили его в центре.

Луч прожектора выхватил Ники из темноты, как раз когда он вгрызлся в другой кусок говядины. Его пригласили выйти на танцплощадку и вынуть билет с номером победителя в розыгрыше «кадиллака». Луч следовал за Ники до самого барабана, в который он и засунул руку.

Толпа вопила:

– ТЯНИ!

– ШУРУЙ!

– ГЛУБЖЕ!

– Это значит, не хватайте билет сверху, – тихо подсказал Рокко.

Ники засунул руку вглубь барабана, словно это была пасть льва, а он укротитель. Рука его проникла так глубоко, что могла отвалиться, если бы металлическая дверца барабана вдруг защелкнулась. Он достал билетик со дна и протянул его Рокко. Рокко подошел к оркестру и вытащил микрофон из стойки.

– «Кадиллак» выиграл Уэйн Рутледж.

– Кто? Что? – прокатилось по толпе.

– Уэйн Рутледж из Флоренции, штат Алабама.

– Америкашка? – выкрикнул один из гостей.

– Где эта Алабама?

– Какая разница? Ясно, что не в Пенсильвании!

– Это издевательство!

– Наверное, ошибка!

– Да, получается, что америкашка выиграл «кадиллак», – подтвердил Рокко. – Америкашка из Алабамы.

– Кто ему продал билет?

Майк Муццоло встал из-за стола у помоста.

– Я продал. Я покупал шины для своей мастерской и попросил тамошнего продавца распространить немного билетов. Они торгуют шинами к востоку от Миссисипи. У него есть клиент в Алабаме, тот продал билет Уэйну Рутледжу, который заполняет ему налоговые декларации. Вот он и выиграл.

– Бухгалтеришка выиграл? – взвизгнула какая-то женщина.

– Налоговый инспектор? У-у-у! – заорал кто-то у дальнего стола.

Местная жительница встала, потрясая кулаками:

– Выиграть должен житель нашего города.

– Это дурно пахнет!

– Разыграть еще раз!

– Безобразие, – возмутился кто-то в толпе.

– Ребята, успокойтесь, – сказал Рокко. – Это лотерея. То есть игра на счастье, и выигрывает только один. Вы видели, как посол сунул руку в барабан, словно извлекал шрапнель из легкого.

– Надо было устроить аукцион, – фыркнула еще одна женщина.

– Но америкашка наверняка и тут бы выиграл, – добавил еще один соискатель, затягиваясь сигарой.

Рокко не сдавался.

– Мы продаем билеты где можем и кому можем, потому что деньги идут на модернизацию нашего города. Ваша щедрость принесла Розето семьдесят пять тысяч долларов. Получается, что мы сможем соорудить фонтан в городском парке и еще останется на украшение города. Мы с радостью сообщим мистеру Рутледжу, что он выиграл «кадиллак». И что розетанцы за него рады.

Он вернул микрофон на подставку и поторопил оркестр к действию.

– Лотерея есть лотерея – Рокко успокоил Ники: – Никто ни у кого не украл эту машину.

– Люди очень в расстройстве, – нервно сказал Ники. Он чувствовал, что черные глаза населения Розето так и прожигают его насквозь.

– Они не любят жульничества.

– А какое тут жульничество? Это была лотерея, самая что ни на есть. – Ники так устал, что заговорил без акцента.

– У вас прекрасный английский, самый что ни на есть.

– Я услышал это выражение сегодня на *factoria*.

– Ну да. Вы поели?

– Да, чуток.

Рокко сверился с часами и взял печенье со стола рядом с танцплощадкой.

– Извините, господин посол. Сейчас начнутся танцы. Вам понадобятся силы.

Он протянул печенье Ники, Ники проглотил его и потянулся к целлофану за следующим. Чача подошла к Ники.

– Готовы к румбе? – Она покачала бедрами.

– *Si, si, La Vamba*^[81]. Первый танец с женой бургомистра. Она же хозяйка.

Ники постучал по груди, чтобы печенье проскочило быстрее.

– Развлекайтесь. – Рокко похлопал Ники по спине и удалился.

Ники обвил приземистую Чачу руками. Двигаться с ней в танце было все равно что, сторбившись, толкать по залитому битумом гравию тачку с песком.

– Муж сказал, что вам сегодня понравилось на фабрике.

– Очень. Миссис Тутолола, я должен спросить вас, потому что схожесть поразительна. Мэйми Конфалоне ваша *figlia*?^[82]

Чача с гордостью выпятила грудь, упершись ею в живот Ники.

– Вы думаете, она могла бы быть моей сестрой?

– О, но вы так похожи.

– Я вас понимаю. Носы похожи. Нет, мы не родня.

– А чья она родня?

– Она из семьи Мугаверо. Красивейшие девушки в городе, если хотите знать мое мнение. Как сложены! Ей повезло. Она вышла за Аугусто Конфалоне. Печальная история. Погиб на войне.

– Она вдова?

– Да.

– Больше замуж не выходила?

– Нет. Более того, и не хочет. Конечно, у нее ведь есть сын. Пяти лет, и он – вся ее жизнь. Как и должно быть.

– Да, да! – Ники хотелось выкинуть Чачу из шатра, найти Мэйми и убежать с ней из города, но спешить не стоило.

– У женщины с маленьким ребенком нет времени для дурачеств, – авторитетно хмыкнула Чача. – Ребенка нужно растить. Для матери это самое главное.

– Да, матери – это Божьи очи и уши на земле.

– Ах, как прелестно сказано.

Чача, танцуя, вжималась в Ники. Ее треп о материнстве и одновременное толчение в его тело огромным бюстом и перетянутым животом вызвали у него диспепсию. А может, причиной тому была недопереваренная говядина? Ники не был уверен.

– Когда дети вырастают, ситуация меняется. Женщина снова может стать женственной. И у нее появляется больше времени для развлечений, она может выходить по вечерам, путешествовать. Танцевать с посланцем, который носит иностранный мундир.

– Вы надо посетить наше Розето-Вальфорторе, Чача.

– Это приглашение? – Чача вкручивалась в Ники, как наконечник бура.

– Когда человек приглашать человека навестить себя – это приглашение. Нет?

Ники почувствовал, как жесткий край корсета Чачи уперся ему в бедро.

– *Si. Si. Si*, – замурлыкала она.

Ники ощутил низкий звук желания, раздавшийся в ее теле.

– Вам понравится Италия. И муж сможет... эээ... насладиться ею. Другой медовый месяц для двух любящих. Нет?

– Нет. Да. Звучит здорово. Рокко не любит путешествовать. У него морская болезнь.

– Как жаль.

– Но она вроде не беспокоит его, когда он с другом катается на моторке по Делавэру.

- Вы, наверное, рады, что у него есть хобби.
- Я была бы еще больше рада, если бы этот друг был не его подруга.
- Мне жаль.

– Эти политики. Вы же понимаете. Власть притягивает. Женщины вожделеют Рокко, как шоколад. Но я желаю его *comare*^[83] пожить с ним хоть с неделю и посмотреть, надолго ли ее хватит. Мне приходилось делать для Рокко такое, на что и опытный доктор не решился бы. Хотела бы увидеть его подружку с пинцетом, лупой и вазелином и посмотреть, как быстро она сбежит. Уж поверьте. Сбежит.

В порыве отвращения Ники бросил Чачу у десертного стола и плавной походкой отправился к очереди женщин, жаждущих потанцевать с ним.

Розальба выскочила из очереди и схватила Ники, чтобы потанцевать под попури из Перри Комо. На втором такте «Volare» она приклеилась к нему как банный лист.

– Вы танцуете, как ваша мама, – сказал Ники, беспокоясь, что шерсть на взятом взаймы костюме сотрется до катышков.

– Я училась танцевать в «Пчелином улье» в Бангоре.

– Замечательное умение.

– Спасибо. Как вам нравится Розето? – От ее горячего дыхания у Ники зачесалось ухо.

– Милый *villaggio*^[84].

– А ваша комната? – Она куснула его за мочку уха.

– Прекрасная. – Ники отдернул голову и уставился на Розальбу.

– Мы соседи. Моя спальня – через стенку.

– Вот не знал.

– Теперь знаете. Становится жарко.

– Где?

– В комнате для гостей. Моя мама забила ее хламом.

– Я не заметил.

– Не открывайте кладовку.

– Я не посмею. – Ники забыл об акценте, но ему уже было наплевать.

– Мою продувает ветерок. Если вам станет жарко.

– Мне не бывает жарко.

– Даже в шерстяном мундире?

– Особенно не в этом шерстяном мундире.

– А когда вы его снимаете?

– Я сплю в мундире на случай вторжения среди ночи.

– Это можно устроить.

С него было достаточно. Ники стянул девчонку с танцплощадки.

– Сколько вам лет, Розальба?

– Восемнадцать.

– Когда?

– Через полтора года, считая от будущего марта.

– Значит, вам шестнадцать.

– Скоро будет восемнадцать.

– А есть у вас ухажер?

– Пара. Даже три, если считать механика, которого я подцепила в Пен-Арджиле.

– Три ухажера? Неужто этого мало для такой юной леди? Зачем вам я-то?

– Мне скучно.

– Запишитесь в библиотеку.

– Меня тошнит от чтения.

– Обзаведитесь хобби.

– Я думаю, что уже обзавелась одним.

Розальба прижала его к себе, когда фальшивый Перри Комо изобразил что-то похожее на песню «Один волшебный вечер». Ники попытался чуточку отступить, Розальба сбилась с ноги, ведя, и втащила Ники обратно на танцплощадку.

– Я женат!

– Не считается, когда ты за границей.

– Где же вы набрались таких правил? Разве вы не католичка?

– Я делаю что хочу, а потом иду на исповедь.

– Но исповедь не для этого. Вы там обещаете больше не грешить.

– Как я могу такое пообещать?

– Понятия не имею. Я же не ваш исповедник!

Раздраженный Ники оставил Розальбу возле оркестра. Он предположил, что в оркестре в полном составе, включая деревянные духовые инструменты и медь, а также группу струнных, она наверняка найдет какого-нибудь трубача или валторниста, чтобы развлечься.

Он посмотрел на длинную очередь местных дам у стены, ждущих, чтобы сплясать с ним линди-хоп, и наскоро произвел вычисления в уме. Оценив количество дам в группе и время одного круга с каждой, он заключил, что можно исполнить свой долг и смыться с танцплощадки уже через сорок минут. И сосредоточился на цели, как олимпийский атлет.

Ники принялся выдергивать дам из очереди, начав с первой, делал с ней круг и возвращал на место, чтобы заняться следующей. Он так сильно

вспотел, что все зудело под мундиром, но не останавливался даже почесаться, чувствуя себя участником танцевального марафона времен Великой депрессии, только этот не обещал денежного приза.

Каждая партнерша обладала крупницей информации и делилась ею, так что после танцевального рондо Ники узнал историю города, несколько грешков видных граждан и, самое важное, историю Мэйми Конфалоне.

Ники вернул последнюю даму, его последнее обязательство на этот вечер, в объятия ее заждавшегося мужа. Он отвесил низкий поклон и направился к выходу, который бдительно стерег Эдди Даванцо в своей полицейской форме.

– Дамы вас утомили. Как вам это только удалось?

– *Che bella*. Они прелестны. Быстроноги. Которая ваша мама?

– Та, от которой пахло цинковой мазью. Она трудилась весь день в саду и получила аллергию на ядовитый плющ.

– Я хорошо ее помню.

– Спина, наверное, болит, – хихикнул Эдди. – Они же все от горшка два вершка.

– Ну, была еще дама из Вест-Бангора – шесть футов два дюйма, не меньше.

– Высоченная, – ухмыльнулся Эдди.

– Помогло размять шею.

– Тоже не помешало. Господин посол, если не возражаете, то я кое-что скажу: вам удастся не выглядеть нелепо в таком мундире только потому, что вы иностранец.

– Это парадная форма моей провинции.

– Смахивает на униформу духового оркестра Университета Пенсильвании.

Ники обомлел. А ведь Борелли действительно принимали пожертвования для костюмерной. Он справился с собой.

– Я привез его из Италл-лии, – уверил он Эдди.

– Да кто сомневается. Просто забавно. Посол одной страны в другой выглядит тамбурмажором.

Ники кивнул и выскользнул из шатра. Он вобрал в себя ночной воздух, словно провел вечер под водой в клетке, ограждающей от акул, сдерживая дыхание, в страхе быть съеденным заживо. Было приятно остаться одному. Он поддернул брюки, растянувшиеся от влаги и вращений, и подумал, что потерял фунтов десять жидкости, всю ее впитала костюмная шерсть. Никогда он так не уставал, даже в армии, пройдя семнадцать миль в зоне боевых действий в Германии под дождем в мокрых ботинках и в

шерстяных носках с дыркой на пальце. В изнеможении даже мысль о старом матрасе в душной комнате для гостей с ее мучительными запахами увядшей гардении, штукатурки и нафталина была привлекательна.

Ники закурил, тащась по холму к Трумэн-стрит.

– Господин посол? – донесся из мрака женский голос.

Ники не остановился.

– Вам нужен ключ. – Чача потрясла сумочкой в воздухе, как колокольчиком. Она трусила вприпрыжку, чтобы догнать его, а потом пустилась рысью рядом, чтобы поспевать за его шагами. Вскоре она начала пыхтеть. Когда они достигли дома, Чача уже задыхалась. Она схватилась за перила крыльца, стараясь перевести дух, перед тем как подняться по лестнице.

– Мадам, доброй ночи. – Ники низко поклонился, отпер дверь и, оказавшись внутри, помчался, перепрыгивая через две ступеньки.

Он радовался тому, что сообразил, как отделаться от Чачи: все, что надо было сделать, – это обогнать ее на подъеме.

Ники вошел в комнату для гостей и закрыл дверь. Он сдирал с себя мундир и промокшую рубашку, когда услышал, как скрипнула дверь. Навалившись на нее, он стал ждать и отошел только чуть погодя. Затем наклонил голову, чтобы лучше слышать, подкрался к двери и выглянул в коридор. Кошка в серых и белых полосках принюхивалась под дверь. Ники облегченно выдохнул, стал вешать мундир в шкаф, и с верхней полки на него упала елочная верхушка в виде Вифлеемской звезды и едва не проткнула ему голову. Выругавшись, Ники поднял ее, засунул обратно и бухнулся в постель. Поясница и ягодицы утонули в матрасе, а ноги вытянулись, как зубочистки, там, где матрас еще сохранял какую-то твердость. Ему хотелось плакать, но в теле не осталось влаги, он всю оставил на танцплощадке во время банкета с «кадиллаком»!

Гортензия лежала на средней из трех кроватей, стоявших в алькове квартирке над гаражом. Окно в сад было открыто, и успокаивающие ароматы фрезий, гардений и ночного жасмина наполняли комнату. Температура была что надо, прохладно, но не холодно. Матрас был плотный, подушки пухлые, и постель застлана по ее вкусу – хлопковыми наволочками и простынями.

Лжеатташе Элеоноры Рузвельт чувствовала себя божественно. Вино подняло ей настроение, а макароны с подливкой по-венециански с секретным ингредиентом легко и непринужденно устроились у нее в желудке. Гортензия уже много лет не была так довольна. Она уснула

спокойно, не шевельнувшись ни разу, и уплыла в края своих грез, словно синий, как небо, воздушный шар, который парит высоко-высоко и сливается с небесами воедино.

А на другом конце городка Ники страдал от жары, голода и беспокойства. Он попытался открыть окно злополучной гостевой комнаты, но рамы оказались то ли покрашены, то ли забиты наглухо, как в тюрьме. Он дошел уже до такой точки изнеможения, что ему стало все равно. Ники рухнул на кровать и попытался повернуться на бок, но это привело лишь к судороге в мышце, и ему пришлось вскочить, чтобы размяться. Он оставил попытки и смирился с оригинальной позой «зад ниже головы», как в гамаке. И уже почти уснул, как что-то начало его душить.

– Ни слова, – прошептала Розальба.

Дочка бургомистра взгромоздилась на него, зажав ему рот одной липкой лапкой, а другой опираясь на шею. Ники не мог нидохнуть, ниохнуть. Он сбросил с себя Розальбу, но та кошкой вспрыгнула обратно.

– Выйдите из моей комнаты! – сдавленно заорал он и попытался выбраться из-под нее, но матрас засасывал его в свои зыбучие пески из органзы.

– Я быстро, – сказала она.

– Не сомневаюсь.

Ники напрягся, перебросил ноги через край кровати и катапультировался с нее, использовав силу рук, словно из бочки с огурцами вылетел, вскочил на ноги. Он был в одних трусах в присутствии юной леди, но ему уже было не до политеса. Ники побывал на войне и знал, как себя вести, когда враг наступает, загоняя тебя в ловушку. Не имели значения ни форма, ни оружие, ни боеприпасы. Движение было его единственной защитой.

– А я говорила, что в этой комнате жарко, – подмигнула Розальба.

– Окна не открываются.

– Потому что они намертво забиты. Папочка забил, когда узнал, что я удираю из дому по ночам.

– Зря он это сделал, лучше бы позволил вам уйти, – сказал Ники, потирая шею.

– Я ему так и сказала.

– Бедняга.

Ники внезапно испытал искреннее сочувствие к Рокко.

– Некоторым людям необходима свобода. Пойдем из этой парилки. В моей комнате прохладно. Развлечемся.

Розальба встряхнула волосами. Но выглядело это движение вовсе не соблазнительно, скорее похоже на взмах веревочной швабры, сметающей паутину с потолка.

Ники распахнул дверь настежь.

– Уходите, или я позову вашего отца.

Розальба сползла с постели и оправила ночную сорочку.

– Вы – самый гадкий послышка из всех, что побывали в нашем городе.

Ники закрыл за ней дверь, рухнул на пол и забаррикадировал вход собственным телом. Глиняный арлекин сорвался с полки и стукнул его по макушке. Статуэтка уцелела, но Ники захотелось разбить ее вдребезги. Он дотянулся до сигарет на тумбочке. Если придется, он всю ночь пролежит здесь, охраняя дверь своей спальни от посягательств Розальбы.

Он взял с нижней полки стеллажа тоненькую книжицу «История Розето, штат Пенсильвания», написанную Ральфом Бассо, открыл и принялся читать. По мере того как разворачивалась история городка, Ники начинал все лучше понимать его жителей. Он так и уснул на полу, и женщины Розето без устали отплясывали в его сновидениях.

Фрэнк поставил машину в зарослях неподалеку от Эвергрин-уэй в Харфорде, пригороде на магистральном шоссе. Именно здешние покатые зеленые холмы и лошадиные пастбища вдохновили создателя фрески в Театре Борелли. Теперь бывшие тучные луга стали просто лужайками, верховые тропы – подъездными дорожками, а фермерские домики – роскошными особняками, пышностью не уступающими европейским.

– Ты уверен, что здесь можно парковаться?

– Я хочу тебе кое-что показать.

Фрэнк взял Каллу за руку, когда они переходили через центральный бульвар, а потом подвел к заграждению, обсаженному деревьями.

– Нет, это не самая лучшая точка, – сказал он недовольно и повел ее за поворот улицы, к другому месту возле ограды, – вот здесь.

Калла во все глаза смотрела на Хейверквест – восхитительный особняк в елизаветинском стиле, ярко сиявший огнями на фоне синего ночного неба. Музыка разливалась над поляной, плыла меж деревьев. Мерцала медь оркестра, расположенного на веранде. Элегантные авто высаживали гостей у каменных ворот, обрамленных двумя фонтанами, которые выбрасывали бриллиантовые струи воды высоко в небо, обрушивая их после в сланцевые бассейны.

– Кто здесь живет? – спросила Калла.

– Семейство, которое производит кетчуп.

Фрэнк облокотился на ограду.

– Как ты нашел это место?

– Я строил водопад у них в бассейне.

– На что это похоже?

– Ты такого никогда не видела. Представляешь, выходишь утром из дому и прыгаешь в свой собственный бассейн прямо под свой собственный водопад?

– Не представляю!

– Никто из американских итальянцев еще не селился здесь.

– Никто-никто?

– Но однажды я буду здесь жить, – заверил ее Фрэнк. – Я хочу стать мэром. Хочу помогать людям и жить именно так.

– Не знаю, как ты добьешься и того, и другого, и третьего, но если кто и сможет, то только ты.

Калла любовалась вечеринкой, словно произведением искусства или театральным действием, упивалась игрой света на сцене, тем, как плавно двигаются под музыку люди в саду.

– Однажды я построю тебе такой дом.

Фрэнк сгреб Каллу в охапку, оторвал от земли и поцеловал.

– Я не стану тебе мешать, – улыбнулась Калла. – А бассейн у меня будет?

– Все, что только пожелаешь!

Ники и Гортензия пешком совершали круги почета по территории юбилейной ярмарки, учтиво кивая направо и налево жителям Розето. Организаторы снабдили обоих широкими лентами через всю грудь с надписью «Почетный гость» – на случай, если это не всякому очевидно.

– Так, еще один круг по ярмарке, и я возвращаюсь к Минне, – сказала Гортензия сквозь зубы, продолжая натянуто улыбаться.

– Жаль, что мне некуда сбежать, нет у меня уютного местечка для ночлега.

– А что не так с бургомистром?

– С ним-то все нормально. Но вот его жена и дочь...

– Уверена, у них к завтраку подают свежие пончики.

– Не знаю, я не ем их пищи. Воды почти не касаюсь. Обтираюсь губкой. Зубы чищу, словно я в джунглях. Не хочу быть им ничем обязанным, иначе придется дорого расплачиваться. Слишком дорого. Честное слово, я не буду скучать по Трумэн-стрит.

– Давай тогда сегодня вечером уедем.

– Я завтра должен речь толкать.

– Ты же знаешь, что все это понарошку. И на самом деле ты – не тот человек из буклета. Мы просто смоемся. Исчезнем в тумане обмана под покровом тьмы, немедленно, испаримся – и все.

– Это все равно что уйти в антракте.

– Люди так часто поступают.

– Только не участники пьесы.

– Ники, это никакая не пьеса, и мы не на сцене. А Уильям Шекспир умер задолго до того, как его именем стали называть кемпинги в Нью-Джерси.

Ники не слышал Гортензию. Его внимание было приковано к прилавку церковной общины, где готовилась *pizza frita*, прямо между стендом с колбасками и перцем и столом со свежими орехами и нугой.

– Гортензия, вы есть хотите?

– Самую малость, – призналась Гортензия.

Ники подошел к прилавку, где дамы из общины жарили *pizza fritta*, местную версию пончиков *zeppole*. Аромат ванили, облака сахарной пудры и золотистые воздушные пончики привлекали толпы народу к стенду *pizza fritta*, он был самым популярным среди посетителей ярмарки.

Под балдахином, увешанным гирляндой мигающих белых лампочек, Мэйми Конфалоне обжаривала пончики во фритюрнице. Она аккуратно вынимала из растительного масла пушистые облачка и складывала их на решетку, где еще одна добровольная повариха обсыпала лакомство сахаром, заворачивала в бумажные кулечки и подавала покупателям. Ники обошел прилавок сбоку.

– Миссис Конфалоне.

– Господин посол? А где же ваш мундир?

– Пришлось его проветрить.

– Слишком много танцевали?

– Ну, если хотите, называйте это так.

– А как бы вы это назвали? – Она старалась не смеяться.

– Я бы это назвал марафоном.

– Вы показали чудеса выносливости.

– А дамы поведали мне все о жителях Розето.

– Кто бы сомневался.

– Сколько я здесь, еще ни разу не видел вас без фартука.

– Приезжайте, когда у нас не будет юбилея.

– Это приглашение?

– Нет, – улыбнулась она.

– Я как кот: стоит однажды дать ему молока, и он зачистит. А вчера вечером вы принесли мне ужин. Я не забываю доброту.

– Мне было вас жаль.

– Можно вечером проводить вас домой?

– Нельзя.

– Говорят, вы вдова. Может, вам пригодится провожатый?

– Мне нужно вернуться домой к сыну.

Маленький мальчуган подбежал к прилавку, неся плюшевого жирафа.

– Мамочка! Дедуля бросал кольца, и смотри, что мне выиграл.

Ауги Конфалоне-младшему было лет пять – черноволосый кареглазый крепыш.

– Вот здорово! – восхитилась Мэйми.

– Можно его оставить?

– Конечно!

– Мэйми, мы заберем его к себе.

– Хорошо, Ма.

– Мы с жирафом будем ночевать на кушетке в комнате у дедули и бабули.

Мэйми перегнулась через прилавок и поцеловала сынишку:

– Будь паинькой, Ауги.

Она взяла щипцы и шлепнула кусок теста во фритюрницу.

– Подъезжайте сюда через полчаса, – сказала она Ники.

Ники отдал свои пончики Гортензии.

– Пойдемте, я провожу вас до Минны.

– Что за спешка? – Гортензия слегка озадаченно откусила от пончика. –

А мне нравится, как готовят в этом городишке. Попробовать бы еще колбасок с перцем.

– Они и завтра здесь будут.

– А мне они могут понадобиться сегодня вечером. Люблю остренькое после сладкого.

– Остренькое на ночь вредно для желудка. Вас замучает изжога. Нет-нет, ешьте пончик. Это называется «десерт».

– Пожалуй, ты прав. С каких пор ты стал экспертом в области медицины?

– С тех самых пор, как Мэйми Конфалоне разрешила мне проводить ее домой.

Ники оставил Гортензию возле дома Минны, развернулся и помчался на Гарибальди-авеню. Он так торопился обратно на ярмарку, словно в штанах у него были раскаленные угли. Он влился в толпу и стал пробиваться к прилавку с *pizza frita*. Жители окликали его, кричали вслед: «Амбашьяторе!» Он махал, но не останавливался. Добравшись до прилавка, Ники огляделся, ища глазами Мэйми. И не нашел.

Он подождал, решив, что она отлучилась по делу. Минуты бежали, он забеспокоился. Следом за одной из напарниц Мэйми Ники прошел к палатке, где женщины держали тесто. Поискал ее там, но впустую. Вскоре до него дошло, что Мэйми его просто отшила. Ники чувствовал себя полным чурбаном и даже не пытался скрыть, насколько опустошен. Выйдя из палатки, он старался держаться подальше от толпы и проскользнул за прилавки, где не было фонариков.

Ники дошел до конца поляны и бросил прощальный взгляд на ярмарку. Чертово колесо вращалось в небе, испещренном розовыми и фиолетовыми полосами. Слышно было, как восторженно смеются детишки, кружась на

карусели в машинках, разрисованных, как планеты Солнечной системы. Парочки облокачивались о прилавки, парни играли в игры «на удачу», мечтая добыть приз для своей подруги и увидеть восторг в ее глазах. Семейные пары постарше собирались у столов со снедью, жевали бутерброды с колбасками и перцем, беседовали.

Перед ним разворачивалась целая вселенная сопричастности, в которой ему не было места, и неважно, фальшивый он посол или настоящий. Ни на Монтроуз-стрит, ни на Гарибальди-авеню не было места за столом для Ники Кастоне.

Ники всегда был лишним мальчиком, сидел на скамейке запасных, заполняя прореху, когда не явился другой ребенок – заболел или просто прогулял. Он был заменой – послушной, неунывающей, надежной. Если он справлялся, ему разрешали остаться. Может, именно потому он с такой готовностью взялся пожить недолго чужой жизнью, стать Карло Гуардинфанте. Быть Ники Кастоне ему не так уж нравилось.

– Эй, вы! – прошептал женский голос.

«Господи, – промелькнуло в голове у Ники, – неужто Чача Тутолола еженощно караулит в зарослях?» На самом деле ему вовсе не хотелось в этом убеждаться, поэтому он не сбавлял шага. Вспомнив, что где-то рыщет и Розальба, он припустил еще быстрее.

– Эй, не заставляйте меня гнаться за вами!

Ники обернулся. Мэйми вышла из тени, а потом снова спряталась. Он подбежал к ней.

– Вы на машине? – спросила она.

– Да! *Si. Si.*

– Подберите меня через квартал отсюда. За приходским флигелем.

– *Dove*^[85] есть «флигель»?

Мэйми показала рукой.

– За церковью? – уточнил Ники.

Мэйми кивнула.

– Обещаете мне быть там?

Ему была невыносима сама мысль о гусиных бегах, в конце которых гусю светит лишь быть ошипанным и зажаренным.

– Обещаю, – улыбнулась Мэйми, и эта улыбка опьянила Ники. Он испытал такое желание, какое не посещало его ни разу с тех пор, как ему начали нравиться девушки.

Он совершил рывок спринтера, бросившись к седану, припаркованному на площадке перед домом Мугаверо на Трумэн-стрит. После всего пережитого, после всех этих бегов ни за чем у него наконец-то была цель:

Мэйми Конфалоне, ждавшая его за приходским флигелем. Казалось, она встала на цыпочки и вручила Ники Кастоне вон тот серебряный осколок луны.

Мэйми устроилась поудобнее на переднем сиденье седана. От избытка восторга Ники с трудом держал руль: его фантазии сбылись, и он не знал, по плечу ли ему они.

– Почему вы заставили меня подобрать вас за флигелем?

– Потому что отец Леоне – единственный, кто не сплетничает в этом городе.

– Вам не все равно, что думают люди?

– Вы явно выросли не в маленьком городе. Здесь налево.

– Куда мы едем?

Ники в крошечной темноте ехал по какой-то проселочной дороге.

– Вы голодны?

– Как волк.

– И я. Хватит уже изображать акцент.

– Я так говорю.

– Нет, не говорите. *L'uomo che si da fuoco viene bruciato*. Вот что я сейчас сказала?

– Ваш итальянски ужасен. Ни один настоящий *Italiano* вас не сможет *carisce*.

Мэйми рассмеялась.

– Вы не говорите по-итальянски.

– В Америке... эээ... я говорю английски.

– Давайте-ка я переведу вам, амбашьяторе. Не шути с огнем – обожжешься. У вас такое плохое произношение, что вы не смогли бы сойти даже за официанта в итальянском ресторане.

– Ей-богу, смог бы! – сказал Ники совсем без акцента.

– Так мне гораздо больше нравится.

– Правда?

– С вашим фальшивым акцентом вы были похожи на прожженного светского хлыща.

– То-то Чача и Розальба все норовили в меня вцепиться.

– А может, они просто цеплючие. Я еще на фабрике поняла, что вы ненастоящий посол.

– И в чем же я прокололся?

– Ни один итальянец не обует «Флоршейм».

– На обуви!

- Обувь «Флоршейм» шьют в Висконсине.
- Вот как. Я не большой дока в костюмах. А вам не кажется, что мой мундир смотрится как форма духового оркестра Университета Пенсильвании?
- Чуть-чуть, – засмеялась Мэйми. – Где вы ее раздобыли?
- В костюмерной театра. Но на штанах есть бирка с надписью «Вудвинд».
- Но дело тут даже не в одежде. У вас нет ничего общего с настоящим посланцем.
- Как вы узнали?
- Я переводила его письма для городского совета.
- И каков же настоящий посол?
- Он пишет в очень строгом стиле. Человек он по-настоящему жесткий.
- Вы все это узнали из его писем?
- Из писем можно узнать все. По словам, которые люди предпочитают, можно определить, в каких красках они видят мир.
- Как поэтично. Если бы вы научили меня, как сказать это по-итальянски, я бы включил это в свою завтрашнюю речь.
- У меня нет времени обучать вас итальянскому.
- Не похоже, чтобы они возражали против моего английского.
- Это потому что мы в восторге от любого, кого считаем важной персоной. И обожаем всякого, кого считаем знаменитостью. А вы сейчас как раз и одно, и другое.
- Вчера вечером я перетанцевал с пятьюдесятью двумя женщинами. Я искупил свой обман.
- Вы собираетесь продолжить?
- Завтра к полудню все закончится.
- Зачем вы это делаете?
- Поначалу я это делал из жалости.
- С чего бы вам жалеть этот город? Все друг друга знают, у нас есть работа. И нет преступности.
- Я так чувствую.
- Нам здесь замечательно живется.
- Потому-то вы и не любите чужаков. Не хотите ничем делиться.
- Не то чтобы мы их не любили, просто мы им не доверяем.
- А вы сами?
- Я осмотрительна.
- Вы собираетесь меня выдать?
- Я же не доносица.

– А я так и не думал.

– Как ваше имя?

– Ники Кастоне.

– Итальянец.

– Вы удивлены?

– Я не была уверена.

– Мамина родня из Абруццо, а отцовская – из Эрколано.

– Чем вы зарабатываете на жизнь?

– Вожу такси и доставляю телеграммы для «Вестерн Юнион». Я привез сюда телеграмму из Филадельфии. Она там, в бардачке.

Мэйми открыла бардачок и при свете приборной доски прочла телеграмму, аккуратно сложила ее и спрятала обратно в конверт.

– Отчего же вы ее не доставили?

– Я в бегах. Посол в нью-йоркской больнице, я похож на него, а за мной гонится папаша моей бывшей невесты, чтобы убить голыми руками плюс еще двумя-тремя видами оружия. Так что я вскочил в машину и приехал сюда, чтобы спрятаться от него. Вам нужен был посол, а мне нужно было стать кем-то другим на ближайшие выходные. И вот мы здесь.

– А та цветная леди?

– Миссис Муни – очень хороший человек.

– Как вам удалось уговорить ее сыграть роль в вашей пьесе?

– Хорошо, что вы воспринимаете это как театральное действие. Я и сам так смотрю на все это, чтобы себя не возненавидеть.

– Миссис Муни – актриса?

– Она диспетчер в таксопарке, где я работаю. Она что угодно для меня сделает.

– Здесь направо. Приехали.

Ники подъехал к «Стейкам Перелли» – небольшому зданию из шлакоблоков с простеньким окошком для выдачи и вывеской над ним. На крыше висели итальянский и американский флаги.

– Вы привезли сюда филадельфийского парня, чтобы угостить сэндвичами со стейком?

– Это вы меня привезли. И это лучшие в мире сэндвичи со стейком.

– Это мы сейчас проверим.

– Так проверяйте. Вы же посол.

– С чем вы любите сэндвичи?

– Стейк, моцарелла, перцы.

– Сделайте два, – сказал Ники мужчине в окошке. – Выберите хороший столик, – попросил он Мэйми.

Все столики были свободны.

Ники принес к столику два сэндвича и две бутылки газировки на травах.

– Вы не спросили, женат ли я.

– Вы не женаты.

– Откуда вы знаете?

– Ни один женатый мужчина не станет танцевать с пятьюдесятью партнершами подряд в шерстяном мундире в душевой палатке.

– Вы так это определяете?

– Да и не выглядите вы женатым человеком.

– У меня холостяцкий вид?

– Вы не похожи на женатого мужчину в поисках приключений.

– Вы мужчин видите насквозь.

– Что вы имеете в виду?

– Знаете, о чем они думают, что ими движет, заранее знаете, как они поступят.

– Только как поступите вы.

– Меня так легко прочесть?

– Абсолютно.

– А вы очень придирчивы, правда?

– Вы что-то слышали обо мне прошлым вечером?

– Музыка играла очень громко. Женщины были бодры. Когда они не дышали мне в ухо, то наступали на ноги.

– Бедняга.

– Хотите знать все, что они мне рассказали?

– Все.

– Я знаю, что вы вдова. Как давно?

– Пять лет.

– И что у вас есть сын по имени Ауги. Милый малыш.

– Очень. Вы видели его сегодня у прилавка.

– Видел. Резвый парнишка.

– Очень.

– Я знаю, что вы живете одна с сыном в доме 45 на Гарибальди-авеню. Дом вы купили вместе с мужем, перед тем как он ушел на войну. Одна дама считает, что вы заплатили за него пять тысяч долларов и страшно переплатили, а другая сказала – три тысячи пятьсот и оторвали за бесценок. Знаю, что вы произносили выпускную речь и что как-то раз вы сказали миссионерскому священнику, собиравшему пожертвования, что он не должен просить денег для помощи бедным Европы, потому что сначала

следует помочь бедным Истона в самой Пенсильвании. Что вы однажды после мессы оттащали за ухо мальчишку, который наврал своим корешам из бейсбольной команды, что вы его поцеловали. На фабрике вы – уважаемый мастер, строгая, но справедливая. Еще одна дама сказала, что не удивится, если в один прекрасный день вы обзаведетесь собственной фабрикой. Насчет вашего сердца царит всеобщее согласие. Некоторые считают, что вы еще не оправились от потери мужа, а есть и такие, которые думают, что никогда не оправитесь.

– Сведений больше чем достаточно.

– Информация о недвижимости поступила от Чачи Тутололы.

– Она как газета «Стелла ди Розето», только получаешь новости, не испачкав руки в типографской краске.

– Хотите кое-что узнать обо мне?

– Лучше бы мне не углубляться в подробности. Тогда, если спросят, не придется лгать.

– По-моему, вам ничего не грозит.

– Не доставить телеграмму адресату – федеральное преступление.

– Кто сказал, что я не собираюсь ее доставить? Завтра на обратном пути я брошу ее в почтовый ящик Тутололы.

– Какой скандал!

– Да, это может встряхнуть.

– Как минимум. Так расскажите же мне о себе. – Мэйми сделала глоток газировки.

– Мама умерла, когда я был маленьким, а отец – вскоре после Великой войны. У меня нет ни братьев, ни сестер. Я живу у дяди и тети в подвале, они забрали меня к себе, когда мне было пять. Они владеют службой такси – это их седан. Еще я работаю в Театре Борелли. Суфлером. Это человек, который подсказывает актерам слова, когда те их забывают. Я взял заказ в Эмблере, и у меня в такси умер пассажир. Я до сих пор еще не оправился от этого. Я был обручен с Терезой Де Пино, все зовут ее Пичи. И недавно разорвал помолвку, потому что считаю, что она меня не любит. А я хочу любить и быть любим.

– Наверное, затем вы и прикинулись важной шишкой.

– Я не падок на подхалимаж.

– Если нет, то почему вы не выдали себя за каменщика?

– Потому что каменщик не был приглашен на юбилей, а меня не попросили доставить телеграмму в Союз каменщиков Розето. Своей работы я не стыжусь. Я – таксист. И не сноб.

– Пичи знала, кем вы были на самом деле?

– Нет.

– То есть вам не за что злиться на нее.

– Это она на меня злится. Думаю, она с удовольствием стерла бы меня в порошок.

Мэйми расхохоталась, запрокинув голову. Она давно уже не смеялась так громко и так искренне, с тех самых пор, как Ауги ушел на войну. Ники Кастоне, такой серьезный Ники, невзначай задел веселую струнку в ее душе.

– Вы смеетесь надо мной?

– Нет, я смеюсь, потому что вы на самом деле считаете, будто она должна убить вас за то, что вы ее бросили.

– Ей тридцать четыре года. Она малость в отчаянии. Хотя она утверждала, что ей двадцать восемь, и, в общем-то, это ее право.

– Безусловно.

– А сколько вам? – поинтересовался Ники.

– Двадцать семь. Но когда ты в печали, тебе сто лет, и ни на день меньше.

Ники отвез Мэйми к ее дому. По пути от «Перелли» они почти не разговаривали, но это было приятное молчание.

– Это ваш дом?

– Да.

Он присвистнул.

– И всего за пять тысяч долларов?

– Мы заплатили две с половиной тысячи.

– Вообще не деньги.

– Меньше слушайте сплетни.

– Спокойной ночи, Мэйми, – улыбнулся Ники. Он положил руку на дверцу машины, чтобы ее открыть, но вместо этого оказался к ней лицом к лицу. – Я хотел попытаться вас поцеловать. Думал об этом всю дорогу.

– Неужели?

– Но я никогда вас не поцелую. Я не должен обнимать вас. Не должен оставаться с вами ни одной минуты дольше, потому что вы и так подарили мне свое время, позволив вас подвезти. Вы смеялись моим шуткам, вы были добры и прекрасны и не осуждали меня. Так вот, для меня вы – совершенство, это был превосходный вечер, и у меня останется чудесное воспоминание о нем.

Ники вышел из машины, открыл для Мэйми дверь и протянул ей руку. Она вложила свою в его ладонь и вышла из машины без всяких усилий, как

грациозная танцовщица, услышавшая музыкальную фразу и преисполненная желанием двигаться в такт.

Мэйми стояла и смотрела на Ники, раздумывая, чего она на самом деле хочет от этой потрясающей ночи. Ники ясно дал ей понять, чем стал для него этот вечер, а теперь и она узнала, чего хочет. Мэйми обхватила ладонями лицо Ники, притянула его к себе и поцеловала.

8

На своем веку Ники доставил достаточно телеграмм в такое множество домов, чтобы заметить: у каждого дома и, соответственно, у каждой семьи есть собственный запах. Один дом пахнет мокрой шерстью, другой – сладкой кукурузой, а третий – лимонным маслом.

Дом Мэйми Конфалоне пропах анисом и ванилью, незамысловатыми коржиками в форме полумесяца, без которых не обходился ни один праздничный поднос с печеньем и которые неизменно лежали на кофейном блюде, выдавая себя за дополнительную ручку к чашечке эспрессо. Ники хотел поделиться этим наблюдением с Мэйми, но не нашел слов. Не было возможности для слов между торопливыми поцелуями, которыми они обменивались в темноте у подножия лестницы, да и мыслей в его голове тоже не было. Мэйми выскользнула из своих туфель с тонкими каблукками, бантами и ремешками. Ники пытался вспомнить, как же они называются, – точно не «Мэри-Лу», но что-то вроде того. Мысли его путались; он не мог поверить, что Мэйми Конфалоне пригласила его к себе. Тело его вполне поспевало за эмоциями, но умом он все еще пребывал в состоянии неверия – неужели хотение его сердца стало реальностью и вот-вот случится нечто прекрасное, желанное с той самой минуты, как он впервые увидел Мэйми Конфалоне?

Мэйми взяла его за руку и повела по ступенькам. Юбка покачивалась в ритме ее шагов. Юбка в цветочек, как и почти вся ее одежда, но сейчас это было буйство цветов, листьев и лоз на чем-то прозрачном поверх подкладки – может, атласной, раз так все сияло, будто сшитое из настоящих лепестков.

Когда они достигли вершины лестницы, над ними медленно вращался вентилятор, не от электричества, а от ночного сквозняка. Ники расстегнул корсаж платья Мэйми, и тот легко опал, как вуаль.

Она переступила платье, волнами стекшее на пол. Потом повела его в спальню и там, прильнув к нему, повлекла к кровати.

Луны не было, но свет с улицы за окном помог Ники разглядеть Мэйми. Он никогда еще так не видел женщину, всегда мешали драпировки, но

обнаженная Мэйми была произведением искусства, с нежными изгибами, будто высеченными из лучшего мрамора, и кожей нежной, как тончайший шелк от Труссарди.

Пока она снимала с него обувь, он оглядел комнату, прелестную, простую, не загроможденную: высокий потолок – казалось, до небес, а то и выше; открытые настежь окна с трех сторон, порхающие на ветру прозрачные занавески; кровать, застланная обычным пикейным покрывалом, прохладным на ощупь и нежным, как сама Мэйми.

Она засмеялась, когда носок на ноге Ники вдруг заупрявился, и Ники засмеялся, когда, наконец содрав его, она бросила носок через плечо с такой силой, что тот вылетел в окно.

Сейчас они были как давние любовники, которые опять встретились. За ними стояла история любви, но она им еще не надоела. Они любили друг друга, не открывая друг друга, но, скорее, узнавая заново, с той сноровкой, что приходит со временем, из которого они так мало разделили, не упустив, однако, ни единого мгновения.

Впервые за долгое время Мэйми снова была юной.

Ники вбирал в себя ее тепло и нежность и больше не боялся, что будет всегда одинок. Она целовала его в губы, касаясь волосами его лица, целовала его шею и руки, а потом откинулась на подушку. Ники прижал ее к себе.

– Можно, я не вернусь к Тутололам?

– Ты же гость. Это невежливо.

– Нигде так плохо не принимают гостей.

– Так уж и плохо?

– Я там чуть не помер. То едва не задохнулся, то рождественская звезда чуть не раскроила мне башку, то Розальба впиалась когтями, как кошка, и собиралась высосать из меня дух. Я уже упоминал статуэтки Каподимонте? Все в той комнате имеет глаза.

– Завтра последний день юбилея. Потом тебе ничего не будет грозить.

– Но мне надо произнести речь.

– А потом домой в Филадельфию.

– Или в Италию.

– Мнимую.

– Это правда.

– А ты там был когда-нибудь?

– Останавливался на пути домой с войны и не хотел уезжать, но заскучал по Филадельфии.

– В каких войсках ты служил?

– В пехоте. Воевал четыре года.

– И где?

– Во Франции и Германии.

– Мой муж тоже был в армии. Он воевал в Польше, когда его убили. Я пыталась не злиться на него за то, что он умер и оставил меня. Ауги был таким упрямым. Но упрямство идет рука об руку с верностью – одно не может без другого.

– Что с ним случилось?

– Мне сообщили, что они освобождали деревню. Мужа и еще троих его сослуживцев послали в дом, чтобы сообщить семье, которая там жила, что им нечего бояться. Война закончилась. Но в доме была засада. Там прятались немецкие солдаты. Аугусто вошел первым, сообразил, что к чему, заорал другим, те спрятались, а мужа убили. Он должен был отправиться домой на следующий день. Три года он оставался невредим, а в самом конце они его настигли.

– Видимо, он был замечательным человеком.

– Не без недостатков, святым он не был. Но для меня он был всем.

– А сына он успел повидать?

– Я послала ему письмо, когда узнала, что в положении, но оно опоздало.

– Ты назвала сына в честь мужа.

– Традиция. И мальчик на него похож. Сыну его так не хватает, у меня сердце разрывается. Сын без отца. Я ведь не могу его заменить.

– Не заменишь. Но он хороший мальчик.

– Я пытаюсь. Ауги знает, как погиб его отец, насколько я могу объяснить, но он все еще играет в войну, а это ведь не игра.

– Все мальчишки так делают.

– Я знаю. Когда его спрашивают, кем он хочет быть, когда вырастет, он отвечает, что солдатом, как его отец. Но я этого не допущу.

– Надеюсь, что получится.

– Потерять обоих – это уж слишком.

– Как ты вообще все это выдержала?

– Не знаю. Я вернулась на фабрику, и это помогло. Каждый день все лучше получалось сосредоточиться на работе. Приходилось быть внимательной. Каждая блузка должна быть без изъяна, каждый шов ровным, каждый воротник прилажен одинаково, карманы не должны пузыриться, проймы, рукава, манжеты соответствовать выкройке лифа, и чтобы не морщил шов на спине, пуговицы и петли находились на своих местах, вся эта нудятина и спасла меня от тоски. Ничто не помогло бы

лучше.

– Получается, что работа не просто средство к существованию.

– Работа может быть спасением. Я знаю, что меня она спасла.

Ники снова откинулся на подушку.

– Ни один сырный сэндвич со стейком в вашем Филли не сравнится с сэндвичами с говядиной от Перелли. И это мое последнее слово на эту тему, – сказала Мэйми.

– Ты с ума сошла.

Мэйми поцеловала его:

– Спокойной ночи.

Она свернулась клубком и сразу заснула. Ники никогда не видел, чтобы люди так мгновенно засыпали. Ну – кошки, да и собаки. Даже золотые рыбки, плавающие с открытыми глазами в аквариуме. Только кузен Джио мог так быстро отключиться, но тот никогда не спал спокойно.

Ники лежал на спине, обнимая Мэйми. Он поглядел на циферблат. Часы летели, как минуты, и все-таки тянулись бесконечно. Все, что произошло между ними этой ночью, произошло само по себе. Он не ощущал ни грана вины или усталости, и не нужно было идти на компромисс с совестью.

Когда Ники вручил Пичи помолвочное кольцо, она предложила ему себя с определенными оговорками (так она и выразилась), к которым ее жених должен был прислушаться. У Пичи был свой моральный кодекс, своя «азбука Морзе», как у миссис Муни. Его невеста изобрела список правил – что она может делать с Ники в физиологическом смысле, а чего она делать не может. Список этот оказался состряпан из предрассудков ее религиозного воспитания, страхов ее матери и каких-то романтических подсказок, полученных из журнала «Современный экран».

Пичи знала, как избавить Ники от сексуального напряжения, чтобы потом не упоминать этого на исповеди, но это не было похоже на романтические интерлюдии, которые Ники видел во сне или воображал наяву. Когда его бывшая невеста запускала руку ему в штаны, чтобы освободить жениха от страданий, у нее было такое выражение лица, будто она выуживала мелочь со дна сумки, чтобы заплатить за проезд. Она бывала сосредоточена, но мысли ее блуждали в другом месте. Они не делили наслаждение, а бездумно упражнялись в акте трения только для того, чтобы Ники получил то, что предлагала ее рука в перчатке. Саму Пичи это действие не оскорбляло, но и не возбуждало. Все происходило стремительно, уверенно и без отклонений от ограниченного набора ее навыков. Одежды она не снимала, разве что шляпку, и всегда действовала в

перчатке.

Ники соскользнул с постели Мэйми. Он осторожно прикрыл ее одеялом, оделся в темноте и спустился на первый этаж. На кухне он открыл холодильник и обнаружил много снеди, оставшейся после ужина. Он выбрал куриную ножку, тарелку с картофельным пюре, горбушку хлеба и бутылку пива и расположился за столом с серым пластиковым покрытием, вокруг которого выстроились такого же цвета стулья. На спинке каждого стула была пришита по центру красная кожаная пуговица.

На стуле рядом с собой Ники увидел стопку детских книг. Он поднял пачку, начал перебирать книги и улыбнулся, заметив «Слишком много рукавичек», – такую же он подарил Эльзе и Доминику, когда у них родился сын. Он пролистал «Пиноккио», пробежал «Меч в камне» и, выбрав «Сказки братьев Гримм» с иллюстрациями, раскрыл книгу на столе.

Эти красочные картинки из книги разбудили в памяти его прошлое. Ники не помнил, читал ли эту книгу раньше. Надо подумать об этом. Детали детства вспоминались все тяжелее.

Закончив с перекусом, Ники сложил посуду в раковину. Он все вымыл и расставил на сушилке. Ему нравилось, как Мэйми содержит дом, – аккуратно, чисто и без лишнего хлама. И думалось ему в этом доме ясно. Он не мог представить себя рядом с такой женой, как Чача, застилавшей каждую поверхность в доме салфеточками с изображениями святых.

Ники вошел в гостиную. На глаза ему попался диван с обивкой из колленкора – розовые розы на желто-коричневом фоне. У Мэйми Конфалоне явная слабость к цветам.

У нее нашелся и проигрыватель – «Виктор», с откидной крышкой, обитой коричневой кожей, и затянутой золотой сеткой звуковой панелью впереди. Стоял проигрыватель на четырех алюминиевых ножках. Ники осторожно поднял крышку.

Теперь понятно, кто скупает все новые пластинки с сорок пятой скоростью, – вдова с Гарибальди-авеню в городке Розето. Он пробежал глазами названия. «Пуговицы и Банты» Дины Шор, «Ты разбиваешь мне сердце» Вика Дамоне, «Мона Лиза» Нэта Кинга Коула, несколько синглов Розмари Клуни (еще одно общее увлечение), Братья Миллс, Тонни Беннет, Глен Миллер, Перри Комо, Фрэнки Лэйн, Сэмми Кэй, Арти Шоу и Эдит Пиаф, ее хит *La Vie en Rose*. Эта пластинка не удивила Ники – в названии упоминался цветок.

– Не спится? – спросила Мэйми. На ней была голубая ночнушка с желтыми маргаритками, собранная у горловины свободной атласной ленточкой. Она была босиком.

- Да, все никак не мог уснуть.
- Тебе пора.
- Не хочется.
- Но ты одет.
- Ну да.
- Значит, наверняка хочешь уйти.
- Должен.
- Завтра же речь.
- Еще бы.
- Носок, по всей видимости, в кустах.
- Я найду по дороге к машине.

Ники уже подходил к двери, но подумал и решил еще раз попрощаться, однако Мэйми уже стояла рядом.

- У тебя все в цветах. Почему?
- Мне они нравятся.
- Очень нравятся, как я погляжу.
- Мое имя – Роза.
- Почему тебя зовут Мэйми?
- Мэри Роза. Мой день рождения пятнадцатого августа.
- Праздник Успения.

Ники обнял Мэйми и поцеловал. У него было странное чувство, что следующий поцелуй случится не скоро.

- Спасибо тебе, Ник, – сказала она.
- За что ты меня благодаришь?
- Со временем поймешь.

Ники вышел из дома Мэйми, обув левый ботинок на босу ногу. Он спустился с крыльца и обошел дом, где и нашел потерянный носок, флагом свисавший с куста самшита, и засунул его в карман.

Он забрался в седан, но не отъехал. Все тело его как будто находилось в движении. Это была не дрожь, а какое-то неведомое ощущение.

Закрыв глаза, Ники подумал: может ли человек его возраста получить инфаркт? Так это происходит? Неужели его обнаружат мертвым внутри драгоценного седана Палаццини, прямо посреди города, где он притворялся сановником из другой страны? Неужто вот так и закончится его приключение?

Неожиданно для себя он стал нашаривать в бардачке стаканчик с мелочью. Тот оказался полон монет. Ники завел машину и медленно поехал по Гарибальди, пока не нашел единственную телефонную будку на всей авеню.

– Девушка, Белла-Виста 8-5746. Будьте любезны.

Калла спала как убитая, когда в холле внизу, вдали от спальни, зазвонил телефон. Она села на кровати. Потом вскочила и помчалась по ступенькам в надежде добраться до телефона до того, как он разбудит отца.

– Это Ники.

– Ты в порядке?

– Ага.

– Ты чего звонишь?

– Мне надо поговорить с кем-нибудь. С тобой. Мне нужен друг.

Калла прижала трубку одной рукой, а другой подперла голову, села на ступеньки.

– Что случилось?

– Я встретил женщину.

– Ники, это может подождать.

– Нет, нет, это ждать не может. Я не понимаю, что сейчас случилось, и мне плохо, и я должен тебе все рассказать.

Калла услышала скрип половиц за спиной, подняла глаза и увидела отца в халате. Она махнула ему, чтобы возвращался в постель.

– Продолжай, – сказала она в трубку.

– Она вдова. У нее малыш. И я у нее остался.

Калла встала и посмотрела на часы в углу гостиной. Время приближалось к четырем.

– Остался?

– Ну, ты понимаешь.

– И что?

– И мне не по себе из-за этого.

– Потому что ты любишь Пичи.

– Зачем ты это повторяешь? Ты словно отбойный молоток, которым долбят землю, когда рельсы прокладывают.

– Я повешу трубку.

– Не вешай! – Ники уже был в отчаянии. – Я не удержался, потому что ты так говоришь, словно это правда. Но такого со мной никогда не было. И уж точно не с Пичи. Ни с какой другой женщиной. У меня не было любви.

– Ники, – Калла уже потеряла терпение, – у тебя же она только что случилась.

– Но ненадолго. Или я просто боюсь, что ненадолго.

– Тебе пора взрослеть, – начала Калла. Сэм пристроился рядом на ступеньках. – Ты ведешь себя так, словно можешь делать все, что хочешь, не обращая внимания на женские чувства – Пичи или этой твоей леди. Что

ты за человек такой?

– На это я не могу ответить.

– А пора бы уже определиться. А теперь я вешаю трубку, потому что не хочу на тебя орать.

– Прости меня, Калла.

– Мне тебя не за что прощать.

– За то, что позвонил. Что разбудил твоего отца.

– Ладно, я ему передам.

Калла бросила трубку.

– Кто это был?

– Сумасшедший Ники Кастоне.

– Они догадались, кто он такой, и выгнали из города?

– Нет. Он очаровал женщину.

– Один из плюсов кочующего театра.

– Единственный, чего уж там.

– А почему он позвонил сюда?

– Ему нужен друг. Он так сказал.

– Ты у него единственный друг?

– Может, это единственный номер в Саут-Филли, который он помнит.

– Сомнительно. Но он хороший парень. И мне очень нравится.

– Нравится?

– Он честный.

– Но не сейчас. Он дурачит целый город.

– Может, им надо попридержать свое недоверие на минутку. Может, у них есть на то причины. Людям полезно время от времени кому-то верить, даже если он и не тот, кто на афишах.

– Папа, обо мне-то можешь не беспокоиться. У меня есть здравый смысл. И я выйду замуж за Фрэнка Арриго.

– В самом деле?

– Я бы не вышла за человека, которого не люблю.

– И это твой ответ?

– Мне разрешено сомневаться?

– А не должна бы.

– Я хочу надежности. И Фрэнк мне ее обеспечит.

– Вот насчет надежности, это все хорошо и замечательно, если человек, который дает тебе такое чувство защищенности, и тот, кого ты любишь, – одно и то же лицо. Все деньги мира не дадут тебе безопасности, но вся любовь в мире – может. Удивительно, как это происходит. Ты хочешь строить свою жизнь именно с ним?

– Я хочу с ним построить театр. Он хочет модернизировать Театр Борелли и превратить его в достопримечательность, какой он был в твоём детстве.

– Дай ему Бог здоровья. Он молод. Полон энергии. – Сэм оперся на перила и встал. Взбираясь по ступенькам, он продекламировал:

Не страшись впредь солнца в зной,
Ни жестоких зимних вьюг:
Завершил ты труд земной,
На покой ушел ты, друг.
Светлый отрок ли в кудрях,
Трубочист ли, – завтра – прах^[86].

– Не может быть, папа? «Цимбелин»?

– Единственное, что я помню. Бери что дают. Спокойной ночи, Калла.

– И тебе, папа.

Калла залезла в постель. Она завернулась в одеяла и простыни и вжалась в подушки. Она уже жалела, что сказала отцу о своем намерении выйти за Фрэнка. Идея, как ей показалось, не слишком его вдохновила. А может, все дело в том, что в четыре часа утра мало кто вообще проявляет энтузиазм? Может, когда подготовятся чертежи, отец будет более расположен к вероятности, что Фрэнк станет частью их семьи?

Минна стояла в гостиной рядом с Гортензией. Она смотрела в окно сквозь тяжелые кружевные шторы.

– Славно, что под конец выпал солнечный денек.

– Посол скажет речь, и мы вас покинем. – Гортензия посмотрела на свою хозяйку. – Минна, я никогда так крепко не спала, как в квартире над вашим гаражом.

– Я рада.

– И еда, которую вы приготовили, восхитительна. *Макарони. Фриттата* на завтрак. И десерт, я не знаю, как это называется, в керамической тарелочке...

– *Панна котта*.

– Мне придется расставить пояс на юбке, когда доберусь до дома, – Гортензия показала на талию, – я точно знаю.

– Мы так хорошо пообщались.

– И я вам благодарна за рецепт подливки.

– Будете ее готовить и вспоминать обо мне.

– О, конечно, буду.

– Угостите ею как можно больше людей.

– У нас в церкви двести семьдесят восемь прихожан.

– Не только в церкви.

– Иногда у нас бывают экуменические собрания. Из трех штатов. Мы путешествуем на автобусе. Я могу подать это блюдо на межцерковных трапезах.

– И более того.

– Я вас не понимаю, Минна.

– Я думаю, что вы нашли свою цель.

– Но я не собираюсь открывать итальянский ресторан.

– И не нужно.

– О чем вы говорите? Если вы знаете, чего я хочу в жизни, то почему не скажете?

– Я этого не знаю. Вы сами поймете. Все, что вам нужно, – это узнать свою цель в лицо, когда она перед вами появится.

Минна надела на шею Гортензии нитку бирюзовых, зеленых и желтых бус:

– Это вам.

– Совсем не обязательно делать мне подарки.

– Я хочу, чтобы вы помнили этот визит. И на вас они смотрятся великолепно.

– Сплошь мои цвета.

– А это – моя цель, – призналась Минна.

– Да что вы говорите?

– Я делаю украшения из венецианских стеклянных бусин. Получаю их из Мурано, это рядом с Венецией.

– Буду носить их каждый день.

– Когда-нибудь поезжайте в Италию. Вы должны ее сами повидать. Голубизна стекла напоминает мне тамашнее небо. И золото, архитекторы крыли им свои *палаццо*. Ты видишь, как оно мерцает на солнце и отражается в воде каналов, и тогда понимаешь, что нет ничего невозможного.

– Когда я рядом с вами, я знаю, что все возможно. Минна, пойдете со мной на трибуну сегодня?

– Я не могу.

– Нельзя ли сделать исключение?

– Если бы я и покинула дом, то только из уважения к вам. И конечно, в честь миссис Рузвельт.

– Я знаю.

Гортензия взяла чемодан и шляпную коробку и вышла из дома Минны туда, где ее уже ждал Ники в седане на обочине. Он выскочил из машины, чтобы помочь Гортензии с багажом. Гортензия обернулась, чтобы махнуть рукой Минне в последний раз, но входная дверь уже захлопнулась, шторы занавешивали окна, и Минны нигде не было.

Ники и Гортензия сидели на трибуне, установленной на самой верхушке Гарибальди-авеню, а духовой оркестр школы имени Пия X играл «Господи, благослови Америку». С высоты городок Розето смотрелся как первая сцена красочного мюзикла. Цвета взрывались на флагах, транспарантах и воздушных шарах, а в садах маргаритки, китайские розы и пионы буйствовали розовым и алым великолепием. Солнце слепило, словно прожектор, в чистых голубых небесах, отражаясь от крыш голубого и серого шифера, который всегда был под стать небу, невзирая на настроение или погоду.

Весь город Розето приготовился к финалу праздника, чтобы присутствовать на прощальной речи посла, благословении города отцом Леоне и завершающем параде.

Платформы с декорациями выстроились на Дивижн-стрит. Там присутствовали: гигантский розовый пирог, сделанный из гофрированной бумаги общиной Святого Роха из Мартинс-Крика, стайка малышей, выраженных с ног до головы в красное, белое и зеленое, чтобы потом, на демонстрации, перевоплотиться в итальянский флаг, и громадная модель швейной машинки на колесах в честь фабричных работниц. Когда все это планировалось, люди немного поворчали, но все же почувствовали себя обязанными явиться, ведь посол принес такую жертву, проделав весь этот путь из Италии, чтобы быть с ними.

Ники облачился в мундир с перевязью, а Гортензия надела воскресный костюм и памятную ленту, не забыв свои венецианские бусы. Все сановники вместе с собранием мэров из соседних городов, а также городской совет – все как один с лентами через плечо – присоединились к ним на трибуне.

Рокко взял микрофон и поприветствовал собравшихся.

– Посол Карло Гуардинфанте почтил нас своим присутствием на юбилее, отмечающем побратимство наших городов. Посол живет в Розето-Вальфорторе, городе в провинции Апулия, откуда пришли наши предки, и это делает нас семьей. У него имеется супруга, Элизабетта, и в следующий раз он пообещал привезти ее сюда, в наше поселение, недавно получившее статус города – единственного полностью итальянского города в Америке.

Итак, леди и джентльмены, поприветствуем нашего посла!

Ники сунул руку в карман мундира, чтобы достать речь, стоя у микрофона. Но когда он уже открыл рот, то сложил речь пополам и сунул обратно в карман. Толпа была ошеломлена.

Мэйми проскользнула в толпу и приготовилась слушать.

– Я очень счастливый человек. *Fortunato!* Я приехал в Розето, в Пенсильванию, как это вы говорите, в клочья. Но у меня есть секретное оружие. Миссис Муни, атташе миссис Элеоноры Рузвельт, *populare* первой леди.

Толпа вежливо похлопала. Гортензия поклонилась.

– Миссис Муни напомнила мне, что я привез вам нечто, в чем вы нуждались. Я привез вам Розето-Вальфорторе, место, которое ваши предки называли домом. Я не мог упаковать в чемодан всю деревушку, но я могу принести вам историю. Порой, достигнув процветания, мы забываем о борьбе, о жертве и даже о том, откуда мы пришли. Видите ли, те, кто слишком молод, чтобы помнить, или те, кто забыл, знайте: Розето-Вальфорторе – городок невероятной красоты, как и ваш. Он расположен на вершине холма в Апулии между *Roma* и *Napoli*. Место на карте поставило нас в рискованное положение на многие века. Каждая армия со времен греков прошла через этот холм. Нас завоевывали, атаковали, грабили мародеры. Но мы выжили. Вот из чего вы сделаны. Вот что привело вас в Америку, и вот почему вы нашли безопасность, преуспевание и просто хорошую жизнь. Вы – розетанцы!

Толпа зааплодировала, задудела в трубы и засвистела.

– Давай поскорее, – прошептала Гортензия. – У меня дурное предчувствие.

– Сядьте, миссис Муни. – Осмелевший Ники замахал радостной толпе.

Темно-зеленый «студебеккер», а следом «двойка» из таксопарка Палаццини уперлись в полицейское ограждение. Пичи Де Пино выскочила из «студебеккера», следом неслись ее нервная мать и разгневанный отец.

– Ники Кастоне! – выкрикнула Пичи. – Нам надо поговорить!

Люди в толпе застонали. По толпе понеслось имя *Кастоне*.

Пичи взобралась по ступенькам на помост.

– Ты совсем сдурел? Ты почему в наряде оркестра Пенсильванского университета?

– Я так и знал, – покачал головой Эдди Даванцо.

– Кто это? – озадачилась Чача.

– Это Ники Кастоне. Из Филадельфии, – провозгласила Пичи.

– Что тут происходит? – вмешался Рокко.

– Она... она тоже не та, за кого себя выдает. – Пичи указала на Гортензию. – Она диспетчер, цветная.

– Они и сами могут сообразить, что цветная, – хмыкнула Гортензия.

– Как ты мог так обойтись со мной, Ник? Ты оставил мою фотографию в ящичке со штопкой и бельем. Неужели все, чем мы были друг для друга, так мало для тебя значит, что ты бросил меня в ящик с грязными и дырявыми трусами?

– Я удушю тебя голыми руками! – Ал Де Пино всей шестифутовой тушей ринулся на Ники.

Кончетта утерла слезы.

– Ники, вернись домой и женись на Пичи, и мы забудем весь этот ужасный кошмар, этот жестокий эпизод, весь этот сумасшедший дом. – Она стряхнула пылинку с лацкана на мундире Ники. – Вспомни любовь. Я молю тебя, вспомни любовь.

– Я убью этого сукина сына...

Ал замахнулся на Ники, Эдди Даванцо схватил его за руки.

– Вот уже и полиция подросла, Ал, ты болван! – заорала Кончетта.

Дом и Джо поспешили на сцену.

– Не смей его трогать, – закричала Джо.

– Вы кто такие? – спросил Рокко.

– Семья, – рявкнул Дом.

– Может, перенесем дискуссию в другое место. В другой город, – тихо сказала Гортензия. – Поехали отсюда.

Пичи показала пальцем на Ники:

– Я хочу, чтобы весь мир знал, что он со мной сделал.

– А что он сделал? – оживилась Чача.

– Он разорвал помолвку после семи лет.

– Между ними была физическая близость, – проорал мистер Де Пино, когда ему застегнули наручники.

– Моя дочь непорочна, – настаивала миссис Де Пино, обращаясь к толпе.

– Но физическая близость-то была? – поинтересовалась Чача.

– Он волк! – выкрикнула Розальба.

– Он прижимал меня к себе, когда мы танцевали прошлым вечером, – не отставала Чача. – Он терся об меня. Но я подумала, эти итальянцы из-за моря, они малость возбудимы. Это в них есть.

– Пожалуйста, Чача. – Рокко возмущенно взглянул на жену.

– Вы видите, что происходит? Самозванец явился в город, закрутил с нашими женщинами и воспользовался их слабостью! – заорал мужчина в

толпе.

– Так же он поступил с моей дочерью! – рявкнул Ал Де Пино, провоцируя толпу.

– Он отдал «кадиллак» америкашке из Алабамы! – заорал кто-то.

Толпа начала бушевать.

– Я ничего не знаю про «кадиллак», но он не воспользовался моей слабостью, папа. Остановись. Я не хочу, чтобы ты убил его из-за этого. – Пичи вытерла лоб носовым платком.

– А может, самозванец явился сюда, чтобы украсть наши деньги? Проверьте-ка выручку у лотков с колбасками и перцем, – завопила какая-то женщина.

– Где деньги? – Мужчина из толпы указал пальцем на Ники.

Толпа заворчала. Озлобление нагнеталось. Некоторые уже штурмовали помост и требовали от Рокко действий.

– Проверьте кассу! Он наверняка уже прибрал деньги!

– Да он животное! – вступила еще одна женщина.

– Стоп! – Ники разъярился. – Я в жизни никого не надул. Я же просто хотел помочь.

– А я ведь тебе говорила: только протяни руку помощи, и кто-то ее откусит. – Гортензия обмахивалась ладонью. – А кто без греха, пусть первый бросит камень. Ой, только камней не хватало. Мы должны уехать немедленно.

Ники нахмурился и обернулся к Пичи:

– И чего ты хотела добиться, заявившись сюда? Ты думаешь, я изменю свое решение?

– А ты думаешь, что я так просто тебя отпущу? Я так хорошо к тебе относилась семь лет. Ты с ума сошел? Я – итальянская девушка. Италия создана не в виде матраса. И я не собираюсь лечь и смириться. Италия создана сапогом. И я пришла сюда пнуть тебя в...

Женщины в толпе зааплодировали.

Рокко повернулся к Эдди:

– Забери его, пока тут не начался мятеж.

– Арестовать их?

– Обоих.

– За что?

– За то, что представились важными людьми.

– Вы не можете нас арестовать, – твердо сказал Ники. – Все, что я сделал, – это потанцевал с вашими женщинами. Если по-честному, вам следовало бы выдать мне протезы и пожизненное обеспечение

слабительным.

– Когда мы узнаем, почему вы это сделали и что украли, то молитесь, чтобы мы не сделали вам чего похуже, – сказал Рокко. – А пока, Эдди, смотри, его машина припаркована в неполюженном месте. Арестуй их обоих за нарушение дорожных правил – и за решетку, да поскорее. Прежде чем начнется восстание. Женщины уже мобилизованы. Трепещи!

Ники и Гортензия покинули помост вместе с Эдди Даванцо. Толпа ликовала, видя, как самозванцев уводит полицейский.

Эдди усадил Гортензию и Ники в полицейскую машину.

– Мы позвоним адвокату, – уверил их Дом через окно.

– И самому лучшему, – добавила Джо. – Не его кузену Флавио, который только деньгу зашибает.

– Как они нас нашли? – спросил Ники тетку, уже сидя в машине.

Джо смяла носовой платок.

– Прости меня, Ники. Пичи ворвалась в дом, как дикая кошка, бросилась в подвал и все перевернула в твоей комнате. Она перерыла все ящики, даже матрас перевернула и нашла рекламу юбилея в мусорной корзине. Она совсем обезумела. А потом нагрянули Ал с Конни, и Ал сказал, что убьет тебя, и они уехали уже на взводе, ну а мы за ними.

Под хор завываний в толпе Эдди дал задний ход, развернул машину и поехал по Гарибальди в полицейский участок Розето.

– Простите меня, миссис Муни.

– Поздно извиняться. Меня уже заковали в наручники. – Гортензия подняла руки.

– Я думал, получится, – устало сказал Ники.

– Я тоже думала, что у тебя получится. Я думала, ты можешь все. Но теперь мы оба знаем, что даже ты не всемогущ.

Эдди Даванцо принес Гортензии картонный стаканчик с водой в комнату ожидания в полицейском участке. Гортензия отхлебнула, стоя у окна и наблюдая, как по Гарибальди-авеню проходит юбилейный парад. Ники сидел в углу, уронив голову на руки.

– Есть какие новости? – спросила Эдди Гортензия. – Мне домой пора.

– Собрался городской совет. Это займет какое-то время.

– Слышали что-нибудь?

– Они пререкаются. Но это обычное дело.

– Спасибо, что не заперли нас в обезьянник.

– Еще не нашли состава преступления, – улыбнулся Эдди, подбадривая Гортензию.

- Потому что его нет, – тихо сказал Ники.
- Пусть совет решит, есть или нет, – Эдди закрыл дверь, оставив Ники и Гортензию одних.
- А ведь были на секунду от того, чтобы смыться.
- Я возьму вам, миссис Муни.
- Я хочу шляпу от Лили Даше^[87]. Красную, с большим бантом. – Гортензия покосилась на окно. – Ники, подойди сюда.
- Ники присоединился к ней, чтобы увидеть посла Карло Гуардинфанте, выходящего из черного седана.
- Это, видимо, и есть настоящий гость, – заметила Гортензия.
- Должно быть. Экий подтянутый.
- Это все, что ты заметил?
- Медали, что ли?
- Нет.
- Нам-то от него какая польза?
- Он здесь. Поэтому они захотят, чтобы ты исчез.
- В самом деле?
- Ты итальянец. И он – из ваших. Ты попросишь его нас отпустить.
- Он тоже, наверное, захочет меня убить.
- Пусть. Но сначала дай мне сбежать.
- Я не могу. Я устал. – Ники плюхнулся на стул.

– Ты устал? Ты? Николас Кастоне? А ну сядь прямо. У тебя нет права на усталость, когда три дня ты всего-то и делал, что плясал да увивался за женщинами. Усталость – это когда ты спускаешься в шахту. Усталость – это прокладывать трубы в городской канализации. Усталость – это когда убираешь дом от подвала до чердака и стираешь белье с хлоркой в машине с ручным отжимом и развешиваешь его на морозе, пока кожа на пальцах не начинает шелушиться, и тогда ты уходишь в дом и все это еще и гладишь чугунным утюгом. Усталость – это когда выталкиваешь из себя десятифунтового ребенка после двенадцати часов схваток. Усталость – это когда укладываешь шпалы.

– Я понял, я понял. Но я слабак.

– Нет, ты не слабак. Но лучше встряхнись. Одно дело – самому попасть в беду, другое – втянуть меня в трясины и бросить, когда весь план провалился. А он провалился. Так что найди выход, потому что я хочу домой. У меня дела. Жизнь, наконец. – Гортензия провела рукой по венецианским бусам. – И я хочу снова увидеть моих девочек.

Эдди просунул голову в дверь:

– Тут к вам пришли. – Он открыл дверь и занял позицию охранника.

Вошла Мэйми Конфалоне в сопровождении посла Карло Гуардинфанте. Ауги вбежал в комнату. Он посмотрел на Карло, а потом на Ники и воскликнул:

– Близнецы!

– Похожи, правда? – тихо сказала Мэйми сыну.

– Я заберу Ауги. – Эдди предупредил просьбу Мэйми.

– Можно посмотреть пожарную машину? – спросил его Ауги.

– Конечно, малыш, пошли. – Эдди взял его за руку и вывел из комнаты.

Ники встал и сказал:

– Господин посол. Простите меня.

– Тебе не надо вдаваться в подробности, я уже все объяснила. По-итальянски. Настоящим итальянским языком, на котором еще Цезарь разговаривал, – сказала Мэйми. – Я ему все рассказала.

– *Все?*

– Ту часть, где ты выдавал себя за него.

– Я хочу возместить ему ущерб. – Ники посмотрел на Карло.

Мэйми перевела, Карло кивнул. Мэйми предложила Карло, Ники и Гортензии занять места за столом для совещаний.

– Мне ужасно стыдно, – сказал Ники послу, перегнувшись через стол.

Карло сложил руки.

– *Sono venuto qui per celebrare il Giubileo, sì, ma anche per incontrare il*

mio cugino. Ho un cugino, Alberto Funziani^[88].

– Фунци, – подтвердила Мэйми. – У него здесь двоюродный брат. Мы его знаем.

– *Й il presidente della banca*^[89], — гордо заявил Карло.

– Нет, – возразила Мэйми. – Он думает, что наш Фунци – президент банка.

– Нет? – Карло смешался.

– *Й il bidello presso la banca.* – Мэйми теперь обращалась к Гортензии и Ники: – Фунци – *уборщик*, а не *президент*.

Карло схватился за голову.

– Неужели в обоих Розето все ведут двойную жизнь? – громко поинтересовалась Гортензия. – Хоть кто-нибудь является тем, за кого себя выдает?

– Это неважно, миссис Муни.

Ники обратился к Карло:

– Что вам нужно? Может, я могу помочь?

Посол объяснил, зачем приехал в Пенсильванию.

– *Una strada. Una strada che va dalla cima della collina verso il fondo, una strada di tre miglia per collegare la mia citta al resto del paese. In questo momento, siamo abbandonati*^[90].

Мэйми перевела. Гортензия затрясла головой, откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

– Сейчас не время дремать, – пошутил Ники.

– Я просто даю отдохнуть глазам, – огрызнулась Гортензия. – И тогда моя голова не оторвется от плеч и не окажется в Олбани.

– Мэйми, ты можешь пригласить сюда Рокко?

– У них собрание, они решают, что с тобой делать.

– Я думаю, что когда поговорю с Рокко, то мы сможем уладить дело, – уверил ее Ники.

Мэйми вышла и вскоре вернулась с Рокко и Эдди.

– Рокко, у меня есть предложение, – начал Ники.

– И у меня. Вам дорога в тюрьму. Вы самозванец. Вы позер. Вы вор. Ну кто еще позарится на форму музыканта оркестра Университета Пенсильвании?

– Я ее одолжил.

– И решили, что можете заявиться в фабричный городок и дурачить тружеников? Пока вы замыслили, как бы обогатиться, стать важным человеком и использовать наших женщин ради своих извращенных

удовольствий, мы платили за все это. Понимаете, какую реакцию вы вызываете у рабочих людей? Они вот-вот взбунтуются. Вы сделали из меня дурака, унизили мое положение. Вы устроили посмешище из самого себя в этом диком мундире. Я распахнул для вас мой дом. И вы отплатили мне тем, что попрыгали на танцевальной площадке с моей женой. Чача не без недостатков, но она добрая женщина, и она со мной больше лет, чем прошло с тех пор, как вы начали бриться. Никаких переговоров. Нам не о чем говорить.

– Я понимаю, что это выглядит так, будто я сделал все это ради собственной выгоды, и отчасти это правда. Я работаю в Театре Борелли в Филадельфии, и мне не терпелось сыграть чью-то жизнь. Я актер.

В голове Ники зазвенел колокольчик, небольшой, не колокол. Он признал факт, который раньше не принимал полностью, даже втайне.

– А у вас есть оправдание? – спросил Рокко Гортензию.

– Я – цветная. – Гортензия снова закрыла глаза и надвинула на них шляпу.

– Я хочу искупить свою вину и перед вами, и перед Розето. У посла есть определенная нужда, и он приехал сюда в надежде получить помощь, а человек, которого он надеялся попросить, некий Фунци, – не тот, кем посол его считал.

– Еще один! – Рокко воздел руки.

– Розето-Вальфорторе необходима дорога длиной в три мили, с вершины холма до его подножия. Это дорога, по которой шли ваши предки, когда уезжали в Америку. Это дорога, по которой розетанцы едут торговать в Рим или в Неаполь на работу. Это самая важная дорога в провинции.

– И что?

– С вашей помощью, я думаю, мы можем проложить эту дорогу. Вы слышали, что я собирался жениться на Пичи Де Пино...

– Той тощей?

– Тощей как жердь, – пробормотала Гортензия.

– Я разорвал нашу помолвку по причинам, которые, я надеялся, останутся делом личным. Семь лет я копил средства на дом и вложил деньги в участок, который мне больше не нужен, посему я отдаю эти деньги послу на его дорогу. Ему понадобятся рабочие и инженер-дорожник и, может быть, еще деньги, но я думаю, что он приехал куда надо. Вы здесь заботитесь друг о друге, а у них там жизнь не мед. Вы же разрешите мне внести эту компенсацию? Я хочу, чтобы все было правильно. И я все сделаю правильно.

Через решетку окна повеял ветерок. В комнате висело молчание. Рокко обдумывал в тишине предложение, пока Гортензия не начала храпеть, заснув на стуле. Еще до того как Мэйми дотянулась до нее, чтобы разбудить, Гортензия всхрапнула особенно громко, проснулась от собственного храпа и принялась тревожно озираться.

– Извините. Мне нездоровится.

Ники, Рокко и посол укрылись в отдельном отсеке клуба Маркони на Гарибальди, наслаждаясь второй порцией чистого шотландского виски в тесном кругу, ни дать ни взять – три дружка в лодке на рыбалке без единой поклевки. Разговоры да выпивон.

– А ну, изобрази нам акцент, – подначивал Рокко Ники.

– Я... эээ... наносить вам этот ви-из-зит.

– *Terribile!*^[91] – захохотал Карло.

– Нам в голову не приходило, какой у него ужасный итальянский, пока не появились вы, – сказал Рокко, оплачивая счет.

– Рокко, ну так что с нашим договором? – спросил Ники.

– Каким договором?

– Что вы пошлете бригаду в Италию, чтобы построить там дорогу.

– Ах, об этом.

– Ну же...

– А вы-то чем займетесь? – прищурился Рокко. – Мне бы следовало *вас* отправить в Италию ворочать камни.

– Я затеял это дело. И я остаюсь без гроша.

– Хорошо-хорошо, – согласился Рокко. – Мы приедем и построим вашу дорогу, господин посол. А этот слюнтяй все оплатит.

Рокко пожал послу руку. Ники положил сверху свою, скрепляя договор.

Гортензия ждала позади клуба Маркони на Гарибальди-авеню. Когда мужчины вышли из клуба, она подошла к Рокко.

– Можно нам теперь уехать? Прошу вас! – взмолилась она.

– Да, вы можете ехать.

– Благодарю вас, сэр.

Рокко и посол пошли пешком по Гарибальди к Трумэн-стрит. Тетя Джо и дядя Дом подкатили на таксомоторе.

– Сваливаем из этой дыры, – пробурчал Дом.

– Как ты, Ники? – спросила тетя Джо.

– Я на мели, – сообщил Ники. – Но все хорошо.

– Ты жив, руки-ноги целы, и ты в своем уме. Считай, что дешево

отделался, – заметила Гортензия, поправляя шляпку.

Ники услышал знакомый стук каблучков Пичи, а следом трещотку нарядных туфель Конни и грохот ботинок Ала. Ритм-секция Де Пино.

– Они приближаются, – сказала Гортензия и вздохнула. – Говорила я вам, что эта вылазка в бар – плохая идея.

Подбоченясь, Пичи подошла к своему бывшему жениху.

– Ники, я собираюсь дать тебе еще один шанс.

– Пичи, мне не нужен еще один шанс. И когда ты помолишься об этом и поразмыслишь хорошенько, то еще скажешь спасибо, что я не дал тебе никаких шансов. Ты хорошая девушка. Ты меня не любишь. Ты просто хочешь выйти замуж.

– Для меня это и есть любовь, Ники.

– А для меня – нет. Это только на бумаге.

– Это священный обряд.

– Записанный на бумаге. Я не хочу жениться. – Он повернулся к чете Де Пино: – И я ничего ей не должен.

– Не должен, Ал, – согласился Дом.

Ники продолжил:

– И вам я тоже ничего не должен, мистер Де Пино. Или вам, миссис Де Пино. Я мыл вашу машину каждое субботнее утро с тех пор, как вернулся с войны. Я чистил ваши водостоки каждую осень. Я устанавливал вам зимние рамы, вырезал линолеум и постелил его у вас на кухне, забетонировал вам площадку под навесом для машины. Я старался быть хорошим парнем для вашей любимой дочки. Я не был ее достоин, но она никогда мне не давала этого понять. Я был почтителен и вежлив. Простите, что я слишком долго не осознавал правды. И я сожалею, что мне понадобилось все это время, чтобы принять решение, но это не значит, что я не должен был его принять. И неверным я его не считаю.

Ал Де Пино крякнул.

– Мы внесли аванс за банкетный зал.

– Я возьму.

– Не нужны мне твои грязные деньги.

– Тогда что вы тут устраиваете, мистер Де Пино? – Гортензия теряла терпение. – То вы хотите вернуть ваши деньги, то не хотите. Определитесь, наконец!

– Я хочу, чтобы он понял, во что это нам обходится.

– Знаете, что я вам скажу? – предложила Гортензия. – Возьмите и устройте себе в этом зале... Миссис Де Пино, как долго вы замужем?

– Тридцать восемь лет.

– Вот и отпразднуйте там свою тридцать восьмую годовщину. Покажите всему миру, как это здорово. И правильно. И вы увидите, как быстро Пичи найдет себе своего собственного Ала Де Пино. «Вы оплатите добром, мир воздаст и вам потом». Я выиграла в лотерее нашей церкви вышивку крестиком с этим изречением. И это правда. Когда ты благодарен, жизнь раскрывается перед тобой и предлагает все, о чем мечтаешь. А сейчас у меня уже ноги отваливаются. Увидимся дома в Саут-Филли.

Ники и Гортензия пошли вверх по Гарибальди-авеню, чтобы забрать седан, который так и стоял у трибуны. Праздник завершился, трибуны опустели, улицы обезлюдели, ярмарочные фонарики потухли. Воздух был неподвижен, яркие флаги уныло обвисли в безветрии. Даже помост не казался таким впечатляющим, как утром, когда он был заполнен уважаемыми и важными персонами. Платформа с декорациями понесла тяжелые потери после парадной взбучки. По правде сказать, все они изрядно пострадали.

Ники и Гортензия слышали, как Де Пино и Палаццини препирались в отдалении, но это их не волновало. Ники открыл Гортензии дверцу, и она села в машину. Он занял водительское место, и вскоре они уже ехали вниз по Гарибальди. Де Пино и Палаццини в перепалке даже не заметили, как седан проехал мимо.

– Вы не будете против, если я заеду кое-куда? – спросил Ники у Гортензии, глядя на нее в зеркало заднего вида.

– Зачем ты спрашиваешь? Ты же за рулем.

– Я ненадолго. Или надолго.

Ники подъехал к дому Мэйми Конфалоне. Сквозь филенчатую дверь он увидел Ауги в пижаме, читающего книжку за кухонным столом. Мэйми мыла посуду. Ники тихонько поскребся в дверь. Мэйми обернулась, увидела Ники, поставила тарелку в сушилку и подошла к двери. Оглянувшись на сына, она выскользнула на крыльцо.

– Я хотел попрощаться. И поблагодарить тебя. Ты нас спасла.

– Ты бы для меня сделал то же самое. – Мэйми прятала руки в карманы передника.

– Я рад, что ты знаешь это, – улыбнулся Ники.

– Прошлой ночью... – начала она.

Он покраснел.

– Что мы можем сказать о прошлой ночи?

– Я не знаю, надо ли вообще говорить о ней, – мягко сказала Мэйми.

Ники не сразу уразумел, что она имеет в виду.

– Ты больше не хочешь меня видеть?

Мэйми улыбнулась:

– Я живу здесь. И буду жить здесь всегда.

– Мы могли бы... – начал размышлять Ники, – придумать что-то. Филли близко. Мы ведь могли бы встречаться?

Мэйми покачала головой:

– Лучше не надо.

– Почему?

– Потому что я была слаба. И ты тоже. Когда влюбляешься, Ники, это должно придавать тебе сил. Потому что, любя, ты должен что-то созидать, строить, а не просто прилепиться к кому-то, чтобы найти опору или спасение.

– Я могу быть сильным ради тебя, – не сдавался Ники.

– Ты будешь сильным. Как и та, которую ты встретишь однажды. Но я тебе благодарна. Прошлой ночью ты был прекрасен. Я считала, что для меня с романтикой покончено раз и навсегда. Я отгораживалась от всякой возможности любви и не думала, что когда-нибудь у меня будет что-то, хоть отдаленно напоминающее то, что испытали мы с тобой.

– Для меня это тоже очень много значило, Мэйми.

– Да, я знаю. Тогда давай заберем это с собой в будущее и сохраним, как сокровище.

Ники хотелось возразить, убедить ее, что они созданы друг для друга, доказать, что они прекрасная пара и должны быть вместе, но тут он начал понимать сказанное ею. Понимать значение ее слов и всю их важность. Нет, он не принимал их. Может, ей просто нужно время. Может, она еще не готова. Мэйми поцеловала его в щеку.

– Мама! – окликнул мать Ауги.

– Мне пора.

Мэйми погладила щеку, которую только что поцеловала, и ушла в дом.

Гортензия наблюдала всю сцену, но немедленно отвернулась, едва Ники направился к машине.

– Ну теперь мы наконец-то вернемся в Филадельфию? – простонала она.

– Да, мэм.

– Только мы вдвоем? – поинтересовалась Гортензия.

Ники не ответил. Он вырулил на улицу и увидел в зеркале заднего вида, как полицейская машина Эдди Даванцо подъехала к дому Мэйми с фасада. На мгновение он захотел вернуться, вдруг что-то случилось, но передумал и поехал своей дорогой.

– Теперь езжай напрямик, пока не увидишь «Хот-шоп» в Джермантауне. Больше никаких остановок.

– Это было важно.

– Почему?

– Потом поймете.

– Что пойму?

– О Мэйми Конфалоне.

– И?

– И обо мне.

Гортензия прыснула.

– Что тут смешного?

– Собираешься переехать в Розето?

– Нет.

– Она переедет в Филли?

– Возможно, кто знает.

– Ты ее спрашивал?

– Нет.

– А с ребенком ты виделся?

– Нет.

– А он как раз был дома, да?

– Да, был.

– Но она не представила тебя своему ребенку. Ники. Посмотри правде в глаза. Ты был для нее иллюзией.

– Чем?

– Иллюзией. Сладкой ватой, завернутой в сиюминутность, которая длится ровно столько, сколько положено, пока не растает.

– Я вам не верю.

– И не должен. В конце концов правда станет очевидной. Как те пьесы в театре, которые ты так обожаешь. Пока сидишь в зрительном зале – они имеют значение, а через пару часов они кончаются. Еще одна иллюзия. Правда в том, что и эти выходные – тоже иллюзия. Мы возвращаемся в настоящую жизнь. Костюм отправится в костюмерную, брошка – в ящик, акцент – долой, и снова за работу. Нельзя превратить поддельное в настоящее.

– У нас с Мэйми кое-что было. Настоящее.

– Что бы между вами ни произошло, оно состояло из сахара и воздуха. Сладкое на вкус, и вы его распробовали. Пока это было, оно было вашим, но больше ему вашим не бывать никогда.

Ники испытал облегчение, когда Гортензия задремала. Уснула

буквально за несколько секунд. Вскрапнула разок-другой и засопела ровно и ритмично. Да что она знает о Мэйми? О них обоих? Миссис Муни – старая карга, где ей понять юную любовь. Жаль, что он вообще затронул эту тему. И о чем он только думал?

Ники ехал вдоль серебряной реки под розовеющим небом, ехал домой, но дорога казалась ему какой-то незнакомой. Раньше он чувствовал себя потерянным, а теперь был сломлен, искупая грех, – но какой? За что расплачивался? За то, что стал послем-самозванцем или что испытывал судьбу с такой прекрасной девушкой, как Мэйми, не зная, куда это заведет? Монтроуз-стрит и «четверка» теперь стали для него историей. Жизнь, какой он ее знал до юбилея в Розето, окончилась. И кто же теперь обманщик?

Калла толкнула входную дверь бедром. Руки у нее были заняты коричневым бумажным кульком со свежими персиками – любимыми фруктами отца.

– Папа! – позвала она. – Я вернулась. Принесла тебе персиков. Два я уже съела.

Она заглянула в кухню и увидела на столе чашку с кофе. Войдя, она позвала отца еще раз. Потрогала чашку, та была теплой. Выглянула в окно, выходящее в сад.

Отец лежал на земле. Калла уронила кулек, персики раскатились по дощатому полу. Она ринулась в сад, споткнувшись о стремянку и задев стойку тента над дорожкой, идущей от заднего крыльца.

– Папа, что ты наделал?

Она добежала до отца. Над левым глазом у него была ссадина. Калла проверила пульс. Отец едва дышал. Она попыталась привести его в чувство. Лицо его медленно серело. Она ринулась в дом и вызвала «скорую».

Потом Калла вернулась во двор и не отходила от отца до приезда «скорой». Она встала на колени, сняла свой свитер и бережно подложила его отцу под голову. Калла прижалась ухом к его груди, пытаясь расслышать биение сердца. Она не представляла, сколько прошло времени, пока приехали врачи, – вероятно, не слишком много, но для нее это была вечность, потому что отец умирал, и она это знала. Время истекало, и она не могла его контролировать.

Калла хотела задержать отца, сделать все возможное, чтобы он остался с ней, но знала, уже когда его клали на носилки и поднимали в машину, что он сделал свой выбор. Миг, которого она так боялась, наступил, и она

ничего не могла поделаться. Она взяла отцовскую руку, сплела свои пальцы с его пальцами и держала, пока его устраивали в «скорой». Потом влезла следом, села с ним рядом, надеясь, что если она не отпустит его руку, то сможет вытащить его обратно.

«Скорая» мчала по улицам Саут-Филли, в окнах промелькнул Театр Борелли.

– Папа, мы только что проехали театр.

Отец не шевельнулся, и глаза Каллы наполнились слезами.

– Я помню каждую твою постановку. Мы можем их все возобновить. Мы поставим новый спектакль, из тех, что ты никогда не ставил. «Цимбелин», например. Я знаю, это не лучшая его пьеса, – заплакала Калла, – но если кто и может возродить ее и сделать самый лучший спектакль, то только ты. Не покидай меня, папа.

«Скорая» въехала на больничный двор. Дверцы моментально распахнулись, Сэма вытащили из машины и покатали в больницу, мимо медсестер и регистратуры, в комнатку, набитую сестрами и врачами. Калла наблюдала за их совещанием, пока добрая нянечка не приобняла ее и за руку не вывела в коридор. Калла бросила прощальный взгляд на отца, на его раскрытые ладони, будто принимавшие неизбежное.

Ники стоял у седана, припаркованного в переулке позади Театра Борелли, и аккуратно расправлял на вешалке мундир, в котором недавно изображал посла Гуардинфанте. Насвистывая, он взбежал по ступенькам на крыльцо служебного входа, но дверь оказалась заперта. Раздосадованный Ники с костюмом в руках обогнул здание и вошел в фойе через главный вход. Роза Де Неро сидела на своем месте в будке кассы, прихлебывая кофе и читая газету.

– Роза, как делишки? – бросил Ники на бегу, не ожидая ответа.

Роза вышла из будки и окликнула его:

– Ты разве не слышал?

– О чем не слышал?

– Сэм Борелли умер сегодня утром.

У Ники перехватило дыхание.

– Как это случилось?

– Калла нашла его на заднем дворике. Он пытался установить навес. Упал, наверное. Сказали, у него был инсульт. Калла отвезла его в больницу. – Роза окинула взглядом фойе. – Теперь театру конец. Все. Пока мистер Борелли был живой, у нас был шанс. А теперь нам не выкарабкаться.

– Роза, не каркайте!

Ники толкнул стеклянную дверь и вышел наружу. Старая, хорошо знакомая печаль начала расплзаться по всему телу. У горя свои сосуды, свои вены и капилляры, проникнув в сердце, горе обязательно захватит организм целиком. А ведь он собирался навестить Сэма, пообщаться с ним, спросить совета, но вместо этого с головой окунулся в события, не имевшие никакого значения. Сэм Борелли имел значение, а теперь, как и все мудрецы в жизни Ники, он ушел навсегда.

Ники постучался в дверь дома Сэма Борелли на Эллсворт-стрит. Из распахнутых окон гостиной неожиданно грянул смех. Ники заглянул внутрь. Дом был до отказа набит участниками театральной труппы и какими-то незнакомыми людьми – вероятно, скорбящими родственниками покойного. Впрочем, скорбящими их было трудно назвать, они чувствовали Сэма – едой, выпивкой и танцами. Таких поминок Ники еще не видывал.

Ники вошел в дом и немедленно угодил в объятия Тони Копполеллы.

– У Сэма я сыграл свой первый спектакль, получил свою первую роль! Гильденстерн в «Гамлете».

Ники похлопал Тони по спине и ободряюще улыбнулся. Актеры все события в своей жизни – влюбленность, женитьбу, смерть любимого человека или рождение ребенка – помечают ролями, сыгранными в то время. На жизнь они смотрят из-за кулис, выходя на сцену или уходя со сцены. Уход Сэма заставил Тони вспомнить свой первый выход.

Ники протискивался сквозь толпу. Кто-то из коллег доброжелательно похлопывал его по спине, кто-то выражал свою скорбь объятиями, но Ники хотел отыскать Каллу. Он прошел через кухню, выбрался на заднее крыльцо и во дворике наконец нашел ее в узком кругу друзей. Она беседовала с сестрами. Фрэнк Арриго разливал напитки, обслуживая собравшихся.

Ники тронул Каллу за плечо. Она обернулась, увидела его и расплакалась. Он обнял ее.

– Все наладится, – утешал он.

– Как?

– Наладится – и все. Поверь мне.

– Ладно.

– Что мне сделать для тебя?

– Просто останься.

– Остаюсь.

Ники решил быть полезным. Пошел в кухню и подогрел остывшую еду,

потом расставил ее на подносах. Артисты вечно голодны, и как только подносы и подставки пустели, Ники уносил их и снова заполнял снедью. Он прошелся по комнатам, собрал пустые тарелки и бокалы. Потом вернулся в кухню, перекинул через плечо полотенце и вымыл посуду для новой партии гостей, пришедших выразить свое уважение семье Сэма Борелли.

Фрэнк Арриго пронес через кухню мешок со льдом.

– Спасибо за помощь.

– Не за что.

– Ты настоящий друг Каллы.

– Она необыкновенная.

– Я знаю, – усмехнулся Фрэнк.

– Позаботься о ней, Фрэнк.

– Я сегодня постоянно это слышу. Уже раз сорок за этот вечер.

– Актеры хоть и носят лосины, но могут и вздуть в темном переулке.

– Не сомневаюсь.

Фрэнк насыпал льда в чан для охлаждения напитков и вышел во дворик. Сестры Каллы, судя по всему, пришли в восторг, когда он принес им выпить холодненького. «Интересно, а Сэму Фрэнк нравился?» – подумал Ники.

– Ники.

Он отвлекся от окна. Джози Чилетти, одетая в кашемировый свитер с глубоким треугольным вырезом, крепко прижала его к груди.

– Я в полном раздрае, Ники.

– Сэм считал тебя талантливой, Джози.

– Он вызволил меня из утробы Кремон-стрит возле аэропорта и превратил в актрису. Я ему всем обязана, – рыдала она. Ники протянул ей носовой платок. – Без него театр перестанет существовать.

– Уверен, что не перестанет.

– Ты что-то знаешь? – Левая бровь Джози вопросительно изогнулась. – Слышал что-нибудь?

– Нет, я просто знаю Каллу. Она продолжит дело.

– Очень надеюсь. Я нуждаюсь в сцене, как макароны – в подливке.

– А как же сыр, Джози?

– Никак. Сыр хорош и отдельно.

Около полуночи Фрэнк отвез Хэмбона Мейсона домой – бедняга так наклюкался, что не смог вспомнить, где припарковал машину. Ники вытер последнюю тарелку, подмел на кухне пол.

– Здесь никогда не было так чисто. – Елена, старшая дочь Сэма, –

кареглазая, с огненными волосами – с одобрением оглядела кухню. – Мы, кажется, еще не познакомились?

– Ники Кастоне.

– Он работал у папы в театре. – Порция, миниатюрная брюнетка, принесла со двора пустой поднос. – Так ведь?

– Да. Я забрел в театр несколько лет назад, и он предложил мне работу.

– Вот так папа всегда и нанимал себе работников. Он считал, что если ты явился в театр, то должен ему принадлежать, что театральная жизнь – это волшебное призвание, – покачала головой Елена.

– Так и есть, если ты хорош в своем деле, – сказала Калла, принеся поднос с бокалами из гостиной. – Извини, Ники. Ты не должен еще и это мыть.

– Да я с удовольствием.

– Пойду я наверх. Завтра у нас трудный день. – Елена многозначительно посмотрела на сестер. – Оставьте посуду в раковине. Я завтра утром помою.

– Ничего, не беспокойся. Порция, и ты иди отдыхать. Вы, наверное, обе измотаны. Мы тут все доделаем сами.

Порция и Елена пошли наверх, оставив Ники и Каллу наедине. Ники подошел к раковине, наполнил ее горячей водой с пеной и принялся мыть бокалы. Калла стала рядом с ним, держа полотенце наготове. Он полоскал, она вытирала и расставляла сверкающее стекло на полке над окном.

– Фрэнк повез домой Хэмбона, – сказала она. – Ему завтра в пять утра вставать на работу.

– Он сегодня уже не вернется?

– Он будет на похоронах. А ты боялся, что я останусь одна?

– Ну, это тебе не грозит. Зато я боялся, что пол провалится, так много народу пришло сегодня.

– Они любили папу.

– Хорошо, наверное, иметь отца, которого так любят. Он всю жизнь приносил людям радость. Услаждал их, развлекал. Это дорогого стоит.

– Правда?

– Конечно. Что может быть важнее, чем способность заставить людей испытывать сильные чувства? Возможно ли переоценить человеческий смех? Или слезы? Эти эмоции бесценны. Это и есть жизнь человека. И твой отец трудился над тем, чтобы пробуждать их в людях, расцветивать их жизнь. Благороднейшая миссия.

Слова Ники проникли в самое сердце Каллы. Она села у стола и разрыдалась, утирая слезы кухонным полотенцем.

– Прости, я что-то разболтался не в меру. Давай я расскажу тебе смешную историю?

Она кивнула.

– Я был под арестом.

– Что? – Калла отняла полотенце от лица.

– Мне грозило небо в клеточку.

– За что?

– Нас разоблачили. Меня и миссис Муни. Как выяснилось, без режиссера я никчемный актер. И еще мундир этот твой затрапезный джаз-бэндный тоже не очень помог.

Калла рассмеялась.

– Я забыла тебя предупредить.

– Да и не должна была. Мне и так рассказали. В пенсильванском Розето полно поклонников университетской футбольной команды и сопровождающего ее оркестра.

– Прости, прости, – хохотала Калла.

– Ну вот. Твой отец от души повеселился бы над моим наказанием. Будем считать это искуплением грехов.

– Что именно?

– Я отправляюсь в Италию строить дорогу до городка, где живет посол. Самозванство стоило мне всего – и денег, и времени.

– А ты умеешь строить дороги?

– Научусь. Надо попробовать. Я ведь играть тоже не умел, пока не начал. Там увидим. – Ники отобрал у Каллы полотенце. – Хватит, давай выйдем на воздух.

Когда они вышли на Эллсворт-стрит, Ники взял Каллу под руку. Потом они повернули на Брод-стрит.

– Я знаю всех на этой улице. Даже песню сочинил об этом.

– Значит, ты еще и поешь?

– Не то чтобы очень.

Он затянул свою «фамильно-уличную» арию:

*Фарино, Канино,
Скьявоне, Маркони,
Терлаццо, Джанаццо,
Леоне, Франконе,
Чилиберти, Монтеверди,
Руджиеро!*

И, добравшись до самой высокой ноты, пропел:

Навечно Борелли!

– Да заткнись уже! – Женщина лет пятидесяти с бигуди на голове и в ночнушке высунулась из окна второго этажа. – Ревешь, как раненый лось, никак не сдохнешь!

– Виноват, леди!

– Да уж конечно!

Женщина с грохотом захлопнула оконную створку.

– Эх... Не светит мне оперная карьера как пить дать.

– Ты только сейчас это понял? – поддразнила его Калла. – Хорошо, что папа завязал с музыкальным театром.

– Полегче, сестрица. Я ведь с тобой, что бы ни случилось, и я к тебе добр.

– Да.

– И я твой лучший друг.

– Лучший? Неужели? – Калла шутливо ткнула его локтем в бок. – Папа не хотел, чтобы мы слишком сближались с актерами.

– Почему?

– Боялся, что какая-нибудь из его дочек закрутит роман. Так что Порция вышла за банкира, Елена – за учителя.

– А ты переплюнешь их обеих, выйдя за строителя. Застройщика, который станет здесь королем. Обскачешь своих сестричек по всем статьям.

– Я вовсе к этому не стремлюсь.

– Дочки Лира тоже не стремились.

– Я и забыла про Лира.

– А не следовало бы! Любое затруднительное положение, в которое может попасть человек, уже разыграно в пьесах Уильяма Шекспира. Ни священник не нужен, ни врач – просто открой нужную страницу в нужном томе и прочти. Все ответы там. Я слышал, как твой отец говорил это на репетиции.

Калла остановилась, отвернулась от Ники и вдруг снова заплакала. Он обнял ее:

– Ты еще много чего сделаешь. Это я узнал не от Шекспира.

– Он был со мной, ждал меня дома, понимаешь. Я всегда могла к нему прийти, могла спросить о чем угодно!

– Поэтому ты справишься с чем угодно. И твой отец это предвидел. Никто не сможет этого у тебя отнять – ни в жизни, ни в работе. Ты самая сильная девушка из всех, кого я знаю, поверь мне – я ведь живу в доме,

который кишит сильными женщинами. Тебе не нужен никто, чтобы указывать, что делать и как. Даже этот твой олух, твой дружок с крытым верхом не знает всего того, что знаешь ты.

– Я не скажу ему, как ты его назвал.

– Отлично, потому что у него преимущество фунтов в тридцать.

– И всё мускулы.

– Я не в обиде на твою подковырку, потому что у тебя горе.

– Я так боялась этого дня.

– Потому что ты заботилась об отце. Знаешь, как сильно он это ценил? Больше, чем ты можешь себе представить. Тебе будет грустно. Очень грустно. Просто надо через это пройти.

Ники и Калла долго еще бродили по улицам. Обошли все окрестности и всю Брод-стрит. Будь на то воля Каллы, они гуляли бы всю ночь напролет, так не хотелось ей возвращаться в дом, где в каждой комнате ее ждала печаль. Ее ужасала мысль о заупокойной мессе и погребении. Ни латынь, ни «Кирие элейсон»^[92], ни молитвы, ни гимны не принесут ей утешения.

– Теперь я тоже сирота.

Ники приобнял ее за плечи:

– Да, ты сирота. Сочувствую. Сиротой быть неважнецки. Я знаю толк в печалях. Мне их в жизни досталось с лихвой.

9

Голубая сойка опустилась на окно кухни Гортензии Муни и уставилась на нее. Гортензия отвлеклась от корзины ярко-красных помидоров, у которых она удаляла сердцевину, перед тем как опустить их в кипящую воду, и посмотрела птице в глаза.

– Боже, Боже, – пробормотала она. – Это дурное предвестие. Кто-то отойдет к Иисусу. – Она подняла глаза. – Удачной дороги.

Гортензия отложила разделочный нож, прикрыла глаза и прочла короткую молитву. Затем села за кухонный стол, открыла папку и аккуратно записала рецепт подливки Минны. В очередной раз.

Рецепт подливки Минны. Попытка № 17.

На пять чашек подливки:

6 ст. л. оливкового масла

2 дольки чеснока, очищенного и очень тонко нарезанного

2 луковки, тонко нарезанные

2 морковки средних размеров, порубить

2 сердцевинки сельдерея, порубить (из двух пучков)

5 фунтов свежих помидоров (ошпарить, очистить шкурку и протереть, как Минна)

5 веточек базилика, порубленного мелко, стебли удалить

50 г сливочного масла (подсоленного)

1/2 ч. л. хлопьев красного перца

соль по вкусу

секретный ингредиент, догадка № 17: 1/4 чайки сахара

Гортензия закрыла папку и пошла к плите. Она опустила помидор в большую кастрюлю с кипящей водой, а потом следующий и еще один. После возвращения из Розето она ошпарила уже столько помидоров, что накопленный опыт позволял помидору оказаться в воде без единой брызги.

На кухне появился Луи Муни. Он повесил шляпу на крючок, прибитый к кухонной двери, и положил на стол буханку свежего хлеба.

– Ты опять готовишь тот томатный соус?

– Да, Луи.

– Пустая трата времени.

– Мне твое суждение сейчас не так уж необходимо, – терпеливо ответила Гортензия, вылавливая помидоры из кипятка и отправляя в миску, чтобы снять с них кожуру. Она отодвинула миску и добавила еще помидоров в кастрюлю.

– Мы теперь только это и будем есть до самой смерти?

– Пока я правильно не приготовлю, – примирительно сказала она.

– Ну хоть что-то.

Луи ушел с кухни, Гортензия бросила еще один помидор в кипяток, но этот шлепнулся с брызгами, которые разлетелись во все стороны, словно пули. Она отпрянула и глубоко вдохнула, выпятив грудь и втянув живот, потом выдохнула. Подойдя к раковине, она взяла еще один помидор и опустила его в кастрюлю. В этот раз по воде даже рябь не пошла.

Кладбище Святой Марии де Пацци было прелестно настолько, насколько могут быть прелестными кладбища. Семьи ремесленников, каменщиков, плотников, строителей и сварщиков хоронили там своих любимых, а посему могильные камни, статуи и склепы были вытесаны и украшены так же искусно, как любое святилище в любом храме по всему миру. Здесь возвеличили кротких.

Свежая могила Сэма Борелли была укрыта черной землей вместе с беспорядочными останками цветов с заупокойной мессы. Белые гвоздики с поломанными стебельками, ветки желтых гладиолусов, розовые

хризантемы и листья кипариса лежали друг на друге лоскутным одеялом горя, а рядом стояла Калла и плакала, ненавидя каждый цветок из церкви, и знала, что отец тоже бы их возненавидел. Калла держала в руках букет калл с длинными стеблями, их не было ни в одном букете из лавки флориста Фальконе. Она сама купила эти каллы на цветочном рынке.

Калла опустила на колени у плиты на могиле матери, поцеловала кончики пальцев и коснулась камня. Потом встала и положила букет на надгробие.

– Надеюсь, я не помешала, – сказала Роза Де Неро за спиной у Каллы.

– Конечно, нет.

– Я не успела на похороны, но хочу принести мои соболезнования.

– Мы ценим это, Роза.

– Вы принесли цветы. Тут горы цветов из церкви, а вы купили еще, – заметила Роза.

– Это были не те цветы.

– Фальконе на все похороны поставляют одно и то же.

Калла сказала:

– Моя сестра ходила в школу с его дочкой, и та сейчас ведет дело.

– Везде приятельские отношения. Это проблема в Саут-Филли. Обращаются только к тем, кого знают. Никакой свежей крови. И все делают одно и то же, – вздохнула Роза. – Наверное, ваш отец любил каллы. И вас так же назвал.

– Так меня мама назвала. Она отступила от плана. Отец называл моих сестер именами шекспировских героинь. Я – младшая, и мне суждено было стать Оливией.

– Из «Двенадцатой ночи»!

– Ну да. Но мама сказала – нет. Она сказала – мы можем работать для театра, жить для него и пожертвовать всем для него, но за Шекспиром не останется последнее слово во всем, что мы делаем. Так что меня назвали в честь маминого любимого цветка. Это был единственный случай, когда мама взбунтовалась. Насколько я знаю.

– Она бы, наверное, одобрила продажу театра.

– Что?

– Вы же продаете театр.

– Где вы это слышали?

– Может, я ошиблась, – нервно сказала Роза.

– Мне бы очень хотелось узнать, где вы это слышали.

– Обычные сплетни. Касса пустует в последнее время. И теперь, когда ваш папа умер, зачем держать театр – такие ходят разговоры. Все

обсуждают будущее.

– Что это значит?

– Фрэнк Арриго пригласил инженера осмотреть здание.

Калла догадывалась, что Роза – не самая сообразительная в театре, но определенно даже Роза знала, что Калла и Фрэнк встречаются.

– Про это я знаю. Фрэнк привел инженера оценить, сколько будет стоить отремонтировать театр. Это была моя идея. Я попросила Фрэнка помочь.

– Да уж, от души помог, как я погляжу. Он заказал стенобитный шар и бульдозер.

– Что вы хотите сказать?

– Фрэнк Арриго собирается снести театр и построить жилой комплекс. Инженер сказал, что отремонтировать театр слишком дорого. Фрэнк ответил, что это уже не имеет значения. Он сносит все строение.

– Он так сказал?

– Своими ушами слышала. И что вы с ним согласны. Я подумала, что он и вам так сказал. Все говорят, что вы за него замуж идете. Вот и славно. Это не мое дело, но думаю, что вам стоит покрепче за него держаться. Высокий мужчина в Саут-Филли – редкость.

Около креста Воскресения Господнего, на другом краю кладбища, стоял склеп семьи Палаццини. Сооружен он был из каррарского мрамора и открывался черными чугунными воротами изысканного литья, сделанными руками патриарха семейства Доменико Микеле – одного из двоих, лежащих в склепе. Рядом с ним покоились останки его внука, Ричарда, которого все знали как Рики, сына Нэнси и Майка, погибшего во время Второй мировой войны. Склеп был достаточно велик, чтобы вместить восьмерых членов семьи, в порядке убывания. Остаткам клана Палаццини предназначались места за склепом, а когда и они заполнятся – на участке за церковной стоянкой. Распоряжения были сделаны до того, как Дом и Майк разбежались. Они могли не разговаривать друг с другом в этом мире, но в мире ином им придется лежать рядом.

Джо Палаццини нарвала в саду большой букет, завернула его во влажную газету и отправилась на кладбище, чтобы украсить склеп. Ее летний сад уже начал свое буйное цветение. Лазоревые гортензии еще никогда не были такими пышными, а их лепестки – такими нежными.

Когда Джо шла по тропинке к могиле, она увидела Каллу Борелли и вспомнила, что надо бы послать открытку с соболезнованиями в дом покойного. Пусть они не слишком хорошо знакомы, но Калла – друг Ники, а это означало, что Джо она небезразлична.

Джо остановилась у колонки набрать воды в банку. В одной руке она несла букет, бережно, словно новорожденного, а банку – в другой. Завернув за угол, она увидела Нэнси Палаццини, сидящую на мраморной скамейке у склепа. Инстинкт подсказывал ей, что лучше развернуться и пойти домой, а цветы возложить потом, но Джо решила не откладывать это дело.

– Доброе утро, Нэнси, – поздоровалась Джо с женой своего деверя.

Нэнси глянула на нее, утирая слезы.

– Привет, Джо.

– Гортензии удались в этом году. Я послушалась Сола Спатуццу и удобрила землю кофейной гущей, когда растаял снег, и только погляди на этот цвет.

– Такой голубой.

– Как небо в сумерках.

Джо расправила цветы в вазе – металлическом конусе в центре железных врат – и подлила туда воды до самой кромки. Она отступила, потом снова подошла, переместила цветы по-другому и развернулась, чтобы уйти.

– Спасибо тебе, Джо. Сегодня шесть лет, как погиб Рики.

– Сегодня?

Нэнси кивнула. Джо села рядом с ней.

– Не могу даже представить.

– И не надо.

Годы отчужденности опустились на них, как тяжелый туман. Время никуда не ушло, не изменилось, не растворилось в воздухе. Женщины чувствовали бремя отчужденности каждый день, ежедневный груз вины.

Нэнси и Джо кое-что значили друг для друга, они были не просто женами двух братьев. Они вышли замуж почти одновременно и родили первенцев почти в одно время. Когда они шли рядом с колясками, шутки уже были наготове: «Девушки, вы чем таким сдабриваете свою подливку, что мужчины Палаццини делают только мальчиков?»

Нэнси и Джо поддерживали друг друга, когда малыши заболели, и позднее, когда двое из их мальчиков в двенадцать лет решили угнать такси из парка родителей и катались, пока их не поймали полицейские в Куинз-Виллидже.

Женщины много думали о связи, которая прервалась, когда братья поссорились. Почему они не постарались все это уладить? Может, тогда у них было слишком много работы и они не могли взвалить на себя еще одну – восстановление мира? И глупо было утешать себя, что их дружба

разрушилась по ничтожнейшим причинам, они все-таки отличались друг от друга и вели себя по-разному, а когда мужья ругались, они тоже находили причины питать гнев, а не смирять его.

Джо уже вскоре после разрыва пришла к заключению, что ссоры не стоят потери семьи, но продолжала хранить молчание.

Нэнси так не считала, пока Рики не убили на войне, да и тогда только потому, что хотела, чтобы каждый, кто знал и любил ее сына, помог ей запомнить каждый миг его жизни. Она провела последующие шесть лет, будто нанося на картину мазок за мазком акварелью, добавляя мельчайшие детали, то смутные, то отчетливые. Все они не могли воссоздать портрет Рики, разве что бледную копию оригинала, но и этого ей было достаточно. Нэнси была благодарна за каждое воспоминание о Рики.

– Я все время перечитываю твое письмо, – сказала Нэнси.

– Я постаралась вспомнить о нем все.

– У тебя получилось.

– Я же не писательница.

– Но получилось замечательно.

– Мне жаль, что Дом не пришел тогда поддержать Майка...

– И Майк бы к Доминику не пошел. – Нэнси не отрывала глаз от цветов.

– Как жалко.

– Всего жалко. Что такое семья, Джо?

– Группа людей, любящих друг друга и разделяющих общую историю, – ответила Джо просто.

– Хотелось бы, чтобы это было правдой.

– Любовь никуда не делась.

– Но не история. Мы потеряли шестнадцать лет. Никто с вашей стороны не разделил наше горе, когда Рики умер. Пока ты мне не написала. Поэтому твое письмо так много значит для меня. Ты не пожалела времени. Это и есть любовь, – кивнула Нэнси.

– Так поступают сестры. По крайней мере, я в это верю. – Джо встала, подошла к цветам и поправила стебли, устроив цветы в другом порядке. – Но этого недостаточно. Я не слишком сильно боролась за тебя. Наверное, я действительно мученица, как все говорят. Я позволила мужу продолжать вендетту, хотя мне следовало ее прекратить. И теперь мои мальчики заплатят за мою слабость. Я уже вижу трещины. Когда братья жестоки по отношению друг к другу и вырезают друг друга из своей жизни, это похоже на рецепт, передаваемый из рук в руки. Ингредиенты те же самые, следовательно, и блюдо не изменится. Однажды мои мальчики тоже

перессорятся, потому что ничего другого не знают.

– Это ужасно.

– Одни семьи наследуют деньги, другие – плоскостопие, а мы с тобой получили двух упертых мужей, для которых чувство собственной правоты важнее мира в семье. Можно подумать, они знают, что такое «правильно».

Джо встала, собираясь уйти. Она коснулась рукой плеча Нэнси, а луч полуденного солнца осветил голубые гортензии.

– Это точно такой же голубой, которым я выкрасила комнату мальчиков, когда они были маленькие, – напомнила Джо.

– И я покрасила комнату моих мальчиков таким же, – улыбнулась Нэнси.

– И до сих пор та же краска? – спросила Джо.

– Да нет, и давно уже. А у тебя?

– И у меня тоже нет.

Джо шла за Нэнси по длинной, посыпанной гравием дорожке, ведущей к воротам кладбища. Когда они вышли на улицу, то перед расставанием обнялись. Одна ушла на восток, другая на запад, но в этот день каким-то образом они ушли в одном направлении.

Калла стояла на кухне родного дома. Все уехали – сестры, их мужья, прочие родственники, и первый раз со дня смерти отца она осталась в доме одна.

Керамическая лампа, ярусный хрустальный поднос и небольшие серебряные часы аккуратно расположились на кухонном столе, каждая вещь снабжена ярлычком: «Елена». На шкафу возвышались ровные стопки материнского праздничного сервиза фирмы «Роузвуд», подарок бабушки. Ярлычок гласил: «Порция». Калла засунула руки в карманы и вышла из комнаты, минуя коробки со скарбом и стены, заляпанные тенями прошлого там, где раньше висели картины или зеркала.

Теперь это была ее жизнь.

То, что раньше было прекрасным, что в ее понимании должно было остаться нетронутым, теперь будет разделено, разобрано на части и никогда не окажется крепким, как одно целое. Мамина лампа никогда не будет выглядеть такой же прелестной, какой она была на фоне окна, где рассеянный свет ее проливался на веранду, превращая посеревшее старое дерево в чистое серебро. Часы, убранные с отцовского рабочего стола, никогда уже не напомнят ему, что пора идти на репетицию. Ярусы хрустального подноса матери никогда больше не наполнятся ее *бискотти*, лучшими, чем в любой кондитерской Саут-Филли. Тонкий фарфор, с

которого они ели по воскресеньям и по праздникам, фарфор, который всегда так бережно мыли и сушили, теперь уедет к сестре и в ее доме, Калла была уверена, будет спрятан в кладовку и забыт вместе со всеми воспоминаниями.

Калла поднялась в спальню. Она хотела забраться в постель и проспять столько дней, сколько необходимо, чтобы снова стать самой собой. Миновав последнюю ступеньку, она поймала себя на том, что идет не к себе в комнату, а дальше по коридору, в спальню родителей. По пути была спальня сестер, теперь ставшая гостевой комнатой для них. Калла просунула голову в дверь. Елена, по-прежнему аккуратная, стянула белье с кроватей, простыни лежали в корзине, ожидая стирки. С комодов исчезли фотографии в рамках, стоявшие там с тех времен, когда они были девочками. И хотя снимки принадлежали Елене и Порции, их отсутствие вызвало у Каллы чувство заброшенности: это означало, что сестры решили никогда сюда не возвращаться.

Калла открыла дверь родительской спальни. Она стояла там и вдыхала запах комнаты. Отец оставил окно открытым, и это была его многолетняя привычка, независимо от погоды. Сирень за окном, обвившая водосточную трубу, расцвела, наполняя комнату нежным запахом. Калла усмехнулась, вспомнив, что отец называл сирень «монашскими цветами», потому что жена его срезала сирень, заворачивала громадные охапки во влажные газеты и относила в монастырь, чтобы возложить к подножию статуи Богородицы.

Калла щелкнула выключателем. Она не помнила, как застилала постель, но, видно, застелила. Дверь в гардеробную была открыта. Она вошла, дернула цепочку-выключатель. Над головой зажглась лампочка. Все висело аккуратно, но одна вешалка пустовала – там раньше был костюм, в котором похоронили отца. Деревянные распорки, обычно засунутые в его парадные туфли, теперь лежали на полке. Похоронное бюро выдало список необходимых вещей – в точности то же самое, что отец надевал на премьеры: отглаженная рубашка, носовой платок, шелковый галстук, лучшие носки, нижнее белье, подвязки, парадная обувь, костюм. Они также запросили его щетку для волос и бритвенные принадлежности. Калла предоставила все.

За год Калла потеряла и мать, и отца. Когда она была девочкой, сестры обычно болтали ночью, думая, что младшая спит, но Калла прислушивалась. Елена и Порция обсуждали, кто умрет первым, мать или отец, и что им делать, если это случится. Они много сплетничали о мальчиках, о школе, но Калле особенно запомнились их жалобы на

нехватку каких-то вещей. Они хотели то, что было у других девочек, а у них дома невозможно было получить, потому что стоило слишком дорого. Елена и Порция мечтали о модном семейном автомобиле, темно-бордовом «дьюсенберге», как у семейства Фьорио, о шелковых платьях с витрины магазина одежды Харперов и о красных лакированных туфлях из «Уонамейкера».

Калла помнила, как Елена и Порция настояли, чтобы им сделали перманент в парикмахерской. Их подружка Китти Мартинелли сделала прическу, и они хотели выглядеть точно так же. Прихоть стоила немалых денег, но мама нашла возможность дать девочкам то, что они хотели. Они получили свою завивку и пришли домой в слезах: их густые волнистые волосы теперь стояли дыбом, как одуванчиковый пух. Сестры не подумали, что желанные блестящие кудряшки Китти могли и не быть результатом постоянной завивки.

Калла села в кресло, в котором отец обычно читал, и откинулась на спинку. Серовато-зеленый бархат, отделанный черным шнуром, изнашивался на подлокотниках и сиденье. С подголовника свисала кружевная салфетка, и так всегда было со времен ее детства. Когда у отца в юности еще была грива черных волос, он пользовался макасаровым маслом, чтобы заглаживать ее назад, поэтому мать Каллы вешала салфетки на спинки кресел, предохраняя обивку от пятен.

Столик рядом с торшером был завален книгами. Большинство книг Сэма уже перекочевало в комнату Каллы – отец отдал их ей, когда она начала работать режиссером. Сэм был опытным учителем и знакомил Каллу с Шекспиром постепенно: сначала сонеты, потом комедии и, наконец, трагедии.

Риверсайдское издание Шекспира удерживалось от рассыпания широкой репсовой лентой: книга состарилась и изнашивалась. Калла не осмелилась развязать ленту, зная, что отцовские заметки на полях снова разобьют ей сердце. Ей не нужны были подсказки, чтобы понимать отца, но они открывали пласты его размышлений. Неважно, сколько раз Сэм перечитывал пьесу, ставил ее или смотрел в другом театре. Он всегда находил что-то новое в тексте. Он так и называл чтение – «процесс открытия». Но Калла была слишком измотана, чтобы открывать новое сейчас.

Пачка писем от сестры Джин Клин, с обратным адресом колледжа Святой Марии в Саут-Бенде, штат Индиана. Сестра Джин была любимым американским шекспироведом Сэма, и они годами переписывались. Сэм познакомился с монахиней, когда приехал на гастроли в Индиану. Сестра Джин предлагала свое прочтение текста и рассказывала о постановках, которые видела по всему миру.

Калла взяла верхнюю книгу из высокой стопки, лежащей на тумбочке. «Жизнь в шекспировской Англии» была библией Сэма. Он регулярно обращался к ней, рекомендовал актерам и делил ее с Каллой. Сэм настолько часто цитировал Джона Довера Уилсона, словно тот сам был

Шекспиром. Калла пробежала по тексту книги, останавливаясь на мыслях отца за несколько дней и часов до его смерти.

У Сэма была давняя привычка закладывать страницы спичками, обрывками газеты, старыми счетами и даже косточками для воротничков. Дочери дарили ему красивые закладки, но те так и лежали нетронутыми в верхнем ящике комода, рядом с праздничными запонками.

Книга Джона Довера Уилсона читалась так часто, что корешок пришел в негодность и раскрытый разворот ложился плоско, как карта. Сэм часто писал замечания по-итальянски и, следуя привычке ласково называть жену *Bella*^[93], добавлял это прозвище и к именам дочерей. Калла нашла послание для себя самой на конверте от ежемесячного счета за электричество. Отец нарисовал монокль на фигурке Редди Киловатта, сопроводив его пометкой: «Калла Белла – стр. 288».

Каллу охватила дрожь, когда она листала страницы. Отец нарисовал стрелку, указывающую на абзац, и начертил вокруг него треугольные флажки вроде елизаветинских вымпелов.

Смерть

Название было уместно, но рядом Сэм написал *Fine*, и Калла мгновенно догадалась, что это было итальянское слово и в переводе означало «Конец». Она читала:

*И тогда Смерть, и только Смерть может вдруг заставить человека познать самого себя. Она говорит гордым и высокомерным, что они всего лишь подлы, и посрамляет их во мгновение, заставляет их рыдать, жаловаться и каяться, о да! И даже ненавидеть бывшее блаженство. Она оценивает богатых и превращает их в нищих, нагих нищих, которых теперь заботит только щепень, забивающий им рты. Она держит зеркало перед глазами самых красивых и заставляет их видеть свое уродство и низость, и они признают это. О как красноречива и справедлива могучая Смерть! Каких ничтожных ты убедила, каких ничтожных ты прикончила и каких в мире ублажила тем, что исторгла из него и презрела. Ты собрала немыслимое величие, всю гордыню, жестокость, амбиции человек и покрыла все это двумя краткими словами *Nis jacet*^[94].*

Сэр Уолтер Рэли.

«История мира», 1614

Под выдержкой из книги Сэм добавил примечание для Каллы: «Не

бойся смерти. Я не боюсь. Она страшна, но только для тех, кто прожил, служа злу. А ты не станешь ему служить. Папа».

Калла закрыла старую книгу и положила ее рядом с собой. Она была благодарна отцу за все. И чувствовала благодарность к матери, которая так сильно любила отца, что пожертвовала всем для него и главного дела его жизни. Калла была благодарна и Елене, и Порции за то, что жизненные ценности сестер отличались от ее собственных и потому они оставили ей родительские вещи, которые она хотела больше всего, для них, по счастью, не представлявшие интереса.

Калле остались библиотека отца и коллекция суфлерских экземпляров пьес с его заметками на каждую постановку, которую он режиссировал за долгую свою театральную жизнь. Ей также достались материнская корзинка для шитья и флакон *Trapuze de Corday* с капелькой духов на дне янтарной бутылочки.

Еще Калла вовремя вспомнила, что нужно забрать ножик с красной ручкой из ящика кухонного стола. Нож был ее первым воспоминанием. Ей было четыре года, дело происходило на заднем дворе дома на Эллсворт-стрит. Мама налегала на этот ножик, деля спелый персик для дочерей летним полднем. Прелестные руки Винченцы Борелли летали с проворством, лезвие ножа орудовало над фруктом, погружаясь в золотисто-розовую мякоть.

Винченца дала каждой дочери по ломтику, подцепила косточку на кончик ножа и выбросила ее на клумбу. Калла помнила, как летела косточка и как упала вдалеке. «Посмотрим, что из нее вырастет», – сказала мама. Ночью Калле приснилось дерево в саду, раскрашенное дерево-декорация из папье-маше, с коричневыми бархатными ветками, листьями из золотой фольги и ягодами, сделанными из красных стеклянных бусин. Все полагали, что художник в семье – Сэм, но именно мать Каллы разбудила в ней воображение.

Елена настаивала на столовом серебре матери, а Порция – на свадебном хрустале с каемкой из настоящего золота. Еще были лампы из итальянского алебаstra, покрытые шелковыми абажурами, и флорентийские кабинетные столики. Их сестры тоже хотели. Не чайная чашка или предмет обстановки нужны были Калле, чтобы помнить родителей. Ей оставались те инструменты, которыми они построили свои романтические мечтания. Винченца создала дом и сад, радовавшие Сэма, пока тот создавал театральные постановки, что воспевали любовь, жизнь и мужество и могли родиться только в сердце человека, живущего в любви.

Калла не ждала от сестер понимания ее чувств – они покинули этот

старый дом, театр и Саут-Филли, не оглядываясь назад. Елена и Порция беспокоились, что Калла живет прошлым, как их отец, одержима Шекспиром и не вырвется из-под его тяжелой десницы до конца дней. А Калла надеялась, что так и будет. Она хотела походить на молодого Сэма, нашедшего смысл в театре и в нем же обретшего мудрость к концу своей жизни.

По крайней мере, Елена и Порция понимали, что эта красота побудила их родителей создавать красоту. И, как вкус спелого персика, поделенного между сестрами давним летним днем, сладость воспоминаний сможет снова порадовать их. И Каллу тоже, и она будет за это благодарна. Но поскольку Калла была еще и художником, то она принимала и все остальное, ту часть плода, которую никто не хотел, – вмятины на кожуре, листья, стебель, чтобы все осмыслить. И косточку, из которой что-то могло вырасти. Во всем был смысл, и работа художника – его найти.

Гарибальди-авеню смотрелась как красная атласная лента. Вся улица была украшена геранями, выбросившими ростки из подвешенных корзинок, и кустами роз, налившихся бордовыми и сиреневыми цветами. Летняя жара превратила главную улицу Розето в оранжерею в полном расцвете. Транспаранты, приветствовавшие посла, уже сняли, сняли вымпелы с шестов и флаги с ограждений, да и скандал почти забыли. Его сменил другой – диакон сбежал с секретаршей, прихватив пожертвования из церкви Святого Роха в Мартинс-Крике.

Мэйми Конфалоне шла по дорожке к дому Минны Вильоне, неся два объемных бумажных пакета. Она нажала на звонок и стала ждать.

Вскоре появилась Минна:

– Целых два пакета?

– Я буду на побережье всю неделю. Так что купила всего вдвойне.

– Ну да. Отпуск на фабрике.

– Ради него и живу. – Мэйми проследовала за Минной в дом и на кухню.

– Куда вы едете?

– В Оушн-Сити.

Минна всплеснула руками:

– Пляж.

– Родители сняли домик на берегу. И я жду не дождусь.

– Как я любила ездить к океану!

– Так добро пожаловать. Это недалеко. Мы можем взять вас с собой. Места хватит.

– Может, в следующем году. Я хочу снова увидеть океан. – Минна улыбнулась, а Мэйми начала разгружать пакеты. – Вам не нужно это делать. Я могу сама.

– Я ведь служба доставки. От лавки Руджиеро до вашего буфета. – Мэйми выглянула в окно. – Ваш сад великолепен. Кто натянул муслин?

Сад Минны был покрыт шатром белой ткани, чтобы уберечь растения от палящего солнца и отвадить птиц, налетавших на спелые грозди.

– Эдди Даванцо.

– Какой молодец.

– Он на все руки мастер. Добрый, и красавец какой.

– Да вы в него влюблены.

– Я слишком для него стара. А вот вы – нет.

– Вы думаете, мы бы с ним подошли друг другу? – Мэйми сложила руки и наклонилась над столом.

– Таких, как он, нынче не делают. Надежный.

– Он же полицейский.

– Речь не о его работе.

– Я понимаю, Минна, но я не думала о нем в этом смысле.

– Может, стоит подумать?

– Я очень долго не была готова к романтическим отношениям. Пять лет. И даже больше. И вот однажды ночью нагрянул шторм и вынес окна в моем доме. И я снова могу дышать полной грудью. Отчаяние унеслось. Скорбь еще остается, но я уже чувствую себя иначе, могу найти для нее место, управлять ею. Она уже не вся моя жизнь, а только часть ее. Я ощущаю не только печаль. Я чувствую и все остальное.

– Тогда я очень за вас рада.

Глаза Мэйми затуманились.

– Это начало.

– Вы даете и мне надежду, – признала Минна.

– Думаете, что когда-нибудь выйдете из дома?

– Каждое утро я думаю: вот и настал тот день – и поднимаюсь, полная решимости. Я работаю в саду, стираю, готовлю подливку – словом, делаю все, что делают люди для порядка в доме. И вот уже полдень давно прошел, я устала, и моей смелости как не бывало. Тогда я говорю себе: это случится завтра.

Мэйми была знакома эта инертность. То же самое некогда происходило и с ней, за исключением того, что у нее была цель: она поклялась, что поднимет Ауги, а потом заживет для себя.

– Но мы ничего не знаем о завтра, Минна. Нам кажется, что это мы

всякий раз делаем важный выбор, но его делают за нас. Подумайте о побережье, пожалуйста.

– Я подумаю.

Мэйми быстро поцеловала Минну и ушла. Минна услышала, как захлопнулась дверь. Она подумала, не испечь ли пирог, но решила отложить на завтра. Сняв фартук, она пошла в гостиную, раздвинула шторы и поглядела в окно. Постояла у входной двери, открыла ее и вышла на веранду. Теплый воздух окутал Минну, словно кашемировая шаль.

Минна пошла по дорожке, ведущей к улице, но остановилась, не доходя до тротуара. Последняя голубая плитка сланца на дорожке была границей, отделявшей Минну от прочего мира. Стоя на ней, она могла поприветствовать соседа, забрать почту или встретить гостя. Но в это утро Минна не осталась за самшитовой изгородью, окаймлявшей клочки зеленой травы, а закрыла глаза и вышла на улицу, в первый раз за семь лет. Осторожно ступила на цементную плитку тротуара. В мыслях проносились видения: грязь, обутая в сандалию нога, ступившая в навоз. Она затрясла головой, чтобы избавиться от видений, потом открыла глаза и поглядела на ноги. Минна убедилась, что с ногами ничего не случилось, но неуверенность ее не покидала, и она крепко сжала кулаки, словно боролась с сильным беспокойством.

Минна стояла на одном месте, стояла так долго, сколько могла выдержать, несколько секунд. Вдохнула, выдохнула и попыталась справиться с приливом паники. Она слышала какофонию звуков, голоса каждого, кто говорил с ней от рождения, живых и мертвых, и все в одном громком хоре. Голова наполнилась липкими разговорами, и ее пугало, что все они старались перекричать друг друга, убеждая ее повернуться, возвратиться, спрятаться в доме. Она потрясла головой, снова уверившись, что вообразила себе эти голоса, и, значит, их можно не принимать во внимание.

Минна сделала первый шаг из своей тюрьмы. И не рухнула, а выстояла. Завтра, поклялась она, будет еще один шаг. И на следующий день, и снова, и снова, пока она не дойдет до Мэри Фарино, потом до Констанции Стампоне. Потом до почты, потом до кофейни, пока не приблизится к цели. У Минны была миссия, и более важная, чем просто сделать усилие и выйти из дома. Она верила, что исполнит ее.

Скоро, когда-нибудь она взберется на вершину Гарибальди-авеню и войдет в церковь Пресвятой Богородицы Кармельской. Там она сядет на скамью, окруженная святыми, и вдохнет аромат ладана и восковых свечей, и преклонит наконец колени пред алтарем Богородицы, помолится и

излечится.

Когда Минна вернулась в дом, видение ее самой, сидящей в церкви, снова посетило ее, и на этот раз вполне отчетливо. Завтра она сделает еще один шаг к цели.

Из конторы Эда Шонесси Каллу направили к «Фонтану морских коней», где после долгих месяцев ремонта инженер старался возобновить работу гидротехнических сооружений. На Калле был милейший летний сарафан, доставшийся ей от старшей сестры Порции. Сарафанчик был пошит из нежно-голубого хлопка, пышная юбка, банты на плечах. Калла обулась в босоножки на плоской подошве и расчесала волосы так старательно, что те сияли, как мамин золотой браслет из Сорренто, болтавшийся у нее на запястье. Калла знала, как важно выбрать правильный костюм, если уж затеваешь представление.

– Мистер Шонесси! – помахала Калла инженеру, стоя на дорожке позади фонтана. – Я Калла Борелли, из театра.

Эд никогда не признал бы в сегодняшней девушке ту женщину в заляпанной краской спецовке, которую видел в Театре Борелли. Эта красotka в платьице была воистину лакомый кусочек.

– Вы снова оживили старину Бернини. – Калла подставила руку под прохладные водяные брызги.

– Что такое Филли без фонтанов?

– Сушь, – пошутила Калла. – Мой отец мечтал разбить рядом с театром небольшой сквер и обустроить в нем фонтан. Но теперь это так и останется несбыточной мечтой, полагаю. Фрэнк только что рассказал мне о своих планах насчет театра. А вы что о них думаете?

– Ненавижу, когда на моих глазах гибнет историческая часть города.

– Эд, насколько наш старый сарай соответствует запросам нынешней публики?

– Я не знаю. Не мне судить. Это вы – человек театра, а я работаю на город.

– Наверное, слишком дорого обошлись бы его реставрация и модернизация, как вы считаете? – осторожно спросила Калла.

– Но это возможно. Вы смогли бы сделать капитальный ремонт, если бы захотели. Конечно, обошлось бы это очень недешево. Чтобы подогнать здание под нынешние нормативы, нужна полная реставрация изнутри и снаружи.

– Фрэнк так и сказал.

– Он знает, что делает.

– Это замечательно. Даже не знаю, куда бы я без него. Он не любит обременять меня серьезными решениями.

– Так он мне и сказал.

– Мне нужно сохранять разум ясным для творческих аспектов моей работы.

– Что ж, можно понять.

– А что вы думаете о его планах на земельный участок?

Эд пожал плечами:

– Он считает, что на квартиры на Брод-стрит будет хороший спрос.

Калла с трудом сглотнула.

– А вы?

– Саут-Филли нуждается в жилье. Это прибыльное дело. Фрэнк знает, как использовать возможности, как получить выгоду. – Эд повернулся к воде, наполнявшей чаши фонтана. Капли сверкали на солнце россыпью сапфиров. – Но мне невыносимо было бы увидеть, как здание в стиле *Belle Époque* сровняют с землей ради банального жилого комплекса. Я люблю историческую архитектуру, – признался Эд.

– А нет ли возможности и театр сохранить, и квартиры построить? – спросила Калла.

– Не представляю как. Да и Фрэнк говорит, что это невозможно.

Худшие опасения Каллы подтвердились. Ей стало дурно.

– Спасибо, что уделите мне время, мистер Шонесси.

Эд Шонесси прыгнул в кабину своего грузовика и уехал, а Калла присела на скамейку у фонтана.

Скульптура Бернини сверкала на солнце, а ярко-голубые волны каскадами переливались через мраморные ярусы и обрушивались в каменную чашу, под копыта резных морских коней. И Калла увидела будущее. Она представила, что фонтан превратился в груды щебня, – лет через сто, а то и меньше его не станет. Рано или поздно каждый клочок земли в городе займут высотки, дороги, запруженные транспортом, тротуары, кишачие совершенно чужими друг другу людьми. Театру Борелли не место в таком мире, если только кто-то не увидит преимуществ в его существовании. К собственному удивлению, Калла улыбнулась, вместо того чтобы упасть духом от безысходности. Сверкающие творения Бернини изменили ее настроение. Искусство стоит того, чтобы за него бороться. Театр Борелли должен выжить, и кто, как не Борелли, в ответе за это?

Труппа Театра Борелли собралась на сцене, освещенной прожекторами.

Некоторые актеры сидели на складных стульях, остальные – прямо на дощатом полу, рабочие сцены стояли. Все ждали своего директора.

Калла стремительно прошла по центральному проходу и взбежала по ступенькам на сцену.

– Спасибо, что пришли сегодня. Хочу поблагодарить вас: вы так меня поддержали, когда умер отец. Он всех вас любил, вы все очень много для него значили. Он был отличным наставником – вы знаете, что лучшего режиссера и директора быть не могло. А еще он ни разу не сказал вам ни слова неправды, и я тоже собираюсь сдержать свое обещание. Я надеюсь почтить его долгую театральную жизнь, особенно его неординарное, яркое артистическое мастерство. Не могу обещать, что буду так же хороша, но обещаю, что постараюсь изо всех сил. Вокруг витает множество слухов, но это просто сплетни. Я намерена не дать этому театру закрыться, пока это возможно. Мы продолжим ставить Шекспира, пока не станем слишком старыми, чтобы играть Лира. Итак, помните об этом и не теряйте надежды, а я верю, что смогу все уладить. Я планирую поставить следующий спектакль в ближайшие шесть недель и рассчитываю, что вы станете его частью.

Труппа взорвалась аплодисментами, сопровождаемыми бодрым топотом по сцене. Калла по очереди обняла каждого, поблагодарив за работу. Дойдя до конца шеренги, она заметила краем глаза Фрэнка Арриго, стоявшего в кулисах, и подошла к нему.

– Эй, детка, я заказал столик в «Палумбо».

– Я не пойду ужинать, Фрэнк.

– Ты занята?

– Нет. Между нами все кончено.

– В каком смысле? – Вид у Фрэнка был ошарашенный.

– В прямом. Я знаю все о твоих интригах. Не мои прелести тебя привлекали – тебя приворожил вот этот кусок земли в пол-акра на Брод-стрит с неограниченным воздушным пространством над ним.

Актеры и рабочие сцены собрались за холщовым задником, прислушиваясь.

– Не понимаю, о чем ты, – ответил Фрэнк с вызовом.

– О твоих планах купить это здание и построить на его месте жилой комплекс.

– Милая, я так говорю обо всех старых зданиях в городе.

– Но не об этом. Об этом забудь.

– Ладно, хорошо. Пусть остается театром. Делай что хочешь. – Фрэнк взял ее за руку. – Я думал, ты знаешь, что мне нужно на самом деле. У

меня очень серьезные намерения на твой счет. Это здание – просто груда кирпичей. Гвозди и дерево. Мне оно безразлично. Оно для меня не значит ровным счетом ничего. Ты для меня – все.

– Будь это правдой, ты бы понял, что значит для меня этот театр. Это не просто груда кирпичей.

– Ты знаешь, о чем я. Послушай, ты столько перенесла, ты скорбишь об отце.

– Это так. Но я не выдумываю. Просто скажи мне правду. Ты хотел выкупить это здание?

– Ладно. Конечно, хотел.

– Если бы я продавала его.

– Вот именно.

– То есть ты хотел и меня, и это здание.

– А почему бы и нет? Ты моя девушка. И я могу построить тебе театр где угодно, в любом уголке Филли. Новый театр. С ультрасовременным освещением. Звук, кресла, вестибюль – все, что только пожелаешь. И просторная стоянка в придачу.

– Все, кроме истории.

– Тебе нужно новое здание. Современное оборудование. Что-то новое, поразительное, чтобы завлечь публику. Предоставь мне возможность дать тебе все, чего ты хочешь.

– У меня это уже есть. Каждый раз, когда я вхожу в эту дверь на сцену, я вижу отца. Когда я выглядываю в партер, я вижу маму, которая сидит тихонечко и подшивает подол костюма, пока идет репетиция. Я бросаю взгляд на бельэтаж и вижу сестер, маленьких девочек, которые носятся туда-сюда между креслами. Я помню каждую постановку – успешные или провальные, для меня они были одинаково зрелищными. Мое детство осталось в этом театре, и теперь этот театр – моя жизнь. Было бы так приятно разделить эту жизнь с тобой.

– Так давай, давай разделим.

– Но я больше этого не хочу, Фрэнк, – сказала Калла спокойно. – Ты провалил пробу на роль. Твоя игра была недостоверна.

Минуту Фрэнк обдумывал ее слова.

– Ты это серьезно?

– Абсолютно, – сказала она, и голос ее сорвался. Но печаль не поколебала ее решимости.

– Ты совершаешь ошибку.

– Возможно.

– Без меня ты не выживешь.

– А как я до сих пор выживала?

– Ты не справляешься, Калла.

– Возможно, по твоим меркам и нет. Но я каждый день встаю, иду на работу и занимаюсь делом, которое люблю. Каждую неделю я плачу жалованье семнадцати актерам, а во время крупной постановки доходит и до сорока. Мне кажется, я неплохо справляюсь.

Фрэнк Арриго вышел из театра. Похоже, все мужчины, которых Калла любила, покинули ее за последнее время. Впрочем, на этот раз все было иначе. На этот раз именно она указала джентльмену на дверь.

Калла вернулась на сцену, и оказалось, что все ждут ее. По выражениям лиц она поняла, что они слышали весь разговор. Будто дети, подслушавшие родительскую ссору через стенку, они знали правду. Калла была продюсером, режиссером и матерью для этой труппы талантливых полупрофессионалов, любивших Театр Борелли так же сильно, как и она. Она знала все их тайны, понимала их. А в ту самую минуту им нужна была ее поддержка.

Днем актер может водить грузовик с газировкой, помощник костюмера может стоять за паровым прессом на блузочной фабрике, актриса – нянчить шестерых детей и посменно трудиться в пышечной, но по вечерам они приходили в Театр Борелли, надевали костюмы, накладывали грим и становились труппой актеров, которая выходила на сцену, озаренная разноцветными лучами, и разыгрывала пьесы Уильяма Шекспира. Там, за бархатным занавесом, у них начиналась другая жизнь. Они ускользали из настоящего в другое место и время, чтобы разобраться в словах, написанных человеком давно умершим, но каким-то образом все понимавшим. Это был не просто театр, и процесс для них не был просто шоу-бизнесом или развлечением, это был их шанс приобщиться к поэзии, стать ее частью.

Интерлюдия

29 октября 1949 г.

Розето-Вальфорторе, Италия

Шелковая занавеска вздувалась внутрь спальни палатки, как юбка бального платья в разгар танца. Ники крест-накрест зашнуровал рабочие ботинки, крепко завязал вверху двойным узелком, встал и прошелся по комнате. Ботинки сидели отлично, не слишком плотно, – этой премудрости со шнурками, как и многим другим, он научился в армии, и она не раз сослужила ему добрую службу.

Он подошел к занавескам и закрепил их, заправив за крюк. Застекленные двери вели на балкон, Ники открыл их и вышел. Солнце взмывало над горой на востоке. Он представил кобальтовую синь Адриатики за горой и улыбнулся. Как же отличается эта поездка от той, первой, сразу после войны. Есть в мирном времени некая элегантность, обходительность, учтивость, что способен оценить только солдат, побывавший на полях жестоких сражений. Чайная ложка меда на горячем хлебе была золотом. Ледяная вода из родника, не замутненного ни серой, ни шрапнелью, – эликсиром. Чистейший воздух, шелестевший точно шелк, ласкающий женскую кожу, был наслаждением.

Италия изменила Ники Кастоне в лучшую сторону.

Он потянулся и вдохнул полной грудью. Если война выстроила мускулатуру его ног, то укладывание камней в Розето-Вальфорторе вылепило его руки. Епитимья придала ему сил, только подлинное раскаяние способно на такое. Грешник отбрасывает эгоистические побуждения, и тогда проявляется истинная цель.

Ники облокотился на чугунные перила террасы. Его бицепсы обрели точеный рельеф микеланджеловских статуй. Плечи раздались, талия сузилась, а сознание прояснилось. Работа над дорогой почти завершилась, а значит, скоро пора возвращаться домой. Нельзя сказать, что ему не терпелось покинуть Италию, но он был полон решимости взять все, чему он здесь научился, и изменить свою жизнь.

Урожай плодов со смоковниц на склонах холмов вокруг Розето-Вальфорторе был уже почти весь собран. Осень в Апулии – пора лихорадочных приготовлений к зиме: розетанцы засаливают и вялят мясо,

варят твердые сыры, которые будут храниться долгие месяцы бесплодных холодов. Тем утром народ с корзинами наперевес рассыпался по холмам, снимая последние фиги с почти пустых ветвей. Часть будет порезана и съедена сейчас же. Ники довелось полакомиться фигами со свежей зеленью, лимонным соком и солью. Из нескольких бушелей в каждом семействе варили джем, а остальное высушивали, резали колечками и хранили в марлевых мешочках, чтобы потом испечь печенье с инжиром или подать с вяленным мясом, когда небеса разразятся снегами.

В дверь тихонько постучали. Ники откликнулся.

– *Finalmente!*^[95]

В дверях стоял посол. Счастье пополам с грустью сквозило в его взгляде, если такое вообще возможно.

– Пройдемся сегодня по новой дороге? – спросил его Ники, помогая себе жестами и мимикой. – *Andiamo Spadone!*^[96]

– *Si.* – Карло помаршировал на месте, показывая, что пройдет каждый шаг.

Карло Гуардинфанте и Ники Кастоне повстречались при крайне странных обстоятельствах, но их сближало какое-то необъяснимое родство. Может быть, оба втайне тосковали по нерожденному брату, а встретившись, признали друг друга. Как бы то ни было, их дружба выросла и окрепла за эти месяцы так, что они сами удивлялись.

Жители итальянского Розето считали их встречу чудом. *Gemelli!* Близнецы, давным-давно разлученные, воссоединились, преодолев океан. Для итальянцев это было явное подтверждение Божьего промысла на земле.

С точки зрения американской стороны это было жульничество. Ники разыграл роль в водевиле, а появился настоящий посол – и полиция тут как тут. Забавно? Не тут-то было. Вот если бы он довел дело до конца и сбежал из города, тогда – да, это было бы жуть как забавно. Это было бы по-американски.

А для Ники и Карло это было нечто большее. Ники не продвинулся в итальянском, а Карло не выучил английский, так что общались они, как общаются дети, копируя поведение, подавая и принимая сигналы, жестами, звуками, покатываясь со смеху. Взаимная эмпатия стала их общим языком. И не было ни малейших сомнений в их дружбе, когда они вместе шли по дороге во время *la passeggiata*^[97]. Жители Розето провожали их восхищенными взглядами. Преданность – глубокая река симпатии, чьи воды текут в русле осознания, что один брат всегда готов жизнь отдать за

другого, – была первоосновой любой итальянской семьи. В этом смысле Карло и Ники были братьями.

Для похода вниз по новой дороге посол обул рабочие ботинки, надел замшевую рубашку и шерстяные штаны. Ники подхватил с набалдашника на спинке стула соломенную шляпу с обвязанной платком тульей и дал понять, что готов следовать за Карло.

Под горой на краю площади, там, где начинался въезд на дорогу к Розето-Вальфорторе, бригада рабочих из пенсильванского Розето торопливо завершала работы. Они трудились бок о бок с местными мужчинами, чтобы построить в Италии дорогу, как в Америке. Их умения и навыки пересекли Атлантику. Руководил ими Рокко Тутолола, он был их лидером.

Все-таки не зря Рокко Тутололу избрали бургомистром подавляющим большинством голосов. Он умел общаться с людьми, знал их нужды (водопроводы, парковки, дороги), он умел планировать, умел доводить работу до конца, умел окрылять, побуждая людей использовать свои таланты для достижения цели. Но у этого хорошего человека была слабость – охота к перемене мест, которую могли утолить лишь долгие часы общения с женщинами в баре «Каменный краб» в Ист-Страудсберге, штат Пенсильвания. Однако после нескольких месяцев разлуки с Чачей, жарясь на раскаленном солнце, ворочая камни грязными заскорузлыми руками, он принял решение вдохнуть новую жизнь в отношения с женой, о чем и писал ей страстные письма, которые она неделями читала и перечитывала в слезах, поднимаясь по крутому склону Гарибальди-авеню. Она ходила вверх и вниз по улице, развивая свои чувства, вчитываясь в мысли мужа, пылко выписанные темно-синими чернилами на папиросной бумаге.

Рокко вернется к прелестной девушке, на которой женился когда-то. Чача обрела свою прежнюю фигуру и нрав, но теперь у нее было еще преимущество опыта, умение затягивать гайки, когда нужно. Она знала, как сделать Рокко счастливым. А его письма убеждали Чачу в том, что он готов сделать то же самое для нее.

– Эй, Фунци! – позвал Рокко, идя вниз по дороге.

Он проверил водостоки, вырытые по обе стороны сверху донизу, для того чтобы уберечь дорогу от грядущих разливов реки Форторе. Много времени понадобилось, чтобы соорудить эти дренажные каналы, им пришлось задержаться еще на два месяца, зато теперь американцы были уверены, что дорога в полной безопасности.

Фунци поднялся, вынул из кармана платок, вытер руки и поглядел на

творение этих самых рук. Он подошел к Рокко, встал рядом с ним и указал на ровнехонький перекресток:

– Ну что? Неплохо для уборщика, да?

Рокко глянул и улыбнулся.

– Как думаешь, что посол скажет?

– А что он может сказать? Дело сделано.

Фунци установил знак у въезда и среди прочего местного булыжника выложил камни, на которых вручную были высечены буквы. РОЗЕТОПА – гласила надпись от бровки до бровки.

Рокко свистнул остальным рабочим бригады из восьми американцев, и те спустились к ним по новой дороге. Все поглядели наверх и увидели Ники и посла, которые были на полпути к ним. Рокко широко улыбнулся. Он был счастлив, что работа окончена, и был доволен ее качеством. Все было сделано согласно общей философии Розето, итальянского и американского, – каждый внес свою лепту сколько мог: немного наличных от Ники Кастоне, чуть больше – от лотереи на банкете с «кадиллаком», итальянцы подсобрали своих лир, и все таскали камни, кто сколько мог поднять и нести, – и вскоре дорогу построили.

– Славная работа, ребята! – восхитился Рокко.

– Иногда приходится закатать рукава, – сказал Фунци, стоя позади него и обозревая дорогу, которая оплетала склоны холма, врезаясь в его изгибы и рельефы, словно шнуровка корсета.

– Соскучился по дому?

– Пожалуй, да, – признался Фунци.

– Но ведь и это дом. Все мы вышли отсюда, – напомнил Рокко.

– Дом моих родителей. И я думаю, что место, где они жили, когда я был ребенком, родное и для меня. Но дайте мне Розето в штате Пенсильвания, верните мне мое крыльцо на Честнат-стрит. Я скучаю по субботним карточным играм в клубе Маркони. Мне по душе Гари Трумэн, и мне нравятся «Доджеры». Летом мы ездим на побережье в Джерси, а зимой в Поконо. Что еще-то нужно человеку для счастья?

Италия, отчизна, была для этих людей лишь далеким пейзажем мечты. Теперь их домом была Америка, но едва ли розетанцы смогут забыть эту мечту.

Ники и Карло воссоединились с рабочими у подножия горы. Они оглянулись с благоговением на пройденный путь, озирая великолепие пурпурной ленты из природного камня, змеившейся от основания горы до самого ее верха, словно королевская перевязь. Ники машинально сдернул шляпу, посол тоже обнажил голову, словно они стояли в храме, выражая

почтение и трепет.

Американцы сделали все, что обещали: расширили мостовую на поворотах, укрепили основание дополнительными слоями щебня и песка, чтобы вода быстрее просачивалась в дождливую погоду, обрамили края современными дренажными канавами, чтобы новую дорогу снова не смыло при очередном разливе реки Форторе.

Но Карло больше всего впечатляла искусная диагональ пурпурных камней. А что за чудесный въезд на площадь! Итальянская красота в сочетании с американским мастерством, которые вместе сохранятся на веки вечные.

– Какое сегодня число? – спросил Ники.

– Двадцать девятое октября.

– День моей свадьбы.

– Поздравляем, – забубнили работяги.

– *Dove è la tua bella sposa?*^[98] – поинтересовался Карло.

– В Филадельфии, – ответил Ники.

– Может, вернувшись домой, все уладишь? Попросишь прощения, – предложил Рокко.

– А то оставайся в Италии, живи холостяком, глядишь, и прибавишь себе лет двадцать жизни, – проскрипел Фунци.

– Ни так ни этак, парни, – заверил их Ники.

Слуга Карло вывел на новую дорогу деревенский грузовичок без бортов.

– Полезайте в кузов. Поедем есть-пить и праздновать, – сказал Ники. Бригада устроилась в кузове, и Ники прибавил: – А потом мы поедем домой.

Карло сел рядом с водителем в кабине. Американцы сидели позади него, их ноги болтались и стучали о край платформы, когда грузовик делал разворот, чтобы отправиться на гору.

– А гладко ехать, – заметил Фунци.

Ники сидел, опираясь сзади на руки. Они ехали в гору, и дорога под ними разворачивалась длинной лентой. Каждый камень, уложенный тяжким трудом их рук, приближал Ники к его правде. Не место ему было в Италии, хотя он испытывал родственные чувства к местным жителям и ему нравилась природа итальянской глубинки. Не место ему было и в Розето, что в штате Пенсильвания, где все напоминало бы о его глупости, раскаянии и искуплении, хотя без них не было бы дня сегодняшнего. Он не мог вернуться на улицы Саут-Филли, водить «четверку» и жить в подвале на Монтроуз-стрит, как будто всего этого не происходило. Он вырос из

своих ботинок. Его старая жизнь осталась с парнем, носившим «Флоршеймы».

Ники решил поехать в Нью-Йорк и воплотить свою мечту стать актером. Там он будет жить, и там он будет играть на сцене. Только это делало его жизнь наполненной, волнующей, внушало ему тревоги и опасения, только это заставляло его чувствовать себя живым. Своими сожалениями Ники вымостил дорогу на Розето-Вальфорторе. Он искупил свои прегрешения, когда таскал мешки с песком, выравнивал щебенку и укладывал бульжники. Теперь он был готов строить новую дорогу – ту, что приведет его в новую жизнь.

Ники стоял в подвальной кухне на Монтроуз-стрит, 810, вдыхая аромат свежей вермишели, длинными полосками сушившейся на деревянных перекладинах. Ему будет не хватать женских звуков этого дома, их возни во время приготовления макарон, их болтовни, шушуканья и смеха.

Он будет скучать по голосу тети Джо, подпевающей песням по радио во время вечерней передачи «Филли в эфире». Он надеялся, что никогда не забудет рабочий стол, на котором готовились макароны, и тетю Джо, которая точно знала, сколько горстей муки нужно, чтобы сделать вулканчик, который Ники потом низвергал ложкой. Когда в центре вулкана был готов кратер, тетя Джо разбивала туда яйцо и позволяла Ники мешать желтки и муку, пока не получалась клейкая масса, которую она потом сама вымешивала руками.

Под этим окном оставалась в прошлом его мама, озаренная светом. Вся она мерцала и переливалась. Мерцали мамины золотые серьги, мерцала брошка на платье, мерцала заколка в ее волосах, монетка, которую она давала Ники положить в свинку-копилку. Ники грустно было оставлять в прошлом эту комнату – святилище его воспоминаний. Он затворил деревянную дверь между кухней и своей спальней.

Ники положил последний предмет одежды в чемодан. Униформу и фуражку компании «Вестерн Юнион» он повесил в шкаф, на случай, если они понадобятся его сменщику.

– Ты хоть знаешь, куда едешь? – спросила Эльза.

– Я нашел жилье, – солгал Ники.

– Ты в самом деле нас бросишь? – вздохнула Эльза и присела на краешек его кровати.

Ники будет скучать по голосу Эльзы, по ее грациозным движениям. Она была его любимой невесткой. И оба они это знали.

– Эльза, я думаю, что пришло мое время. Семье нужно больше места, а

мне нужно двигаться вперед.

Мэйбл и Лина вместе вошли в комнату.

– Что это за внезапные переезды? – спросила Лина.

– Я же просто так дразнила тебя насчет твоей комнаты, – сказала Мэйбл. – У нас наверху куча места!

– Просто пришло время мне повзрослеть и найти свой путь. Я хочу быть актером, хочу участвовать в пробах на роли, играть в самых разных пьесах, поэтому я должен перебраться в Нью-Йорк.

– Тебе вовсе не нужно покидать этот дом. – Тетя Джо принесла Ники стопку отглаженных носовых платков и положила их в чемодан.

– Я знаю, тетя Джо, и очень признателен вам. Если бы я только мог упаковать вас всех и забрать с собой, я бы так и сделал.

– Мой брат жил с мамой до самой своей смерти, – сказала тетя Джо, теребя подол фартука.

– Ма, это неудачный пример. – В комнату вошел Доминик с сыном на руках. Он передал мальчика Эльзе и сел в кресло-качалку. – Дядя Джимми упал с крыши и приземлился на голову, когда ему было пятнадцать. И с тех пор был не в себе. Он просто *не мог* покинуть родительский дом. Как можно его сравнивать с Ники?

– Я просто привела пример, когда человек не уехал из дому, вот и все, – парировала тетя Джо.

– Ничего тут обидного! – заверил ее Ники. – Ни для меня, ни для дяди Джимми.

В людную комнату просочился Джо.

– Когда ты к нам вернешься, а ты вернешься, не вздумай притащить сюда нью-йоркскую куколку.

– Да, пожалуйста, не привози! – подхватила Мэйбл. – Слишком уж они остры.

– Ни за что! Только девушки из Филли, девушки из Джерси и польские девушки, – пообещал Ники. – И не забудем ирландских девушек. С ними никто не сравнится.

– А чем плохи девушки из Нью-Йорка? У меня кузины в Бруклине, – заартачилась Лина.

– Не обижайся, они не имели в виду твоих кузин. – Нино сел рядом с женой на кровать. – У тебя вообще все семейство святое.

– А я-то голову ломаю, куда вы все запропалились? – сказал дядя Дом, семеня в комнату. Тихо похрустывало его больное колено. Доминик-младший встал, уступив отцу кресло-качалку.

– Это потому, что вы никогда не спускаетесь в подвал. Тут мы

стряпаем, папа. Закрываем помидоры и замачиваем персики в вине, – фыркнула Мэйбл.

– Я знаю, где что делается в этом доме.

– А кто это все делает, знаешь? – пошутила Джо.

– Да, Джоанна, между прочим, знаю.

– Мог бы хоть иногда выразить свое одобрение.

– Что тебе еще надо? Я и так на тебя пашу как проклятый.

– Ну вот, пошло-поехало, – сказал Джо себе под нос.

– У тебя самые лучшие кухонные придамбасы. Лучшая техника.

Дом потряс руками.

– Они сами не делают работу, Доминик.

– Я веду отличное дело, чтобы твои сынки и их семьи были при тебе.

– Это правда.

– Я для тебя этот телеграф обустроил!

– Тоже мне подарок.

– Я бы предпочла какое-то украшение, – хмыкнула Мэйбл.

Девушки засмеялись.

– Нет, это был лучший подарок, который сделал мне муж за всю нашу совместную жизнь. Я не хотела, чтобы кто-то чужой постучал в дверь и сообщил мне, что мой сын погиб на войне. А «Вестерн Юнион» принес нам удачу. Вы все вернулись домой.

Джо поцеловала Дома в макушку.

– Действительно, вернулись, – сказал Джо, задумавшись о причудах фортуны.

– Я живу для тебя, Джо. Посмотри на меня. Подарок, а не муж. Сплошное удовольствие. И в постели я так же хорош, как в медовый месяц.

Сыновья издали дружный стон отвращения. Огорошенная Мэйбл уставилась в пространство стеклянным взглядом. Лина старательно разглядывала свои ногти, а Эльза покачала головой.

– И это тоже истинная правда, – признала тетя Джо.

– Дядя Дом, я счастлив за вас; тетя Джо, сочувствую. – Ники положил бумажник в карман. – Но, несмотря на все, что вы для меня сделали, вы не можете удержать своего Ники возле себя.

– Я пытался, – сказал Дом.

– Да. Дядя предложил мне все рейсы в аэропорт, какие осилю. Это было очень заманчиво.

Ники захлопнул чемодан.

– Как же ты можешь уехать от нас? – удивился Нино. – Мы же так славно жили вместе все это время.

– Я буду вас навещать. Нью-Йорк близко. Надеюсь, вы приедете на мою первую пьесу?

– Сообщи мне дату, время и место, я подниму в ружье АФТ-КПП^[99] Нью-Йорка, и мы забьем тебе зал до отказа.

– Спасибо, дядя Дом.

– Если тебе что-то понадобится, ты же нам сообщишь? – Голос у Эльзы дрогнул. С самого ее появления на Монтроуз-стрит, 810 именно Ники помогал ей чувствовать себя здесь как дома. Эльза больше всех будет скучать по нему.

– Ты можешь кое-что для меня сделать.

– Ну конечно! – обрадовалась Эльза.

– Ты такая молодчина. Ты ходишь на мессу каждое воскресенье, а потом раздаешь там пончики. Ты гладишь алтарные покровы и облачение священника и плетешь венки из роз на каждый Майский праздник.

– А как она украшает цветами алтарь, – прибавила тетя Джо с благодарностью.

– Наверное, люди считают тебя католичкой, – сказал Ники.

Эльза вспыхнула.

– Но как же твои традиции, как быть с верой, в которой ты воспитывалась и жила?

– Эльза любит наши праздники, скажи, Эльза? – спросила Мэйбл.

Эльза кивнула.

– Куда ты клонишь-то, Ники? – нетерпеливо спросил Доминик.

– Эльза, я хочу сказать: то, откуда ты и кто ты, так же важно, как то, откуда мы и кто мы. Это очень много значит. Я остался сиротой, и дядя Дом и тетя Джо заменили мне родителей. Их сыновья для меня как родные братья. И все, что я делал, я делал не потому что мне этого хотелось, а потому что мне было необходимо угодить хорошим людям, которые были так добры ко мне и позволили мне остаться у них. Я был так благодарен им, что совершенно не думал о том, чего же хочу я сам. И я так боготворил Доминика, Джо и Нино, что хотел быть точно таким, как они, и прятал свою истинную душу. Но, оказывается, сколько ни скрывай свою суть, она все равно проявится. И правда, запрятанная глубоко-глубоко, сыграет с тобой коварную шутку, своим неожиданным явлением ранит тех, кто тебе дорог. Так что простите меня за это. Но не за признание правды. Я понял, что нет смысла что-то скрывать. Ты такая, какая есть, и мы тебя любим за это. Здесь ты можешь быть собой. Ведь в этом суть настоящей семьи. Здесь ты в безопасности. Так вот, прежде чем уехать, я просто хочу сказать, пусть все узнают, кто ты. Ты этого заслуживаешь. Будь еврейкой.

– Эльза и так еврейка. Доминик привез ее из лагеря, – мягко возразила тетя Джо.

– Не надо вспоминать о лагере, тетя Джо, – попросил Ники. – Ей больно это слышать, разве вы не видите?

– Тебе больно? – спросила Эльзу тетя Джо.

– Когда вы вспоминаете лагерь, словно это место, откуда я родом, да – мне больно. Я не из лагеря. Я из Ланцкороны – местечка на юге Польши, под Краковом.

– Краков – большой город, – заметила Мэйбл.

– А наше местечко небольшое. Мой отец работал учителем. Его звали Бен. Мы жили по адресу Грис, 15 в доме цвета медового пряника со светло-зеленой отделкой. В саду у нас был родник и росли четыре груши.

– Прямо как картинка из книжки, – сказала Лина.

– Так и было. У меня были две сестры. Ада и Эдит. Ада была красавица, а Эдит – забавница и шутница. Маму звали Анна. Она учила игре на скрипке. Я никогда скрипки в руки не брала, потому что нерадивые ученики заставили меня возненавидеть эти звуки. У меня была не жизнь, а сказка, но постепенно все изменилось. Медленно, не сразу, как дырка в крыше, оставленная без внимания. Сначала она разрушает одну комнату, а со временем – и весь дом. Крохотные перемены, незаметные сдвиги, не вызывающие тревоги. Ты не замечаешь их, ведь они не кажутся важными. Нас было очень мало в Ланцкороне, и на праздники мы ездили в Броды, потому что там была синагога. Дома мы соблюдали Шаббат и все наши традиции, возносили наши молитвы. Отец получал государственные предписания и послушно исполнял все, что от него требовали, – и опять без малейшей оглядки. Он продолжал преподавать и не замечал никаких странностей до тех пор, пока однажды его не уволили с должности, где он проработал двадцать семь лет, выгнали без всякого повода. Внезапно мы перестали получать письма и газеты, нам пришлось самим забирать их на почте. Мама заказывала к праздничному столу определенные продукты, но однажды мясник не продал ей говядину, а булочник отказался испечь нам халы. Мы были уверены, что совершили что-то плохое, оскорбили чем-то наших друзей. Мы не знали, что такое происходит повсюду. А может, и подозревали, но отказывались в это верить.

Мэйбл протянула к ней руку:

– Что случилось с твоей семьей?

– Нас разлучили в Дахау. Я молилась только о том, чтобы они остались вместе. Доминик выяснил, что с ними стало.

– Они остались вместе, – тихо произнес Доминик.

– Доминик нашел меня в рабочем лагере.

– Из всей семьи пощадили только Эльзу.

– Мне очень жаль тебя, Доминик, – сказала Эльза мужу.

– Почему?

– Ты должен был жениться на хорошей американской девушке. Милой девушке из Филли. Ты заслуживал любви счастливой девушки, а встретил безнадежную.

– Мне не нужны были местные девчонки. Мне нужна была только ты. Ничего бы не изменилось, если бы мы встретились на набережной в Атлантик-Сити или если бы я нашел тебя с блокнотом для танцев в руках и цветком в волосах на балу «Рыцарей Колумба».

– Маловероятно. Еврейские девушки не ходят к ним на балы, – заметил дядя Дом.

– Ладно. Где бы это ни случилось, при каких бы обстоятельствах я тебя ни встретил, я все равно влюбился бы в тебя. Ты моя жена. Ты мать моего сына.

– Я хочу ходить в синагогу, – тихо попросила Эльза.

Все примолкли. И все внезапно почувствовали, что в комнате очень жарко. Нино дотянулся до окна и распахнул его.

– Хорошо. И я пойду с тобой. И малыша возьмем, – пообещал Доминик.

В комнате стояла тишина, слышно было только, как поскрипывает кресло-качалка под дядей Домом. Наконец тетя Джо сказала:

– А как же Рождество?

– А что Рождество, Ма?

– Это семейный праздник.

– Так давайте праздновать с Эльзой и ее праздники тоже, тетя Джо.

– Нельзя быть и тем и этим – католичкой и еврейкой одновременно. Тебе надо выбрать. И мальчишку с толку нельзя сбивать. – Дядя Дом стукнул кулаком по подлокотнику для пущей убедительности.

– Тетя Джо истинно верующая. А вы, дядя Дом, ни разу не были в церкви. Вашим мальчишкам не пришлось выбирать, быть им католиками или последовать вашему примеру. Почему же ваш внук должен делать выбор? – спросил Ники.

– А почему нельзя быть и тем и другим? – спросила Лина.

– Когда католики женятся на ком-то из другой конфессии, их отлучают от церкви. Моя кузина вышла замуж за разведенного пресвитерианина, так это было похлеще, чем связаться с бандитом, – сказала Мэйбл встревоженно.

– Я полагаю, после того, что Эльза вынесла, она имеет право выбора, –

сказал Ники.

– Будем праздновать весь год без остановки, – нахохлился дядя Дом.

– Так и что? У вас теперь есть лишняя комната, чтобы готовить креплах, – улыбнулся Ники. – Вот эта.

– А что скажет отец Мариани? – поинтересовалась Мэйбл. – Он может быть таким занудой и педантом. Не позволил моей кузине Нудди Финелли венчаться в платье с прозрачными рукавами, заявил, что оно слишком откровенное. Сказал, что это оскорбит Иисуса. А что он скажет о двух религиях в одной семье?

– Мы с Домом навестим его с бутылочкой граппы и все объясним. Он согласится с нашей... ситуацией...

– Новой традицией, – подсказал Ники.

– А если не согласится, папочка построит ему новый приходской флигель. Правда, Дом?

– Все в итоге сводится к пожертвованиям. Никогда не забывайте об этом. Все сводится к этой тарелке. Дашь матери-церкви палец – она всю руку отхватит, – подтвердил дядя Дом.

– Ну, теперь, когда вы нам разъяснили, как мы зарабатываем вечное спасение, запишусь-ка я на новенну, – сказала Мэйбл.

– Запишись. И помолись за меня там. Потому что я за тебя молюсь. Может, я и не хожу в церковь, но она у меня вот здесь. – Дом стукнул себя кулаком в грудь.

– Ну, мне пора двигаться, так что вы можете тут поспорить, кому достанется моя комната. И кроме того, если я сейчас же не уберусь отсюда, кое-кто родит еще одного ребенка, и тогда прощание затянется до бесконечности.

Ники обнял всех кузенов по очереди. Мэйбл, которая, как все полагали, была сделана из чего-то покрепче стали корпорации «Бетлехейм-стил», вдруг ударилась в слезы и не могла успокоиться. Джио крепко прижал к себе жену.

– Спасибо, – прошептала Эльза Ники на ухо.

– Они хорошо это приняли.

– Как ты подгадал время?

– Волшебное средство было у тебя уже давно.

– Правда? – Глаза Эльзы расширились от удивления.

Ники посмотрел на дядю Дома, державшего на руках своего первого внука, крошку Дома, пока Доминик-младший пестовал малыша.

– Маленький урок итальянского для польской девушки: мать принца – навсегда королева.

Ники обнял Эльзу и подхватил свой чемодан.

Тетя Джо окликнула его:

– погоди! У нас есть для тебя подарок.

Джио появился в дверях, неся в руках большую коробку, перевязанную бантом. Кузены и их жены захопали в ладоши, пока Ники развязывал бант. Он поднял крышку – в коробке оказался полный обеденный сервиз на двенадцать персон. Белый фаянс, окантованный венчиками из маргариток.

– Хотели подарить тебе его на свадьбу, да свадьба – тью-тью! – брякнула Мэйбл.

– Спасибо, тетя Джо!

– Ты не ее благодари. Скажи спасибо Первому национальному банку Филадельфии.

Ники медленно взбирался по лестнице с коробкой в одной руке и чемоданом в другой. Родня гуськом шла за ним следом, пока они не выбрались все вместе на верхнюю кухню – на белый свет.

– А знаешь, у него не такая уж плохая комната, – сказал дядя Дом тете Джо, карабкаясь следом за ней по лестнице. – Мы могли бы ее сдавать.

– Даже не мечтай!

– Может, устроим там любовное гнездышко? – Дом ущипнул жену за попку.

– Тогда уж лучше давай ее сдадим.

Семейство проводило Ники до самой двери. Проходя через столовую, Ники опустился на колени перед креслом бабушки, дремавшей под пледом.

– Бабушка, это я, Ники!

Бабушка открыла глаза.

– Я уезжаю. Собираюсь начать новую жизнь. Я еду в Нью-Йорк, чтобы стать актером.

– Будь хорошим, но никому не лижи задницу, – промолвила бабушка и снова провалилась в сон.

– Вот она, вековая мудрость, – сказал дядя Дом. – Всех вас касается.

Ники нес коробку с посудой на правом плече, а чемодан – на левом, стараясь сохранить равновесие. Спускаясь с крыльца на Монтроуз-стрит, он увидел, что на тротуаре его поджидает Гортензия.

– Ясенько! Улизнуть собрался?

– Нет. Я хотел заскочить.

– Не ври. Ты оставил ключи на крючке в конторе.

– Да, я собирался улизнуть, – признался Ники с глуповатым видом.

– Не хотел меня расстраивать, да? Представляешь, я и сама этого не

люблю.

– Я не знаю, куда еду, и не вынесу всех этих расспросов еще раз.

– Ты едешь в Нью-Йорк, где найдешь друзей и занятие, которое сделает тебя счастливым.

– Хорошо бы.

– Ты обязан это сделать.

– Неужто обязан?

– Потому что ты все порушил в Филли, потому что нас выпустили на поруки из Розето, и другого выбора у тебя нет. Тебе больше нечего сжечь на Восточном побережье, так что остается сделаться человеком в Нью-Йорке.

– Теперь я чувствую себя еще ужаснее.

– Прекрати. Я верю в тебя, мистер Кастоне. И ты способен на великие дела.

– Уверен, что вы это говорите всем рабочим лошадкам, выходящим из нашего стойла.

– До сих пор никто его не покидал.

– Наверное, хорошая компания.

– Была. В иные времена лучше ее не было. Но теперь, как всегда, все когда-то новое уже поизносилось. Это жизнь. Таков белый свет. Так уж он устроен.

– Навестите меня на Манхэттене?

– А как же.

– Я серьезно.

– Я понимаю, что серьезно.

Подкатил Нино на «тройке»:

– Поехали, кузен.

Ники положил чемодан и коробку в багажник такси и сел рядом с Нино.

– Берегите себя, – напутствовала Гортензия обоих. – Движение у станции всегда немного чокнутое.

– Я знаю, миссис Муни.

Нино выехал на улицу. Ники оглянулся на Гортензию. Она все еще стояла на тротуаре, провожая их взглядом, когда Нино завернул на Девятую улицу.

– Нино, можем мы заскочить на Брод? Мне нужно забежать в Театр Борелли.

– Нет проблем.

– Вот здесь заверни.

Ники вышел из такси. Желтовато-бурые листья хрустели под ногами. Он взобрался по ступенькам к служебному входу. Засохшие ветки сирени скручивались у двери, такие же серые, как водосточные трубы. Ники подумал, что все тут выглядит таким ветхим, и опечалился.

На сцене работники раскрашивали декорации на стене. Ники осматривался, пока не заметил Каллу – она сидела скрестив ноги на столике для реквизита, погруженная в сценарий. И его пронзила острая боль сожалений.

– Извини, что я не заходил с тех пор, как вернулся из Италии.

Калла оторвалась от сценария. Сначала она обрадовалась, увидев его, потом ее настроение изменилось.

– Я знаю, ты был занят. Мы все заняты. Говорят, ты уезжаешь в Нью-Йорк.

– Ага.

– Когда?

Он посмотрел на часы:

– Поезд в четыре десять.

– Ты нечто, Ники Кастоне. И ты только собрался мне об этом сообщить?

– Ну вот же, я заехал попрощаться.

– Прощай, Ники.

Она вернулась к сценарию.

– Передай привет Фрэнку, – сказал он.

Калла отложила сценарий и взглянула на него:

– Сам передавай.

– Что это значит?

– Я с ним порвала несколько месяцев тому. Когда ты был в Италии.

– Но ты же собиралась за него замуж.

– Он попытался продать театр у меня за спиной. Решил все снести и построить жилой комплекс.

– Мне очень жаль.

Ники вдруг почувствовал себя беспомощным. И загнанным в ловушку. И, странным образом, ответственным за случившееся.

Калла по лицу прочла его чувства.

– Я уже пережила это.

– Но почему он хотел это сделать?

– А почему человек может причинить зло тому, кто ему якобы небезразличен?

– Я не знаю.

– Если узнаешь, сообщи и мне. Ответа я не нашла ни в одном из шекспировских томов. А я искала.

Ники чувствовал себя ужасно.

– Калла, я... – Его голос дрогнул.

Калла уже предчувствовала, как сейчас заведутся и раскрутятся оправдания, так что подняла руку, пока он не начал унижать себя и злить ее.

– Это самое худшее исполнение роли верного друга, которое я когда-либо видела. Придержи его для режиссеров Нью-Йорка, они доверят тебе нести всякую чушь.

Калла склонила голову и вернулась к сценарию.

Ники был взбешен. Он так спешил попрощаться со старым другом и наконец-то совершить хоть один правильный поступок в жизни, но вот что из этого вышло... Он пересек сцену, чтобы уйти. Слышно было, как Нино лупит по клаксону. Ники посмотрел на часы. Он уже почти опоздал. Но разъярился он вовсе не потому, что боялся пропустить поезд. Плевать он хотел, если теперь ему придется идти в Нью-Йорк пешком с сервизом на спине. Да как она смеет?

Он повернулся и пошел к столику для реквизита, вырвал сценарий из рук Каллы и швырнул его на пол. Он хотел распрощаться с ней навсегда, но взглянул на нее и увидел, что глаза у нее мокрые, – наверное, из-за осенней пыльцы, кто знает? Но губы Каллы были сжаты, как у императрицы, готовой кликнуть палача. Ники злился на нее, потому что она была лучшей девушкой из всех, кого он знал, и у нее хватило духу считать, что он сам несет ответственность за свое поведение. Он подхватил ее со стола, обнял и поцеловал.

Ноги Каллы не касались пола, она витала у него в руках. Но когда он осторожно спустил ее на землю, она пришла в себя. Поцелуй был восхитителен, но она ненавидела Ники. Он не написал ей ни единого письма, не прислал ни одной завалящей открытки или телеграммы, даже не позвонил после возвращения из Италии. Изобразил трюк с исчезновением кролика в черной фетровой шляпе из детского набора фокусника. Он просто забавлялся с ней. Вся бескрайняя боль, которую она испытывала, разыгралась снова, и чувство покинутости снова терзало и мучило.

Ники видел, какую боль он ей причинил, но находил себе оправдание. Он же не знал, что Калла разошлась с этим дылдым Фрэнком, да и с каких это пор он несет ответственность за нее? Может, это и не было оправданием и не извиняло его как плохого друга той, что была к нему так добра. Но он мог думать лишь об одном: нельзя позволить ни ей, ни кому-

то другому стоять на пути к той жизни, что развернулась теперь перед ним. Калла казалась ему ходячей головоломкой, с этим ее загибающимся театром и печалью, которая всегда была при ней, напоминая Ники о его собственной печали. Он больше не хотел, чтобы ему напоминали о ней. Он хотел, чтобы все в его жизни было легким! Новым! Не усложненным! Хотел начать все сначала, перевообразить свою жизнь и создать жизнь новую. И это было его право. Он не желал привязываться к девушке, которая цеплялась за ветхое здание и сама чистила туалеты, потому что не могла нанять уборщицу. Он хотел большего для себя, чем *эта* борьба. Решение пришло к нему не без труда. Немало мужества понадобилось, чтобы уйти с Монтроуз-стрит, но, вместо того чтобы одобрить его мужество, она начала ныть о каких-то письмах, которых она ждала, сидя тут. Калла Борелли, как это мелко! Ники развернулся и вышел в дверь за сценой, поклявшись не оглядываться.

Калла смотрела, как он уходит. Гордость пригвоздила ее к месту. Она не позвала его и не побежала за ним, понимая, что заслуживает большего, чем этот банальный водила, полагающий, что достаточно переехать в Нью-Йорк – и театральный мир склонится и примет его, а талант пробьет дорогу в кино и на телевидение или что там еще изобретут эти сумасшедшие. Даже мысль о том, что она никогда не увидит его, не заставила ее бежать за ним. Ники Кастоне опустошался и удалялся, но не знал еще, что Калла обошла его на голову.

Гортензия взобралась по ступенькам в диспетчерскую. Она села за стол и выглянула в окно, выходящее в гараж. «Четверка» печально стояла на своем месте.

На панели загорелся огонек. Она сняла трубку.

– «Такси Палаццини». Чем могу помочь? – сказала она сладким голосом.

– Это отец Леоне из церкви Пресвятой Богородицы Кармельской в Розето, Пенсильвания. Я ищу миссис Гортензию Муни.

– Это я. Что я могу сделать для вас, святой отец?

– У меня печальные новости.

– Что вы говорите, святой отец?

– Я сожалею, миссис Муни. Миссис Вильоне умерла.

– О нет. Бедная Минна!

– Но ушла мирно. В собственной постели. Меня позвали причастить ее вчера вечером, и она была готова.

– Слава Богу.

- Да, слава Богу. Минна попросила меня позвонить вам.
- Правда? – Гортензия полезла в карман за платком, которого там не оказалось, так что пришлось вытереть слезы рукой.
- Да, и она сказала, что вы поймете мое сообщение.
- Да, святой отец?
- Слова такие: пол чайной ложки мускатного ореха.
- *Мускатного ореха?*
- Мускатного ореха, пол чайной ложки.
- Вы уверены, святой отец?
- Абсолютно. Минна заставила меня повторить и даже записать слова.
- Ну тогда, получается, это она и имела в виду.

Гортензия положила трубку и поправила нитку венецианских бус на шее. У нее уже вошло в привычку носить бусы Минны на работу каждый день. Было приятно касаться холодных бусинок, очертаниями похожих на тянучки, и цвет их шел Гортензии, и длина нитки, не мешающая работать с телеграфом. Но для нее они были не только украшением. Как узелок на носовом платке, они напоминали, что нужно налегать сильнее и фокусироваться на достижении мечты. Раз Минна умерла, самой Гортензии придется выяснить, что это за мечта, и обрести ее.

Луч света в закоулке души Гортензии ослаб из-за потери Минны. Она больше не явится ей, чтобы воодушевить в дорогу. Гортензия теперь одна. Ей придется прокладывать путь самой, без поводыря, полагаясь, насколько возможно, на собственное умение. Ощущение это было ужасно, такое уже с ней случилось в первый день в колледже Чейни. На этот раз Гортензия поклялась себе, что процесс не займет целых пять лет. Все повторяется, но у нее уже не было роскоши времени, невинности юности и сил терпеть дураков и их глупые усилия остановить ее на пути к цели. На этот раз у Гортензии уже достаточно смекалки и имеется дар, который приносит возраст, – терпение. Она уже понимает, что жизненный опыт так же необходим, как секретный ингредиент, мускатный орех, подливке Минны, и тоже, если подумать о будущем, сгодится в любом блюде.

Мэйми Конфалоне вела дам из общины Пресвятой Богоматери Кармельской по Гарибальди-авеню в дом Минны на поминки по ней. Вокруг талии она повязала огромным бантом белую дамастовую скатерть таким образом, чтобы нести в образовавшемся мешке тарелки и столовые приборы. Позади нее шли дамы с едой в кастрюльках, сковородках и закрытой керамической посуде. На дорожке к дому их встречали сын Минны и ее невестка.

– Спасибо, миссис Конфалоне.

– Мистер Вильоне, для нас честь приготовить обед для вас и вашей семьи.

Невестка Минны поблагодарила Мэйми и всех дам и предложила помочь накрыть на стол, но дамы отказались. Они проследовали за Мэйми на кухню, где разошлись во все стороны и заполнили каждую поверхность едой. Мэйми пошла в гостиную, развязала свой импровизированный передник и переложила посуду и столовые принадлежности на сервант. Потом аккуратно застелила скатертью стол и накрыла его на двенадцать персон.

– Помочь? – В комнату вошел Эдди Даванцо с букетиком роз и поставил его в центре стола. – Мария Пойдомани велела поставить точно по центру.

– Всегда следуйте указаниям Марии.

– Я хотел попросить вас об одолжении, – сказал Эдди.

– Конечно.

– Не могли бы вы научить меня итальянскому?

– В Нортхэмптонском колледже есть курсы итальянского.

– Я не очень хорошо учился в школе. Лучше с глазу на глаз.

Флирт Эдди заставил Мэйми положить разливную ложку на неправильное место. Эдди дотянулся до ложки и восстановил порядок.

– Что скажете?

– Я подумаю. – Мэйми отвернулась от Эдди, чтобы спрятать вспыхнувший румянец, но зеркало над сервантом выдало ее. Когда она подняла взгляд, их глаза встретились. – Разве труба вас не зовет?

– Я на перерыве.

– Мне повезло.

– Не могу отрицать.

В дверях, стоя с подносом бокалов, тощая блондинка Мария Каскарио обзревала парочку.

– Я ничем не помешала?

– Нет-нет, – пропели Эдди и Мэйми в унисон.

– Определенно так выглядит. Да и пора бы.

– Дайте мне, я позабочусь о бокалах. – Эдди взял поднос из рук Марии.

– Отлично. Потому что я там варю *пенне*.

Мария собралась уходить, но не без того, чтобы еще раз взглянуть на Мэйми с Эдди и покачать головой.

– Минна считала, что вы были бы мне подходящим кавалером, – сказала Мэйми, раскладывая салфетки.

– А вы что думаете?

– Мне нравится идея иметь поблизости мужчину, который может починить печь. Прошлой зимой я чуть не взорвала всю Честнат-стрит, когда зажгла фитиль.

– Другими словами, вам нужен мастер на все руки?

– А кому он не нужен?

– Я могу дать номер водопроводчика.

– Спасибо.

– Вы когда-нибудь думали обо мне? – спросил Эдди, расставляя бокалы на столе.

– Ровно столько же, сколько и вы обо мне.

– Значит, вы настроены серьезно, Мэйми. Я хотел бы пригласить вас и Ауги на храмовый праздник церкви Святого Роха.

– Нам бы это понравилось.

Дамы из общины столпились у двери.

– Можно начинать подавать еду? Вы же знаете, мы для этого пришли. – Мария Каскарио стояла, скрестив руки на груди. – У девочек все готово.

– Прекрасно. Зовите семью.

– На этот раз у нас есть дворецкий? – Мария повернула голову в направлении Эдди.

– Нет, я уже уйду, леди, – Эдди помахал рукой на прощанье.

– Просто проверяю, – раздраженно откликнулась Мария.

Эдди вышел из гостиной и прошел в сад через кухню.

– Я думаю, что он самый красивый мужчина из всех, кого я видела, – сказала с тоской Грэйс Дельгроссо. Ей стукнуло семьдесят семь лет, но ее мускулистые ноги были по-прежнему способны нагнетать воздух в мехи органа церкви Пресвятой Богородицы Кармельской. – Будь мне снова двадцать пять, то я б поимела на него виды.

– Поимели бы? – улыбнулась Мэйми.

– Покаталась бы с ним на возу сена и уже никогда не слезла бы с того воза.

Когда семья Вильоне заполнила гостиную, дамы начали поминальный обед. Эту традицию их матери привезли из Розето-Вальфорторе, и она позволяла им чувствовать себя полезными, когда кто-то в общине терял близких. Подав на стол, они удалялись на кухню и по очереди приносили перемены. После десерта и кофе они выстраивались на кухне, а семья шла вдоль ряда и благодарила их за пиршество.

Потом, без лишней помпы, дамы собрали кастрюли, сковородки и керамическую посуду, чтобы отнеси все это домой. Бокалы вернулись в

корзины немытые. Блюда на столе были сложены стопкой, ложки и вилки закатаны в салфетки. Мэйми сняла цветы с середины стола и сдернула скатерть, обмотала ее вокруг талии и снова завязала огромным бантом. Дамы помогли ей загрузить куль посудой и столовыми приборами.

Мария Каскарио поставила вазу со свежими розами в центр опустевшего стола и выключила люстру.

Все построились в ряд – с пустыми кастрюлями, так же как когда входили с полными. Веды Мэйми, они покинули дом Минны и, верные традиции, не потревожили обитателей дома мытьем посуды. Они все унесли с собой, чтобы семья могла отдохнуть перед похоронами, которые состоятся наутро.

На кухонном столе было не найти ни крошки, ни пятнышка соуса, ни одинокой оливки. Они оставили дом таким же, как нашли, уютным и чистым. Они оставили его таким, каким бы он понравился Минне, в ее честь и с уважением к ее памяти.

АКТ III

Нам не уйти от неба^[100].

У. Шекспир. Генрих VI. Часть 2

10

Три года спустя,
21 декабря 1952 г.
Нью-Йорк

Ни одна звезда не загорелась над Квинсом с наступлением ночи. Небо было усыпано угольными тучами, когда Ники Кастоне после смены въехал на своем такси на стоянку Вудсайского таксопарка. В воздухе пахло назревающим снегопадом. Ники выбросил окурок из окна и закрыл его. Он взял конверт с выручкой, набитый наличными, и вылез из машины.

Переплетения красных, зеленых и синих лампочек беспорядочно свисали над ярко-желтыми такси. Ники оставил ключи в банке, стоящей у стекляшки диспетчера. Конверт с выручкой он просунул в щель на входной двери, беспорядочно обмотанной серебряной канителью. Никто никогда не подозревал водил и их замасленных механиков в умении украшать помещения на праздники, и если бы этот кто-то увидел стекляшку, то вряд ли изменил бы мнение.

Ники помахал дежурному, выходя со стоянки. Натягивая перчатки, он шел мимо знакомых витрин к железнодорожной станции. Окна магазинов были затуманены смешением пара и дыхания толп возле касс. Колокольчики звенели на дверях, когда покупатели выходили с пакетами в руках. Из громкоговорителей на крыше магазина игрушек лилась рождественская музыка. Только грохот над головой поездов метро, отяжелевших от груза сидящих и стоящих пассажиров, прерывал рождественский перезвон.

Когда Ники взбирался по ступенькам на эстакаду, чтобы успеть на поезд в Манхэттен, вокруг него завертелся легкий вихрь мелких снежинок. Он застонал, предвкушая снежное Рождество. Механики Вудсайда уже приладили цепи на колеса машин, так что как бы ни изменилась погода, он готов.

Ники втиснулся в жаркий, битком набитый вагон и ухватился за поручень. Поезд отъехал от станции на Вудсайде и загремел по эстакаде над шоссе. Ники выглянул в окно и вобрал в себя манхэттенский горизонт, похожий на кучу синих бархатных шкатулочек для драгоценностей, припудренных жемчужной пылью. Под снегом или без него, мерцающий в сумерках город всегда воодушевлял и обещал, что он все сможет, хотя его великие мечты, вопреки надеждам, не осуществились.

Ники сошел с поезда. Спешить ему было некуда, так что он шагнул в сторону и позволил несущимся толпам течь мимо него, словно ручьям, устремленным в большую реку. Он воображал жизни проходящих людей, мужей, спешащих домой после работы, задержавшись только для того, чтобы купить молока, и снова устремиться к женам, в квартиры, полные детворы. Парни в автопарке напоминали, как повезло ему остаться свободным, но Ники знал, что везение здесь ни при чем.

Ники остановился в закусочной на углу Тридцать четвертой улицы и Третьей авеню, чтобы купить сэндвич с индюшатиной и двумя огурчиками в качестве гарнира, порцию рисового пудинга и чашку горячего кофе. Карманы его брюк были набиты мелочью, его собственной версией рождественского перезвона. В праздники пассажиры щедры на чаевые. Сегодня, наверное, накопилось не меньше пятнадцати зеленых, две смены подряд на улицах Манхэттена. Но он отработал каждый цент и чувствовал себя заезженной лошастью.

Ники дошагал до своего дома и толкнул дверь подъезда. Он задержался у почтового ящика и поднял медную пластинку. Обнаружив, что ящик забит конвертами, он опустошил его, наполнив карманы пальто, а потом спустился к себе в подвальную квартиру.

– Сюрприз!

Его соседи – Сильверберги, молодожены, живущие на втором этаже, и холостяк Ральф Стампоне, бонвиван-красавчик с первого этажа, – стояли у обеденного стола, украшенного именинным тортом и бутылкой вина в сопровождении бумажных стаканчиков, тарелок и салфеток с нарисованными на них воздушными шариками и звездами.

– Вот как бы я жил без соседей? – Ники поцеловал Мэри Сильверберг в щечку и пожал руку Марку, а потом Ральфу. – Был бы я позабыт-позаброшен.

Ники засунул пакет из забегаловки в холодильник. Однокомнатная квартира была выкрашена миндально-белым, как и мусороприемник в этом же доме, но все-таки это был более теплый оттенок, чем бледно-зеленый на стенах коридоров. Имелся здесь и стол с четырьмя стульями около

компактной кухни, и двуспальная кровать, аккуратно заправленная, под единственным окном с видом на тротуар. Лежа на кровати, Ники мог разглядывать ноги прохожих. Он почти уже стал экспертом в разгадывании их статуса по обуви и походке.

Все искусство находилось за окном, а внутри не было ничего – ни фотографий, ни репродукций, ни проигрывателя, ни пластинок. Однако имелись книги из филиала Нью-Йоркской публичной библиотеки на Двадцать восьмой улице. И довольно много.

Ник врубил радио, чтобы отметить неожиданную вечеринку.

– Мне приятно, что вы сюда заявились и чувствуете себя как дома.

– Тебе следовало бы иногда запира́ть дверь, – сказал Ральф, оглядываясь, – хотя что тут украдешь.

– Это квартира холостяка, – напомнила ему Мэри. – Минимальная роскошь.

– Это тюремная камера. Я тоже холост, но у меня есть мебель. Диван. Канделябры. И лампа с абажуром.

Ральф осмотрел комнату оценивающим взглядом, представляя, как бы он ее обставил.

– Не так много надо, чтобы превратить шлакоблоки в жилое помещение.

– Я однажды дойду до этого, – пообещал Ники. – Или разрешу тебе пойти.

– Ну еще бы, ты же декоратор, – напомнил Марк Ральфу, словно тот нуждался в напоминании. – Для вас всякая комната – пустой холст. Включая тюремную камеру.

– Эй-эй-эй, – поддразнил Марка Ники, защищаясь.

– Ты понял, что я имею в виду, – хмыкнул Марк.

– В мире есть люди, создающие красоту, и те, кто умеет ее ценить. Возьмем обычный шкафчик в ванной. Ты видишь в нем деревянный ящик и запотевшее стекло, а я – Зеркальную галерею в Версале. Все зависит от воображения, – задумчиво пробормотал Ральф.

Ники хлопнул в ладоши:

– Займемся тортом.

– Ты хоть ужинал? – Ральф расстроился, что не догадался принести крекеры и холодный соус к ним. Он взглянул на Мэри, та скорчила гримасу.

– Купил сэндвич.

– Как сегодня на улицах? – Марк откупорил бутылку.

Ники опорожнил карманы в банку для мелочи.

– Пассажиры были щедрые. Красный свет долго не гас. Зеленый зажигался на секунды. И я проскочил на желтый, где только смог.

– Красное, зеленое и желтое – вот удачная комбинация для интерьера.

– Это последние три цвета, которые я хотел бы видеть, приходя домой, – уверил Ники Марка.

– Почему бы тебе не заняться чем-нибудь другим? – предложил Ральф. – Ты на многое способен.

– Я умею водить машину.

– И я умею, но вождением не зарабатываю.

– Может, ему нравится водить машину, – мягко вступилась за Ники Мэри.

– Это ужасная работа, – не унимался Ральф. – Грубияны. Толпы. Заторы. Можно же тронуться.

– Мои мысли далеко.

– Мечтания. – Мэри разрежала торт.

– Великий философ, не помню какой, или, может, это было в пьесе, хотя не помню, кто написал...

– Марк, это самое дурное начало тоста на день рождения, которое я когда-либо слышала.

– Извини, милая, я не помню, но ладно, кто бы это ни был, он сказал, что в мечтах своих можно найти смысл и преуспеть. – Марк разлил вино по стаканчикам.

– Кабы так, то я сидел бы сейчас в шалаше в Гонолулу, попивая сингапурский коктейль и закусывая кабанятиной, зажаренной на вертеле прямо на пляже, – пошутил Ральф.

Упоминание тропических коктейлей вызвало в памяти Ники образ Пичи Де Пино, и это еще больше испортило ему настроение в день рождения.

– Сколько тебе теперь лет, Ник? – Мэри протянула ему кусок торта.

Ральф откусил от своего ломтя.

– Нужны ли эти вопиющие подробности?

– Я не тебя спрашиваю, а его.

– Мне тридцать три.

– У тебя еще все впереди, – уверила Ники Мэри.

– Для чего? – поинтересовался тот.

– Чтобы добиться успеха. – Мэри подняла стаканчик.

– Ну да. Для этого я здесь. – Ники тоже поднял стаканчик. – И вы здесь для того же, напоминать мне, зачем я здесь.

Звук столкнувшихся стаканчиков был пустой, как и желание, которое

он обычно загадывал в свой день рождения. В этом году он решил не загадывать ничего.

Ники лежал в постели и курил сигарету. В противоположном конце комнаты, на кухонном столе, от его праздничного торта осталась россыпь розовых крошек на позолоченной бумажной салфетке. Скрип лопаты, скребущей снег на тротуаре за окном, когда дворник налегал на нее, действовал на нервы. Ники заметил, что пижамные штаны мистера Гуарньери выглядывают там, где брюки задрались на голенищах сапог. Но мысль, что в мире существует работа еще хуже, чем у него, вовсе не утешила Ники.

Ники уже понял, что обречен жить в подвалах до конца жизни. Он жил в подвале на Монтроуз-стрит, и вот опять он здесь, под землей, как ржавая труба. То же самое с его карьерой по извозу. Видно, от семейной профессии никуда не деться. Он уже изучил улицы Манхэттена и пяти округов так же хорошо, как карту Филадельфии. Карта мира Ники Кастоне – это любое место на земле, где можно запустить счетчик.

Ники поставил поздравительные открытки на подоконник, как он всегда делал в своей комнате в Саут-Филли. Теперь он протянул руку и вытащил две за краешки. Одна, большая, с войлочным желто-черно-белым шмелем, снаружи гласила: *«Кузен, ты у нас большой трудяга»*, а внутри: *«С днем рожденья!»* Открытку подписали все члены семьи, обитающей на Монтроуз, 810, включая Доминика IV, нацарапавшего *«Ник»* черным мелком. Ники отложил открытку в сторону и взял другую, с пирогом из фольги на обложке, надписью голубыми блестками *«Ты – особенный!»* и стишком:

*Помни: ты один такой!
Никого не слушай.
Вот тебе пирог большой,
Нарезай да кушай!*

И от руки: *«С днем рождения, Ники. Мы по тебе скучаем. Миссис Муни»*.

Ники не оплакивал прошлую жизнь, потому что после трех лет в Нью-Йорке он жил той же самой жизнью, что и в Саут-Филли, с той лишь разницей, что в этой метаморфозе он был одинок, без семьи, невесты, вечерней работы в Театре Борелли, без старых друзей, поддерживающих его. В припадках жестокой откровенности он признавался себе, что, переехав в Нью-Йорк, ничего не выиграл.

Единственное, что у Ники было, – это устоявшийся распорядок дня. Он шел на работу, водил такси, возвращался домой и считал чаевые. Заметив хорошенькую девушку на улице, он мог ей улыбнуться, но дальше легкого флирта дело не заходило. Он уже не помнил, когда последний раз терял голову из-за женщины. Иногда он подумывал, не позвонить ли Мэйми Конфалоне, но ему нечего было ей предложить. Когда тоска одолевала его и одиночество грызло беззубым голодом, он подумывал о переезде совсем в другое место, подальше, или даже о возвращении в Саут-Филли. Он представлял, как снимает квартиру около Монтроуз-стрит и поглядывает на окна дома 810, вместо того чтобы из них выглядывать. Эта перспектива ему тоже не очень нравилась, так что он ничего не предпринимал.

Но завтра он все изменит. И не будет ждать нового года (1953!), чтобы начать все сначала, как какой-то завшивленный бродяга, нет, он будет выше толпы и все начнет сначала уже утром, решившись выползти из норы и найти дорогу к свету. С этим проблеском надежды он отложил сигарету, перекинул ноги через край кровати и пошел в ванную чистить зубы. Он оперся о раковину, поглядел в зеркало и подумал: «Все должно измениться».

Калла сидела в костюмерной, пытаясь решить, стоит ли звонить Ники Кастоне в его день рождения. Казалось, целые века прошли с того момента, когда он унесся во гнев, без спросу поцеловав ее на прощанье. С тех пор она его не видела. Но видела Джо Палаццини на новенне, и та рассказала, что Ники переживает трудные времена, вот Калла и задумалась о старом друге. Уж чего-чего, а верности Калле было не занимать.

Между кропотливым пришиванием бисера на корсаж платья Нормы и подружкой подола она могла бы воткнуть иглу в подушечку, взять телефонный аппарат, поставить его на стол и набрать номер, не снимая трубки. Чтобы оттянуть время, она сунула палец в отверстие с номером один и провернула диск, потом – в цифру два, и так поочередно до нуля. Диск заурчал, описав полный круг, потом щелкнул и остановился. После целого вечера, проведенного в нерешительности, пора было домой. Калла подняла телефон, чтобы вернуть его на место, но взглянула на часы и сообразила, что от дня рождения Ники почти ничего не осталось. Если звонить, то сейчас. Она закрыла глаза и вообразила его в городе, окруженным коллегами-актерами в переполненном баре, где воздух дрожит от дыма и музыки. Ники принимает тосты и поздравления. Мысль, что Ники нет дома и трубку он не возьмет, побудила снять трубку и набрать номер. Наутро ее совесть католички будет спокойна, ведь она

попыталась. Калла набрала номер Ники, нацарапанный Джо Палаццини на обороте церковного буклета.

В квартире Ники зазвонил телефон. Она остолбенела, услышав, что он ответил.

– С днем рождения, Ник.

– Кто говорит?

Сердце Каллы упало: он не узнал ее голос. Она громко произнесла, четко выговаривая каждый звук:

– Это Калла. Калла Борелли из Саут-Филли.

Ники сел на кухонный стол.

– Да ты шутишь.

– Не-а. Это я.

– Значит, ты вспомнила?

– Я повстречала твою тетю. Она дала мне номер. Надеюсь, ты не возражаешь.

Калла покраснела. Может, он не один. Этот звонок – колоссальная ошибка.

– Конечно, конечно. – Ники прижал трубку к уху, чтобы не пропустить ни единого слова. – Как твои дела?

– Прекрасно. Может, время неподходящее?

– Вовсе нет.

– Хорошо. Ладно, я тебя не задержу, – сказала она.

– У меня есть немного времени. Как театр?

– Много работы.

– Что вы сейчас ставите?

– «Зимнюю сказку».

– Отличный выбор.

– В это время года – да. Я вот тут пришиваю блески в виде снежинок на платье Нормы.

– Она будет ослепительна.

– Как всегда. А ты? Как твои дела?

– Я обожаю этот город. – Ники взял пластмассовый нож, приподнял край глазурного ошметка торта и зашпаклевал им бумажную тарелку. – Так много дел. Я редко дома.

– Часто ходишь на спектакли?

– Стараюсь. Я все еще пытаюсь туда пробраться. Полно же работы для актера. Да еще в профсоюзе. И все хороши, все много обещают.

– Часто навещаешь Филли?

Калла не спрашивала Джо о приездах Ники. Она не хотела знать. Он не

приходил в театр повидать старых друзей или просто чтобы посмотреть их игру – видимо, перерос Борелли и прежних друзей, и особенно ее. – Я понимаю, что ты занят.

– Я не приезжал домой.

Ники не возвращался в Филадельфию с самого переезда в Нью-Йорк. Он поклялся, что не вернется, пока не получит роль в театре.

– Кузены приезжали меня повидать. Было приятно. Мы ходили в «Люхов».

– Я слышала о нем, – сказала Калла.

– Да, настоящая достопримечательность. У меня совсем нет времени отлучаться. Подумываю тут о паре агентов.

– Это великолепно. – Калла помнила, как ее отец работал с агентом. Из этого ничего не вышло, но у Сэма были большие ожидания. – Тебе необходим представитель.

– Ага. И я пытаюсь прихватить лишнюю смену, когда могу, это дает мне свободные дни для прослушиваний.

– Смену?

– Ага, я же таксист, зарабатываю на жизнь.

– Это у тебя хорошо получается. И у тебя же есть медальон таксиста, почему бы им не воспользоваться.

– А каких людей я встречаю! Иногда срываю куш. Пару недель назад такси вызвала Китти Каллен. Лучшая здешняя певица, я думаю.

– Согласна. Она ни на кого не похожа.

– И какая красавица. Волосы черные, как у тебя. А душит «Английской лавандой», как кузина Эльза.

– Может, приедешь на Рождество?

– В этом году не получится. – Ники поморщился, когда выпалил эти слова.

Идея провести время с семьей бодрила, но он не мог решиться на это, не мог смотреть в лица Палаццини, которые надеялись на его успех больше, чем он сам. Если он приедет, то они постараются заманить его обратно на Монтроуз-стрит. Кузены все время за обедом в «Люхове» уговаривали его вернуться в Саут-Филли, но Ники не собирался сдаваться. Он был так же упрям, как и талантлив.

– Печально. У нас тут большая вечеринка для труппы двадцать третьего декабря. Все о тебе спрашивают.

– Спрашивают?

– У нас ты в качестве звезды. Вырвался из Филли – и прямо на Бродвей.

– Я только езжу по улице под названием Бродвей. На Бродвее я еще не

играл.

– Но уже близко.

– Я там буду.

– Знаю, что будешь. Нужен только правильный режиссер, чтобы дать тебе правильную роль.

– Спасибо, что воодушевляешь, Калла.

– Каждому не помешало бы.

– Кто бы спорил, – засмеялся Ники.

– Ну, мне пора. Надо закончить работу.

– Но поздно же.

– Я привыкла к тому, что у меня длинный рабочий день.

Калла повесила трубку, попрощавшись. Этой ночью она заснет крепким сном, услышав наконец голос Ники и зная, что у него все в порядке.

Ники в свой тридцать третий день рождения спокойно спать не будет. Он будет слышать каждый шаг на тротуаре, когда заскрипит снег и захрустит лед под ногами прохожего, будет слышать каждую сирену «скорой помощи» и клаксон каждого мусоровоза и винить город за бессонницу. Праздничный торт устроился в желудке не лучшим образом. Красное вино доставило слабую головную боль. Ники был готов обвинить что угодно в своей неспособности сдаться мирному ночному сну, кроме истинной причины: ему был необходим друг. У него не было наперсника, который мог бы помочь советом, не было с тех пор, как он покинул Саут-Филли. Друзей-то он завел, но, заводя, мало что рассказал о себе. Подобно многим амбициозным парням и девушкам, переехавшим в большой город, он пытался одновременно выжить и посвятить себя работе, ради которой переехал, равно фокусируясь на обеих целях. Но время шло, а Ники стоял на месте. В будущее заглядывать ему было больно. А как много он мог бы рассказать Калле Борелли! Он бы спросил у нее совета, и охотно, но он стыдился, что не *преуспел*, не сыграл *ту самую* роль или не попал на афиши. Вместо этого он извернулся, как только смог, чтобы не рассказать ей, на что похожа его жизнь в самом важном городе мира, где он ощущал себя самой ничтожной личностью.

Калла сидела перед мистером Коллиером в Третьем федеральном банке Филадельфии в своей лучшей синей бархатной шляпе, черном шерстяном пальто и в лайковых перчатках. Она знала, что, идя на встречу с банкиром, надо надевать лучшую воскресную одежду. Сэм Борелли не сильно жаловал официальные учреждения и, стоя в очереди, чтобы внести деньги на зарплату труппе, всегда ворчал на все это великолепие, гранитный пол,

мраморные столы и гигантские перламутровые часы, напоминая дочери, что за роскошь платят клиенты. Он называл этот пугающий банковский декор «восторг заемщика».

Роскошные столы красного дерева выстроились в ряд по комнате. Содержание их отполированных поверхностей было идентично, вплоть до кожаных стаканчиков с карандашами. Люди, сидящие за столами, тоже выглядели одинаково, словно их заказали из каталога, рекламирующего банкиров, как продают сельскохозяйственное оборудование или брюки. *«Покупайте финансовых экспертов у нас!»* – так, наверное, призывала реклама и прибавляла: выбирайте седых, близоруких, лысеющих мужчин среднего возраста с британскими корнями, умеющих обращаться с вашими деньгами. Они знают то, что вам невдомек. Неудивительно, что большинство итало-американцев в Саут-Филли хранили деньги под матрасами.

Элвуд Коллиер, общительный сотрудник банка, управлявший сбережениями Каллы, выглядел как и остальные, но, по крайней мере, с ним было приятно иметь дело. Он вернулся к своему столу с тремя конвертами для нее.

– Ну вот, мисс Борелли. – Мистер Коллиер протянул ей конверты и сел. Он посмотрел на лицо Каллы и уверил ее: – Даже не сомневайтесь. С начала войны дома расходятся как горячие пирожки, и за приличную цену. Вы правильно поступили.

– Знаете, меня всегда интересовало, – тихо сказала она.

– Что именно? – Он подвинул к ней акт о расторжении договора Сэма Борелли об ипотеке, чтобы Калла поставила подпись.

– Лучше ли чувствует себя тот, у кого есть деньги.

Мистер Коллиер улыбнулся:

– Не без того, я думаю.

– А мне кажется, никакой разницы.

Калла взяла авторучку и подписала документ. Коллиер поставил печать, свидетельствуя, что плата внесена полностью, и отправил чек в папку. Он сложил руки на столе и наклонился.

– Это случается в каждой семье. Случилось и в моей. Родители умерли, дети остались и вынуждены принять решение о родном доме. Ваши сестры здесь больше не живут. Они замужем, у них свои семьи. И вы однажды выйдете замуж, у вас будет семья, и вы оглянетесь и поймете, что сделали правильный выбор. Дом всего лишь дерево и камень.

– Куча кирпичей? – добавила Калла.

– Именно.

– Но не для меня.

– Простите, я не хотел, чтобы это прозвучало бесчувственно. Но само по себе здание ничего не значит, это люди создают в нем дом.

– Ну не знаю. Место действия очень важно, мистер Коллиер. В театре мы иногда подумываем о постановке без декораций – просто свет и стены. Мы называем это минимализмом. Но очень скоро, на репетициях, начинаем понимать, что актерам необходимы вещи, чтобы заполнить мир. Место, где сесть. Двери, в которые входить. Комнаты с воспоминаниями, чтобы в них можно было жить. Место, где можно хранить истории. Контекст, чтобы *пребывать* в нем. Знакомые стены, в которые мы возвращаемся, где мы помним аромат из кухни, когда мама пекла печенье, или обои с розами в лестничном пролете, или старую веранду с шаткими ступеньками – все это не пустое место. Это часть того, что делает нас людьми. Нас определяют места, где мы обитаем, то, как мы их заселяем и чем мы их заполняем. И я всегда буду оплакивать продажу отцовского дома, материнского сада и стола на кухне, за которым я ела каждый день всю мою жизнь. И разве может быть иначе? Я не понимаю, как можно продать каждое свое воспоминание и не печалиться о том.

– Наверное, вы сами должны найти ответ. Но вот что я вам скажу: когда настанет время покупать новый дом, приходите ко мне. – Мистер Коллиер протянул ей визитную карточку. – И этот банк будет счастлив помочь вам с первым взносом.

Калла встала. Она медленно выдохнула через рот, и звук был похож на свист. Клерки оторвались от дел, ища источник этого звука, а мистер Коллиер тоже встал, чтобы пожать ей руку.

Калла положила в сумку конверты. В них лежали чеки с разделенной на три суммы за продажу дома на Элсворт-стрит. Чек для Елены, чек для Порции и еще один – для нее самой.

Когда Калла выходила из банка, она желала быть богатой, первый раз в жизни. *Очень богатой!* – как выкрикивала героиня комикса «Малышка Мэри-недотепа», потому что, если бы у Каллы была куча денег, она бы до такого не дошла. Она выкупила бы дом у сестер и жила бы в нем до конца жизни. Ей необходимы были эти стены по причинам, которые она могла назвать, и еще по другим, которые трудно было определить. Калла полагала, что продажа дома – ужасная ошибка, но не могла убедить сестер подождать еще немного. Они уже дошли до предела с отяжкой, а Калла не могла предоставить ничего, кроме пустых обещаний и надежд поставить в театре спектакль, который наделает шуму и даст лишние деньги. Безусловно, это мужья поднажали на сестер, и те предъявили ей

ультиматум. Они не несли ответственности за Каллу и должны были заботиться о своих семьях, вести свои дела. И вот она сдалась и продала дом. Все, для чего жили родители, за что боролись, ушло, разделенное на три части, и никогда снова не станет единым целым.

Магазин «Театральная книга» располагался на втором этаже здания на Сорок второй улице, а на нижнем этаже, выходящем на улицу, продавали музыкальные инструменты. Ники взобрался по наружной лестнице и вошел в магазин, заполненный книгами и светом, льющим в окна на фасаде здания. Оттуда открывался вид на Таймс-сквер, тротуары были заполнены людьми, а проезжая часть – автомобилями. Последний серый снег таял в сточных канавах центра города, превращаясь в темные потоки, исчезающие под решетками водостоков на перекрестках. Ники радовался выходному дню, свободе от заторов на дорогах, от шума и холода.

Темные ореховые полы книжного магазина покоробились от времени. Полки прогибались под книгами о театре, биографиями актеров, собственно пьесами и тяжеленными учебниками по режиссуре, лицедейству и постановке. На покрытом фетром ломберном столе громоздились отлично иллюстрированные большие подарочные издания, посвященные театральным костюмам, декорациям и освещению сцены.

Ники направился к центру магазина, где широкий полированный стол пестрел книгами о Шекспире в окружении отдельных изданий каждой из его пьес. Ники взял в руки «Сон в летнюю ночь». Листая, он добром вспоминал Театр Борелли.

Не спеша, он пробирался через горы книг, у него кружилась голова при мысли, что все это надо прочесть, и он думал – в его-то возрасте, зачем это ему? Не поздно ли? Как он применит все эти знания, когда овладеет ими? Ники не терпелось профессионально играть на сценах Нью-Йорка. Он уже подобрался близко к нескольким прослушиваниям, но лишь затем, чтобы уступить место более опытным актерам. Уже сам факт, что он востребован, не позволял выйти из игры и привел в этот магазин в поисках учебника актерского мастерства, чтобы лучше сыграть на просмотре.

У Ники не было преимущества образования, все, что он знал, пришло из личных наблюдений и опыта, подобранного в Театре Борелли. Он был старательным учеником и, надо сказать в пользу Ники, легко воспринимал язык Шекспира. Сэм Борелли сказал однажды, что есть люди, ему подобные, они читают стихи, понимают намерение поэта, и за счет этого стихи обретают для них смысл.

Ники обнаружил в самом низу, за новыми изданиями, полку

«Букинистические книги для юных актеров». Он сел на пол и стал рыться в детских книгах, надеясь найти что-нибудь для детей Палаццини, которые множились в количестве, конкурирующем с помидорами на крыше дома на Монтроуз-стрит.

Кое-что изменилось, но семья держалась друг друга. Мэйбл и Джо все еще жили с Джо и Домом. У них родилась дочка Джованна. Теперь она уже, наверное, всю бегает. Сын Эльзы и Доминика пошел в школу, и у них появился еще один сын, Джозеф, этот только начал ползать. Эльза прислала фотографию их нового дома в двух кварталах от Монтроуз-стрит. Лина и Нино жили в родительском доме и ждали первого ребенка.

Ники пробегал корешки детских книжек и вдруг узнал название. Он снял с полки книгу в твердом переплете. Величина и вес книги были ему знакомы, да и картинки на обложке.

– Нужна помощь? – спросил продавец.

– Не думаю.

– Хорошая книга, – заметил продавец, уходя к прилавку.

Сердце Ники стучало быстрее обычного, когда он листал страницы. До сих пор сердцебиение учащалось от беспокойства, но не сегодня. Ники помнил эту книгу, и сейчас она вернула его к истокам. Он не забыл иллюстрации, но со временем картинки оказались под слоями памяти. Сейчас он смотрел на них с детской непосредственностью, как и в первый раз. Ему тогда объяснили, что гравюры в книге называются «эстампы». Эстампы покрывала прозрачная бумага с золотыми виньетками, предохранявшая картинки. Он помнил даже эту папиросную бумагу! В пять лет Ники смутило непривычное и тяжеловесное слово «эстампы». Он помнил, как его пугали персонажи на обложке, представляющие елизаветинских актеров на театральном шествии. Все эти годы зловещее лицо придворного шута, державшего за руку юношу с воздушным шаром, все еще вгоняло Ники в оторопь. И сейчас Ники снова хотелось впрыгнуть в картинку и предупредить юношу, чтобы опасался шута с лицом дьявола. Ники взъерошил себе волосы, пытаясь вспомнить больше.

Шекспир, рассказанный детям

Чарльз и Мэри Лэм.

Цветные гравюры А. Э. Джексона

Прикосновение глянцевого суперобложки с черным рельефом и шелкографией в бархатных тонах сапфирового, рубинового и спелого золотого отправило его в прошлое. Форзацы были глубокого и угрюмого бордового цвета, и так же чувствовал себя Ники – угрюмым, тоскующим, покинутым, мечтающим вернуться во времена своего становления.

Это была та самая книга, которую каждый вечер перед сном читала ему мама. Он лежал в постели, уткнув голову в подушку, а мама обнимала его, уютно прижимаясь всем телом. Никола держала книгу двумя руками, убаюкивая и нежа сына, закутанного в одеяло, а он рассматривал картинки, пока она читала ему вслух. Адаптация шекспировских пьес была написана простым, как детские стихи, языком, а события передавались с поистине сказочным накалом. Истории Шекспира стали гладкими камушками, из которых сложилась мозаика взрослого воображения Ники.

Ники почувствовал себя обделенным, когда мать перестала читать ему вслух. Ей стало совсем плохо, она потеряла голос и больше не могла говорить. Утрата этого ритуала, вместе с утратой матери, стала главной причиной его теперешнего одиночества. Эти истории, напечатанные черной краской, буква за буквой отпечатались в его сердце. Простой шрифт вкупе с елизаветинской каллиграфией, с ее изгибами и завитушками, нанесенными вручную, – они тоже не изгладились из памяти.

Иллюстрации сформировали его романтическое отношение к женщинам. Каждая девушка, которую он вождедел в последствии, выглядела, как Беатриче в саду на картинке из книги. Там была изображена озорная, смышленная брюнетка в наряде из желтой тафты. Беатриче притягивала Ники, когда он был мальчиком, и она же будила его воображение теперь, ее отголоски ловил он в реальных женщинах, которых любил.

Ники закрыл книгу и держал ее так, словно вновь обрел старую подругу в свои суровейшие времена. Знание Шекспира пришло к нему не от дара расшифровывать текст, оно пришло от матери.

– Это очень старая книга, – сказал кассир, глядя на нее сквозь очки, – из Англии.

– Я читал ее в детстве.

– Повезло вам, – сказал кассир и пробил чек.

Ники кивнул, но не согласился. Разве Ники Кастоне везло? Ничего у него не вышло – по крайней мере, то, к чему лежало его сердце. «Люди просто говорят, лишь бы что-нибудь сказать», – подумал он.

– Насколько я знаю, книгу не переиздавали, – вспомнил кассир, – я давненько ее не видел. Может, она есть в библиотеках.

– Буду знать. – Ники вытащил бумажник, чтобы заплатить.

– Бывали у нас раньше?

– Нет. Я услышал о вас от других актеров.

– Вы актер? И я им был когда-то. Сто лет назад. – Он ухмыльнулся.

– Это когда сцену освещали факелами?

Кассир засмеялся:

– Точно.

Ники посмотрел на него. В городе было полно двухэтажных лавочек, которые держали бывшие актеры, танцоры и певцы, перебравшиеся на Манхэттен по тем же причинам и с той же целью, что и он сам.

Он почувствовал родство с человеком из книжной лавки и потому спросил:

– У вас работы не предвидится?

– Вы ищете работу?

– Что-нибудь на неполный рабочий день, в театре.

– Нет, сейчас у меня для вас ничего нет. Но вон на стене доска с объявлениями о найме.

Ники поблагодарил его, засунул сверток под мышку и пошел читать объявления: названия театров, и лавки реквизита, и электрической компании, и телефон знаменитой актрисы, ищущей кого-то, чтобы выгуливал ее собачку, когда у нее дневные представления. Ему было приятно читать этот список, он напоминал о его второй работе у Борелли. Ники вчитался повнимательней и увидел объявление:

НАЧАЛО НАБОРА НА ВЕСЕННИЙ СЕМЕСТР – 11 ФЕВРАЛЯ

Принимаются заявки. Закажите проспект.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ШКОЛА «АББИ» – в новом помещении, включающем зрительный зал на 300 мест, на Риверсайд-драйв, 310, Нью-Йорк, RI 9-7640

Режиссер – Глория Монти.

Исполнительный директор – Роберт О'Бёрн.

Первый год обучения: вокал, дикция, фехтование, актерская игра, история театра. Ежемесячные постановки. Еженедельные семинары, которые проводят ведущие профессионалы с Бродвея.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ (второй год обучения, для студентов, имеющих подготовку) – постановка новой пьесы каждые 5 недель. Премьеры перед профессиональной аудиторией.

Школа аккредитована Администрацией по делам ветеранов.

Ежемесячные постановки! Театр на триста мест! Еженедельные семинары! Ники вспомнил здание на Риверсайд-драйв. Он проезжал там каждый день, подбирая или высаживая пассажиров. Определенно, это был знак судьбы, но более того, там были четыре слова, которые делали все возможным. *Аккредитована Администрацией по делам ветеранов.* Ники

сможет учиться на актера, да еще и за счет государства. Если он им подойдет. Если его возьмут. Жертвы, принесенные им на войне, воздадут Ники то, чего он жаждал, – второй акт.

Гортензия притаилась у Палаццини в прихожей, а Джо принялась набирать поварешкой венецианский соус по рецепту Минны и поливать им только что сваренные *пенне*.

Дом пришел домой пообедать, и Джо согласилась стать частью секретного эксперимента Гортензии, стоявшей сейчас за фиговым деревом, приготовленным для высадки в саду. Как всегда весной, Спатуцца привезли ежегодную партию растений, и Джо по очереди высаживала новые саженцы.

– Это так должно выглядеть? – прошептала Джо, показывая блюдо Гортензии по пути в гостиную. Гортензия кивнула. – Ну, с Богом!

Джо вошла в столовую с тарелкой макарон и поставила ее перед супругом. Она придвинула к нему миску с тертым сыром и мельничку с красным перцем.

– Что нового, Доминик? – спросила она как ни в чем не бывало.

– В мастерской нужен новый подъемник.

– Они дорогие?

– А ты как думала? Гидравлический. Времена другие. Все дорожает.

Дом заправил салфетку за ворот. Он взял вилку и наколол на нее *пенне*. Попробовал макароны и пожевал их.

– Как они тебе?

– Нет ли еще подливки?

Джо пошла в кухню. Гортензия наблюдала, как Джо наливает подливку в керамический соусник.

– Он хочет добавки!

Гортензия воздела руки в молчаливом «Слава Богу!». А Джо доставила соусник к столу. Дом щедро полил макароны соусом, украсил их тертым сыром и отправил несколько трубочек *пенне* в рот.

– И как тебе подливка?

– Что значит, как мне подливка?

– Тебе нравится?

– Хороша.

– Это не наша обычная подливка.

– Ты попробовала что-то новое?

– Ага.

– А что именно?

– Да ничего особенного.
– Мне нравится.
– Это главное, – уверила его Джо.
– Если это главное, то ты бы не меняла еду в этом доме. Мне нравится то, что мне нравится.
– Если я могу сделать вкуснее, то что в этом плохого?
– Ты меня убедила.
– Спасибо, милый. – Джо быстро поцеловала мужа в щеку и вернулась на кухню. Потом присоединилась к Гортензии в прихожей: – Ему понравилось.
– А он знает, что это соус из банки?
– Если бы узнал, то выплюнул бы.
– Даже если вкусный?
– Для него это не имеет значения. Он же родился в Италии, до сих пор словно только что сошел с корабля. А такие мужья невозможны. Он бы с удовольствием заставил меня толочь кукурузу на голом камне в Калабрии под солнцем, чтобы сварить ему *поленту*. Соус надо готовить с нуля. Он должен быть уверен, что я лично вручную часами перетираю помидоры через сито. Каким-то образом в его разумении мои усилия переводятся как любовь.
– Понимаю.
– Я знала, что вы поймете.
– Я работаю на него больше тридцати лет. Он из тех, кто любит диктовать свои правила.
Гортензия собралась уходить.
– Хотите, вечером я испытаю соус на всей семье? – предложила Джо.
– Вы правда сделаете это для меня?
Гортензия взобралась по ступенькам в диспетчерскую. Она положила соломенную шляпу на картотеку и выудила кольцо с ключами из сумки. Потом перебрала их, отперла личный ящик в шкафу и вытащила большую черную папку с надписью *ПРОБЫ*. Она открыла ее и сделала несколько быстрых заметок в колонке с названием «Попытка 77». Потом закрыла ее, сунула обратно в ящик и подняла взор к небесам:
– Ну же, Минна. Подайте мне знак.

Риверсайд-драйв гирляндой вился над обрывом у Гудзона. Изящные строения в стиле XIX века, стоявшие вдоль трехполосного бульвара Верхнего Вест-сайда в Манхэттене, были сложены из белого песчаника, кремового гранита и серого плитняка с яркими декоративными деталями

вроде медных куполов и черепичных башенок, напоминавших Ники о Париже. Над шоссе крутой холм постепенно становился пологим и превращался в Риверсайдский парк, который в сумерках кишел детьми, доигрывающими перед ужином.

Ники стоял на ступеньках «Дома мастера» на Риверсайд-драйв, 310, самого высокого здания на улице, двадцать семь этажей. Он и так-то нервничал перед встречей с вероятными постановщиками его блестящего будущего, когда он будет пробоваться на роль, и впечатляющее здание, построенное из кирпичей всех оттенков от пурпурного до розового и индиго, каким-то образом усиливало его беспокойство.

Швейцар в белых перчатках открыл отделанную латунию дверь и кивнул Ники. Он вошел в вестибюль – шедевр стиля ар-деко, элегантно украшенный чернью и серебром. Ники был готов, он сделал домашнюю работу: составил резюме, взял копию удостоверения о демобилизации, получил все положенные печати и подписи на своем заявлении о поступлении на учебу по закону о ветеранских привилегиях, принес свидетельство о рождении и документ, подтверждающий, что он не воспользовался правом на субсидированное государством образование до прихода в театральную студию «Абби». Но самое главное – он снова проштудировал «Двенадцатую ночь» и приготовил монолог оттуда.

Швейцар показал, как пройти в театр из вестибюля. Ники просунул голову в дверь и сразу влюбился в эту полночно-синюю шкатулку для драгоценностей. Пол на сцене был покрыт черным лаком, отражающим золотой бархатный занавес. Зал на триста мест выглядел современно, и если бы Ники пришлось его описать, он бы назвал его «залом бродвейского уровня» или еще как получше. Ему до зуда не терпелось оказаться на сцене. Он уже видел там себя, чувствовал доски под ногами, луч юпитера на лице.

Ники сверился с часами – он пришел вовремя, – поднялся по лестнице на второй этаж и нажал на кнопку звонка у таблички «Театральная школа Абби». Он стянул с головы кепку, которую надевал, когда водил такси, сложил ее пополам, будто кусок пиццы, и сел на скамейку в коридоре.

Вскоре в дверях студии появилась девушка в комбинезоне и белой блузке.

– Вы Ники Кастоне?

– Это я.

– Мистер О'Бёрн готов вас принять.

Роберт Ф. О'Бёрн снимался в Голливуде. Ники нервничал перед встречей с ним, но собрался, понимая, что уверенность в себе – это как

минимум тридцать процентов представления. Или не тридцать? Но разве Сэм Борелли не учил его быть уверенным в себе? Внезапно он понял, что все забыл. Волнение победило.

Когда человек лет тридцати-сорока – тощий, в очках – открыл дверь, чтобы взять папку со стола секретарши, он бросил взгляд на Ники и улыбнулся:

– Вы актер?

– Один спектакль «Двенадцатой ночи» считается?

– Зависит от сцены. И от вас. Входите.

Ники последовал за Робертом в комнату. Там стояли стол и стул. Роберт подхватил складной стул из небольшой кладовки и протянул Ники.

– Я видел вас в кино, сэр, – начал Ники.

Роберт улыбнулся:

– Правда?

– Меня привел кузен Рик. – Неизвестно почему глаза Ники наполнились слезами, он сам не знал, откуда они взялись. – Его убили на войне. Единственного из всей семьи. Мы все там были. Все семеро ребят. Три брата из семьи дяди Дома. Три – из семьи моего дяди Майка и я – единственный ребенок у своих родителей. Сирота вообще-то. Дядя Дом и тетя Джо взяли меня к себе. Рики у нас обожал кино. Каждую субботу – мультики, новости, два фильма подряд, и всё по два раза. Я уверен, он бы обрадовался, что я здесь. Что хочу стать актером.

Роберт устроился за столом и указал Ники сесть напротив. Ники вытащил справки из кармана и положил на стол.

– Я пришел бы раньше, но пришлось дожидаться начала весеннего семестра.

Роберт взглянул на стопку бумаг.

– Вы можете отдать это мисс Флетчер, когда мы закончим, – сказал он дружелюбно. – Она занимается всей документацией.

Мисс Флетчер задвинула шторы на окнах в офисе. Она постучалась и приоткрыла дверь студии ровно настолько, чтобы заглянуть внутрь.

– Миссис О'Бёрн просила напомнить, что у вас билеты в театр на вечер.

– Ну да. Спасибо, Кейти. Итак, вот что получается. – Роберт вернулся к Ники. – Вы можете поступить на первый курс.

– Я принят?

– Вы приняты, – ухмыльнулся Роберт.

Ники выдохнул, поняв, что он сдерживал дыхание весь вечер, а может, и дольше – со дня, когда нашел объявление в магазине «Театральная

книга».

– Спасибо.

– Вы подаете большие надежды, Ник.

– Спасибо. Я вас не подведу.

– Нам нужен актер, чтобы читать во время просмотров. Надо будет просто сидеть и участвовать в диалоге с пробующимся актером. Хотите этим заняться?

– Еще бы. Конечно.

– Мы не можем много платить.

– Я таксист.

– Сколько часов в неделю?

– До шестидесяти.

– Так много, чтобы свести концы с концами?

Ники кивнул:

– Это становится все труднее, сэр.

– А что еще вы умеете делать?

– Да что угодно.

– Важно, чтобы вы проводили здесь как можно больше времени каждый день. Для студентов очень полезно посещать сценические классы как можно чаще в дополнение к собственным занятиям. Мы открыты шесть дней в неделю.

– Я бы приходил и семь дней, если бы мог.

Роберт откинулся на стуле.

– Наш уборщик как раз уволился.

– Я могу убирать здесь все.

– Я поговорю с владельцем. Он уже спрашивал меня, не знаю ли я кого-нибудь. Если вы, конечно, не предпочитаете такси.

– Я могу и бросить это дело.

– Позвоните мне завтра, и я скажу, чем это кончилось. И было бы замечательно, если вы появитесь у нас в среду. Как раз намечен просмотр. Вы познакомитесь с моей женой Глорией. Она – режиссер пьесы. И, истины ради, в нашем союзе по-настоящему талантлива только она.

Ники потряс руку Роберта:

– Не знаю, как вас благодарить, сэр.

– Вы прекрасно поработали, Ник. Вам спасибо.

Ники собрался уходить.

– Мистер О'Бёрн?

– Зовите меня Роберт.

– Я не понимаю, что со мной произошло. Когда я сюда пришел. Я давно

не вспоминал моего двоюродного брата.

– Может, он был вам необходим и появился в вашем сознании в нужный момент.

Ники покинул кабинет, спустился по ступенькам и вышел в ночь. Карманы его стали легче, после того как он оставил все документы на столе секретарши, или сам он стал легче, потому что его паруса наполнял попутный ветер.

Стоял холодный апрельский вечер, разразившийся дождем, пока Ники был в театральной школе. И все, что осталось от дождя, – это прозрачные краски на песке обочин и пронизывающий ветер, который приходит после весенней грозы. Ники надел кепку, поднял воротник и направился в метро. Надежды переполняли душу. Он не знал, что привело его в театральную школу «Абби», но за всю прежнюю жизнь он никогда не ощущал такой теплоты и связи с каким-то определенным местом – ну, положим, после Борелли. Ники был уверен, что он сделает все возможное, пока будет с ними. Он не промотает этот великолепный подарок судьбы.

Вода в кастрюле на плите кипела, испуская пузырьки белой пены. Ники опустил в воду спагетти, осторожно их помешал, чтобы макароны не слиплись. На другую конфорку он поставил сковородку и подливал оливковое масло, пока оно не заплесало в жару. Туда же отправился чеснок, и Ники хорошенько потряс сковородку, чтобы масло обволокло каждый зубчик, затем слил воду, сбросил спагетти в миску и добавил туда кусочек сливочного масла. Разбил яйцо в оливковое масло с чесноком, поджарил его, не тревожа желтка, и опрокинул яичницу на спагетти, тщательно перемешивая, пока макароны не стали золотисто-желтыми. Потом посыпал спагетти тертым сыром, налил себе бокал домашнего вина из подвальных запасов дяди Дома и сел за стол с газетой в руках.

Закончив есть, сытый и довольный, Ники лег на кровать и взял с тумбочки записную книжку в кожаном переплете. Ему было необходимо разделить с кем-нибудь новость о театральной школе, с тем, кто поймет всю ее важность. Не каждый день жизнь человека изменяется к лучшему. Он открыл страничку на букве «Б» и нашел телефон Каллы Борелли.

Он набирал ее номер, представляя старый дом на Элсворт-стрит, обшитый серой вагонкой, и думал, починила ли она покоробленные планки на веранде и обновила ли бетон на дорожке к дому. Наверное, нет – Калла вовсе не домоседка. Ники набрал номер и пригубил еще вина дяди Дома.

Ответила телефонистка:

– Извините, номер больше не работает.

- Что это значит?
- Отключен.
- Давно?
- Телефонная компания не разглашает личную информацию.
- Но хоть намекните.
- Нет, сэр. Я не могу.
- Благодарю вас.

Теперь и сам Ники чувствовал себя отключенным. Он перелистал записную книжку и позвонил в кассу театра.

– Театр Борелли. – Ники узнал Розу Де Неро по короткому приветствию без тени энтузиазма.

- Роза, это Ники. Ники Кастоне.
- Кто?
- Ники Кастоне. Я работал в театре.
- А, ну да.
- Пару лет назад.

– Ага. Я вас помню. Актер, уехавший в Нью-Йорк искать удачи. Вы меня вечно доставали.

- Это я. Калла Борелли там?
- Наверняка. Она в костюмерной.
- Не могли бы вы попросить ее подойти к телефону?
- Мне надо будет уйти из кассы.
- Это важно.

Роза вздохнула, и следующие три минуты Ники терзал себя за то, что оказался плохим другом. Он даже не был уверен, что Калла согласится поговорить с ним.

– Привет, Ники, – сказала Калла в трубку, словно запыхавшись. Ники не мог определить по тону ее голоса, рада ли она его слышать.

- Как ты там? – Он сел прямо и прижал трубку к уху.
- Неплохо. А ты?
- Все еще в Нью-Йорке.

– Твоя тетя Джо держит меня в курсе, когда я ее вижу. Но давно не видела.

- Что ж, пришло время тебе передать ей новости.
- Хорошо.

– Меня приняли в театральную школу «Абби». Я буду учиться и читать с актерами на просмотрах.

- Это замечательно.
- Спасибо. Я знал, что ты одобришь. Эй, я звонил к тебе домой. Твой

телефон не работает.

– Мы продали дом.

– Ты же его любила.

– Слишком дорого стало содержать.

– Я понимаю. Ты говоришь с парнем, живущим в одной комнате. Да и ты – деловая девушка. Нужен ли тебе большой дом?

– Даже если бы и был нужен, это уже ничего не значит. Его нет.

– А как дела в театре?

– Трудимся в поте лица. Ставим сейчас «Сон в летнюю ночь».

– Отличная пьеса.

– Ты же знаешь, мой отец всегда говорил: ставь то, что ощущаешь, а я сейчас ощущаю, что живу в странном мире.

– Это почему?

– Фрэнк Арриго женился.

Ники сел.

– На тебе?

– Не-а.

– Он много потерял.

– Но ты никогда не догадаешься на ком.

– Не знаю. Ну, на Фэй Эмерсон из телевизионной передачи.

– Она уже замужем.

– Прости. У меня еще нет телевизора. И я не знаю, кто там замужем, а кто нет.

– Ты знаком только с милыми дамами, которых не видишь в телевизоре.

– Вот именно.

– Фрэнк женился на Пичи Де Пино.

– На моей Пичи? – Ники остолбенел.

– Она больше не твоя.

– Да уж!

– Грандиозная свадьба в «Палумбо». Кто-то говорил, что Марио Ланца спел «Будь моею любовью».

– Полная лабуда. Ужасная песня.

– Я тоже так думаю, – хихикнула Калла.

– Она заполучила Марио Ланцу? – Ники был поражен.

– Фрэнк его заполучил. Он мыслит большими масштабами. И построил ей огромный особняк в Эмблере.

– Ну теперь-то всё? – Ник разозлился. Фрэнк украл у него даже место личного просветления и поселился там с его же бывшей невестой.

– Будет еще. Значительно больше, – заверила его Калла.

– И все это могло быть твоим, – поддразнил ее Ники.

– Планка слишком высока.

– Для тебя это нормально. Ты бы привыкла к высоте.

– Сомневаюсь. Эй. Может, тебе стоит иногда приезжать домой и самому посмотреть на этот цирк.

Повесив трубку, Калла знала, что скоро Ники не дождешься – ни просто так, ни на спектакль, даже если это будет его любимая пьеса. Он вообще ни к кому не приезжал со времени отъезда, чем она лучше прочих? Что бы он там ни делал в Нью-Йорке, нет ничего притягательнее постановки в Театре Борелли, – или, по крайней мере, именно так он заставил ее чувствовать. Ей хотелось рассказать Ники, что Пичи Де Пино встретила Фрэнка в театре, когда тот пытался продать театр за ее, Каллы, спиной. Но эта подробность могла причинить Ники боль, а Калле этого не хотелось.

Главные новости Калла оставила при себе. Театр закрывался. Деньги, полученные от продажи дома, иссякли, и нынешнее состояние новых постановок дел не улучшило, разве концы сошлись с концами для ее труппы, несмотря на все ее усилия разрекламировать спектакли. Калла перестала спать, преследуемая сожалениями.

А в Нью-Йорке Ники положил трубку. Он чувствовал себя странно. Вроде бы Калла была рада услышать его, была довольна, узнав его новости, но как-то отстраненно. Может, она была расстроена, потому что потеряла Фрэнка. Он не мог сообразить почему. Фрэнк был всего лишь делец при деньгах – просто большой кусок сыра, и все знают, что сыр – это приложение к основному блюду. Его удивило, что Пичи вышла замуж за Фрэнка, хотя на первый взгляд у этих двоих и правда было много общего. Ники был за нее рад. В конце концов, приобретение ею долгожданной надежности в соответствующем браке оказалось еще одной индульгенцией, за которую Ники заплатил на пути к спасению, или, как гласит реклама «Стейнвей и сыновья»: «Еще одно фортепьяно с плеч долой».

11

В сумерках цветки на деревьях вдоль Риверсайд-драйв раскачивались под ветром, как перья марабу. Окна в театре «Абби» были распахнуты настежь, поскольку Ники как раз их помыл. С улицы до него доносились приглушенные крики и свист болельщиков софтбола в Риверсайд-парке.

Прожектора над полем вспыхнули и мерцали на деревьях, словно белые луны, пока Ники вытирал пыль с подоконников. Когда он справился с работой, то собрал тексты ролей, оставленные актерами, пришедшими на пробы для летней постановки – «О мышах и людях».

Последний студент покинул театр, оставив Ники вволю подметать и пылесосить большую студию, фойе и офис. Он собирал ведра, швабры и тряпки, когда его босс, Глория Монти, вышла из студии, засовывая в сумку сценарий и собственные закладки с пометками, которые выпирали из папки и свисали словно конфетти.

Глория представляла собой высокоэффективную динамо-машину, поджарая, холеная, небольшого роста, подтянутая, как сигарета. Выругавшись, она затолкала бумаги в сумку и защелкнула на ней замок.

– Простите, что вам пришлось это слышать, – засмеялась Глория.

Глаза у нее были карие и очень выразительные, каштановые волосы острижены в короткое каре. Она одевалась, как студентка, предпочитая платьям узкие прямые юбки, свитера и обувь на низком каблуке. И хотя она носила простые разлетающиеся пальто, ее шляпки были произведениями искусства. Она могла обвить тулью лентой от печатной машинки и обшить края шляпы зубочистками. В ее вполне заурядной одежде местами неожиданно, как яркая соломинка в коктейле, проглядывала авангардная смелость Эльзы Скиапарелли^[101].

Ники заметил, что лучшие режиссеры, включая Глорию, обладали собственным стилем. Сэм Борелли на каждую репетицию носил один и тот же черно-коричневый твидовый пиджак, но зато его галстуки были незабываемы. Ручная работа Винченцы, они были сшиты из яркого бирюзового, сиреневого или пурпурного шелка. Да и у Каллы определенно был нюх на моду. Режиссеры, преподававшие в школе «Абби», тоже отличались оригинальностью. Профессор, ставивший этюды, носил шелковые туники и индийские пиджаки в стиле Джавахарлала Неру.

Ники окунул швабру в свежую мыльную воду.

– Так принц превращается в Золушку, – пошутила Глория.

– Пока я могу становиться принцем хоть иногда, я согласен и на Золушку или даже на ее дублершу, – ухмыльнулся Ник.

– Вы тут не единственный, кто работает в две смены. Мне надо идти домой и готовить ужин Роберту.

– Вы отличная жена.

– Как режиссер я лучше.

Глория села на стол секретарши в пальто и шляпе и приподняла ноги так, чтобы Ники мог протереть пол под ними.

- Давно актерствуете?
 - Я работал в одном филладельфийском театре, до того как переехал сюда. Делал всего понемножку.
 - Вот почему вы беретесь у нас за все, что ни попросят.
 - Для меня это храм. И я здесь – служка.
 - Вы очень великодушны. И естественны.
 - Это не моя заслуга. Всему, что я умею, я выучился в той шекспировской труппе.
 - О, так вот откуда вы знаете, как читать с актерами. И знакомы с классикой.
 - Я благодарен вам за то, что разрешаете мне сидеть на пробах.
 - Вы первый, кто благодарит меня за такое. Большинство актеров терпеть не могут сидеть на пробах. Для них это тяжкая повинность.
 - Не для меня. Слова меняют цвет каждый раз, когда их произносит другой актер.
 - Вам хорошо удаются любовные сцены. Много практиковались?
 - Достаточно, чтобы быть благодарным.
 - И у вас нет хорошей девушки?
 - Я был помолвлен семь лет.
 - И что случилось?
 - Я не любил ее достаточно сильно.
- Ники выкрутил тряпку и отодвинул ведро в сторону.
- И тогда вы услышали русалочью песнь американского театра.
 - Эту часть я обычно опускаю, – признал Ники.
 - Я сейчас кое над чем работаю и полагаю, это как раз для вас.
 - Пьеса?
 - Не совсем. Это телесериал.
 - Телевидение?
 - Я ставлю нечто новое в Мидтауне. Это сага. Мы снимаем каждый день. Сериалы крайне популярны. Снимаем как фильм, но они выходят как в театре – в прямом эфире.
 - Я никогда такого не делал.
 - Я думаю, вы сможете. Мой муж со мной согласен.
 - Если вы считаете, что я справлюсь...
 - Это небольшая роль. Но я ее называю «склейка». Вы будете играть таксиста. Водилу. Он развозит персонажей пьесы, когда не идет основное действие. Эта идея, я думаю, должна сработать.
 - Я знаю, как играть водилу. Я достаточно долго им был.
 - Сериал называется «Любовь к жизни». – Глория покопалась в сумке в

поисках жетона на метро. – Вам придется сменить имя.

– Зачем?

– В телевизоре за неделю вас увидит такое количество людей, что не снилось и Шекспиру при жизни, да и потом.

– Не может быть.

– Может. Вам необходимо имя, которое они смогут произносить и которым вы сможете одарять, его не теряя. Оставьте Ники Кастоне для себя. И вы не пожалеете, что сменили имя.

– Но я горжусь своим именем.

– Я понимаю. У меня тоже итальянские корни. Монтемура – моя настоящая фамилия.

– Это значит «покоритель вершин».

– Именно. Но этого мне мало. Я должна была изменить имя. Видите ли, Глория Монти желает управлять миром.

– *Mondo-muro*, – предположил Ники. – Покоритель мира.

– Верно. Превосходно, только не как фамилия. А как философия.

Глория сбросила ноги со стола и ухватила сумку.

– Запирайте. И увидимся завтра. Да не порежьте физиономию, бресьсь. Телекамера не прощает изъянов.

Ники полировал пол, насвистывая. Телевидение. Даже мысль о нем его нервировала, но он последует за Глорией и Робертом куда угодно. Когда он сосредоточился на полировке пола, боль вины пронзила его. Он вспомнил, как пенял Калле за то, что она сама убирает в театре, полагая это занятие унижительным для нее, и вот вам – он занимается тем же. Прямо епитимья, наложенная за опрометчивое суждение.

Ежемесячный ужин в складчину в зале Церковного братства баптистов свободной воли Филадельфии посетили все. Это была последняя трапеза перед закрытием на лето. Женская гильдия украсила столы лилиями, маргаритками и рудбекиями и расставила на белых хрустящих скатертях лучший фарфор общины. В душном подвальном помещении окна были распахнуты настежь и вентиляторы гоняли воздух по залу.

Гортензия, возглавлявшая трапезный комитет, стояла за столами с едой. Краем глаза она наблюдала за своим взносом – кастрюлей с подогревом, наполненной *кавателли* с Минниным венецианским соусом. В качестве председательницы она контролировала размещение снеди, посему *кавателли* заняли центральное место. Рядом благоухали макаронны с сыром, жареный цыпленок, тушеные помидоры, кукурузная запеканка, жареная окра и припущенная в масле зелень.

Гортензия знала, что народ в ее церкви придирчиво относится к меню. На десерт всегда должен быть кокосовый кекс, а также банановый пудинг, чай с сахаром и горячий кофе. Главное блюдо, как всегда, конечно, – жареный цыпленок. Гарниры одни и те же с тех пор, как в 1897 году заложили фундамент этой церкви. *Кавателли* с красным соусом не подавались никогда.

Гортензия рассчитывала, что богобоязненные баптисты честно выскажутся о ее блюде. Она полагала, что если им понравится, то ее стряпня – нечто особенное.

Когда девятая из очереди прошла мимо ее *кавателли* и сразу направилась к макаронам с сыром и масляно-сухарной посыпкой, Гортензия схватила раздаточную ложку и взялась за работу.

– Сестра, отведайте мое блюдо, – вкрадчиво сказала она, зачерпнув на пробу кушанье и выплеснув его на тарелку прихожанки.

Она положила ложку обратно в кастрюлю, поскольку собрание предполагало самообслуживание, но ненавязчиво продолжала предлагать едокам *кавателли*, подталкивая к ним в руки раздаточную ложку.

– Гортензия, ты слишком усердствуешь. Ты слишком напиралась, – прошипел ей в ухо Луи, тоже стоящий в очереди с тарелкой.

– Как диакон нашей общины, ты мог бы помочь. Мог бы объявить мои *кавателли*.

– И не подумаю.

– Я ведь не просила тебя их готовить. Я просто прошу объявить народу, что их стоит попробовать. В качестве одолжения мне.

– Такого рода еда тут никому не нравится.

– Понравится, если попробуют.

– Ладно, положи мне, и я упомяну о ней за столом с мужчинами.

– Благодарю тебя. – Гортензия положила *кавателли* мужу на тарелку.

Когда последний член общины взял себе еду, Гортензия позаботилась и о себе. Ее подруга Уилла Тернбоу помахала ей рукой из-за стола в углу, где она держала место для Гортензии.

– Хоть кому-нибудь нравится мое блюдо? – спросила Гортензия, садясь.

– Красный соус? – спросила Вилла. – Я думаю, вкусно. Леди, что скажете?

Леди вежливо покивали.

– Община вроде бы одобрила, – покривила душой Уилла.

– Уилла, о чем мы говорим? Взгляни на стол. Моя кастрюля полна *макарони*. Это как библейские три хлеба и пять рыб. Каждый раз, когда я

выдаю ложку *кавателли*, они умножаются в кастрюле.

– Почему ты так настаиваешь, чтобы все это попробовали? – поинтересовалась Вилла.

– Я хочу это продать.

– Но никто же не платит за еду на ужине в складчину.

Гортензия понизила голос:

– Я имею в виду, вообще продавать. Людям.

– Ты открываешь ресторан?

– Нет. Я хочу продавать соус. Разливать его по банкам и отправлять в магазины. Просто не знаю, как это делается.

– А ты об этом помолилась?

– Ага. Как же. Я молилась и просила. Но, похоже, наш дорогой Господь не любитель красного соуса. Как и остальные.

– Я скоро уйду на пенсию с работы у Эдны Олдфилд, – гордо заявила Уилла. – Тридцать два года службы одной семье. Ее муж умер много лет назад и оставил ей семейное дело. Семейный бизнес *продуктов*. Это они «Продукты питания Олдфилдов».

– Супами торгуют?

– Супы, соусы, консервированные овощи. Да что ни назови, – заверила ее Уилла. – Они производят всё.

– У тебя есть визитка?

– И что ты с ней собираешься делать? Ты сама должна отправиться туда и встретиться с хозяйкой. Она – владелица фирмы. Но тебе лучше поспешить.

– Я могу туда поехать. Назови день.

– Надо ехать автобусом. Это далеко. Мейн-Лайн. И с пересадкой. И ждать на станциях.

– Это я могу.

– Ходят слухи, что скоро она отдаст бразды правления сыну. Можно сказать, что мы с боссом уходим на пенсию одновременно.

Разум Гортензии лихорадочно работал, просчитывая возможности, которые сулила такая встреча. Но, прежде чем сесть на автобус, который повезет ее к миссис Олдфилд, ей нужно будет переделать много дел. Подумать только, даже не пришлось молиться, выпрашивая встречу, она сама свалилась на голову. Когда община, ведомая Луи, разделилась играть в «Факелоносцев и звонарей», Гортензия осталась в кресле. Она не будет участвовать ни в каких играх, ее мысли нацелены на приз побольше.

Гортензия забралась в постель рядом с мужем, который спал,

отвернувшись к стене. Она поправила воротник своей фланелевой ночной рубашки и положила голову на подушку.

– Гортензия?

– Да, Луи.

Он перевернулся на бок лицом к ней.

– Я думала, ты спишь, – сказала она тихо.

– Я не могу спать. Ты сегодня выглядела дурой у этой кастрюли.

– Я что-то не так сказала?

– Нет. Ты навязывала людям свои *макарони*. Их никто не хотел есть.

– Мне хотелось, чтобы люди их попробовали. И все.

– Гортензия, ты должна остановиться. Ты не продашь этот соус.

– Луи, я знаю, что продам. Он особенный. Он вкусный. Его легко готовить.

– А почему ты решила, что можешь вообще что-нибудь продать?

– Я уже почти сорок лет работаю в фирме.

– Ну и что ты там продаешь? Чем ты вообще занимаешься? Ты же работаешь на чужих.

– Я управляю офисом. Через меня проходят все деньги. Я бухгалтер. И выучила азбуку Морзе.

– Не желаю слушать твои вечные разговоры о работе. Ты мне все уши прожужжала своей азбукой Морзе.

– Это опыт, Луи,

– Что ты хочешь сказать?

– Ты бы верил в меня время от времени. От тебя не убудет, а мне станет легче.

– Это твоя проблема. Ты постоянно требуешь похвалы, думаешь, что мир крутится вокруг Гортензии Муни. А ты должна всмотреться в себя и быть как Христос. Ты слишком много думаешь о себе и мирских делах. Надо искать смысл жизни.

– Господь не хочет, чтобы меня постигла неудача.

– Он хочет от тебя упорной работы, но той, которую ты знаешь как выполнять. Он хочет, чтобы ты заботилась о семье. И все. Больше ничего делать не надо.

– Я желаю большего.

– В тебе этого нет, Гортензия. Ты ничего не доводишь до конца. И никогда не доводила. По крайней мере, со дня нашего знакомства. Ты вечно затеваешь что-то и никогда не завершаешь. Мне самому пришлось закончить класть плитку в ванной. И покрасить ступеньки, когда у тебя вышел запал.

– Бедный Луи.

– Да, бедный. Без меня чего ты стоишь? Тебе пора подумать о ком-то еще, кроме себя, в этом доме.

Луи отвернулся. Сначала Гортензия была в такой ярости, что не могла пошевелиться. Но потом обдумала его слова и поняла, что больше обижена, чем разъярена. Она тоже отвернулась, подоткнула подушку под щеку и беззвучно заплакала.

Мэйбл Палаццини пулей пронеслась по бакалейной лавке, хватая ингредиенты для праздничного торта на день рождения дочери. Она завернула в молочный отдел и уперлась в Пичи Арриго.

– Привет, Мэйбл. – Пичи глядела на Мэйбл, ее огромные карие глаза сузились до размера черных мармеладин.

– Пичи? – отпрянула Мэйбл.

Беременная Пичи весила, должно быть, фунтов на шестьдесят больше, чем та, которую Мэйбл видела последний раз, годы тому назад, в подвальной комнате, склонившуюся над комодом Ники в поисках улики его местонахождения, когда он умчался из города, чтобы выдать себя за итальянского посла.

– Это я. – Пичи обвела рукой свое лицо, рисуя воображаемую рамку. – Где-то там.

– Отлично выглядишь, – солгала Мэйбл.

– Как ты можешь такое говорить? У меня руки как вареные колбасы. Жир везде. Я как глобус. Если начну вращаться, то слечу со своей оси.

– Но это полезный жир. То есть, я хочу сказать, вес. Ты же ждешь ребенка, – сказала Мэйбл ободряюще.

Пичи ревниво оглядела Мэйбл:

– Ты похудела.

– Джованне сегодня исполняется четыре года.

– Мать Божья, столько времени прошло с того дня, как Ники бросил меня?

– Боюсь, что да.

– Скажи мне, что он страдает.

– Ну, не совсем так. Он на телевидении.

– Что?

– В телевизоре.

– Да я знаю, что такое телевизор. У нас «Филко».

– Он играет в дневном сериале «Любовь к жизни».

– Я днем не смотрю. Мне нравится Милтон Бирли.

– Мне тоже. Но я смотрю Ники, когда глажу. Он поменял имя на Ник Карл.

– Дурацкое имя, – выпалила Пичи.

– Ему пришлось. Им не нравится Кастоне.

– И мне тоже, если честно. Пичи Кастоне звучало как фруктовая косточка, застрявшая в кишках.

– А мне нравится Кастоне. Прекрасная итальянская фамилия. Попробуй сказать по буквам Палаццини, когда на проводе телефонная компания.

– Арриго тоже непросто выговаривается, – вздохнула Пичи.

– А правда, что вы строите бассейн?

– Уже построили.

– С трамплином? – заинтересовалась Мэйбл.

– Ага. И с горкой для малыша, когда придет время. С фонтаном, льющим проточную воду, и с ночной подсветкой. Фрэнк особенно настаивал на этом аксессуаре. Выглядит как склеп в Сорренто.

– Мы ходим в общественный бассейн на Брод-стрит. – Мэйбл прижала руку к груди. – Как же тебе повезло.

– Повезет, если получится влезть в купальник и насладиться водой будущим летом.

– Ты влезешь. И вернешься в прежнюю форму, будешь снова стройняшкой.

– Ты так думаешь?

– Это называется «память тела». Где-то там, под всем этим жиром и жидкостью, сидит урожденная худая Пичи. И даже если это вранье, посмотри на меня. Весь жир слетает, когда бегаешь за детьми. И если ты вместо хлеба станешь есть сухарики и творог, пока он у тебя из ушей не ползет, то вот увидишь – похудеешь мгновенно.

– Ну, если ты так думаешь. – Пичи все еще сомневалась.

– Пичи, у тебя не очень счастливый вид.

– Когда у меня портится настроение с этой беременностью, я воображаю, как убиваю людей голыми руками, а потом бросаюсь оплакивать бедных дикарей во всем мире. У меня никогда так не менялось настроение, пока я работала в «Уонамейкере». Может, мне не суждено быть домашней хозяйкой.

– А кому суждено? Но со временем успокоишься, привыкнешь.

– И мой муж на это надеется. Бедняга.

– Ладно, ты бы навестила нас, обещаешь? – предложила Мэйбл.

– Это было бы неловко.

– Нет, не было бы. Честно.

– И неприлично тоже. Ноги моей не будет на Монтроуз, 810. Это как зыбучие пески глубочайшего позора, в которые меня засасывает до самого pupa всякий раз, когда думаю о Ники Кастоне. Меня тошнит сожалениями.

– Тогда встретимся где-нибудь за *канноли*. Как тебе это? – жизнерадостно предложила Мэйбл.

Мэйбл подтолкнула тележку к кассе, торопясь домой, чтобы испечь дочери торт. Она оглянулась на Пичи, стоявшую под слепящим светом молочного отдела, похожую на вулкан – ферротип, рекламирующий отдых в Гонолулу, из каталога, который рассылали по домам «Рыцари Колумба». Бедная Пичи. Хотя... На самом деле не такая уж бедная. Мэйбл трудно было ее жалеть – у нее же был бассейн.

Гортензия вышла из автобуса у Художественного музея Филадельфии. Она прошла через сад со скульптурами, миновала фонтан, увлажнивший ее лицо вместе с летним ветерком.

В музее она предъявила удостоверение выпускницы колледжа Чейни, дающее право на свободное посещение, взяла карту музея и вошла в атриум. Выложенная мрамором комната освещалась бледно-голубым естественным светом, льющим из купола над головой. Когда она шла по галереям, где картины Караваджо висели на фоне девственно-чистых стен, то была очарована сочетанием красок: небеса бирюзового цвета, золотые облака с серебристыми проблесками у краев, бордовые пейзажи, испещренные бледно-лиловой листвой. Фигуры на картинах притягивали Гортензию, их черты напоминали ей о живописном клане Палаццини, который выражал эмоции – неважно, сильные или слабые – с той же остротой и яркостью.

Гортензия не стала бродить по галереям, не присоединилась она и к экскурсии. У нее была особая цель – передвижное собрание старинных карт, которое сейчас путешествовало по музеям Америки, открылось здесь для обозрения.

Гортензия вытащила из сумки газетную вырезку со статьей. «Филадельфийский бюллетень» сообщал, что карты Италии, в том числе карты области Венето, где столицей была Венеция, будут выставлены в музее под стеклом, потому что они очень древние и хрупкие. Самая ранняя из них датировалась 1350 годом. Экспозиция Кэрол Вайнштейн доступна для обзора только месяц. Минне хотелось, чтобы Гортензия когда-нибудь посетила Венецию, но, поскольку такое вряд ли случится, пусть хотя бы карты откроют то, чего она никогда не увидит.

Гортензия пронеслась мимо ярких фресок, пастелей и скульптур и

нашла карты. Она ждала своей очереди, пока группа студентов толкалась вокруг них, отошла в сторонку, пока профессор и его группа из университета Темпла изучали одну из карт. Когда наконец студенты освободили экспозицию, она достала из сумки карандаш и бумагу и составила список селений в области Венето. Она также записала названия улиц, мостов и дворцов Венеции, а затем перешла к диораме, изображающей Тревизо и фермы, усыпавшие холмы на подступах к Доломитовым Альпам.

Ее взгляд остановился на палаццо в окрестностях города Годега-ди-Сант-Урбано. Палаццо называлось «Вилла Гортензия», оно принадлежало семейству Борда, и однажды там гостил сам Микеланджело.

– Вот это да, – пробормотала Гортензия себе под нос.

Она отошла к окну и написала: *«Вилла Гортензия», отменный итальянский томатный соус.*

Ее мечта обрела имя.

Гортензия села на автобус, пустившись в обратную дорогу на Шарлот-стрит, сошла с него, перешла на другую остановку и стала ждать следующего, идущего на другой конец города. Она не могла стоять спокойно и слегка раскачивалась на каблуках. Гортензию переполнял энтузиазм, которого хватило бы на двоих. В автобусе она заняла место у окна. Подъезжая к своему району, она взглянула в окно во время стоянки на светофоре и увидела мужа на углу Макдауэлл-стрит. Он одиноко стоял и смотрел на часы. Гортензия вскочила и попыталась открыть окно, чтобы крикнуть ему, но щеколду заело. Она сдалась и села.

И тут к Луи подошла женщина, знакомая Гортензии по церкви. Это была новая прихожанка, вдова, насколько она помнила. Все упало в Гортензии, когда она увидела, что ее муж наклонился и нежно поцеловал в губы нового члена общины. Она вскочила с сиденья, а Луи снова поцеловал эту женщину.

Потом Луи Муни предложил ей руку, и та приняла ее так же привычно, как водитель автобуса принял у Гортензии плату за проезд. Гортензии Луи не предлагал так руку уже много лет. Она наблюдала за изысканными манерами мужа, достойными какого-нибудь графа, и ей казалось, что она видит совершенно незнакомого человека, демонстрирующего повадки, каких она не встречала с детства, когда ее отец с таким же уважением относился к ее матери.

Гортензию прошиб тревожный пот. Автобус застрял в уличном заторе, пока ее жизнь проносилась мимо. Все странное и таинственное, что в последние годы сбивало ее с толку в Луи Муни, наконец-то прояснилось.

Автобус рванул вперед, мимо одной остановки, другой, а Гортензия лихорадочно думала. Все бесчисленные малоубедительные отговорки, которыми Луи год за годом объяснял свои отлучки, начали выстраиваться в ее воображении, словно папки в шкафу, одна за другой. Поскольку она была женщина благочестивая, ей понадобилось увидеть, чтобы увериться. Она подняла руку и дернула за веревку, давая знать водителю, что хочет выйти, потом ухватилась за поручень у задней двери автобуса, боясь, что ноги ее подведут. Она не могла дышать.

Когда дверь открылась и свежий воздух ударил в лицо, она разрыдалась. Она давно убедила себя, что любовь, соединившая их с мужем вначале, может быть спасена, если они будут молиться вместе и свяжут себя обязательствами сохранить брак. Она собиралась снова начать внимательнее относиться к Луи, давать ему то, в чем он нуждался, но время, работа и другие обязательства слишком отдалили их друг от друга. И из-за этого ей стало труднее протянуть ему руку над пропастью, хотя должно было бы стать легче.

Мать, которой давно уже не было на свете, учила ее, что мужчины плохо обращаются с женщинами, когда сами дурно ведут себя за их спиной.

Гортензия понимала, что Луи трудно пришлось, и она могла понять, почему он вымещал на ней свое разочарование. В конце концов, она была его женой. Она бы прятала эту мерзость от людских глаз, да и прятала многие годы. Но ей все равно было больно, и сейчас боль вовсе не уменьшилась, когда Гортензия наконец поняла, что происходило на самом деле, увидев это собственными глазами. Только теперь Гортензии стало безразлично, что кто-нибудь окажется свидетелем ее горя.

Посторонняя девушка лет двадцати положила руку в белой перчатке на руку Гортензии и полезла в сумку за платком. Она рылась там, пока не нашла крахмаленный белый хлопковый носовой платок, который и протянула Гортензии. У девушки была кожа цвета густого кофе, гладкая и чистая.

– Вы в порядке, мэм?

Гортензия приняла платок и вытерла слезы.

– Оставьте себе. – Девушка погладила руку Гортензии и растворилась в толпе на тротуаре.

Гортензия стояла под навесом, комкая платок в руке. Она не оплакивала свой брак, потерю мужа или даже гибель своих лучших надежд. Она оплакивала потерянное время. Его уже не вернуть. Она вышла из тени навеса под солнечный свет. Если что Гортензия Муни и знала в

этой жизни, то это как ходить во свете^[102].

Телестудия Си-би-эс занимала целый квартал Нью-Йорка у реки Гудзон. Внутри свободного от перегородок пространства первого этажа декорации для съемки телепередач, в том числе выпусков новостей, сериалов и всевозможных музыкальных программ, сдвигались, подкатывались, перемещались и ставились на место при помощи колесных платформ. Сверху все кабели электропроводки были свернуты и заправлены в сетку под потолком, дабы не мешать свободному перемещению камеры. Тускнели осветительные приборы, и в мгновение ока взлетали перегородки, превращая гостиную в кухню, а потом в больничную палату, трансформирующуюся в магазин, затем в стойку для ведущих последних известий с картой мира на заднем плане.

В самом центре этой арены чудес находилась Глория Монти – методичный невозмутимый режиссер всего этого действия, сочинявшая и воплощавшая сцены сериала согласно полученным от писателей сценариям. Телевидение – это не кино и не Бродвей, так что Глория была вольна изобретать собственные подходы к постановкам новой драматургической формы, которая не подавала никаких надежд на долговечность, будучи всего лишь модной новинкой. Но она выполняла свою работу, делала то, что умела лучше всего: подбирала интересный актерский ансамбль, предоставляла им захватывающие сценарии и создавала благоприятную семейную атмосферу, помогающую артисту отважиться на эксперимент. Дневной сериал развивался так стремительно, что, если одна сцена не удавалась, следующая уж точно обещала успех. Задача состояла в том, чтобы события продвигались на высоком накале, а это подразумевало, что именно тщательно прописанные персонажи несли основную смысловую нагрузку в сериале. И вот тогда женщина, сидя у себя дома перед телевизором, начинала смотреть *свои собственные истории*, какие прежде слушала в многосерийных радиопостановках или читала в романах с продолжением из любимых журналов.

Для Глории Монти и других серьезных театральных артистов телевидение еще не оформилось как вид искусства, слишком уж оно было ново для подгонки под какие-то категории, но оно быстро стало тем, чем сцене никогда не бывать, – прибыльным способом заработать на жизнь.

– Вон он, вон там! Это же Ники! – Мэйбл тыкала пальцем в стекло смотровой комнаты для публики.

– Как бы услышать, что он там говорит? – спросил Дом. – Почему

ничего не слышать?

– Папа, нам же сказали, что мы ничего не услышим, только посмотреть сможем.

– Тоже мне новинка. Как в немом кино. И зачем мы приперлись. Остались бы дома и все слышали бы.

– Какой же он красавчик! Самый красивый из всех! – Восторгам тети Джо не было конца.

– Вот уж не знал, что он на такое способен, – произнес Дом, наблюдая, как Ники ссорится с каким-то персонажем. – В жизни не видел, чтобы он взрывался. А ведь он долгонько прожил у нас, а, Джо?

– Двадцать пять лет.

– Гляньте на него. Вид у него такой, как будто голова сейчас хлопнет и отскочит, словно пробка из бутылки.

– Папа, это только игра, – сказала Лина, садясь на скамейку. Она была уже на сносях и слегка отекала. – Это все понарошку.

– Спорим, и я бы так смог! – заявил Джо.

– Куда тебе играть, – отбрила его Мэйбл, – ты наихудший враль на свете.

Джо засопел.

– Как по мне, ничего тут трудного.

– Это очень трудно, – сказала Эльза. – Ники учился у Глории Монти. У него это не от рождения получается.

– Но выглядит очень натурально, – восхитился Доминик.

– А что это за персик с ним рядом в розовом костюме? – поинтересовался Дом.

– А это звезда сериала, – объяснила Лина.

– Понимаю почему. Все при ней.

– Долго еще? – шепотом спросила Лина у Нино.

– Еще пару минут. Тебе нехорошо?

– Нормально. Только ноги опухли.

– Я машу-машу Ники. А он нас видит? – спросила тетя Джо.

– Нет, Ма. У них тут специальная пленка на стекле, так что мы его видим, а он нас – нет.

– Что там происходит?

Съемная площадка развалилась на части, прожекторы взлетели к потолку, камеры отъехали, а платформы с декорациями укатились в сторону.

– Ну вот и все, – сказал Доминик.

– Съемка кончилась? – Мэйбл встала.

– Видишь красный огонек? Они убирают декорации, – показал Джо пальцем.

Ники пробрался сквозь команду работников на площадке и вошел в комнату для зрителей. Семейство встретило его горячими рукоплесканиями.

– Мы не слышали ни слова, но смотришься ты отлично, – с гордостью сказал дядя Дом.

– Ты самый лучший актер в этом шоу, – с восторгом воскликнула тетя Джо.

– Она так говорит, но, положив руку на сердце, она неровно дышит к этому Джо О’Брайену, – пробурчал Дом.

– Да и я тоже! Он из Скрентона, представляешь? – проворковала Лина.

– Отличный парень, – подтвердил Ники. – Как там детишки? – Ники обнял всех кузенов и кузин.

– Джованна уже спит всю ночь напролет! – похвасталась Мэйбл.

– Доминик IV учит алфавит, – похвалился его отец. – А Джозеф уже знает цифры.

– Э-э! – покачал головой Ники.

– Не беспокойся. Дядя Джо его блек-джеку не учит.

– Покамест, – хохотнул Джо.

– Видишь, Лина, сколько у тебя всего впереди.

Лина расплакалась.

– Знаю.

– Прости, пожалуйста.

– Дело не в тебе, Ники. Я свихнулась. То смеюсь, то плачу. Не знаю, что это со мной такое.

– Ничего с тобой такого – ты просто носишь ребенка. Тебе надо немного отдохнуть. Пойдемте-ка все ко мне?

– Мы – с удовольствием, – сказала тетя Джо.

– Фотографии были роскошные. У тебя даже летний сад на крыше!

– Спасибо рекламе «Лаки Страйк».

– Да они тебе вдвойне должны платить, ты их с тринадцати лет смолишь, – пошутил Джо.

Вошла Глория в роскошном платье из изумрудной парчи с черной отделкой. Только наушники, висевшие у нее на шее поверх жемчужного ожерелья, выдавали в ней режиссера.

– Это твоя семья? У меня такое чувство, что я давным-давно вас всех знаю.

– Знакомьтесь, дорогие мои, это Глория Монти, режиссер нашего

шоу, – представил Ники Глорию всему семейству.

– Стройняшка, – похвалил Дом. – А вы красотка.

– Но в ее работе нужны не абы какие мозги, Дом, – укорила его тетя Джо.

Палаццини окружили Глорию и мгновенно нашли общий язык – ведь она была итальянка из Нью-Джерси и хорошо понимала уроженцев Саут-Филли. К тому же она взяла на работу одного из них, так что и сама вошла в их круг. Ники выудил из кармана пачку сигарет. Он стоял в сторонке и наблюдал, как его нынешняя жизнь перемешивается с жизнью прежней, словно виски со льдом.

– До чего же итальянская у тебя семья, Ник!

– Это комплимент? – Дом испытующе посмотрел на Глорию.

– Еще какой! Я ведь тоже итальянка.

– Мы правим миром, – гордо заявил Дом.

– Не забудьте ирландцев! – завопила Мэйбл.

– Как их забудешь! Я замужем за ирландцем, – засмеялась Глория.

Лишь после того, как Ники покинул дом 810 по Монтроуз-стрит, он понял со всей определенностью, как сильно его любят. Все эти годы он был уверен, что он обуза, докука, лишний рот, нахлебник, который с раскладушки в комнате Нино перебрался сначала на койку в комнате Джо, а потом в комнату в подвале, где и оставался вплоть до дня своего отъезда в Нью-Йорк. Все это время Ники считал себя бедным родственником, носящим другую фамилию, чьи родители умерли, оставив его на попечение единственных близких, приютивших его. Но Ники ошибался, кругом ошибался.

Ники Кастоне был утешением своей тете, верным другом своим кузенам, помощником для их жен и трудолюбивым работником в нелегком дядином бизнесе. Но из-за собственных комплексов, необходимости подстраиваться, влезать в одежду Палаццини и надеяться, что она ему впору, он не мог утверждать, что собственная жизнь действительно принадлежит ему. Все это время он сидел на чемоданах, так и не распаковав их, в вечном ожидании, что его попросят на выход. Теперь он знал: они хотели, чтобы он остался.

Почему, чтобы узнать, кто они на самом деле, ему нужно было их покинуть? Почему Ники не видел их так же явственно, каждый вечер сидя с ними за одним столом? Он так хотел, чтобы они его любили, и они любили его, любят и будут любить всегда. Палаццини вырастили Ники Кастоне, и он стал одним из них.

Горе, спутанные тернии сожаления, безнадежности и страха разрослись

вокруг его сердца с тех пор, как умерла его мама. Единственный способ избавиться от этих терний – уничтожить их на корню, отрезать от источника, их питавшего, от чувства вины. И теперь впервые за долгое-долгое время Ники перестал сожалеть, что его жизнь не сложилась иначе. Он избавился от угрызений совести, терзавших его, поскольку винил себя в смерти матери.

Долгие годы он считал себя недостойным собственного дома и семьи. Он был одинок, покинут. И поэтому обстоятельства были не важны в сравнении с постоянным ощущением неуместности, с которым он жил. Ники усвоил, что чувство защищенности, проистекающее от знания, где находятся твои родители, когда ты ложишься вечером спать, – не данность, но дар. Теперь, став мужчиной, он осознал, что в детстве почти ничего не потерял, потому что его любили, и все же, несмотря на всю заботу, поддержку и ободрение, ничто не могло заменить ему мать. Хотя мать в своей юной рассудительности сделала все, чтобы увериться: у него есть все необходимое. Она мудро выбрала себе замену. Сердце Ники переполняла благодарность к тете Джо, женщине, которая его вырастила, и к ее мужу, заменившему ему отца, и к кузенам, ставшими ему братьями.

– Ты прославился, Ники! Сестричка так гордилась бы тобой!

– А вы? – спросил Ники у Джо, ибо ее мнение значило для него не меньше.

– И словами не передать, как я тобой горжусь, – уверила его Джо.

Ники обнял тетю, а потом обратился к остальным:

– Кто хочет есть?

Палаццини заговорили все разом, перекрикивая друг друга, куда идти, что бы им съесть и как сильно они проголодались. Ники пропустил всю эту какофонию мимо ушей – привычную музыку, сопровождавшую всю его жизнь в Саут-Филли, и повел семейство из студии в ресторан по соседству. В кои-то веки не как гость, а как хозяин.

В тот день пополудни багровые листья облетали с кленовых веток, медленно устлая землю за окном кухни Мэйми. Осень рано пришла в Розето. Мэйми захлопнула кухонное окно, открыла клапан на радиаторе под ним, и оттуда со свистом высвободился теплый пар. Она положила руки на еще холодный металл, и тут в дверях показался ее муж Эдди Даванцо. Он вошел и протянул Мэйми буханку свежего хлеба из пекарни Ле Донне, поцеловал жену в щеку и повесил полицейскую фуражку на крюк.

– Я разогреваю суп.

– Ауги остался в школе после уроков.

– Он что-то натворил?

– Монахини попросили нескольких ребят помочь перетащить кое-какие коробки. Сестра Эрколина обещала их покормить.

Эдди отстегнул кобуру и положил пистолет на холодильник.

Мэйми улыбнулась и налила супа в миску.

– Когда Ауги счастлив, и ты счастлива, – заметил Эдди.

– Ты тоже будешь счастлив, когда родится малыш.

Мэйми поставила перед мужем миску с томатно-рисовым супом и протянула ему льняную салфетку, потом отрезала теплого хлеба. Эдди намазал ломоть маслом и обмакнул его в суп. Мэйми налила ему стаканчик красного вина. Она придирчиво оглядела яблоки в деревянной плошке на подоконнике, выбрала поспелее и порумянее, села рядом с мужем и принялась нарезать для него яблоко дольками.

– Жду не дождусь, чтобы вернуться на работу, – призналась Мэйми.

– Когда родится ребенок, тебе будет некогда скучать по работе.

– И все равно я буду.

– Ты единственная знакомая мне женщина, которая не жалуется на свою работу на фабрике.

– Там я чувствую, что выполняю что-то важное. Вот сколько уже можно натирать полы? Они и так блестят, как лед на катке.

Мэйми встала, вышла в гостиную и включила телевизор. «Филко» загудел, разогреваясь, потом появилось изображение. Мэйми вернулась в кухню и взяла графинчик с оливковым маслом из набора специй на столе.

– Кожа пересыхает? – спросил Эдди.

– Немножко.

Мэйми прошла в гостиную с графинчиком в руках. Картинка по телевизору была не очень отчетлива, черно-белая с сероватыми оттенками. Джинкс Фалькенберг рекламировала «бьюик-скайларк». Мэйми понравилась ее шляпка: леопардовая лента, поля из черного бархата. Приглядевшись повнимательнее, Мэйми решила, что это, наверное, изделие модного дома Хелен Розенберг. Когда Мэйми вернется на работу, она купит себе такую же.

Капнув несколько капель масла на ладони, Мэйми потерла ими друг о друга, согревая масло. Она просунула руки под широкую блузу и принялась нежно массировать живот, когда мужской голос по телевизору объявил: «А теперь – продолжение нашей истории». На экране появилась надпись «Любовь к жизни».

– Эдди, иди сюда! Сериал начался.

– Мне нужно обратно на работу.

– Ну хоть минутку посмотри.

Эдди стоял в дверном проеме. Не было такого, чего он не сделал бы для Мэйми, поэтому он уселся рядом с ней на диван.

– Это не для меня, – сказал он.

– Тебе же нравится «Одинокий рейнджер».

– Там хоть приключения. А тут вроде как я у мамы дома, мы сидим за кухонным столом и слушаем, как она сплетничает со своими сестрами.

– Чутьочку похоже. – Мэйми прищурилась на экран. – Вот он, гляди!

– Ага, это он! – подтвердил Эдди.

– Похудел.

– Голодающий художник.

– Профессиональный актер.

– Ты так считаешь?

– Он каждый день снимается. Наверняка неплохо зарабатывает.

– Сколько человек смотрят сейчас это шоу? Не так уж много, наверное.

Мэйми не сводила глаз с Ники, играющего в эпизоде. У Ники был особый талант, способ бытия, выходящий за пределы черно-белой сумятицы изображения. Он выделялся, проступал как-то резче, явственнее, свет бил ему в лицо, и оно озарялось, как луна на черном ночном небе.

– Скучаешь по нему? – спросил невзначай Эдди.

– Господи, нет, конечно.

Мэйми посмотрела на мужа и похлопала его по бедру. Прошло несколько лет с того юбилея, но память о двух Карло сохранилась.

– Зачем тогда смотришь?

– Не знаю. Наверное, потому, что он – единственная известная персона, с которой я лично знакома.

– Но он же самозванец!

– То есть ты считаешь его преступником?

– Он притворялся другим человеком.

– Из добрых побуждений. – Губы Мэйми расплылись в улыбке, когда она припомнила, как впервые услышала акцент Ники и как он бросил коверкать язык ради нее.

– Уж и не знаю, каким заклятьем он приворожил всех местных женщин, – посетовал Эдди.

– Эдди.

– Просто любопытно. Мне действительно хотелось бы знать. Он будто пробудил женщин от мертвого сна. Толпа воскресших Лазариц, скользящих по паркету.

Мэйми замахала на Эдди, чтобы тот утих и не мешал ей смотреть. Муж согрел в ладони капельку оливкового масла и начал втирать его Мэйми в живот. Она закрыла глаза и наслаждалась теплом его касаний и ровным жаром масла, проникающего в кожу.

– Я чувствую, как он толкается, – сказал Эдди гордо. – Тренируется.

– Этот ребенок никогда не останавливается.

– Интересно, о чем он там думает?

– Думает о том, что он в безопасности, – сказала Мэйми, поднеся мужнины руки к губам и целуя их.

– Еще бы, его папа – коп.

– И он живет в Розето, где ему ничто не угрожает.

– Потому что мы здесь заботимся друг о друге.

– Вот и Ники так сказал.

– Самозванец.

– Актер. Сыгравший посла. И он все-таки восхищался этими нашими качествами. Восхищался Розето. Ему понравилось, что мы в Розето как одна семья, как его семья из Саут-Филли. Как мы заботимся друг о друге, присматриваем за детьми, делимся урожаем из сада, заботимся о наших стариках, а когда делаем что-то небольшое – печем пирог, например, – то печем два, чтобы поделиться с соседом. Он был одним из нас.

– Так он нас и надул, – кивнул Эдди. – Мы ему поверили, потому что он был совсем как мы.

– Незнакомец может прийти и стать частью семьи.

Ники снова появился на экране, и Мэйми жестом попросила Эдди помолчать. Ники в телевизоре закурил сигарету и облокотился о барную стойку на заднем плане, а на переднем ссорилась пара. Ники не сводил со спорщиков глаз, и зритель у себя дома тоже невольно сфокусировался на них.

– Ты так и не ответила на мой вопрос, лапочка.

– На какой? – Мэйми оторвалась от экрана.

– Почему все женщины так запали на него?

– Эдди, сейчас это уже неважно. Это вчерашние новости. Неактуальные.

– Я хочу знать.

Мэйми вздохнула:

– Хорошо. – Она расправила на животе свою просторную блузу и посмотрела мужу в глаза: – Он умел слушать.

Поместье Олдфилдов в Радноре – роскошный тюдоровский особняк –

возвышалось на холме над широким лазурным озером, таким огромным, что вода отражала фасад до самой крыши. Тропинки, ведущие к дому от круговой подъездной дороги, ковром устилал изумрудный мох. Гортензия шла и не слышала собственных шагов. Она заметила, что богачи любят тишину: спокойствие – привилегия достатка. У дверей Гортензия несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, перед тем как нажать на золотую кнопку звонка.

Двери открыл дворецкий.

– Что вам угодно? – спросил он с изысканным британским акцентом.

– Я миссис Муни. Миссис Тернбоу организовала мне встречу с миссис Олдфилд.

Дворецкий пригласил Гортензию войти. Она стояла в просторном холле под сверкающей люстрой, усыпанной ониксовыми сосульками и хрустальными медальонами. Гортензия никогда еще не видела люстр из черного хрусталя, но эта ей понравилась.

Дворецкий сопровождал Гортензию в библиотеку. Круглая комната от пола до потолка была уставлена книжными полками. Стены покрывала красная жаккардовая ткань. Гарнитур из кресел и дивана, обитых кожей цвета зеленой листвы, расположился перед камином.

Эдна Олдфилд встала из-за письменного стола. Она была высока и поджара, с перламутрово-белыми волосами под стать жемчугам на шее. Костюм строгого покроя из темно-синей шелковистой шерсти соответствовал высоким стандартам Мейн-Лайн.

– Спасибо, что согласились встретиться со мной сегодня, – начала Гортензия, когда они уселись друг против друга в креслах у камина.

– Миссис Тернбоу говорит, вы славно потрудились.

– Да, это так. У меня есть увлечение, и я кое-что создала. Я уверена, что это нечто совершенно особенное и очень ценное. – Гортензия выпрямилась в кресле.

– Миссис Муни, расскажите мне все по порядку.

– Я познакомилась с одной итальянкой родом из Венеции. И она поделилась со мной своим потрясающе вкусным томатным соусом. Ее больше нет, но, перед тем как покинуть этот мир, она оставила мне рецепт соуса и его секретный ингредиент. Я два года тестировала его, делая закрутки самостоятельно, и теперь я готова продавать это широкой публике.

– Предположим, что это наилучший соус за всю историю существования соусов.

– Так и есть.

– Почему мне следует вложить в вас мои деньги? – Хозяйка поглядела на Гортензию с прищуром.

– Потому что вы заработаете еще больше. Гораздо больше, – прищурилась Гортензия в ответ.

– А почему мне не следует вкладывать в вас мои деньги?

– Потому что я – цветная?

– Убедительно. Зачем кому-то покупать итальянский соус у цветной леди?

– Потому что единственный цвет, который люди увидят, – красный. Маринара. Рецепт итальянский, полученный от чистокровной венецианки. Хотя из курса истории мне известно, что рынок специй процветает в Венеции с тринадцатого века. Я представляю, как мои африканские предки отправляются на кораблях в Италию с грузом кардамона, корицы, аниса. Можно сказать, что у моего народа долгая история взаимоотношений с венецианцами.

– Чудесный рассказ.

– Я не могу изменить цвет своей кожи, миссис Олдфилд. Но, попробовав этот соус, вы не захотите изменить в нем ни один ингредиент. Никому не пришло в голову отказаться от радия мадам Кюри из-за того, что она – француженка.

– Справедливо.

– «Вилла Гортензия» – это не лицо на этикетке, это аромат и вкус в банке. И я готова трудиться ради того, чтобы правильно расфасовать этот продукт, выставить его на полки магазинов и продавать по всей стране.

– Вы уже немолоды, миссис Муни.

– С этим я тоже ничего не могу поделать. Я всю жизнь потратила, чтобы прийти сюда. И мне не за что извиняться, меня нельзя винить за слишком долгий путь к успеху. У американской мечты нет предельного срока годности. И у моей мечты его нет. Но если вас беспокоит мой возраст, то почему бы нам не обратиться к мудрости вашего мужа, который оставил компанию именно вам.

– Он доверял мне.

– Это было больше чем доверие. Он, по всей видимости, думал, что у вас достаточно ума и умения, чтобы управлять корпорацией.

– Верно.

– И вы ведь тоже не были молоды, когда приняли бразды правления, не так ли?

– Да уж.

– Тогда давайте перенесем мой опыт и мудрость в колонку плюсов.

– Давайте, миссис Муни.

– Вы уже обедали, миссис Олдфилд?

– Нет еще.

– Можно я приготовлю вам обед?

– Как-нибудь в другой раз. – Эдна Олдфилд выдавила улыбку. – После обеда у меня важная встреча. Я передаю управление компанией сыну, и сейчас у нас очень много подготовительной работы.

– Мне нужно ровно столько времени, чтобы вскипела вода.

– Сегодня не самый подходящий день. – Эдна Олдфилд встала.

Дворецкий отворил двери библиотеки, чтобы проводить Гортензию к выходу. Гортензия тоже встала.

– Миссис Олдфилд, я сегодня добиралась сюда тремя автобусами. И даже вспоминать не хочется, сколько мне пришлось идти пешком до этих автобусов. Вы оказали мне любезность, встретившись со мной, и ничем мне не обязаны. Хотя на вашем месте я бы попробовала соус, просто из интереса. Вы же хотите передать своему сыну самую лучшую компанию? Хотите, чтобы он оказался в самом выгодном положении, когда новость разойдется и рынок отреагирует на нее?

– Что вы имеете в виду?

– Видите ли, у меня по плану еще три встречи. Следующая – в суповой компании «Кэмпбелл». Вот именно. Вы о них наслышаны. Владеет ею семейство Дорранс. Они живут тут неподалеку – за восточным холмом. Одна остановка автобусом. И они хотят выйти на рынок итальянских продуктов, потому что им нравится количество нулей в прибыли от продаж «Шеф-повара Боярди». Уверена, вы и сами в курсе. А теперь вы можете получить такие же цифры от соуса «Вилла Гортензия». Я ведь немного прошу, миссис Олдфилд, – всего двадцать минут, чтобы убедить вас. Попробуйте его сами, пока не поздно. Испытайте мой соус, и я гарантирую, что вам захочется иметь дело с человеком, который вовлечет вас в рынок итальянских продуктов. А теперь могу я приготовить для вас *макарони*?

– Хорошо, миссис Муни, – вздохнула Эдна.

– Огромное вам спасибо! – Гортензия повернулась к дворецкому: – Где тут у вас кухня?

Лина Палаццини демонстрировала Мэйбл шляпку последней модели от Даше – розовый шелк с большой бирюзовой пуговицей на тулье. В «Да Понте» как раз получили последний заказ из Нью-Йорка, а значит, женщины Саут-Филли наводнили щеголеватый магазин в погоне за модными обновками. Магазин был выкрашен в нежно-розовый цвет, стеклянные шкафчики вдоль стен были уставлены шляпами на проволочных болванках. Зеркальная стена отражала покупательницу во всех ракурсах, что превращало процесс примерки новых шляп от Лили Даше, «Мистера Джона», Нетти Розенштейн^[103] или парижской новинки от Люре в истинное наслаждение.

– Лина, тебе идет клош, – заметила Мэйбл, – у тебя маленькая голова. А мне необходимы поля пошире.

– У них есть сногшибательная гондольерская шляпа. – Лина протянула ей большую шляпу.

– Если я это куплю, муженек усадит меня в каноэ и заставит катать

туристов по Делавэру, – пожаловалась Мэйбл. – Не хочу подбрасывать ему такой повод.

Входная дверь открылась под перезвон колокольчиков. Продавщица Фрида высунула голову из задней комнаты. Лина подняла глаза и увидела Джун и Диану, которые были замужем за кузенами ее мужа, Мики и Трики, Палаццини с Фицуотер-стрит. Леди дополняли друг друга – обе шикарные, ухоженные. Джун – стройная брюнетка, фигурой напоминающая бутылку кока-колы, зато Диана – кудрявая блондинка, фигурой точь-в-точь бутылка «севен-ап».

– Привет, девушки, – окликнула их Мэйбл со скамейки, – то есть кухни.

– Привет, – хором ответили Джун и Диана.

До этого кухни довольно долго простояли напротив магазина, избегая встречи с Мэйбл и Линой, пока Мэйбл не надела гондольерскую шляпу.

– А знаете что, мы ведь могли бы подружиться, – громко сказала Мэйбл.

Диана и Джун переглянулись, а мгновение спустя Диана набралась смелости:

– Ты так считаешь?

– А почему бы и нет? Не мы начали эту бузу. Лично я считаю, что у Палаццини, честно говоря, полно недостатков. Но не настолько же, чтобы из-за этого устраивать вендетту. А вот им, похоже, не хватило ума посмотреть на вещи с этой стороны.

– Мэйбл! – попыталась осадить ее Лина.

– Я просто хочу сказать, что нам с девушками следует подружиться, потому что у нас наверняка много общего. Правда же?

– Я тоже так считаю, – глянула на Лину Диана. – Я шла сюда, чтобы купить вот эту самую шляпу.

– Видишь! Уже прогресс! – Мэйбл примерила гондольерскую шляпу. – Как вам она?

– На тебе она мне не нравится, – сказала Джун.

– Мы очень сильно подружимся, – заверила ее Мэйбл. – Ты искренняя.

Мэйбл сняла шляпу и отдала ее Джун.

– Тебе больше пойдут загнутые поля, подчеркнут глаза. – Джун протянула Мэйбл чудесную лазоревую соломенную с бантом в виде орхидеи.

Мэйбл надела ее. Шляпа озарила ее лицо романтическим сиянием, как голубая луна. Лина пришла в восторг:

– Она права!

- Ни слова не скажу нашему свекру, – сказала Мэйбл.
- И мы своим ничего не скажем, – пообещала Джун.

Прошло несколько недель с тех пор, как Гортензия Муни приготовила *макарони* с соусом для Эдны Олдфилд. Даме блюдо очень понравилось, о чем она не преминула сообщить. Гортензия удостоверилась, что Эдна взяла еще одну порцию с собой в контору, сыну на пробу. И даже оставила кухню такой же незапятнанной, в какую вошла. Гортензия не знала, как еще убедить Эдну принять ее соус в производство.

Поскольку вестей от миссис Олдфилд все не было, Гортензия решила провести время в Публичной библиотеке, сделать кое-какие маркетинговые выкладки. Она сплела убедительную басню о конкуренции в деле производства продуктов питания, теперь ей были необходимы факты для ее подтверждения. Наверняка в стране имеются другие компании, заинтересованные в изготовлении и продаже консервированного итальянского томатного соуса. Гортензии просто нужно было их отыскать.

Гортензия уже надевала шляпку, когда застрекотал телеграф. Она вздохнула и снова села за стол. Пригнув голову, Гортензия положила большой палец на рычажок и приняла сообщение.

ТЕЛЕГРАММА

КОМУ: ГОРТЕНЗИИ МУНИ

ОТ: ЭДНЫ ОЛДФИЛД

КУПЛЮ ВАШ СОУС. ПРИХОДИТЕ В ОФИС ЗАВТРА К 9 УТРА.

Э. О.

Рука у нее задрожала. Она проверила сообщение. Дважды. И в третий раз. Она отпечатала телеграмму, наклеила полоски с текстом на свой любимый бланк с ажурным изображением золотистых ангелов на фоне сердечек и положила в конверт, отстучав на нем собственный домашний адрес. Телеграмму она спрятала в сумочку.

Гортензия отперла нижний ящик конторского шкафа, где она хранила свои припасы: пакетик изюма в шоколаде, банку растворимого кофе «Санка» и пачку личной корреспонденции, порылась среди папок, пока не нашла одну, на которой ее собственной рукой было выведено: СВОБОДА. Гортензия вытащила незаклеенный конверт с машинописным письмом внутри. Она развернула письмо без даты, отпечатанное почти тридцать лет назад, и прочитала:

Уважаемые мистер и миссис Палаццини!

Я благодарна вам за постоянную работу, предоставленную мне вашей компанией. Пришло время двигаться дальше, и этим письмом я почтительно прошу об отставке.

Желаю вам всего наилучшего. Спасибо вам.

Искренне ваша,

Гортензия Муни

Гортензия заправила письмо в машинку и ввпечатала сегодняшнюю дату.

Потом достала авторучку, встряхнула ее и вывела цветистую подпись в нижнем уголке письма. Пока она надевала шляпу, чернила высохли. Гортензия оставила письмо на столе, положила пакетик изюма в шоколаде и банку с кофе в сумочку и звонко защелкнула замочек.

В тот вечер Гортензия не стала садиться в автобус, чтобы ехать домой. Она миновала улицы двух итальянских кварталов, один ирландский, еврейский и один чужой квартал для цветных, пока не добралась до своего собственного. В общей сложности она прошла четыре мили, но ничего не почувствовала, ни единый шаг не сказался на ее коленях или бедрах, потому что ног под собой она не чуяла, асфальт превратился в воздух. Она парила по улицам, как мыльный пузырь, а безоблачное небо над ней переливалось, подобно отрезу серебристого муара.

Нежданно-негаданно, сама того не желая, Гортензия нашла свою божественную цель. Всю свою долгую жизнь она ждала этой минуты. Она настолько жаждала ее появления, что часто путала ее с другими, менее важными. Когда она училась печатать на машинке, и когда закончила среднюю школу – лучшей в классе, – и когда двоюродная бабушка оставила ей акр земли в Нью-Джерси, и когда она отучилась в Чейни, и когда выучила азбуку Морзе, она считала, что эти достижения, навыки или умения выведут ее на прямую дорогу навстречу ее, неведомому пока, предназначению. Но не тут-то было. Разумеется, все они были вехами ее роста, стрелками, указывающими верное направление, но ни одна из них не вела к цели.

Ее цель – «Вилла Гортензия».

Гортензия использовала свое чувство вкуса, свой талант кулинара, свою близость к итальянскому народу и любовь к помидорам, чтобы создать продукт, который будут покупать. Томаты – это жизнь. Они вкусны, изобильны, равно любимы королями и крестьянами. Они прекрасны на вид, богаты цветом, округлы и пышны. Гортензия научилась ценить в простом помидоре каждую его часть: упругую кожицу, сочную мякоть и

даже такой бесполезный элемент, как семечки, лежащие в бороздках сердцевины, словно драгоценные жемчужины.

Предприниматель-новичок воспользовался мудрым советом. Она послушалась Минну, доверилась ей, и это расчистило перед ней дорогу к собственным инстинктам, научило ее доверять самой себе. Не единожды Гортензия оглядывалась в прошлое и спрашивала себя, как долго она будет идти к цели, сомневалась в своей компетентности, пеняла на свой возраст, цвет кожи и банковский счет, когда цель наконец появилась на горизонте. Она верила в безупречность своего продукта, а это заставило ее уверовать в себя. Она просто не могла не добиться успеха.

Гортензия не мечтала всю жизнь готовить соус для спагетти, но она признала, что на сегодня американцы нуждаются в нем. Предназначение раскрывается в тот миг, когда потребность и желание сходятся вместе. Мир изменился после войны. Когда парни вернулись из Европы, казалось, все они стали немного итальянцами. Женщины остригли волосы – все женские журналы пестрели вариантами «итальянской стрижки». По радио постоянно звучала музыка Вика Дамоне, Перри Комо, Тони Беннетта, Фрэнка Синатры и Луи Примы. Феллини, Висконти, Росселлини снимали фильмы, Аньелли создавали автомобили, Феррагамо – обувь, и все они были популярны среди американцев. Франко Скаламандре украсил интерьер Белого дома шелковыми тканями ручной работы, а Папа Римский, тоже итальянец, планировал свой первый визит в Америку. Гортензия ухватила тенденцию до того, как она стала таковой, и макарон с подливкой у нее хватит *per tutti*^[104].

Консервированный итальянский томатный соус.

Подлинный венецианский рецепт!

Гортензия верила, что «Вилла Гортензия» будет появляться на полках еще долго после того, как ее самой не станет, и, подобно хорошей книге, он найдет новую голодную публику, сколько бы лет ни прошло, – тех, кто оценит и полюбит спелые помидоры, сладкие, медленно припущенные с чесноком, сердцевинками сельдерея, одной морковкой, луком, капелькой сливочного масла, оливковым маслом и секретным ингредиентом. Этот соус сэкономит женщинам время и доставит безотлагательное наслаждение к семейному столу. Облегчить женское бремя для Гортензии было так же важно, как создать высококачественный товар. Прибыльное предприятие должно иметь хоть капельку великодушия, ну или так думала Гортензия. Сделать приготовление трапезы легкой задачей для хозяйки – так, с точки зрения Гортензии, выглядел Промысел Божий.

Телеграмма от Эдны Олдфилд, пришедшая в тот памятный день, будет

вставлена в рамочку под стекло, а когда придет время, телеграмму эту похоронят вместе с Гортензией Муни.

Гортензия сняла шляпку, стянула перчатки и положила их на скамейку в передней дома 34 по Шарлот-стрит, в котором они с мужем и дочерью прожили без малого сорок лет. Она сделала глубокий вдох, огляделась в темноте дома, а потом открыла сумочку и вынула оттуда конверт с телеграммой внутри.

Обои, которыми она когда-то собственноручно оклеила прихожую, смотрелись старомодно. Желтые розы, вьющиеся по серой шпалере, казались пережитком иной далекой эпохи. Гортензии подумалось, что как-то надо бы их заменить, раз уж все в ее жизни вот-вот переменится к лучшему. По пути на кухню она зажгла люстру в гостиной. Свет в кухне уже горел – значит, Луи был дома.

– Я жарю яичницу. Будешь? – спросил Луи, хлопоча у плиты.

– Я в три часа съела полсэндвича.

– Ну ладно.

Луи перевернул яйца на сковороде, тост выпрыгнул из электрического тостера. Гортензия дернулась, чтобы помочь.

– Я справлюсь, – сказал ее муж.

Луи набрал еды в тарелку и поставил на стол.

– В холодильнике для меня ничего не было, так что я решил сам что-нибудь сготовить. – Он сел.

– Я была занята. Тестировала соус.

– Он теперь твоя жизнь и единственная любовь. Отнимает все твое время.

– Я знаю. Но ты у меня такой терпеливый. – Она села за стол напротив мужа. – У меня есть новости.

– Палаццини повышают тебе жалованье?

– Нет, я уволилась.

– Зачем ты это сделала?

Гортензия развернула телеграмму и протянула ее Луи. Он вытер руки салфеткой и взял телеграмму.

– Ты продала соус Олдфилдам? – спросил он, возвращая телеграмму Гортензии.

– Да, – кивнула она. – «Вилла Гортензия» называется.

– Повезло тебе.

– Нам. Нам повезло, Луи.

– Я к этому не имею отношения.

Гортензия смотрела, как ее муж выкладывает яйца на тост и откусывает.

– Мы же с тобой не соревнуемся. Мы – одна команда.

– Как скажешь. – Луи медленно жевал.

– Да не как я скажу, а так и есть. Неужели для тебя это неправда?

– Мы – те, кто мы есть. Доживаем.

– И тебе этого достаточно для счастья?

– А что, у нас есть выбор?

– Любой выбор, какой пожелаешь. У нас есть возможности. Мы можем расти, развиваться. Меняться.

– Не будь ты баптисткой-трезвенницей, я бы решил, что ты пьяна.

– Должна признаться, я не совсем трезвенница. Люблю выпить стаканчик вина время от времени.

– Вот как. Что ж, буду знать.

– Но сегодня я не пила. Сегодня я трезва как стеклышко. Мы можем что-то создавать в жизни, Луи. Мы можем быть кем захотим. Иметь все, что захотим. Это все для нас. Для тебя.

– Да ты чокнулась. Какие тут для меня-то возможности? Какие у меня вообще когда-либо были возможности? Ничего мы не можем.

– Можем, Луи. И я доказала это своим соусом.

– Никому никогда не было нужно то, что сделал я. Я только прибирал за людьми бардак, который они все устраивали. У меня были идеи, но кому нужны идеи цветного, если у белого всегда найдется идея получше. А не найдется – он просто присвоит мою.

– До сих пор.

– Для тебя.

– Для нас. Ты гордишься этим соусом?

– Он твой. Я только в твоей тени, как и всегда. Вот в каком мире я живу.

– Мы рядом, вместе. Во всяком случае, так это понимаю я. Ты – диакон церкви. Ты уважаемый, важный человек.

– Мне нет надобности проходить все это вместе с тобой.

– Я – твоя жена.

– Это не делает тебя правой.

– Ох, Луи. Тебя устроило бы, чтобы все у нас осталось как прежде, не так ли?

– Брак продолжается, пока смерть не разлучит нас. Так в Библии написано, – непреклонно сказал Луи.

– А еще в ней говорится, что Он пришел, чтобы дать тебе жизнь, и эта

жизнь будет более изобильной. Ну а наша прежняя жизнь – сплошная бесхлебица. Нужда. Это неправильно, Луи.

– О чем это ты?

– Я все знаю, Луи. Я видела тебя с той вдовой.

– Это была церковная встреча, – пожал он плечами.

– Я не о церкви говорю, Луи, а о поцелуях на перекрестке. Но оставим это в стороне, поскольку это не причина того, что я собираюсь сделать. Просто еще один факт в длинной череде, в придачу к твоей и моей правде.

– Гортензия...

– Луи, дай мне сказать. Нам уже давно пора об этом поговорить. Я сорок лет старалась дать тебе понять, что ты – достойный человек. Я даже одевала тебя, купила итальянский костюм, наглаживала тебе хлопковые рубашки с французскими манжетами. Купила тебе в «Уонамейкере» английский шелковый галстук. Я не могла себе его позволить и потому взяла в рассрочку. И семнадцать месяцев за него выплачивала, помнишь? Я сэкономила как могла и купила тебе машину, чтобы ты ехал по улице и чувствовал себя человеком.

– Я благодарен тебе за все, что ты сделала.

– Я вырастила девочек, дала им образование. Сидя за этим столом, я делала с ними домашние задания даже тогда, когда глаза у меня сами закрывались от усталости. Я выучила наших дочерей хозяйствовать – обе умеют отгладить шелк без единой складочки, и, когда я последний раз проверяла, Макси умела печатать сто четыре слова в минуту, но у нее длинные пальцы, ты знаешь, а вот Мэри, приложив больше усердия, печатает девяносто два слова в минуту. Они – чудо из чудес. И это ты дал их мне. И ежедневно я благодарила Бога и просила Его благословить тебя и их.

– Я люблю наших девочек.

– Знаю, что любишь. А еще я заботилась о твоей матери. Я забрала ее к нам в дом жить и относилась к ней с уважением, как к собственной матери, вплоть до ее смерти. Я мыла твоей матери голову, раз в неделю укладывала ей волосы и каждое воскресенье водила на службу в Эвервудскую Африканскую методистскую епископальную церковь, а каждую среду вечером – на библейские чтения, хотя это и не моя церковь и не моя библейская группа.

– Она очень ценила это.

– Я меняла ей церковные шляпки – соломенную на лето и фетровую на зиму. Прикрепляла на тулью шелковые розы весной и гроздь винограда из зеленого перламутра осенью, чтобы она знала: она – особенная, а ее

шляпка – подтверждение тому. Всякий раз, получая комплимент за свою шляпку, она поворачивалась ко мне и подмигивала. Я делала это не ради себя. Я делала это не ради нее. Я делала это ради тебя.

Луи резко отодвинул стул от стола.

– Так вот, я не говорю, что ты плохой человек. Я не знаю всего, чем ты занимался, выходя из этого дома. Я не спрашивала, с кем ты был и почему ты был с ними, никогда не спрашивала, потому что ответ означал бы, что мне пришлось бы что-то делать с этим знанием. А правда в том, что я уставала. Мне хватало забот и на работе, и по хозяйству, и в семье. Но теперь девочки уехали, они скоро заживут сами по себе, твоя мать умерла, и остались только мы с тобой. А я не чувствую себя ни счастливой, ни несчастной. Я на острове Ничто, где мечты не рождаются, но зато и не умирают. Их просто не существует. И это не жизнь. Тебе, может быть, и хорошо в этом Ничто, а мне плохо.

– Прости, Гортензия.

– Извинения приняты. И прими мои, в свою очередь. Я тоже несу ответственность. Я думала, что мы сможем заново начать с того места, когда у нас еще не было девочек. Но теперь я знаю, что юность не будет ждать там, по ту сторону мудрости.

– Не будет. – Луи положил голову на руки.

– В Розето я кое-что о себе узнала. Я узнала, что могу импровизировать на ходу, могу выходить сухой из воды. А здесь я тонула в каждой мелкой лужице с тех пор, как родила Макси. Да-да, с тех самых пор. Но в этом нет твоей вины. Как только я закончила создавать тебя, мне нужен был новый проект. Тогда я этого еще не осознавала. Я воображала, что новый проект явится сам собой, и, когда наши дети были готовы, мой рабочий стол оказался пуст. А в Розето я научилась готовить подливку. Не такую, как наша, – не коричневую. А такую, какую готовят итальянцы. И вот я затеяла дело с Олдфилдами. А за то, что я оставалась с тобой все эти годы и ты подарил мне двух прекрасных дочерей, я собираюсь отдать тебе половину всего, что заработаю. Если я смогу в качестве прощального подарка сделать тебя богатым, я с удовольствием это сделаю. Но ты тоже сделай мне подарок – собери свои вещи и покинь этот дом. Пришло время тебе жить с кем-то, кто тебя любит. Пора разделить постель с той, кто не отворачивается от тебя во сне. Ну что, договорились?

– Договорились.

Луи вытер набежавшие слезы.

Гортензия никогда не видела, чтобы Луи Муни плакал. Ни разу в жизни. Ни когда ему проткнуло легкое битым стеклом от упавшего окна во

время какой-то поденной работы, ни когда они потеряли сынишку в 1916 году, ни даже тогда, когда умерла его мать, ни когда его уволили с железной дороги. А теперь он впервые плакал. Но не от горя – он рыдал от облегчения, как будто после долгой засухи пролился обильный ливень, небеса разверзлись и залили поля, спасая урожай, который спасет деревню, которая спасет страну, а та, в свою очередь, спасет весь мир. Вот так и Луи чувствовал в эту минуту. Он был на пороге счастья, и еще не было слишком поздно, узнать, что пока ты жив, ты еще можешь быть счастливым.

Гортензия сошла с автобуса в Манхэттене, на углу Восточной Шестидесят третьей и Мэдиссон-авеню. Ники клялся, что *Quo Vadis* найти нетрудно. Она глянула на визитную карточку, присланную им вместе с открыткой на ее день рождения.

КАМО ГРЯДЕШИ
ПООБЕДАТЬ ИЛИ ПОУЖИНАТЬ?

Quo Vadis

Le restaurant par excellence

Бруно – Джино

26 Вост. 63 ул.

Нью-Йорк, REgent 7-3562

Спустившись по ступенькам автобуса, она встретила небольшую группу цветных женщин в униформе прислуги, идущих домой с работы. Гортензия кивнула им, приветствуя. Они кивнули ей в ответ, будто старой знакомой.

Она толкнула дверь ресторана и очутилась в древнем Риме. Стены были выложены раскрашенными вручную мозаиками, столики были разделены дорическими колоннами, обои из красной бархатной бумаги обрамлялись арками.

Гортензия остановилась, ожидая метрдотеля. В недрах ресторана океан белых лиц воззрился на нее, вбирая в себя ее шляпу, перчатки, пальто и, наконец, ее коричневое лицо. Гортензия теребила золотую брошь на воротнике пальто, когда метрдотель возвратился на свое место.

– Я пришла встретиться с мистером Кастоне.

Джино, один из владельцев ресторана, проверил лист заказов.

– У нас в списке нет мистера Кастоне.

– Но он пригласил меня на ужин в семь часов.

– Да-да, пригласил! – Ники вприпрыжку пробежал через ресторан и

присоединился к Гортензии. – Это моя гостья, – сказал он Джино.

– Простите, сэр, она назвала мистера Кастоне, и я не нашел в списке имя.

– Это мое настоящее имя, – объяснил Ники.

– Позвольте, я покажу вам ваш столик, – улыбнулся Джино и сопроводил Гортензию и Ники, а потом предупредительно отодвинул стул, усаживая Гортензию.

– Если ты больше не Кастоне, то как прикажешь тебя теперь величать?

– Ник Карл.

– Звучит как два имени без фамилии вообще.

– Карл – это от Карло, нашего старого друга-посла.

– Почему тебе так хочется вспоминать о нем? Он тебя чуть не угробил. Или ты его, уже и не помню, – фыркнула Гортензия.

– Так или иначе, благодаря ему моя жизнь изменилась.

– А моя чуть не кончилась.

Ники засмеялся.

– Посол изменил все. Когда мы прибыли в Розето и вышли из машины, они полюбили нас, хотя совершенно не знали. Это очень похоже на то, что происходит в телевизоре.

– Меня они приняли только потому, что я была с тобой, – напомнила ему Гортензия. – Актриса из меня никудышная.

– Неправда, вы были очень внушительны. У меня тогда создалось впечатление, что они с самого начала нас раскусили, но им хотелось верить, что я – посол, они нуждались в нем. Людям необходимо чувствовать собственную важность.

– Это несомненно. – Гортензия вспомнила о Луи, и глаза ее заволокло слезами.

– Вы плачете?

– Нет, это от лука.

Ники оглянулся вокруг:

– Нет здесь никакого лука.

– А я говорю, лук это. Лук во всем виноват.

– Миссис Муни, я никогда не видел вас плачущей.

– Ну, в жизни мне случалось иногда плакать. Бывали у меня печальные деньки. Поводы для грусти. – Гортензия открыла меню.

– Готовят здесь отменно.

– Думаю, твой приятель Джино вообразил, что я пришла сюда наниматься на кухню.

– Но ведь это не так.

– Забавно. А я ведь теперь могла бы тут работать. Я разбираюсь в итальянской еде.

– Столько лет бок о бок с Палаццини.

– Ну, можно сказать и так, только это неправда. Я всегда оставалась в гараже, исключая те разы, когда нянчила тебя в доме.

– Вы нянчили меня?

– Да, сэр.

– Я был послушным ребенком?

– Получше, чем твои кузены. Я думала, что эти ребята закончат свои дни за решеткой. Они были неуправляемые.

– А что вы помните о моей матери?

– Она была милейшей женщиной. – Гортензия закрыла меню. – Очень доброй. Я бы сказала, она была красивее своей сестры, и фигура у нее была лучше. Джо чуть более коренаста, если ты понимаешь, о чем я. А твоя мать была изящна. И лицо – у нее было очень нежное лицо, мягкий овал. Красивые зубы.

– Вы помните, как она умерла?

– Она очень долго болела. Знаешь, когда болезнь тянется и тянется, уже начинаешь думать, что человек никогда не умрет. Она боролась изо всех сил, потому что не хотела оставлять тебя. Она только об этом волновалась. Ты был для нее всем на свете.

– А где я был, когда она умерла?

– В комнате вместе с ней.

– Правда?

– Твоя кушетка стояла у нее в комнате. Помнишь?

Ники кивнул. Он помнил.

– Ты тогда спал. Была ночь, уже светало. Миссис Палаццини позвала меня, потому что не хотела оставлять детей одних, когда ей придется поехать с мужем, чтобы отвезти твою маму в больницу. И я тут же пришла. Когда я вошла, приехали Майк и Нэнси. Их дети были по всему дому – один спал на диване, остальные двое – на составленных попарно стульях. Ты все это время спал, ничего не слышал. Я пошла наверх, когда твою маму вынесли из комнаты.

– Они там меня и оставили?

– Там была я. И когда ты проснулся, ты спросил, где мама. А я не знала, что тебе сказать, но я видела, что хотя ты и был еще малыш, ты знал. Поэтому я сказала тебе правду: что она нас покинула, но она на небесах и теперь она везде.

– А я вам поверил?

– Не знаю. Ты поверил?

– Думаю, мне пришлось поверить.

– Так что я взяла книжку и начала тебе ее читать. И тебе стало лучше.

– Жалко, что я больше ничего не помню. – Ники поправил галстук.

– На самом деле твоя мама приходила ко мне в диспетчерскую за несколько месяцев до кончины. Сказала, что ищет сестру, но я-то знала, что она просто хотела поговорить со мной наедине. Ей было известно, что я веду всю бухгалтерию, и она хотела увериться, что у тебя есть все необходимое. Она дала мне номер своего банковского счета. Я все записала, и мы еще немного посидели, поговорили о моих дочках. Она все расспрашивала меня о них. А потом, перед уходом уже, сказала: «Миссис Муни, я знаю, что прошу слишком много, и все же приглядывайте, пожалуйста, за Николасом». Так она тебя называла. Она сказала, что Монтроуз-стрит, 810 – суший зоопарк, и ей страшно, что ты потеряешься во всей этой сутолоке и шумихе. И я дала ей обещание.

– И сдержали его.

– А что еще могло заставить женщину в здравом уме согласиться изображать атташе Элеонору Рузвельт в городке Розето штата Пенсильвания? Я сделала это только потому, что пообещала твоей матери приглядеть за тобой.

– Ну вот! А я-то возомнил, что вы действительно поверили в мое актерское мастерство. Выпьете вина? – предложил он Гортензии.

– Глоточек, по такому случаю.

Ники налил по бокалу себе и Гортензии. Они чокнулись и выпили.

– Ты еще не встретил здесь приятную юную леди из хорошей семьи?

– Я не могу совместить и то и другое.

– Работу и светскую жизнь?

– Нет, приятную юную леди и хорошую семью. Или одно, или другое, а разом не выходит.

– Я как-то видела Пичи Де Пино. У нее родился ребенок. Мальчик.

– Рад за нее.

– Я ее не узнала. Раздалась, с виду – как беременная, а ребенок-то уже в коляске лежит, – покачала головой Гортензия.

– Не представляю Пичи толстой.

– И не надо. Можешь увидеть это воочию. Конечно, что-то осталось после родов и со временем уйдет, но все остальное – это начинка *канноли*, как говорит твоя кузина Мэйбл.

– Я очень рад за Пичи.

– Говорила я тебе, что все предначертано. Каждый каблук найдет свой

башмак.

– Такого вы никогда не говорили. Только сказали, чтобы я на ней не женился.

– Одно и то же. Слышал что-нибудь о Мэйми?

– Нет.

– Но у тебя с ней были шуры-муры, да?

– Да.

– Хотел бы снова ее увидеть?

– Я доставил ее к месту назначения.

– И когда она туда добралась, у тебя осталось чувство к ней?

– Человека, который тебя исцелил, не забываешь никогда.

– Или того, кто тебя обогатил. Минна была ангелом. И я думаю, что теперь, когда она ушла от нас, мне нет нужды возвращаться в Розето. У меня нет ни повода, ни оправдания. Но, может, я все-таки доползу туда однажды и схожу на кладбище. И итальянцы, и баптисты считают это важным – значит, я так и сделаю.

– Как по-вашему, почему она дала вам рецепт?

– Не знаю. Я иногда думаю об этом. Она верила, что самая важная вещь на свете... – Гортензия постучала по столу: – Вот это!

– *La tavola*^[105].

– Верно! Минна сказала, что все самое важное в семье происходит именно здесь.

– Значит, я правильно выбрал место, чтобы обсудить мою проблему.

– Как я могу тебе помочь?

– Я зарабатываю деньги.

– Хороша проблема. И что?

– Я не думал, что мне будут платить, когда попал на телевидение. Думал только о работе и о том, как я ее люблю. А оказалось, что счастье ведет к деньгам.

– Минна говорила мне, что одно следует за другим. Счастье ведет к деньгам, но не деньги к счастью.

– Деньги могут пробудить в человеке худшее.

– Могут. Когда деньги – самоцель. Когда Минна умерла, она оставила все свои деньги церкви. Никто понятия не имел, сколько денег у нее было, но их было много. Она хранила их в банке в Нью-Джерси. Она предчувствовала, что если бы кто-то в Розето знал, что у нее водятся деньжата, то все стали бы иначе к ней относиться. Поэтому никогда никому и не говорила, что богата. Я думала, что это очень странно. Почему бы не гордиться честно заработанными деньгами? Поэтому я пошла в

библиотеку и искала там книгу на эту тему. Мне хотелось знать, как не потерять голову, если я разбогатею. Надо тебе сказать, когда я прихожу в библиотеку, они не позволяют нам входить в главный зал со стеллажами. Надо идти через задний вход в отдельную комнатенку для цветных. Там не очень большой выбор. Но иногда случается подловить и хорошую книгу. Так вот, я ее нашла.

– Повезло.

– Во всяком случае, я нашла там такую книгу – историю о богатейшем человеке в Аравии. Он был султаном. Знаешь, такой в шелковом шатре и при гареме. Он жил в пустыне, до того обширной, что понадобилось бы яркое солнце или полная луна, чтобы что-то в ней отыскать. И посреди этой самой пустыни стоял его дворец. Такой огромный, что комнат в нем было не счесть. Люди приходили, терялись во дворце и только годы спустя возвращались. Вот какой громадный был у султана дворец! Изнутри все в нем было сделано из редкостных заморских материалов: изысканный мрамор, ручная эмалевая роспись, крохотные мозаичные плитки из бирюзы и нефрита. Он был так богат, что даже унитаз у него был из золота. Золотое сиденье. Золотая ручка для слива на золотой цепочке. Крышка из золота. Золотой стульчак. Я зависла над этой книжкой на какое-то время и подумала: каково это? Быть настолько богатым, чтобы считать, что тебе необходим золотой стульчак? Здравый смысл подсказывает нам, что даже если человек обладает огромной властью, гениальными способностями и хитростью, если ему принадлежат все сокровища Востока, то последнее, что ему нужно, – это золотой нужник, потому что дерьмо – оно и есть дерьмо. И ничто не превратит его в нечто большее. Но богатые люди верят, что они лучше, чем мы с тобой, и поэтому им кажется, будто все, что бы они ни делали, – важнее, чем оно есть на самом деле, включая их собственное дерьмо. Так что не теряй головы. Помни, откуда ты вышел, и все будет хорошо. Если тебе не нужно столько денег, сколько ты зарабатываешь, то найди того, кому они пригодятся.

– Думаю, что смогу это сделать.

– Нужды вокруг не счесть.

– Уверен, что это так.

– И у тебя имеется старый друг, который вот прямо сейчас находится в отчаянном положении.

– И кто же?

– Калла Борелли вынуждена продать театр.

– Когда?

– Скоро. Я слышала, его выставят на аукцион. Бедная девочка.

Ники придержал дверь перед Гортензией, когда они покидали *Quo Vadis*.

– Я могу прямо отсюда доехать на автобусе до Порт-Ауторити, – сказала Гортензия.

– Вы не поедете на автобусе. – Ники махнул черному блестящему «линкольну», и тот подъехал к бровке. – У вас будет королевский выезд, миссис Муни.

– Скажите пожалуйста!

– Мне всегда хотелось оказать вам любезность. Я ведь так и не купил вам шляпку от Лили Даше.

– Никогда не поздно, – пошутила Гортензия. – Этого, конечно, мало, но уже что-то. – Гортензия полезла в сумку и протянула Ники баночку «Отменного итальянского томатного соуса “Вилла Гортензия”». – Это самая первая баночка моего томатного соуса. Видишь? Вот здесь золотом оттиск – номер один на крышке. Я специально для тебя велела его сделать. Соус можешь съесть, только банку сохрани на память.

– Сногшибательно! – Ники взял баночку в руки, словно сокровище.

– Этикетка – это отдельная песня. Я наняла художника, чтобы воспроизвел канал и гондолу. Вот тут, на этикетке, настоящая «Вилла Гортензия». Думаю, Минне она бы понравилась.

– Почему бы и нет? Это очень по-итальянски, – улыбнулся Ники.

– Ты не собираешься домой, навестить своих?

На счастье Ники, было уже темно, и Гортензия не видела, что щеки у него пылают от стыда.

– У меня такое сумасшедшее расписание.

– Я знаю. Но для твоей тети это очень важно. Ты – один из ее птенцов, и единственный упорхнул из родного гнезда. Думаю, это ее ранило.

– Они приезжали. Видели съемку. Мы поужинали вместе.

– Это не одно и то же. Она хочет сама что-то сделать для тебя. Застелить тебе постель, постирать белье. Погладить твой носовой платок. Приготовить вкусную еду. Собрать всю семью за столом и рассказывать истории, пока не станет совсем поздно и все не разойдется спать. Таков единственный подарок, который ты можешь сделать этой женщине. Подарив ей себя.

– Я очень постараюсь, миссис Муни.

– Знаю-знаю.

Несколько дам средних лет в шляпках и перчатках подошли на цыпочках и встали за спиной у Ники.

– Мистер Карл?

Ники повернулся к ним, приветливо улыбнувшись:

– Да.

– Мы все ваши большие поклонницы! – взвизгнула одна из них.

Гортензия прыснула.

– Можно попросить у вас автограф?

– Мы не пропускаем ни одной серии «Любви к жизни»!

Женщины защелкали сумочками, принялись выискивать ручки и клочки бумаги. Они говорили все разом, и каждая вела свою линию в этой гармонии, сообщая, какие персонажи из «Любви к жизни» ей нравятся, а какие нет, и сойдется ли таксист Арти с медсестрой Элис? Ники зажал банку соуса под мышкой и раздавал автографы. Самая горячая поклонница Ники, улыбкающая женщина, сложением напоминающая упаковочный тюк, одетый в бежевый костюм, притянула к себе Ники и чмокнула его в щеку.

Ники повернулся к Гортензии и подмигнул:

– Не ждите меня, миссис Муни.

– Ладно. Я понимаю, это у этой штуки крутится счетчик.

Гортензия кивнула шоферу, когда тот открыл перед ней дверь автомобиля.

– Леди, извините меня, – сказал Ники поклонницам, вручая ручку одной из них.

Он подошел к Гортензии и обнял ее. Гортензия прижала его к себе и долго не отпускала, осознав, что она никогда за все то время, что она знает Ники, никогда не обнимала его с тех самых пор, как он был маленьким. Все эти годы она вложила в свое объятие, близкое и крепкое.

Гортензия возвратила Ники его поклонницам и забралась в «линкольн». Водитель захлопнул дверь. Она опустила стекло, ей хотелось еще что-то сказать Ники, но стайка дам поглотила его снова. Ни одна слава не сравнится с той, что приходит из телевизора. Показавшись в чьем-то доме, ты становишься членом семьи.

Когда машина отъезжала, Гортензия обернулась, чтобы еще раз посмотреть на Ники.

– Хотите вернуться? – спросил водитель.

– Нет, сэр.

– У вас такой вид, будто вы что-то забыли.

– Я не забыла, но пока время терпит.

– Вы всегда можете ему позвонить, – напомнил шофер.

– Или пошлю ему телеграмму.

– Разве люди до сих пор посылают телеграммы? – удивился водитель,

глядя на нее в зеркало заднего вида.

Гортензия только улыбнулась.

«Линкольн» встраивался в поток машин, а Гортензия сняла перчатки и шляпку и положила их на сиденье. Она пригладила волосы, затем открыла сумочку и вынула оттуда носовой платочек – прощальный подарок Джо Палаццини. В уголке платка красивыми фиолетовыми стежками внахлест Джо вышила буквы «ГМ». Гортензия берегла этот платок, брала с собой только в церковь и по особым случаям. Сегодняшний вечер был особеннее некуда.

Глаза Гортензии наполнились слезами, и она вытерла их платком. То, что она хотела сказать Ники, могло подождать, потому что это всегда было и всегда будет правдой. Гортензия Муни любила Ники Кастоне, словно он был ее родным сыном. Не потому что он заменил ей потерянного сынишку, но потому что годы, проведенные рядом с Ники, сделали эту утрату более терпимой. Ей хотелось, чтобы Ники знал, что он исцелил ее. И, как все матери на свете, Гортензия молилась о счастье Ники куда горячее, чем о своем счастье. Она видела, что наконец-то он обрел дело, которое любит, и этим счастлив. И сердце ее возликовало.

Ники возвращался в свои апартаменты, бережно неся в руках баночку соуса для спагетти, подаренную миссис Муни. Он прошел сквозь карусельную дверь, мимо швейцара в белых перчатках и направился в сверкающем латуню лифте в поднебесье – на двадцать первый этаж. Вошел в квартиру.

Ральф Стампоне отделал квартиру черным, белым и серебряным – в стиле ар-деко, не скупясь. Все поверхности блестели, отражая открывавшийся из окон от пола до потолка вид на мосты Ист-Ривер, которые Ники ежедневно пересекал в свою бытность таксистом. Он часто качал головой, удивляясь, что его первое жилище под облаками напоминает ему о скромном начале его карьеры.

Ники поставил банку соуса на стол своей модной кухни. В ней имелись все возможные кухонные новшества, которыми он почти не пользовался. В этом смысле холостяцкая жизнь весьма уныла. Он мог что угодно приготовить на этой шикарной кухне, но что за радость есть в одиночку? Ники ослабил узел галстука и снял пиджак. Повесил и то и другое в шкаф, забитый моднейшими сорочками, галстуками и костюмами от Брондзини, у которого одеваются все мужчины, работающие на телевидении. Ники передвинул тяжелую пепельницу, кусок позолоченного коралла с Капри, и небольшую стопку шекспировских пьес в бархатных обложках, которые

Ральф разложил в изящном беспорядке на кофейном столике черного лака, и снял телефонную трубку.

– Тетя Джо? Я вас не разбудил?

– Вовсе нет. У тебя все хорошо?

Ники усмехнулся. Если бы с ним что-то случилось, то тетя Джо узнала бы об этом последней. Он бы ни за что не стал ее тревожить.

– Все хорошо. Вот подумываю приехать домой в эти выходные.

– Правда? Все будут так рады тебя видеть!

– Если семейство еще вырастет, вам придется перебираться в другой город.

– Разве это не чудесно?

– Еще бы. Но прошу вас, тетушка, только без лишнего шума.

– Ну конечно!

– И никому не говорите.

Тетя тихонько взвизгнула от восторга.

Ники повесил трубку. Подошел к окну и поглядел на раскинувшийся под ним город. Он усмехнулся своим мыслям, глядя на рой желтых такси, снующих по черным улицам. Такси, бывшее когда-то его жизнью, его работой и его средством передвижения по миру.

Вид был потрясающий. Именно этот городской пейзаж он когда-то рисовал в своих мечтах, ютясь в подвале в Нижнем Ист-Сайде. Но теперь, когда все это лежало перед ним – во всей ослепительности форм, черноте линий, льдистости стекол и островерхости крыш, – этого было недостаточно. Мало было даже целого Нью-Йорка – или, наоборот, до того много, что Ники уже пресытился. Как бы то ни было, ответ нужно было искать не здесь – не в столпотворении черных небоскребов, витающих в облаках, не на улицах, вьющихся внизу, где молодой человек, если повезет, сможет отыскать свое место в жизни.

Тайна жизни, радости бытия скрывалась не здесь. Его больше не восхищал вид луны, встающей из-за горизонта над Ист-Ривер, словно жемчужина, скатившаяся с ожерелья. Вся эта потрясающая красота ему больше не принадлежала.

Пришла пора опять возвращаться домой.

12

Ники ехал знакомыми улицами своего старого района на белоснежном, как пластинка жвачки «Дентин», «форде-кабриолете», изготовленном по специальному заказу: полная нагрузка, шины с боковиной из белой резины, серебристая хромированная отделка и пепельно-серый кожаный салон.

Звездная машина.

Когда Ники свернул на Монтроуз-стрит, сердце у него екнуло. Тетя Джо забыла его предупредить, что городская ярмарка перекрыла подъездной путь к дому и гаражу. Он сощурился, прикидывая, как бы просочиться сквозь толпу.

Но то была не ярмарка и не городской праздник. И не предвкушение парада, когда все соседи выстраиваются на пороге своих домов в ожидании зрелища. Народ ждал чего-то другого, вернее, *кого-то* – Ника Карла, их собственного Ники Кастоне, который покинул Саут-Филли в поисках фортуны и нашел ее на телевидении в самом Нью-Йорке. Многие оставили Саут-Филли, чтобы добиться успеха, и многие сгинули ни за понюх табаку, но Ники положил этому конец, он наполнил ванну джином и вообще взобрался на самый верх с остальными победителями, сыновьями этого края, в том числе Бадди Греко^[106], Гасом Чифелли^[107] и Элом Мартино^[108].

Ники смутило такое внимание, но он был глубоко тронут тем, что семья и соседи вышли приветствовать его возвращение домой, размахивая американскими флажками. Ошеломленный, он вел машину ползком сквозь толпу. Вокруг мелькали знакомые лица, руки тянулись к нему, раздавался свист, аплодисменты, ему посылали воздушные поцелуи, словно это было Вербное воскресенье, а он был сами знаете кто, американские флажки были зелеными веточками, а его «форд-кабриолет» – ослом.

Тетя Джо стояла на ступеньках крыльца дома 810, все семейство – позади нее, маленькая армия, с которой Ники плечом к плечу шагал в ногу всю свою жизнь. Конечно, она не послушалась его просьб. И с какой стати? Это празднество было скорее во имя ее любви к своей семье, чем ради Ники, потому что когда один из Палаццини велик, то и все они становятся великими.

Ники припарковался позади Театра Борелли, на том же месте, где когда-то ставил свой велосипед. Он вошел в кулисы, толкнув заднюю дверь, и застал своих друзей уже в костюмах, готовых играть дневной спектакль. Труппа окружила его тесным кольцом. Он был маяком, святым Малахией для этой актерской братии, тем, кто добился успеха, преуспел в Нью-Йорке, кто выжил, был отобран на телешоу, прославился на попроще искусства, кому не надо больше пахать на двух работах, чтобы играть спектакли. Он прошел через зрительный зал и вышел в вестибюль, где Роза Де Неро ела пончик, сидя в будке у окошечка кассы.

– Как нынче зал? – спросил Ники, наклонившись к окошку.

Роза выронила пончик.

– Ник Карл!

– Для вас просто Ники, Роза.

– Глазам своим не верю! – Она аккуратно обтерла сахарную пудру с верхней губы тыльной стороной ладони.

– Надо было сыграть в мыльной опере на телевидении, чтобы вы в меня поверили?

Роза благоговейно кивнула.

– Сколько билетов продано?

– Тридцать три.

– А ложа?

– Ни одного не продала с тех пор, как играем эту пьесу. Весь бельэтаж пустой. – Она придвинулась поближе к Ники и прошептала сквозь стекло: – Наши деньки сочтены.

– Что вы имеете в виду?

– Все разваливается. Приходил налоговый. Или это был водопроводчик, мы так и не поняли. Все, что нам известно: денег на ремонт больше нет и не предвидится. Слишком много легло на плечи одной хрупкой женщины, вот и все, что я могу сказать.

– А стиральную машину вы купили?

– Купила, но теперь коплю на сушилку.

– Когда одна мечта сбывается, то всегда найдется другая.

– Ох, братец, истинная правда.

Роза вернулась к своему пончику. А Ники спустился в подвал, где увидел Хэмбона Мейсона, стоящего на табурете. Калла подшивала подол его кафтана.

– Ник, старикан! – Хэмбон обхватил Ники.

– Хэмбон, дружан! – Ники пришлось сдерживать дыхание, пока Хэмбон не выпустил его из своих цепких объятий. – Старый джинолюб, – поддразнил Ники Мейсона.

– Только перед спектаклем, – подмигнул Хэмбон. – Один глоток – и я молоток. А без этого ни строчки не помню.

– Все в порядке, можешь идти. – Калла похлопала Хэмбона по пояснице.

Тот сгреб свой плоеный воротник, нацепил его вокруг шеи и полез вверх по ступенькам, ведущим в кулисы.

Калла выкатила пустую одежную стойку в коридор.

– Добро пожаловать обратно, Ник. Останешься посмотреть спектакль?

– Конечно, тем более что мест выбирай не хочу.

- И что это должно означать?
- Ты ничего не продала.
- Мы продали тридцать три билета.
- Эка невидаль.
- Для меня – да.

Калла вернулась в костюмерную и принялась убирать на рабочем столе.

- Ты тонешь, Калла.
- А ты почему знаешь?
- Простая арифметика.
- Разве у тебя нет бухгалтера, чтобы делать это за тебя? – съязвила Калла. – Ты все еще помнишь, как считать?
- А ты? – парировал Ники.

– Дай-ка подумать. Ты уехал в большой город, попал на телевидение, стал зарабатывать кучу денег, и кто получил от тебя хоть какую-то весточку? Ах да! Тут была статья в газете, где тебя сняли в новой квартире. Ар-деко. Все сверкает. Кожаный диван. Большая картина какого-то современного художника. И светильники, похожие на перевернутые ноги.

- Это, кстати, итальянский модерн.
- Неважно. Выглядят как ноги.

Ники нацелил палец на Каллу, как пистолет:

– Вот оно! Старые увертки. Ты нарочно переключилась на меня и мои недоработки, чтобы не говорить о театре и о том, как ты запорола это предприятие и зарыла его в землю, как те трубы, что лежат под мостовой на Уортон.

– Я не понимаю, о чем ты. – Калла вонзила иголку в подушечку-помидор.

– Этот театр на ладан дышит.

– Надеюсь, ты не затем приехал из Нью-Йорка, чтобы поведать мне об этом. – Калла схватила свои папки и пошла к лестнице. – Потому что это напрасная трата бензина.

– Война закончилась. Нормы расхода отменили давно.

– Значит, напрасная трата времени. Твоего времени. – Подхватив корзину с реквизитом, Калла стала подниматься по ступенькам.

– Я тоже начинаю так думать, – сказал Ники, идя за ней следом. – У меня, знаешь ли, своих проблем хватает.

– Прискорбно это слышать.

– Что-то не похоже.

– Слушай, у меня полно дел и есть о чем беспокоиться и без того, чтобы самодовольная телезвезда приходила сюда в поисках сочувствия. Я здесь

делаю все, что могу. Я уже была в минусах, еще при жизни папы. И все стало только хуже. Я получила предложение продать здание и отвергла его. Видишь ли, для меня важно, чтобы театр продолжал работать, театр – это история, наследие, семейная традиция. А не деньги. Если бы я хотела разбогатеть, я нашла бы другой способ.

– Ты могла бы выйти за богатого.

– Ты у нас истинный современный мужчина.

– Я могу им быть.

– Только не сейчас. Не со мной. Никогда.

– Да ты кремень.

– Обстоятельства вынуждают. И если хочешь знать, я просто ищу кого-то, кто купил бы у меня театр, но позволил мне арендовать его, чтобы мы продолжили наше дело.

– Какое ваше дело, Калла?

– Шекспировские постановки. Репертуарные пьесы. Круглый год. С постоянной профессиональной труппой.

– Для десятка человек в зале? А то и для двух?

– Грубостью ты меня не обидишь.

– Это бизнес, видишь ли.

– О, может, нам попытаться найти спонсоров? Как телевидение. Мыло «Люкс», сигареты «Лаки Страйк», компания «Американ Стил»?

– Над этим стоит подумать. – Ники шел за ней по пятам.

– Фу. Ты становишься снобом. У шофера теперь собственный шофер.

– Я не стану реагировать на твои подковырки. Ты считаешь, что можешь выдавать тот продукт, который ты сама захочешь, и только потому, что *ты* решила, что он хорош, а публика придет только потому, что ты так сказала. Так что сноб – это *ты*, Калла.

– У меня нет шикарной квартирki, декорированной каким-то зазнайкой по имени Ральф, о котором рассказывает воскресный выпуск «Инкуайрера».

– Это вышло в куче изданий по лицензии «АП»!

– Я даже не знаю, что это означает, и знать не хочу.

– «Ассошиэйтед пресс».

– Там говорится, что ты живешь на двадцатом этаже.

– На двадцать первом.

– На верхотуре в стеклянном здании. Твои ноги не касались земли с тех пор, как ты попал на телевидение. Ты больше не настоящий человек. Ты забыл о зрителях на стоячих местах в партере. А я живу среди них! И для них творю!

– У тебя тоже есть фотография в газете, где ты рядом с мэром.

– Это было сто лет назад.

– И все же у тебя есть связи среди воротил. Почему бы тебе не попросить верзилу Фрэнка Арриго прийти и отремонтировать это здание? Он знает и штукатуров, и маляров, и мраморщиков, и монтажников.

– Я никогда не прошу об одолжениях.

– Следует начать.

– И ты туда же? Что это с вами, ребяташки? Если женщина не в нужде, то вы с ней и знаться не хотите. Что не так с женщиной, которая способна руководить постановкой?

– Ничего такого. Если она действительно может руководить.

– Знаешь что, Ники? Мне это не нужно. Заявился сюда и рассказываешь, что и как мне нужно делать, а сам даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь!

Актеры сбились в кучу в кулисах, а Калла пронеслась через сцену и пинком открыла служебную дверь. Послеполуденное солнце с улицы пронзило ярким лучом темноту сцены. Ники стоял в этом луче.

– Ты ставишь пьесы не хуже, чем режиссеры-мужчины. Но ты не умеешь делать деньги. Это иная способность. Ее не было у твоего отца, и у

тебя ее нет.

Труппа, ошеломленная резкостью Ники, дружно затаила дыхание. Все они глядели на Каллу, которая, несомненно, должна была взорваться. Но Калла просто смотрела на Ники, спокойно сунув руки в карманы.

– Может, у него и не было такой способности. И может быть, ее нет у меня. Но мы преданы нашему делу. Мы остаемся здесь, мы стараемся изо всех сил, и мы не сдаемся. Мы верим, что Саут-Филли необходим театр, играющий классику. Мы не сбегает, потому что есть определенное величие в служении людям. Я не надеюсь, что ты это поймешь, потому что ты сделал иной выбор.

– Остановись, Калла! – возмутился Ники.

Калла подняла руку:

– Вместо того чтобы травить меня своими вопросами, ответь мне сам на два вопроса. Кому из них ты писал, кому звонил? – Калла указала на Тони, Норму, Джози и Хэмбона, которые уткнули глаза в пол сцены. – Есть такие?

Ники повернулся к старым друзьям, которые избегали смотреть ему в глаза. Он хотел позвонить Тони и пригласить его на спектакль, познакомить его с Глорией, но так и не сподобился. Он знал наверняка, что Норма с удовольствием посетила бы воскресный мастер-класс в театре «Абби», но не догадался послать ей приглашение. Хэмбон обожал мыльные оперы, а Джози месяцами бы млела над открыткой с изображением статуи Свободы и надписью: «Надеюсь, что вы с Бертом в добром здравии». Но он так и не послал эту открытку. И ничего не сделал. Думать – не значит делать. Он оказался плохим другом.

– Ты забыл людей, которые тебя создали. Этот театр дал тебе толчок.

Калла посмотрела вверх, под потолок, где провода пересекались, как тонкая серебряная паутина. Какое величавое место, если позволить воображению дорисовать нужное. Но Ники Кастоне этого не понял.

Калла продолжила:

– Театр Сэма Борелли. Как мило с твоей стороны прийти сюда и почтить память моего отца, обозвав его плохим бизнесменом.

– Он бы со мной согласился.

– Он не может постоять за себя, его здесь нет.

– Почему ты не признаешь, что тебе нужна помощь?

– Даже если бы я нуждалась в помощи, а я в ней не нуждаюсь, ты был бы последним человеком, кого я попросила бы о ней.

Роза Де Неро выглянула в щелку занавеса:

– Извините, но пора открывать зал.

– Открывай зал, Роза, – объявила Калла. – Все по местам! – Она повернулась к Ники: – Извини, мы должны играть спектакль.

Рука Каллы так и лежала на открытой служебной двери. Ники прошел по солнечному лучу и вышел на улицу, в послеполуденное солнце, потом на погрузочную платформу, и Калла закрыла за ним дверь.

– Она ему высказала-таки, – прошептал Хэмбон Тони.

Труппа заняла свои места. Выстроившись в затылок за Хэмбоном и Тони в своих красочных бархатных нарядах, они напоминали коробку восковых мелков.

– Что же нам теперь делать? – спросила Норма, застегивая длинные серьги из горного хрусталя.

– *Те губы, что Любовь лепила, сказали «Ненавижу!»*^[109] – прошептал Тони.

– И что это значит, черт побери? – всхлипнул Хэмбон, подавляя бурбонную отрыжку.

– Это значит, что Ники мы здесь больше не увидим, – сказала Норма.

Ники лежал в своей старой кровати в подвальной комнатке особняка Палаццини. Он больше не испытывал ностальгии по своей комнатке. Оказалось, что он больше не скучает по сладкому запаху готовящихся помидоров. Подвал больше не был его святилищем. Он больше не принадлежал этой комнате, как в те времена, когда крутил баранку «четверки». Его прежняя жизнь теперь висела в чьем-то чужом шкафу. Он вырос из своих ботинок, штанов, фуражки. Ник Карл больше не влезал в одежду Ники Кастоне, не помещался в его кровати, его прежняя жизнь не была ему впору. Странное это было чувство.

Ники лежал поверх отутюженного покрывала, сняв рубашку, распустив ремень и расстегнув верхнюю пуговицу на штанах. Живот его надулся как барабан после трапезы тети Джо, состоявшей из двенадцати блюд, завершившейся *просекко*, а следом ударной дозой домашнего *лимончелло* и «*чин-чин*» с горькой настойкой дяди Дома, что не только не улучшило состояние его желудка, а, по правде сказать, только усилило вздутие.

Он был, по собственному определению, толст, одинок и нелюбим. Засыпая, он воображал, что шагает вверх по дороге в Розето-Вальфорторе – городок, который отомкнул дверь в его мечты. Ники считал камни, пока хватало сил, пока не взобрался на самую вершину. Он надеялся проснуться утром и понять, куда ему идти дальше.

Калла поправила шляпку, глядясь в зеркальное окно позади

строительного вагончика Фрэнка Арриго на Уортон-стрит. Солнце садилось за городом. Она провела день, консультируясь во всех банках, у каждого застройщика и каждого агента по недвижимости касательно театра, и все в один голос сказали, что ей надо увидеться с Френком Арриго. Их роман закончился плачевно и резко, но Калла решила забыть об этом, потому что ей больше некуда было идти. Секретарша проводила ее в кабинет Фрэнка, обустроенный внутри вагончика.

Фрэнк поначалу приветливо посмотрел на Каллу, удивленный ее приходом. Но потом он вспомнил о своих чувствах, и глаза его сузились.

– Поздравляю тебя с женитьбой! – белозубо улыбнулась Калла.

– Спасибо, мы очень счастливы.

– И это делает меня счастливой.

– Я всегда думал, что же способно сделать тебя счастливой.

– Фрэнк, ты лучший бизнесмен из всех, кого я знаю, а я в тяжелом положении с моим театром. Я ищу кого-то, кто купит его и сдаст мне в аренду, пока я не буду в состоянии его выкупить.

– Зачем мне это делать?

– Ты получишь прибыль, когда я его выкуплю.

– Или потеряю свои инвестиции.

– Я не дам этому случиться.

– Калла, вот по этой причине банки и не ссужают тебя деньгами. Ты – слишком рискованное предприятие. Ты упорно хочешь сохранить и продолжить дело, которое не приносит прибыли. В лучшем случае ты время от времени с натяжкой покрываешь расходы. Частный бизнес не станет иметь с тобой дело, если банк, обладая ресурсами по всей стране, не делает этого.

– Но ты меня знаешь. Ты знаешь, что мое дело не рискованное.

– Я скажу тебе, что я могу сделать.

– Хорошо.

– Я куплю его у тебя. Немедленно. Дам хорошую цену. Но никакого театра. Мне нужен участок.

– Я не хочу так. Не хотела и тогда, когда мы с тобой были вместе, и сейчас не хочу.

– Значит, я подожду, пока собственность выставят на аукцион, – а это, судя по всему, будет скоро – и куплю ее по бросовой цене. Я хочу, чтобы ты запомнила этот наш разговор.

– Не думаю, что смогу его забыть.

Калла поднялась, испытывая горькое сожаление, что надела свою лучшую шляпку и перчатки ради всего этого.

– Желая удачи, Фрэнк, – сказала она, выходя из кабинета.

Он что-то сказал ей вслед, пока она шла к выходу из вагончика, но Калла уже не слышала его. Металлические ступени грохотали, когда она спускалась на землю.

А Фрэнк Арриго сказал: «Ты еще вернешься». Он был из тех, кто считал, что последнее слово должно остаться за ним. Правда, он не знал, что Калла его не слышала, – но это не имело значения, она все равно не вернулась бы. Она найдет другой способ спасти Театр Борелли.

После встречи с Фрэнком Калла долго шла пешком. Она сделала остановку у «Исгроу», чтобы купить свежее испеченного печенья и жевать его на ходу, так и сяк обдумывая ситуацию вокруг театра. Посмеялась, прочитав надпись мелом на асфальте: «Здесь был Фредди Кокоцца». Только старожилы еще помнили, что Фредди Кокоцца стал Марио Ланца. Остановилась заглянуть в витрину лавки «Старый аптекарь», где были выставлены духи «Белые плечи» и «Золотые тени» в мерцающих бутылочках, а потом повернула назад к театру.

Войдя через заднюю дверь на сцену, она с силой выдохнула и направилась вниз в костюмерную. Калла включила свет – и ахнула: на столе развалился Ники Кастоне. Она отпрянула.

– Что ты здесь делаешь?

– Не мог уснуть. Нарядная шляпка – в честь чего? – Ники повернулся на бок, потирая поясницу.

– Деловая встреча.

– И как прошло?

– Не хочу это обсуждать.

– Значит, неважнецки, как я понимаю. Я вот только теперь, годы спустя, осознал, что матрас на Монтроуз-стрит был ужасен с самого первого дня, как я начал на нем спать. А я этого не знал, потому что мне не с чем было сравнить. Вот спасибо, печенье я люблю.

Он взял у нее кулек, выудил оттуда шоколадно-ванильную шахматку и съел.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – Она отобрала у него кулек.

– Я хотел, чтобы ты знала: я плохо спал прошлой ночью. А ты?

– Если это такое завуалированное извинение...

– Я не извиняюсь. С чего бы мне извиняться? Разве нужно просить прощения за то, что сказал правду?

– Что ж, пожмем друг другу руки и расстанемся друзьями. У меня море работы. В Саут-Филли полно мест, где ты сможешь весело провести время.

Иди в клуб Казеллы и поиграй в какую-нибудь карточную игру, которые так любит твой кузен Джио.

– Ты какой-то сухарь. Ты невозможна. Бесчувственна, если хочешь знать. Ты извиваешься, как садовый шланг. Не те милашки с рассеивателями, которые ровненько поворачиваются туда-сюда, как дворники на стеклах у машины. Ты ледяной фонтан. Ты всегда должна быть правой. Ты не слушаешь никаких доводов. Ты знаешь все обо всем. Что я здесь делаю?

– Да! *Что* ты здесь делаешь?

– Сам не знаю. У меня прекрасная жизнь в Нью-Йорке. Мне нравится мой распорядок. Я живу в поднебесье. Я вижу плывущие облака там, где прежде видел только ноги, шаркающие мимо. Башмаки. Раньше я видел лишь птичий помет на асфальте, а теперь я вижу летающих птиц. Ночью я смотрю на звезды. И на луну.

– Угу.

– Да, сестричка, и я свободен. Я могу гулять весь вечер пятницы и выпивать с друзьями после записи шоу. Мы выпускаем пар. Мы смеемся. Дурачимся. И я ни к кому не должен прислушиваться.

– Ну, зато я прислушиваюсь к этой вот трупке. Прислушиваюсь к зрителям, которых мало осталось, как ты справедливо заметил. Прислушиваюсь к своему нутру, которое меня подводит. Я пытаюсь услышать каждый голос, с любой стороны, который подскажет мне выход, но мои мама и папа якобы на небесах и ничего не говорят мне, и все, что я слышу, – грохотание труб в полу бельэтажа, которые давным-давно нуждаются в ремонте. Жизнь у нас с тобой разная, Ник, но я никак не возьму в толк, зачем ты пришел сюда напомнить, какая я неудачница. *Снова*. Наверное, тебе нравится злорадствовать, и в этом есть нечто садистское. И это значит, что успех сделал тебя чванливым гордецом и превратил в человека, который любит рассказывать нам, почему мы такие неудачники, как будто мы не обладаем талантом, каким обладаешь ты. А ведь дело-то вовсе не в таланте, дело в везении. Чистое везение отправило тебя туда, где ты сейчас. Талант – да, это важный фактор, когда выпадает случай, талант просто необходим. Но без везения ни один талант в мире не имеет значения.

– Ты правда в это веришь?

– Я этим живу! Я ходила к Фрэнку Арриго. Я попросила его купить театр. Сделала ему предложение. Но он отказал мне. Сказал, что дождетс аукциона. И купит его более выгодно. Ну кто бы мог предугадать, что единственный делец в городе, который заинтересован в этом здании,

окажется мужчиной, которого я знала прежде?

– Пламя старой любви, которое ты потушила пожарным шлангом. Не надо было туда ходить. Это я виноват.

– Нет, я сама виновата. Я думала, что он мне друг. Но видишь ли, он не получил, чего хотел от меня, и я стала его врагом. У мужчин какое-то безумное отношение к миру. Если ты не делаешь что-то, как они того хотят, то это никогда не будет сделано. Это превыше прогресса.

– Он женился на Пичи. Кто мог подумать, что бухгалтерша оказалась Жанной д'Арк и ее цель была уничтожить меня, чтобы заполучить Фрэнка Арриго?

– Заткнись, Ники. Ты ей безразличен, и мне тоже. Я на мели, истратив последние деньги. Я попросила сестер внести за меня залог, но Порция сказала – нет, она больше не будет поддерживать этот театр. А Елена – ну, ты знаешь, она большая умница, так вот она сказала: «Калла, когда ты уже оставишь попытки выкупить папину жизнь? Когда поймешь, что он с этим не справился, потому что погнался за дурацкой мечтой?» А я ответила: «Ты именно об этом думала, когда смотрела на него из ложи? Я думала, что он потрясающий. Я восхищалась им, когда он работал с актерами. Когда размечал мизансцены. Когда недели спустя вкатывались декорации и зажигались прожектора, появлялись костюмы и целый мир сбрасывал покровы прямо у нас на глазах. Сначала лишь темное пространство, и вдруг оно наполнялось жизнью. Кто создавал ее? Кто на такое способен? Неординарная личность и экстраординарный художник! Мой отец! Наш отец! Наверное, и в раю!» Сестры считали, что он чокнутый. Они не могли оценить его поиски смысла, его творческие усилия. Они только и знали, что у нас вечно не хватало денег. У мамы никогда не было нужного. Дом никогда не ремонтировался. Мы ходили в обносках, потому что актерам требовались новые костюмы. Нам приходилось работать в кассе, драить туалеты и рассаживать зрителей. Вставать рано утром, еще до рассвета, и развешивать афиши по всему Саут-Филли в надежде, что это поможет продать еще несколько билетов. Сестры помнили только плохое – например, как папа сжигал плохие рецензии. И смотрели на него свысока, как будто он виноват в плохих отзывах. А когда отзывы были хвалебные, им вечно было мало. Он не мог победить. Они вечно его осуждали. Как может художник выжить под таким бременем? Ну мы и не можем. Мы уходим.

– Дело ведь на самом деле не в искусстве, Калла.

– Но это жизнь моего папы.

– Да. Но этот театр – просто очередное семейное предприятие. Кто-то

стрижет овец, кто-то шьет брюки, кто-то водит такси. Твоя семья создавала представления.

– Больше не будет. Я выдохлась.

– И чем ты будешь заниматься?

– Может, наймусь в Оперный театр Филадельфии. Я могу работать в службе. Шить костюмы.

– Костюмы? Ты ведь режиссер!

– С этим не сложилось.

– Значит, ты просто бросаешь это дело?

– Оно меня выбрасывает.

– Я понимаю. Книжники и фарисеи американского театра собрались вместе и проголосовали за то, чтобы выкинуть тебя.

– Это все не твои проблемы. Спасибо, что выслушал. Я рассказала тебе то, что никому еще не рассказывала. Наверное, считала, что никто не захочет меня слушать.

Калла посмотрела на свой планшет. Вытащила карандаш и принялась колотить им по поверхности, пока этот звук не вынудил Ники мягко забрать у нее карандаш.

– Ты голодна?

– Думаешь, я поэтому не могу мыслить здраво?

– Да, я так и думаю. Нельзя питаться печеньем и замахиваться на крупные замыслы.

– Избыток сахара, – вздохнула Калла, – ведет к безумным идеям и толстым ляжкам.

– Я все пытаюсь похудеть и стать таким, каким я пришел из армии. Телекамера прибавляет несколько фунтов. Но сейчас мне все равно. Прежде чем я вернусь в Нью-Йорк, почему бы нам не отведать стейка с сыром? В ознаменование нашей долгой дружбы. Это же никого не может обидеть? Обещаю не критиковать тебя. Почему бы просто не поесть?

– И правда, почему бы? – улыбнулась Калла.

– Давненько я не видел твоих зубов. У тебя хорошая улыбка.

– Я приберегаю ее, пока не случится что-нибудь хорошее.

– И возможно, даже раньше, чем ты думаешь.

Калла заперла театр и вышла следом за Ники. Ники помог ей усесться на пассажирское сиденье и закрыл за ней дверцу, а потом обошел вокруг машины. Калла прикрывала глаза от света уличного фонаря, пока он обходил машину. Это было всего одно мгновение, но он, казалось, исчез, растворился в свете, и пока она не услышала щелчок водительской двери, не ощутила, как машина мягко качнулась, когда он сел, то на миг поверила,

что Ники ушел, и это заставило ее задуматься.

Ники взял два сэндвича с мясом и сыром в окошке забегаловки Сола, а Калла расчистила место на уличном столике, где они вскоре сели ужинать.

Женщина лет шестидесяти с тугими голубоватыми кудряшками на голове, сидевшая напротив и безмятежно жевавшая сэндвич, внезапно узнала Ника Карла из телевизора. По лицу ее расплзлась ухмылка – будто кусок масла истаивал на горячем блине. Любительница мыльных опер поправила маленькую плоскую шляпку-блюдец, чтобы украшавшие ее декоративные пуговицы оказались на правильном месте, потом встала и подошла к их столику.

– Я вот тут сижу и думаю, – игриво заговорила она с Ники.

Калла откусила сэндвич и кивнула:

– Да, это Ник Карл из «Любви к жизни».

– Я так и знала! – возрадовалась леди. – Обожаю вас в этом шоу. Не напишете ли чего?

– Он с удовольствием. Он совсем не голоден, – ответила Калла с набитым ртом.

Ники сверкнул на Каллу глазами, а потом вежливо улыбнулся поклоннице:

– Конечно.

Женщина рылась в сумочке, пока не вытащила оттуда чековую книжку. Потом торопливо выхватила из кармана жакета авторучку.

– Вот здесь, – восторженно произнесла она. – Напишите «Для Этель». Это я.

– Чек?

– Нет-нет, только ваш автограф.

Ники выполнил ее инструкции.

– Благодарю вас! Девочки из клуба садовниц «Астра и букетик» просто не поверят!

– Но теперь вам не стоит беспокоиться. У вас есть доказательство нашей встречи. – Ники протянул даме автограф и ручку.

Этель попятилась, не сводя с Ники восхищенных глаз.

– Ну спасибо, удружила, – проворчал Ники и принялся за свой сэндвич.

– Наверное, женщины на тебя все время бросаются с тех пор, как ты стал знаменит? – поинтересовалась Калла.

– Постоянно.

– Как в Розето?

– Да, похоже. Когда я был большим лжепослом со смешным акцентом,

в потешном мундире, я нравился женщинам, потому что они считали меня важной птицей. Ник Карл – тоже просто персонаж. Ни того ни другого на самом деле не существует.

– А я знаю настоящего Ника Кастоне.

– Держи свое знание при себе. Не губи мою любовную жизнь.

– Еще бы. Но это дорого тебе обойдется. В следующий раз, когда «АП» понадобится интересная история, скажи им, чтобы позвонили мне.

– И что ты им поведаешь?

– О, немало. От Мэйми вестей не было?

– Нет. – Лицо Ники вспыхнуло. Калла и в самом деле знает о нем все, и он не был уверен, что это хорошо.

– А хотел бы? – спросила она безмятежно.

– Мэйми пришла в мою жизнь и показала, чего мне не хватало. Все, что потерял я, она нашла. Она вышла за участкового копа и родила ребенка. Все мои бывшие счастливы.

– Рада за них.

– А у тебя как?

– Я всегда буду одна.

– Только «АП» об этом не говори. А то они решат, что твое интервью недостоверно.

– Почему это?

– Потому что ты не будешь одна.

– Эх, мне бы твою уверенность.

– А какие у тебя были планы на завтра, после того как я уеду?

Калла пожала плечами:

– Собиралась почитать объявления о работе.

Ники скорчил рожу:

– Хорошее развлечение.

– Поглядим, что вокруг творится.

– И что же?

– Прямо сейчас? Не знаю. Видела рекламу. Новая фабрика верхней одежды открывается в Джермантауне.

– Можно дать тебе совет?

– Сделай милость.

– Объявления о найме никогда не помогут в поисках работы. Я знаю это по себе, с тех пор как работал таксистом. Я обычно убирался в машине после смены, а люди вечно забывают газеты на заднем сиденье. Два наблюдения. Первое – мало кто разгадывает кроссворды до конца.

– Потрясающе!

– Я тоже так подумал. А второе наблюдение – объявления о найме внушают тебе чувство ненужности. Ты – не тот человек, которого можно описать в трех строчках.

– Не тот?

– Ты не должна тратить время на эти колонки.

– Я не знаю, как еще найти работу.

– У тебя уже есть работа.

– Ники, театр вот-вот закроется. Я исчерпала все возможности.

– Все, кроме одной.

– Не томи. Я вся внимание.

– Меня.

– Побереги денежки. Это убыточное предложение. Даже кредитные акулы удирают, едва завидев мое приближение.

– Я в тебя верю.

– Я никогда от тебя ни гроша не возьму, зная то, что знаю. О долгах, о необходимом ремонте, о том, что нам нужно набрать зрителей, чтобы театр стал прибыльным. А это невозможно. Но спасибо тебе, что хотел попробовать.

– Я не хочу давать тебе какие-то деньги.

– Мудро.

Калла похлопала его по руке и снова вернулась к сэндвичу.

– Я хочу отдать тебе *все* мои деньги.

Калла снова впилась зубами в сэндвич.

– Калла, ты меня слышишь?

Она кивнула.

– Ты не в своем уме. – Она глотнула газировки из бутылки. – Что это вообще значит? Все деньги. Ты что, помирать собрался? У тебя больные почки или что?

– Калла, пожалуйста, прекрати есть хоть на минутку! – Он отобрал у нее сэндвич и положил на тарелку. Отодвинул бутылку содовой. – Я хочу стать твоей семьей.

Ники перегнулся через стол, взял лицо Каллы в ладони и поцеловал ее.

И когда его губы коснулись ее губ, звуки вокруг стали явственнее, громче. Она слышала радио в кафешке Сола, рокот подъезжающего грузовика, раскатистый смех из-за раздаточного окошка. Все это сливалось в некое подобие музыки, никогда прежде не слышанной. Она забыла про сэндвич, в ней пробудился голод по поцелуям Ники.

– Извините, мистер Карл. Это моя подруга Вив. Она тоже смотрит «Любовь к жизни». Она большая ваша поклонница.

– Я сейчас слегка занят, – сказал он, не открывая глаз, и снова поцеловал Каллу.

– Я вижу. Но мы немного спешим. У Вив собрание общины в церкви, и там строгое расписание.

– А я отвечаю за кофе с тортом, – твердо сказала Вив.

Ники встал и протянул руку. Вив и ее подруга были крошечными итальянками хорошо за семьдесят. Каждая в отдельности казалась сущей овечкой, но вдвоем они были как две монтировки.

– Очень рад, Вив.

Электрический ток желания пронзил Вив, она чуть не заискрилась.

– Господи, да вы высоченный!

– Я закончил расти, когда мне было восемь.

Дамы переглянулись.

– Несомненно, – кивнула Вив. – Не подпишете мне конверт для пожертвований? У меня больше не на чем.

– Если только вы не заставите меня его наполнить.

– Что вы, нет.

Ники поставил автограф на обороте конверта для пожертвований в пользу церкви Святого Фомы Аквинского.

– Спасибо вам! Я теперь ни за что не опущу его в корзинку.

Дамы засеменили прочь, как две белки, поделившие единственный орех.

– Что теперь? – Калла скрестила руки и откинулась на спинку стула.

– Зависит от того, насколько хорошо ты знаешь Шекспира.

– А ты проверь.

– Что произошло в третьей сцене четвертого действия «Двенадцатой ночи»?

– Себастьян и Оливия поженились.

– Значит, нам нужен священник. Вот и все. Если ты выйдешь за меня.

Калла Борелли заглянула в глаза Ники Кастоне. Они были сразу и голубые, как вода у побережья Санта-Маргерита, где она страстно мечтала побывать, и серые, как половицы на крыльце старого дома на Элсворт-стрит. В одно мгновение он стал всеми сказочными краями, о которых она грезила, и единственным родным домом. Он был ее прошлым и ее настоящим – тем неуловимым мигом, который, как пытался объяснить ее отец, существует в театре, лишь когда актер и публика становятся одним целым. Но Ники был еще и любовью, о которой она грезила, которую она ждала всю жизнь, даже уверившись, что эта любовь никогда не станет ее любовью. Калла и представить себе не могла, что ее настоящая любовь

сперва явится к ней в обличье друга.

Калла не хотела быть чьей-то женой. Не хотела выходить замуж, как ее сестры или как мама. Она не знала, чего хотела. Не хотела менять фамилию, предав отцовскую, как будто его и не было на свете и он ничего не значит. Родись она сыном своего отца, она носила бы ее с гордостью. Почему она должна принести в жертву фамилию Борелли из-за того что родилась девочкой? Калла хотела собственной жизни, такой, что могла бы расти вместе с другой, как раздвоенные стволы сирени, обвивавшиеся вокруг водосточной трубы у служебной двери, которые она никогда не разделила бы, боясь лишиться любимый театр его красоты.

– Почему ты хочешь жениться на мне? – спросила она.

– Честно? Потому что все девушки, которым я делал предложение, меня отшили.

– И сколько же их было?

– Четырнадцать.

– И это все?

– Тебе мало?

– Тебя вся страна смотрит.

– Я читаю не все письма от поклонниц.

– А надо бы, наверное.

– Так что ты мне скажешь?

– Я никогда не разрешала себе даже подумать, что это может случиться.

– Почему?

– Не хотела разочаровываться.

– Но теперь тебе это не грозит. И еще раз спрошу. Что ты мне скажешь? Я вижу тут, как декорация на сцене. Та, у которой шкив вечно застревает. Один толчок в неверном направлении, и я рухну на пол, насадив Хэмбона на реквизит.

– А как ты объяснишь это все остальным женщинам?

– Калла Борелли, ты единственная женщина, в которой я никогда не сомневался.

– Я на мели.

– И я там бывал.

– У меня долги.

– Мы с ними разделаемся.

– Я люблю командовать.

– Я знаю.

– Я не изменюсь.

– Так держи меня под каблуком.

– Я иногда считаю, что знаю все.

Ники кивнул:

– Очень часто.

– Я сама себя стригу.

– С этим надо кончать.

– Не представляю себя в салоне красоты.

– А придется.

– Я люблю тебя и всегда любила, Ник.

– Правда? – Он был заинтригован. – И как давно?

– Папуля ставил «Как вам это понравится». Весенний сезон тысяча девятьсот сорок восьмого.

– Сорок шестого.

– У меня с цифрами не очень.

– Это объясняет проблемы с банками.

Она пропустила замечание мимо ушей.

– И ты пришел в театр. Такой худой-худой. Как все ребята, вернувшиеся с фронта. А когда папа спросил, что бы ты хотел делать, ты ответил: «Что угодно, кроме игры на сцене».

– Я этого не помню.

– А позднее папа мне сказал, что ты был единственным пришедшим в театр человеком, который не хотел быть актером.

– В итоге у меня кое-что получилось, Калла.

– Даже если бы и нет, это не имело бы значения. Ты – мой лучший друг.

Калла обвила Ники руками. Она не шутила. Она верила в Ники Кастоне так же, как ее мать верила в ее отца. Калла всегда будет его любить, но она не хотела отказываться от своей мечты даже ради этой великой привилегии. Как ей сказать ему об этом? Она не могла. Вместо этого она поцеловала его – она целовала его щеки, нос, губы, она ласкала эти губы губами, позволив себе остановить наилучшее мгновение в своей жизни, мгновение длиною в целую жизнь.

Левой рукой Ники постучал в дверь церковного флигеля, правой он держал за руку Каллу.

Двери открыл молодой свежесбривший священник в новой черной сутане.

– Отец Родо?

– Он в уединении.

– Вы дежурный священник?

– Да.

– Падре, как вас зовут?

– Отец Берри.

– Красивое имя. Звучит по-летнему. Отец, мисс Борелли и я хотим пожениться.

– Вы должны дождаться отца Родо. И сообщение о свадьбе должно появиться шесть раз в еженедельном церковном бюллетене.

– У нас нет на это времени.

– Но таковы правила.

– Отец, молю вас, я прихожанин Римской католической церкви, от первого «агу» до последней исповеди, пожените нас безотлагательно. Калла тоже католичка и на хорошем счету в церкви Божьей Матери...

– Доброго совета, – закончила предложение Калла.

– Вот видите, мы крайне ревностны.

– Тогда вам следует придерживаться правил. – Отец Берри узнал Ники.

– Ник Карл. Я Ник Карл из «Любви к жизни». Я родом из Саут-Филли.

– Кто бы сомневался, – ухмыльнулся отец Берри.

– Неужели вы не поможете сыну родины?

– И дочери? – добавила Калла.

– Извините. Вы же знаете, законы устанавливают в Риме. У нас нет пространства для маневра.

– Совсем?

– Я могу вызвать отца Родо в неотложном случае.

– Уверяю вас, что наш – неотложный.

– У вас есть кольца?

– Есть, – соврал Ники.

– Заходите.

Ники выудил из кармана брелок. Он вывернул и вырвал ключи из кольца и, пока отец Берри вел их в свой кабинет, разломал спираль на два проволочных колечка. Калла покачала головой. Им пришлось ждать, пока отец Берри не появился снова.

– Я не могу вас поженить. Извините. Отец Родо сказал, что это невозможно.

– Для Бога нет ничего невозможного.

– В данном случае, к сожалению, есть.

– Скажите ему... и сожалею, что говорю это вам, простите меня... мисс Борелли ждет ребенка. Мы уже на пути в Вифлеем, отец. Вы понимаете, что я имею в виду.

Отец Берри побледнел.

- Понимаю. Это меняет дело. Сейчас я вернусь.
- Какой еще ребенок, я не... – прошептала Калла.
- Ну будешь же однажды.

Ники и Калла ожидали возвращения священника.

- Пойдемте со мной. – Отец Берри повел их в часовню.

Калла в своей лучшей шляпе и туго перепоясанный Ники были обвенчаны отцом Берри перед маленьким алтарем в церкви Святой Марии Магдалины де Пацци, у витража, который бросал голубые тени полной луны на счастливую пару и нервничающего священника. Священник благословил кольца, не осуждая дешевую проволоку. Калла и Ники задержались, прилаживая ее на пальцах, прежде чем поцеловались.

– Надеюсь, вы взрастите дитя в вере католической, – торжественно сказал отец Берри.

- Дорогой брат, даю вам слово, – пообещал Ники.

Ники и Калла продолжали целоваться и выйдя из церкви.

– Куда пойдём? – спросил ее Ники. – На Монтроуз-стрит есть автобусная остановка.

- Ты так и не спросил, где я живу.

- Где ты живешь?

Она улыбнулась:

- Это и твой дом теперь, Ники.

- Ты хорошо готовишь?

- Пеку я лучше.

- Годится. У меня две лишние дырки на ремне.

К удивлению Ники, Калла повела его обратно в театр. Она включила софиты и, велев Ники идти следом, принялась взбираться по лестнице за сценой в помещение, где можно было передвигаться только ползком.

Она взяла его за руку, когда вела по решетке к дверце высотой футов в пять, открыла ее и, пригнув голову, вошла. А он за ней.

В комнате было темно. Калла передвигалась в пространстве, включая лампочки, отбросившие розовый свет на пол. Комната оказалась огромной. Она была красиво обставлена лучшей мебелью из родительского дома, включая большую кровать с балдахином, комод и просторное кресло, покрытое пледом, связанным матерью Каллы. Кухня представляла собой лишь немудреную раковину и электрическую плитку. Калла отошла к дальней стене и дернула за веревку, очень похожую на ту, какой поднимают или опускают занавес. И сдвинула парусину, открыв стеклянный потолок, пропускающий свет, – в крыше театра оказался ряд

окон.

– Как тебе?

Ники поцеловал жену.

– Детьми мы играли в этой комнате, – пояснила она. – Здесь хранились задники.

Ники прижал к себе Каллу.

– Я хотел, чтобы у тебя была большая, самая прекрасная свадьба.

– А мне нравится эта.

– Как насчет кукол на капоте и печенья на подносах?

– Это неважно.

– Конфетти?

– Конфетти мне ни к чему.

– Кольцо с бриллиантом?

– Когда-нибудь.

– А, то есть кое-чего миссис Кастоне все-таки желает?

Калла поцеловала мужа в губы, в глаза, щеки, шею, руки. Они начали раздеваться.

– Не подглядывать! – сказала она, вспомнив прошлое, оба засмеялись, и это оказалось важнее всего, что было у них до свадьбы или после.

Ники поднял жену на руки и отнес ее в постель под звездами. Калла прижалась к Ники, думая, что он уместен в этой комнате, что здесь всегда было его место.

Ники хотелось наверстать все упущенное время, все то, что он растратил, живя без нее. Он нашел свою Беатриче, она сошла со страниц «Шекспира, рассказанного детям» в облаке золотого атласа, и вот она ему принадлежит. Как же он раньше этого не замечал? В ту ночь он поклялся, что никогда ее не оставит, и она ему поверила. Калла и сама не поскупилась на обещания и сдерживала их всю жизнь. Судьба неожиданно подкралась к ним, завладела их сердцами, захватила их души и вознесла их настолько близко к луне, насколько позволяли своды Театра Борелли. Калла Борелли не была иллюзией, она теперь навсегда рядом с ним. А Ники Кастоне? Он больше не был сиротой. И никогда не останется один.

Гортензия чуть не вышла не на той остановке. Она по привычке собралась выходить на Честнат-стрит, как делала все эти годы, добираясь до работы, но сегодня у нее было дело на другой стороне Брод-стрит.

Она поправила воротник своего пальто от Нетти Розенштейн, которое купила на закрытом показе моделей, зная, что ей понадобится хорошая одежда для деловых встреч. Используя витрину «Пекарни Джоэллы» как

зеркало, она надвинула край шляпки-клош на брови точно так, как показывала продавщица.

Гортензия глубоко вдохнула и вошла под ослепительный красно-бело-зеленый тент «Пронто: такси и лимузины» на Фицуотер, 113. Майк Палаццини умел произвести впечатление на посетителей, и вкус у него был отменный.

Гортензия толкнула дверь и вступила в вестибюль. Справа возвышалось окно от пола до потолка, слева тянулась длинная скамья, обтянутая красной лаковой кожей. За окном, в гараже раза в три больше, чем у Палаццини, просматривался парк машин. Гортензия скосила глаза и заметила подъемник и подвешенный в нем автомобиль, под которым трудилась бригада механиков. Дело было явно поставлено на широкую ногу. Впрочем, Гортензия не удивилась.

– Миссис Муни! – В предбаннике появился Майк Палаццини, выйдя из двери, ведущей в гараж.

– Мистер Палаццини, давно не виделись.

– Я был юн, – хмыкнул Майк. – И скучаю по молодости.

– Мы все скучаем.

– Вы не изменились.

Майк Палаццини был чрезвычайно элегантен в своем темно-синем блейзере, белых брюках, белой рубашке в синюю полоску и бежевых замшевых мокасинах.

– Как жизнь?

– Бьет ключом.

– Мой брат не дает покоя?

– Я там больше не работаю.

– Что он натворил?

– О нет, ничего подобного. У меня появилась возможность начать собственное дело.

– Без шуток?

– Все мои годы с вашим семействомгодились. Я изготавливаю соус для спагетти. И у меня договор с компанией Олдфилдов.

– Вы, наверное, разбогатели.

Гортензия понизила голос:

– Эту шляпку я не в рассрочку купила.

– Поздравляю! Почему бы и нет. Это Америка. И диспетчер может стать магнатом.

– Не забывайте, что я еще была оператором «Вестерн Юнион».

– Это уж когда я ушел.

– Ну да, верно.

– А зачем мой брат устроил телеграф в гараже? Никогда не мог понять.

– Когда миссис Палаццини отправила всех четырех мальчиков на войну, она поклялась, что не откроет дверь, если придет офицер с дурными вестями. Она хотела узнавать новости раньше военных, тогда она и попросила мужа установить там телеграф.

– И они все вернулись.

– Это верно.

– Вы знаете, что я потерял моего Ричарда.

– Ужасно. Я очень сожалею.

– Что тут поделать.

– Ничего. Абсолютно. Просто молиться.

Гортензия погладила его по плечу. Майк нашел отутюженный носовой платок в кармане. Он смахнул несколько слезинок.

– Я оплакиваю этого ребенка каждый день. Ну вот снова. Что твой фонтан.

– И так будет всегда.

– Наверное.

– Я пришла к вам по поводу вашего брата.

– С ним все в порядке?

– Думаю, что да.

– Он болен?

– Ну, он постоянно страдает от несварения, но не думаю, что оно его убьет.

– Значит, он в порядке.

– Я думаю, что вам пора *снять его с острова*.

Из всех итальянских выражений, которые Гортензия узнала в доме Палаццини, это, застрявшее в ее голове, представляло концепцию *острова* — места, куда вы помещаете людей, когда ссоритесь с ними и прекращаете общаться навсегда.

– Он сам загнал себя на остров, – возразил Майк. – Он со мной не разговаривает. Это я на острове.

– Ладно, сейчас уже не имеет значения, кто кого загнал на остров. Имеет значение одно: вот приглашение на свадьбу вам и Нэнси, вашим ребятам и их женам.

Гортензия полезла в сумку и, вытащив конверт, вручила его Майку, а тот его открыл.

– Тут билеты на спектакль.

– Частично. После спектакля будет вечеринка. Это свадебная часть. Так

вот, если вам надо больше билетов, просто упомяните меня в кассе у Борелли, и они вам дадут все, что необходимо.

– Ники женился?

– Да, женился.

– Он же на телевидении в Нью-Йорке.

– Да, но он вернулся в Филли. Женился на местной девушке. Калле Борелли.

– А венчальная месса будет?

– Их поженил священник в часовне при церкви.

– А, такого рода женитьба, – присвистнул Майк. – Вынужденный брак.

– Нет, не *такого*. Они просто не хотели шума и блеска.

– Кто ж не хочет шума и блеска? – Майк почесал голову. – А мой брат знает, что мы приглашены?

– Это Ники вас пригласил.

– Мне всегда было жалко этого мальчика. Ни отца ни матери.

– Он совсем неплохо справился.

– Джо ему заменила мать, я полагаю, – пожал плечами Майк.

– У Ники было много матерей. – Гортензия встала и собралась уходить. – Надеюсь, что вы придете.

– Я спрошу Нэнси. Она хозяйка.

Майк смотрел, как Гортензия идет по Фицуотер. Подошел автобус, и она села в него. Он покачал головой. Миссис Муни долго работала у Дома и научилась у него прижимистости. Почему этот титан бизнеса ездит на автобусе? Она заслужила собственную машину с водителем. Может, ему следовало обсудить с ней это? Может, ей это просто не пришло в голову? И «Пронто» предоставит ей такую услугу? Почему бы нет?

Выход актеров на поклон после «Укрощения строптивой» превратился в дополнительный акт в этой нашумевшей комедии. Калла придумала, что Петруччо-Ники гоняется за Катариной-Нормой по рядам, пока не ловит ее, да и вся труппа гоняется друг за другом. Тони Копполелла догоняет Джози Чилетти в партере, а остальные актеры разбиваются на пары и выстраиваются на сцене. Зрители пришли в восторг, представление впервые заслужило овацию стоя, а такого никогда не случалось с пьесами в постановке Каллы Борелли.

Декорации изображали роскошное елизаветинское селение, украшенное для свадьбы сахарной ватой всех оттенков, желтое, зеленое и розовое сияло под голубым небом из муслина и модернистскими облаками из папье-маше, которые раскачивались под синим балдахином.

На этот раз декорации послужили антуражем для запоздалой свадебной вечеринки Каллы и Ники. Каждый кузен, друг и сосед был приглашен на празднование. Глория Монти и ее муж Роберт Ф. О'Бёрн приехали из Нью-Йорка. Ральф Стампоне, а также Мэри и Марк Сильверберг тоже прибыли, не желая пропустить новую главу в жизни Ники и Каллы.

Когда занавес опустился, семья закатила вечеринку на сцене. Жены кузенов вместе с сестрами Каллы – Еленой и Порцией активно влились в действие, единой командой устраивая праздник. Бабушку торжественно вкатили в кресле на середину сцены, а все гости выстроились в очередь, чтобы ее поприветствовать. Мэйбл накрыла кружевной скатертью рабочий стол, а Лина расположила в центре цветы и свечи. Тони втащил ящики со льдом, охлаждавшим газировку и пиво. Джози вручила актерам корзинки со свежими сэндвичами и велела обнести всех. Нино приволок чашу с пуншем из-за кулис. За ним появилась Эльза, неся поднос с печеньем, а Джо прикатил тележку со свадебным тортом. Вскоро гости заполнили сцену, и труппа тоже просочилась из-за кулис.

Гортензия Муни взобралась на сцену, сопровождаемая дамами из своего церковного окружения. Разбогатев, она полюбила тратить деньги на две вещи: баловать дочерей и возить подруг по церкви на экскурсии и всякие культурные мероприятия. Дамам понравилось «Укрощение строптивой», но больше всего, как и остальных, их взбудоражила возможность увидеть Ники – звезду телеэкрана.

За сценой Глория и Роберт постучали в дверь уборной Ники.

– Открывай! – врезала по двери Глория.

Ники распахнул дверь и обнял их.

– Глория, вы приехали! Роберт!

– Мы решили не ехать поездом каждый раз, когда хотим тебя увидеть. Ты должен вернуться и снова участвовать в шоу.

– И всем этим пожертвовать?

– Нам не терпится заполучить тебя обратно, – сказал Роберт. – Производители мыла «Люкс» настаивают.

– Подумай хорошенько, – сказала Глория. – Пьеса была великолепно, и ты тоже. И театр забит.

– Моя жена изобразила мое лицо на рекламе и подписала: «Звезда телевизионного шоу Си-би-эс "Любовь к жизни"». Она сообразила, что можно так распродать все билеты, и, знаете, не ошиблась.

– Значит, дела идут хорошо?

– Близко к тому, окупил затраты. Это ведь лучше, чем погибнуть.

– Давай возвращайся на шоу. Ты же можешь быть и тут и там.

– Согласен, Глория.

– Великолепно. Вперед! – Глория обняла Ники. – Я думаю, что мне совершенно необходимо, чтобы ты вернулся и прикончил несколько человек. Или нет. Я просто скучаю по тебе.

– И она не врет. – Роберт тоже обнял Ники.

– Нам нужно вернуться сегодня же, но мы должны были повидать тебя.

– Даже не знаю, как вас обоих отблагодарить.

– Не нас благодари. Ты просто-напросто отличный актер, друг мой, вот и все, – завершила его Глория.

Ники провожал Глорию и Роберта взглядом и думал, как же ему посчастливилось, что он их встретил. Так однажды встречаешь своих ангелов, и они никогда не покидают тебя, даже если ты сам от них уходишь.

– Эй, Ник! – Тони высунул голову из своей уборной. – Хэмбон принес тебе подарок.

Хэмбон Мейсон появился из костюмерной в домашней куртке, с бутылкой водки.

– Я думаю, что свадебному пуншу не хватает ерша.

– Чего ты ждешь, Хэмбон? – рассмеялся Ники. – Подлей ее туда.

Ники прошел за Хэмбоном на сцену, где нашел Каллу, направляющую гостей к столу с закусками. Он обнял ее.

– Тебе нравится мое платье? – спросила она.

Калла покрутилась в ярко-желтом платье из тафты.

– Единственное желтое платье, которое я смогла найти. Я похожа на лимон.

– Нет, ты – Беатриче. – Ники поцеловал жену.

Он свистнул, чтобы привлечь внимание празднующих, среди которых ходила Джози с традиционным белым атласным мешком, собирая свадебные денежные подарки. Мешок с надписью *La Boost* быстро наполнялся. И на словах, и своим декольте Джози убеждала гостей не скупиться.

Когда труппа, друзья актеров и семья собрались вместе, Ники заметил у кулис Гортензию с компанией. Он подошел к ней, взял за руку и вывел на середину сцены. Там он оставил ее с Каллой, а сам вернулся к кулисам, собрал церковных дам и тоже привел их на всеобщее обозрение.

– Я хочу поблагодарить миссис Гортензию Муни. Прошу поднять бокалы. Я потерял мать, и тетя Джо мне ее заменила, но Господь решил, что одной матери мне мало, так что я обзавелся третьей матерью, миссис Муни. Никакая женщина так не присматривала за мной, как она.

– *Cent'anni!* – Гортензия подняла бокал, и гости последовали ее примеру. – Это значит «Сто лет здоровья и счастья», – объяснила она церковным дамам.

– Лучший диспетчер. Незаменимый, – объявил Дом. – Угроздило же ее уйти, изобрести соус и разбогатеть.

– Американская мечта, милый, – тихо сказала Джо. – Ее хватит на всех.

– Я хочу предложить тост за мою жену Каллу. – Ники опять поднял бокал.

– Прекрасный режиссер! – выкрикнул Тони.

– Безжалостный, но добрый, – загудел, вмешиваясь, Хэмбон Мейсон.

– За Каллу! – подняли бокалы Палаццини.

– Кто хочет танцевать? – спросил Ники. – Тут полно актеров – можно плясать всю ночь. И достаточно пунша, чтобы дотянуть до дневного спектакля.

Все заплодировали.

Майк Палаццини пробрался через толпу, извиняясь налево и направо, пока не оказался на середине сцены. Тетя Нэнси, их сыновья Мики и Трики следовали за родителями.

Над толпой повисло молчание, когда братья встали друг против друга.

– Ты что здесь делаешь? – спросил Дом Майка.

– Нас пригласили. – Майк стоял, широко расставив ноги. Он крутил на пальце золотое кольцо.

Дом и Майк стояли лицом к лицу, за ними жены и остальные члены семьи. Ники и Калла переглянулись. Гости знали историю семейной распри, но редко можно увидеть такую драму на сцене, если она не написана Шекспиром.

– Я их пригласил, – признался Ники.

– А я была посланником. Я пошла на Фицуотер с приглашением.

– И вы, миссис Муни? – Дом почувствовал себя так, словно его предали.

Гортензия пожала плечами:

– Я знала, что мистер Майк не вышвырнет меня.

– Мы хотим, чтобы обе семьи снова соединились, дядя Дом, – сказала Калла.

– Я думаю, что это хорошая идея, – тихо поддержала ее Джо.

– Я тебя спрашивал, Джоанна?

– Нет. Но я скажу это опять.

– Нет нужды. Я тоже думаю, что идея хороша, Доминик, – сказал Майк.

– Ты видел пьесу? – осторожно спросил Дом брата.

– Мы сидели на галерке с цветными, – признался Майк.

– Эй, – откликнулась Гортензия, – нам нравится вид оттуда.

– Неплохой вид, миссис Муни, – согласился Майк.

– Я люблю сидеть высоко. – Нэнси Палаццини выглядела прелестно в коротком темно-синем атласном платье с болеро в тон. Волосы были подкрашены рыжим, а макияж и ногти, как и всегда, могли служить образцом совершенства.

– Как приятно видеть вас снова, тетя Джо и дядя Дом, – сказал Мики.

Он был красив, хорошо одет и стал похож на отца, с такой же пышной шевелюрой.

– Могу только присоединиться. – Трики был застенчив и не любил говорить на публике, но все знали, как он добр. Он был изящным, в тщательно подобранной одежде, весь в мать.

Носком своего старого выходного ботинка Дом провел круг на сцене.

– Мне очень жаль, что так вышло с Рики, – в конце концов сказал он брату.

Глаза Майка наполнились слезами.

– Что поделаешь.

– Мы отдали его за правое дело, – сказала Нэнси. – Но мы чувствуем эту потерю каждый день.

– И это нелегко, – тихо добавил Майк.

– Нелегко. – Нэнси приобняла мужа. – Но мы справляемся. И письмо Джо очень мне помогло.

– Ты ей написала письмо? – спросил Дом.

– Я могу писать письма без твоего разрешения.

– Но не на остров же.

– На остров тоже ходит почта, Доминик, – повысила Джо голос.

– С каких пор?

– С тех пор, как я отправила письмо, и оно дошло и было прочитано. Идет?

– Следи за своим тоном, Джоанна!

– Не буду! Особенно когда ты ведешь себя как осел.

– Не могу не согласиться с ней, Дом. – Майк раскрыл им объятия.

– Ты на ее стороне?

– Она мне всегда нравилась больше, чем ты.

– Так вот когда правда выплыла наружу.

– И все это ничего не значит, – сказала Нэнси, схватив свою крокодиловую сумку за ручку так крепко, словно хотела ее оторвать. – Мы есть то, что мы потеряли. И вы, ребята, – она посмотрела на Дома и потом на мужа, – сами знаете, как много мы потеряли.

– Это всех нас затронуло. Мы скучаем по кузенам. Правда, на бейсбольных матчах «Филлис» мы всегда сидим вместе, – признался Доминик.

– Что вы делаете? – Дом был ошеломлен.

– Рики, Мики и Трики, и Джио, и Нино, и я. Мы всегда вместе ходили на стадион. И когда Ники подрос, мы стали брать его с собой, – выдал всех Доминик.

– Это нарушение субординации. – Дом вытер лицо ладонью.

– Гляди-ка, на острове даже спорт есть. – Джо отхлебнула пунша.

– Мы бы сделали это в любом случае, папа. Мы семья. Нельзя выбрасывать людей, как одноразовые тарелки. – Нино обнял отца.

– У нас так много добрых воспоминаний. Как летом мы ездили в Уайлдвуд-Крест, и как дядя Майк жал на клаксон, когда мы проезжали мост с горящими факелами.

– Ты помнишь это, Джио? – улыбнулся дядя Майк.

– И, папа, ты учил нас удить рыбу. Ты рулил катером, когда мы катались на водных лыжах. И ты брал нас во все поездки. – Джио посмотрел на Дома.

– Потому что у меня слабый желудок. И до сих пор так, – признался Дом.

– Ты всегда выглядела такой красивой в купальниках. И шапочки всегда подходили, – с восхищением сказала Джо Нэнси.

– Что я могу сказать. Я люблю модно одеваться.

– Это нормально, – заверила ее Джо.

– А когда мы приходили с пляжа, у тебя всегда был готов ужин, вечер за вечером, – с благодарностью сказала Нэнси.

– Я это делала с удовольствием, – сказала Джо. – У меня аллергия на

солнце. Но не на кастрюли и сковородки.

– Да, нам повезло! – сказал Дом.

Ники взял Каллу за руку и присоединился к дядьям, кузенам и их женам.

– Вот что я хочу вам сказать.

– Скажи, пожалуйста, что ты возвращаешься за руль «четверки». – Дом молитвенно сложил руки.

– Нет, я нашел иное призвание, дядя Дом. Когда становишься актером, изучаешь новую технику, это требует использовать память и чувства. И вначале, когда я только учился, я не переставал думать о Рики. Он единственный среди нас обладал душой артиста. Он любил оперу. Он читал книги, а не комиксы.

– Книжки в твердых переплетах, – кивнул Мики.

– Он сходил с ума по театру. Любил ездить в Нью-Йорк в театр. И всегда умолял меня взять его на спектакль, – вспомнил Майк.

– У Рики был высокий стиль, – сказал Джо. – Лучшего слова не подберешь.

– Как хорошо, что у одного из нас он был, – добавил Трики.

– Он был мой мальчик, и он ценил прекрасное, – тихо сказала Нэнси. – Но самое прекрасное было то, как он дружил. Он был бы счастлив сегодня вечером.

– За Рики! – Ники поднял бокал.

– *Cent'anni!* – воскликнула Калла, когда они чокались.

– Никаких больше ссор! – Доминик поднял свой бокал.

– *Мазел тов!* – Эльза чокнулась с братьями мужа.

Калла опять подняла бокал:

– За моих сестер и зятьев!

Елена, Порция и их мужья тоже подняли бокалы.

– *Salute!* – Майк коснулся бокалом бокала Дома.

Гортензия наклонила свой бокал к Хэмбону.

– Повторим? – спросил он.

– По чуточке.

Хэмбон наполнил бокал Гортензии.

Двое полицейских пробили себе дорогу через толпу.

– Господин офицер, у нас праздник. Если мы ненароком перекрыли улицу, то сейчас передвинем машины, – пообещал им Ники.

– У нас нет претензий к машинам, – сказал один из полицейских.

Его напарник осмотрел толпу.

– Мы ищем Джованни Палаццини.

– Да вы шутите. – Мэйбл повернулась к мужу и вlepила ему подзатыльник. – Мы на свадебном приеме.

– Он здесь? – не отставал коп.

– Конечно, он здесь. Вся семья здесь. – Мэйбл предложила им мужа, как фрикадельку.

– Я здесь, господин офицер. – Джио поднял руку.

Тетя Джо встала между ними.

– Я уверена, что здесь ошибка.

– Это ваша мать? – спросил коп Джио.

– Да.

– Матери. Сосуды надежд, – покачал головой полицейский. – Мистер Палаццини, вам нужно пройти с нами в участок.

– Участок? – простонала Мэйбл. – В наручниках?

– Ребята, пусть это вас не останавливает. Продолжайте праздник, – сказал Джио, когда на нем защелкнулись наручники. Его вывели через служебную дверь и усадили в полицейскую машину, припаркованную на улице.

Мэйбл последовала за ними.

– Ты куда? – спросила тетя Джо дядю Дома.

– Пойду выкуплю его под залог.

– Ты не можешь оставить здесь меня одну.

– Оставайся и получай удовольствие. – Дом поднял руки и обратился к публике: – Радуйтесь, веселитесь, все будет хорошо. Я вытащу сына и вернусь пировать.

– Я это предвидела в 1939 году, – покачала головой Гортензия.

Майк поглядел на племянников:

– Может, и нам следует пойти с ним?

Калла стояла у окна Четвертого полицейского участка. За окном можно было увидеть больше машин, представлявших семейство Палаццини, чем служебных полицейских автомобилей.

Ники вышел из тюремного помещения вместе с Джио и дядей Домом.

– Мы его вызволили!

– Когда Бог закрывает двери, Он открывает окно, – воскликнула Джо.

– Но не настолько широко, чтобы я мог выскочить из него. – Джио потер запястья.

Мэйбл разразилась слезами, обнимая мужа.

– Я больше не буду играть, лапушка.

– Сделаю вид, что я тебе поверила.

Семья покинула участок и расселась по машинам.

Майк подошел к Дому:

– Сколько ты им заплатил?

– Я не платил.

– А кто?

– Ники использовал *la boost*.

Майк покачал головой:

– Это не к добру.

– Не мог его удержать. Речь зашла о деньгах, и тут он достает мешок наличных.

– Все равно не к добру.

– Эй, после всего, что произошло за эти годы, я назову это добром. Ники и Калла собрали достаточно, чтобы вытащить его, – это ли не удача?

Калла перевернулась в постели. Ее разбудил запах бекона, яичницы-болтуньи и тостов с маслом.

– У меня лучший в мире муж.

– Всегда было выгодно стоять рядом с Джио, если метишь в школьные главари.

– Бедный Джио. – Калла села в постели.

– Хорошо, что у нас была *la boost*. Наличность на руках – очевидная необходимость в ночном суде, где рассматривают возможность залога.

Калла вылезла из постели, подошла к мужу и обняла его.

– Я бы тут осталась навечно.

– Но нельзя.

– Почему это?

– Я купил дом.

– Ники, я не хочу дом.

– Я знаю.

– Я хочу жить вот здесь. И тебе же тут нравится?

– Несколько богемно. Мы театралы, и нам как раз. Мы как джазмены. Или поэты-битники. Живем в театре, на чердаке, где надо ползать на карачках. Что может быть романтичней?

– Я хочу, чтоб все было просто.

– Я знаю.

– Мне было неприятно, когда мои сестры делили имущество родителей. Я не хочу, чтобы моя жизнь сосредоточилась на каких-то там вещах.

– В том доме, что я приглядел, нам многое не понадобится.

– Он маленький?

– Небольшой.

– Я не люблю вычурное.

– Я понимаю. Почему бы тебе не позавтракать? Оденься, и я его тебе покажу. У нас еще есть время вывернуться из этой сделки.

– Есть еще?

– Я никогда не сделаю тебя несчастной. Разве что куплю неподходящий дом.

Когда Калла и Ники вскочили в машину, она оглянулась на театр. Она решила, что посмотрит на дом, найденный Ники, поблагодарит его, но у нее не было намерения когда-либо покинуть Театр Борелли. Это была ее фамильная драгоценность, ее лампа, ее часы, хрусталь, праздничный сервиз, неумиравший смысл жизни ее родителей. В театре ее окружали воспоминания о матери и отце.

Ники проехал по Брод-стрит, вспоминая свои шоферские деньки и как он замедлял на углах, надеясь найти пассажира. Рефлекс остался и порой раздражал его, когда он жал на тормоз на зеленом свете, заметив возможного пассажира на углу, хотя уже не был в деле, а в роскошной машине с откидным верхом не было счетчика.

Ники повернул налево, на знакомую дорогу, и снизил скорость. Калла выпрямилась на сиденье. Она посмотрела на него, на улицу, на ряд домов.

– Ты это серьезно, Ники?

Ники свернул к дому 832 на Эллсворт-стрит и остановился. Крыльцо было все таким же серым и покосившимся, клумбы такими же неухоженными. На дорожке к дому в бетоне зияла трещина длиной в пару футов, в воротах не хватало доски. Деревянные планки на веранде требовали покраски, а всему дому нужны были новые оконные рамы. Вяз рядом с домом высох, там, где когда-то были ярко-зеленые ветки, теперь торчали мрачные сучья.

– Но ведь дом продан.

– Я его перекупил для тебя.

Калла спрятала лицо на груди Ника.

– Ну же, давай зайдём.

– Я не могу.

– Он весь твой.

– Я боюсь, что если открою глаза, то все исчезнет.

– А я боюсь, что если мы не починим этот старый сарай, то он развалится.

Калла открыла глаза. Дом стоял там же, где был всегда, со дня ее рождения. Она его потеряла, когда казалось, что потеряно все.

– Должно быть, ты действительно меня любишь, – сказала она.

– Ты себе даже не представляешь, как сильно. – Ник поцеловал ее. –

Мы дома.

Эпилог

Ноябрь 1953 г.
Саут-Филли

На злополучном участке на Монтроуз-стрит, ставшем в 1933 году яблоком раздора между братьями Палаццини, рос тенистый дуб. За долгие годы у дуба спилили столько больных и сухих ветвей, дабы спасти дерево, что его мощный ствол был испещрен шрамами, похожими на мишени, там, где пила отделила сучья. Но кое-как могучий дуб выжил и даже отрастил новые молодые ветки с глянцевой зеленой листвой и желудями, качавшимися, как бусины, под ветром.

Дом и Майк стояли на дорожке, обозревая спорную территорию, борьба за которую забросила каждого из них на остров.

– А ведь я ежедневно ходил мимо него, – сказал Дом, чуть помолчав.

– Какое удовольствие я испытывал, зная это.

– Не сомневаюсь.

– Но больше не испытываю.

– Почему, Майк? – Дом посмотрел на брата, который, на его взгляд, прекрасно сохранился для своего возраста. Может, что-то в этом есть и жизнь в свое удовольствие, на широкую ногу прибавляет румянца щекам, а шагу – энергии и решительности? И отпуска полезны для людей? Может, отдых и некоторое время в расслабленности придают им сил после, когда они снова возвращаются к тяжелым трудам? Какова бы ни была причина, Дом видел, что годы пролетают стороной, пощадив его брата, только слегка взъерошив его густые белые волосы. Чего не скажешь о нем самом. Годы прочертили на лице Дома больше линий, чем на карте автобусных маршрутов Филадельфии.

– Последнее время я все чаще вспоминаю маму. – Майк поддел носком ботинка камушек, и тот вылетел в уличную канаву на границе участка.

– Правда?

– У нас в семье появились все эти невестки – не пойми меня неправильно, они милые девчонки, но у них на уме только их семьи, их праздники, их матери. А я у них просто ходячая чековая книжка и источник наличных. С таким же успехом я мог бы сидеть в стеклянной будке, день-деньской распределяя средства, вместо того чтобы качаться в

подвесном кресле. Мужчина с годами теряет свою значимость.

– Как я тебя понимаю, – согласился Дом.

– Может, это и к лучшему. Я всегда считал, что наша мама важнее папы. А ты?

– Не знаю. У папы были проблемы, так что я не знаю, могу ли я ответить на этот вопрос. Но мама – мама была настоящая леди. Ты же помнишь, у нас ничегошеньки не было, а она делала вид, что у нас есть все на свете. И отец в ее рассказах был героем, вроде рыцарей Круглого стола. Он пожертвовал всем, чтобы добраться до Америки и подготовить нам почву. Строил мосты.

– Мы верили, что он собственными руками строит Америку, что он единственный сделал возможным транспортное передвижение, – улыбнулся Майк. – Сварщик с профсоюзным билетом.

– Ты должен отдать ему должное. Отец был храбрец, потому что работал на большой высоте без всякой страховки. И каждую денежку отсылал домой, маме. Это застряло у меня в памяти.

– Он по ней тоже скучал, Дом.

– Думаешь?

– А разве могло быть иначе?

– У него было много подружек после ее смерти.

– Он был так одинок, Дом.

– Ты всегда находил ему оправдания.

– И наверное, всегда буду.

– Это хорошо. Хороший защитник нужен каждому.

Дом поглубже погрузил руки в карманы.

Он оглядел участок, вспоминая, как отец купил его за сущие гроши, за бесценок. Какая разница, почему именно? Для такого участка это были не деньги. Отец придумал грандиозный план, как завладеть Монтроуз-стрит и чтобы оба сына подчинились его власти и могуществу. Доменико был ремесленник, но интриги плел по-королевски. У него были большие американские мечты, под стать рокфеллеровским, но сильная склонность к самобичеванию заставляла его наказывать сыновей за собственные пороки. Не будучи прозорливым, он был завистлив, завидовал даже собственным сыновьям, завидовал их отношениям и разрушил их. Это он посеял зерно недоверия между ними, взрастил вражду и позволил ей расцвести пышным зловонным цветком. Никогда, ни в каком соревновании одиночка не сможет противостоять двоим, и старый игрок застраховал свою ставку так, чтобы оба сына были преданы ему, вместо того чтобы поддерживать друг друга. Так они и делали. Но теперь их осталось только двое за этим столом.

И ни Дому, ни Майку нечего было доказывать друг другу.

Майк полез во внутренний карман пиджака и вынул оттуда сложенный вдвое запечатанный голубой конверт.

– Вот дарственная.

– Оставь себе.

– Что? – ошолбенел Майк.

– Оставь, говорю. У меня достаточно недвижимости.

– Шутишь, что ли? Ты хотел его, я тебе его отдаю, а ты не берешь?

– Сколько он стоит?

Дом достал из кармана коробку спичек, вынул одну и поковырял в зубах.

– Я не знаю, – честно ответил Майк.

– Даже приблизительно?

– Нет. – Майк смутился.

– Даже не позвонил Боночетти?

– А зачем бы я ему звонил?

– Узнать цену участка.

– Мне все равно, сколько он стоит, Доминик.

– Может, потому ты так легко с ним расстаешься. Он для тебя не имеет ценности.

– Что-о? – Майк почувствовал, что у него пар повалил из-под воротника.

– В списке твоей недвижимости есть участок, и ты не знаешь, сколько он стоит? И кто ты после этого, как не идиот?

– Дом, я сейчас тебя пинками провожу до самой Паркуэй! – Майк замахнулся, чтобы отмутузить брата.

Дом отступил на шаг, словно уворачиваясь от затрещины.

– Эй-эй! Полегче!

Майк увидел лукавый блеск в глазах старшего брата и опустил кулаки.

– Ах ты ж...

Дом фыркнул, смеясь.

– Я тебя разыграл.

– А я попался, – сказал Майк, потирая грудь. – Я решил, что ты серьезно. Ох, у меня давление подскочило. Дева Мария, помоги мне.

– Все будет в порядке с твоим давлением, – ухмыльнулся Дом и зашел на участок. – Давай, пошли.

Майк последовал за братом.

Неважно, насколько старше становится мужчина, внутри него дремлет мальчишка, облюбовав себе уголок в душе, которую когда-то занимал

целиком. Иногда этот спящий мальчишка ворочается внутри мужчины, разбуженный старыми мелочными счетами, которые пора давно забыть, или вдруг очнется от внезапного прилива физической силы, побуждающей его тело к яростному рывку. Старик способен даже испытать неожиданный всплеск плотского желания, которое не утихает, требуя утоления, пока он не удовлетворится сам и не удовлетворит объект своей страсти, – последний урок, извлеченный из опыта. В своей памяти мужчина никогда не стареет и не взрослеет. Он не отец, не сын, он просто мальчик, неподвластный времени.

Когда братья дошли до середины участка, Доминик остановился и запрокинул голову:

– Сколько здесь неба!

– Пока еще не застроили всю Брод-стрит. Достаточно одного десятиэтажного дома – и от твоих небес останется маленький клочок, – сказал Майк. – Слушай, а что прикажешь делать с этим? – Майк помахал голубым конвертом – в точности такого же цвета, что и небо в тот день.

– Спрячь в карман, – тихо сказал Дом.

– Ну ты нечто, – покачал головой Майк. – Столько времени потеряно просто так.

– Не просто так.

– А как? Как ты себе это представляешь?

– Мой братишка меня покинул, крепко встал на ноги и построил свое дело. И построил его так хорошо, что чуть не вытеснил меня. Так вот – это успех. Остаемся мы вместе, ты бы никогда не раскрыл свой потенциал.

– Ты вдруг поумнел на старости лет? – пошутил Майк.

– Это жена додумалась.

Майк закусил губу.

– Ты в самом деле не хочешь брать этот участок?

Доминик погрузил руки в карманы. На минуту он подумал, а почему бы и не взять? В нем до сих пор теплилась идея, нереализованная мечта, которая может сбыться, если он сгладит ситуацию. Он подумал о том, что мог бы сделать такого – сложного, требующего усилий или ради забавы, себе на радость и не без выгоды. Но ни одна будущая затея Дома ничего не весила, если на другую чашу положить время, которое он мог бы провести с братом. Возможность еще раз пережить воображаемые моменты, где они вдвоем, как в самом начале, казалась Дому бесценной. Они могли снова стать детьми, только постигающими жизнь. Это был бы, как Дому казалось, очень приятный переход к неизбежному могильному ложу, к последнему «прости», к вечному сну после соборования, которое ждет

каждого из братьев, когда бы ни настал этот мрачный день.

Дом решил, что ему вовсе не нужен этот участок. Но ему необходимо было сказать брату, на что он надеялся столько лет назад, чтобы Майк понял главную причину, по которой они расстались так надолго. Дом поглядел на дарственную и произнес:

– Я просто хотел, чтобы ты сам предложил мне его, Майк.

Майк застыл с дарственной в руке, раздумывая о том, что Дом все-таки немного чокнутый. Если деньги – причина всех раздоров в любой итальянской семье со времен этрусков, то Майк только сейчас понял почему. Семейные деньги – это проверка. Подаренные деньги – это поощрение, поделенные – это наследство, а если тебя не упомянули в завещании – значит, ты не оправдал доверия. Твой вклад был недостаточен. Ты не стал гордостью семьи, семью не впечатлили ни твои поступки, ни подробности твоего бизнес-плана, ни глубина твоей личной нужды. Если тебе дали денег – это может стать наградой, но если тебя их лишили – это всегда наказание. Деньги, по-своему, символ успеха. Если ты заработал много денег – значит, ты что-то да умеешь, если сохранил – ты чего-то да стоишь. А если не сподобился ни на то ни на это – лучше бы тебе податься в священники.

Майку понадобилось целых двадцать лет, чтобы понять, что значит для него Доминик. Майк постиг, пожив без брата, что их отношения – фундамент всего, пусть и давший трещину. Хотя братья были неумелы и косноязычны, и потом все стало только хуже, они все равно нуждались в том, чтобы любить друг друга. Майк почувствовал счастье, осознав, что любит Дома куда сильнее, чем ненавидит недостатки брата. С пониманием пришло искупление. Он раскинул руки.словно сотни черных ворон взлетели из его груди в небо, высоко-высоко, превратившись в черные точки над Саут-Филли. Он выпустил их всех: нарушенные обещания, гнев и стремление изменить брата во что бы то ни стало. Все исчезло. Майк мог поклясться, что слышал хлопанье крыльев, когда они исчезали в небесах, унося с собой годы обиды, уступив место великодушию.

Майк потом вышлет брату дарственную по почте. Или тайно отдаст ее своей невестке Джо. А может, подарит участок одному из своих внучатых племянников или племянниц со стороны Дома в день конфирмации или на свадьбу. Майк придумает, как именно переместить лакомый кусок на Домову половину стола без ведома брата. Он опустил голубой конверт обратно в карман.

– Раз ты не хочешь брать участок, хотя бы позволь мне кое-что для тебя сделать.

– Что именно?

– Купить тебе костюм. Ты одеваешься, как гробовщик.

Дом нахмурился было, но, не дав ярости вспыхнуть, хохотнул.

– Что тут такого смешного? – поинтересовался Майк.

– То, что ты все еще надеешься, – сказал он, огладив себя, – исправить вот это.

Майк собрался возразить, но передумал. Он засмеялся. А потом засмеялся и Дом. И за то время, пока один брат подшутил над собой, а второй рассмеялся шутке, они помирились. Черные дни миновали. Дом и Майк снова были вместе, как когда-то, на том самом месте, о котором пытались забыть, потому что ненавидеть гораздо легче, чем любить. Но насколько же лучше – любить! И всего-то понадобилось – сколько? Пять? Десять? Двенадцать? Двадцать лет? Какая разница! Теперь они вспомнили. Теперь они поняли. Теперь они знали.

Постлюдия

3 мая 1954 г.

Розето-Вальфорторе, Италия

Телеграфистка склонилась над аппаратом, принимая закодированное сообщение, пришедшее по проводам. Она развернулась вместе с вращающимся стулом и напечатала телеграмму быстро и точно на пишущей машинке, лакрично-черной «Оливетти».

Женщина вынула сообщение из каретки, приклеила на бланк, аккуратно сложила и спрятала в конверт. Она подошла к окну и распахнула ярко-голубые ставни. Телеграфный пункт Альбероны наполнился полуденным солнцем, отраженным золотистыми стенами пьядцы. Стайка мальчишек сидела на ступенях колоннады.

– *Andiamo, Federico!*^[110]

К окошку подбежал мальчик лет четырнадцати. Женщина протянула ему телеграмму прямо в окно. Он вытащил один из кучи припаркованных под окном велосипедов и оседлал его, спрятал конверт в карман рубашки и совсем собрался укатить, когда женщина громко окликнула его снова:

– *Il tuo cappello!*^[111]

Она швырнула ему кепку. Он поймал ее и натянул на голову.

Мальчик покатил через город и выехал на главную дорогу. Потом свернул и начал взбираться на холм в сторону Розето-Вальфорторе.

Зеленые склоны были усыпаны белыми цветами. Пейзаж напоминал отрез изысканнейшего панбархата от Фортунни – насыщенный зеленый с рельефом мятного цвета там, где солнце проглядывало сквозь облака, разгоняя тени на вершинах.

Мальчик привставал на педалях, длинными рывками взбираясь на крутой склон. Его худощавая фигура отбрасывала длинную тень на дорогу, выложенную из гладкого камня – ни бугорка, ни выемки. На склонах древних холмов было очень легко ехать именно по этой дороге – она была по-современному ровной, с канавами по бокам, отводящими дождевые потоки без вреда для дорожного полотна. Чем ближе подбирался мальчик по серпантину к вершине холма, тем больше попадалось ему навстречу фиговых деревьев, налившихся желто-зелеными бутонами, которые скоро раскроются, а к осени станут сладкими плодами.

Карло Гуардинфанте стоял на балконе своей спальни, качая на руках новорожденного сына. Воздух наполнился благоуханием роз, оплетающих деревенские ограды. И все вокруг, сколько хватало взгляда, было плодородным, густым, богатым, поспевающим под теплым итальянским солнцем.

Площадь внизу наводнили розетанцы, пришедшие на рынок. Всевозможные фрукты, свежая рыба из Адриатики, цветы из соседней Фоджи, ткани из Прато – все это было предложено местными жителями на прилавках под яркими навесами.

Карло бросил взгляд за площадь. Новая дорога из деревни, ведущая вниз по холму к главному шоссе, пользовалась такой популярностью, что Карло заказал установку дорожных знаков и попросил, чтобы отдельный полицейский патрулировал движение. Изоляции пришел конец – розетанцы снова стали частью большого мира.

До балкона Карло долетала музыка повседневных разговоров, которыми обменивались жители Розето, делая покупки, слышался смех. Это напомнило Карло его детство, и ему стало приятно. У сына будет детство не хуже отцовского.

Мальчик в кепке подъехал к крыльцу виллы. Он спрыгнул с велосипеда у самых дверей и дернул дверной звонок. Вскоре дверь отворил слуга. Мальчик сдернул кепку и подал старику телеграмму. Старик нашарил в кармане монетку и протянул ее мальчику. Мальчик поблагодарил, снова оседлал велосипед и покатил вниз по холму.

Карло смотрел, как мальчик скользит по дороге без всяких усилий, словно серое перышко в нежном дуновении ветерка.

– Карло, принеси мне ребенка, – окликнула его Бетти.

– Ему нужен свежий воздух.

– Ему нужно молочко.

– Он любит гулять на балконе.

– Я его мать. Принеси мне его.

Карло усмехнулся и сделал, как ему было велено.

Бетти лежала в постели, опираясь на подушки. Она вытянула руки.

– Иди ко мне, – сказала она.

Карло протянул дитя Бетти, и та дала ему грудь.

Слуга подsunул телеграмму под дверь.

– Падре Де Ниско просил передать тебе, что крестины состоятся в воскресенье.

Карло накрыл жену покрывалом до пояса. Он обошел вокруг кровати и поправил подушки, чтобы ей было удобнее кормить малыша.

– Ты уверен насчет имени? – спросила Элизабетта, поглядев на сыночка.

– Мне нравится, а тебе разве нет?

– Очень нравится. Но в наших семьях никого так не называли, а традиция велит называть первенца именем его отца. Его должны звать Карло.

– А мне нравится Николо, – сказал Карло. – Ник – очень современное имя.

– «Ник» звучит на американский манер, – улыбнулась Элизабетта. – Нет, я вовсе не против.

– Наш сын станет таким же великодушным, как наш друг Ник Кастоне.

Карло поднял телеграмму и распечатал конверт.

– Плохие новости?

– Это от Ника и Каллы. – Он прочел вслух: – «Ждем рождения первенца. Рады безмерно. Держите дорогу свободной. Н. К.»

– Чудесная новость! Я напишу им, – обрадовалась Элизабетта.

– Вот видишь! Ты слишком беспокоишься, и понапрасну.

– Ничего не могу с собой поделать, Карло.

– Когда у них родится ребенок, я приглашу их приехать на лето.

Карло был в восторге.

Элизабетта кормила ребенка, а Карло прикорнул рядом с женой на кровати. Когда дитя наелось, мать нежно положила его в мягкую плетеную корзинку рядом с собой. Она обняла корзинку рукой, защищая свою заветную мечту.

Полуденное солнце цвета спелого абрикоса расстелило ленту света по натертому паркету. Элизабетта думала о том, чтобы встать с постели, запахнуть шторы поплотнее и закрыть двери, но она устала, а в кровати было тепло, и воздух был сладок. Аромат молодых полей – *la primavera*^[112], цветущая и зеленая, витала вокруг них. Бетти откинулась на подушки.

Теплый ветерок шевельнул старинную ветроловку на балконе, и нежный звон убаюкал и отца, и мать, и дитя.

Примечания

1

Fico – смоковница (*ит.*). – Здесь и далее примеч. перев.

2

«За воинскую доблесть» и «За боевые заслуги» (*ит.*).

3

Адъютант, флаг-офицер (*ит.*).

4

Лицо (*ит.*).

5

Красота. – Ну хорошо (*ит.*).

6

Посол от провинции Фоджа и капитаната региона Апулия (*ит.*).

7

Филадельфия по всей своей совокупности разделяется на три части (лат.) – аллюзия к цитате *Gallia est omnis divisa in partes tres* из «Записок о галльской войне» Гая Юлия Цезаря.

8

Это война (лат.).

9

Побеждает терпеливый (лат.).

10

До свидания (ит.).

11

Я никогда тебя не покину (ит.).

12

Жребий брошен (лат.).

13

Акт 2. Сцена 3. Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

14

Вполголоса (*ит.*).

15

Желаю счастья, поздравляю (*идиши*).

16

Роберт Тейлор (1911–1969) – популярнейший американский актер кино и телевидения, один из самых заметных актеров своего времени.

17

Красивый вид (*ит.*).

18

Тысяча цветов (*ит.*).

19

На открытом воздухе (*ит.*).

20

Джеймс Фрэнсис «Джимми» Дуранте (1893–1980) – американский певец, пианист, комик и актер. Грубый резкий голос, нью-йоркский акцент, юмор, джазовые композиции и выступающий нос сделали его одной из

самых известных и популярных личностей Америки 1920—1970-х гг.

21

Мариано Фортунни-и-Мадрасо (1871–1949) – испано-итальянский художник, дизайнер одежды, основатель собственного модельного дома (1906–1946), один из ключевых дизайнеров XX века.

22

Джеймс Фрэнсис Кэгни-мл. (1899–1986) – один из наиболее востребованных актеров классического Голливуда, удостоенный в 1943 г. «Оскара» за лучшую мужскую роль. Кэгни с успехом воплотил в классическом Голливуде типаж «плохого парня», но всю жизнь боролся с навязанным ему штампом.

23

Левым берегом (фр. *rive gauche*) в Париже называют половину города, расположенную южнее Сены. Кроме географического, выражение «левый берег» в Париже обозначает также стиль жизни, манеру одеваться или особый внешний вид.

24

Очень приятно, господин посол! Да здравствует Италия! Розето-Вальфорторе навсегда! (*ит.*)

25

Нуга (*ит.*).

26

Пончики (*ит.*).

27

Лицо (*ит.*).

28

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь (*лат.*).

29

Прекрасная эпоха (*фр.*).

30

«Слишком тепло для мая» – бродвейский мюзикл (1939) Джерома Керна на стихи Оскара Хаммерстайна II.

31

От шотл. *bonnie* – милый, красивый.

32

Здесь и далее пьеса цитируется в переводе Н. Лозинского.

33

Пьерино Рональд «Перри» Комо (1912–2001) – американский певец и телезвезда 1940—1950-х, лауреат премии «Грэмми» 1958 г., получивший большую известность благодаря своему мягкому и проникновенному баритону.

34

Джерри Льюис (1926–2017) – американский актер, комик, режиссер и писатель, известность которому принесла совместная работа с Дином Мартином (Дино Пол Крочетти, 1917–1995), американским эстрадно-джазовым певцом и актером итальянского происхождения. Первоначально они выступали с юмористическими номерами в ночных клубах, далее последовала передача на радио, затем собственное телевизионное шоу, а итогом стала серия комедийных кинофильмов.

35

Гретхен Мэрил (1925–1965) – фигуристка из США, участница Олимпиады 1948 г.

36

Джанет Макдональд (1903–1965) – американская актриса и певица. За свою кинокарьеру с 1929 по 1949 г. она снялась в 29 фильмах, четыре из которых были номинированы на «Оскар», а также записала три золотых диска.

37

В струе (*фр.*).

38

Эрнест Боргнайн (Эрмес Эффрон Борньоно, 1917–2012) – американский актер, лауреат премии «Оскар» за лучшую мужскую роль в 1956 г.

39

Путешествие приятное. Подробности из Америки по приезде (*ит.*).

40

Князь Сергей Платонович (Серж) Оболенский (1890–1978) – русский офицер, американский деятель гостиничного бизнеса. Вторым браком породнился с миллионерами Асторами и стал заметной фигурой в американском высшем свете.

41

Мейн Руссо Бокер (Мейнбоккер, 1890–1976) – первый американский кутюрье, получивший признание в Париже.

42

Клепальщица Розы – девушка с известных американских плакатов, собирательный образ американки, которая трудилась на оборонную промышленность во время Второй мировой войны.

43

Сто лет (*ит.*).

44

Петер Лорре (1904–1964) – австрийский и американский актер театра и кино, режиссер, сценарист.

45

Вероника Лейк (1922–1973) – американская актриса, которая ввела в моду длинные волосы, закрывающие один глаз.

46

Дина (Дайна) Шор (1916–1994) – американская актриса и певица, одна из самых популярных сольных исполнительниц 1940—1950-х гг.

47

Розмари Клуни (1928–2002) – американская эстрадная певица и актриса сороковых-пятидесятих годов прошлого столетия. Ее манера исполнения отличалась весьма своеобразной фразировкой, а выступления сопровождались интересными актерскими находками.

48

Джон Пиропонт Морган (1837–1913) – американский предприниматель, банкир и финансист, основатель банкирского дома «Дж. П. Морган & К°».

49

Гертруда Берг (Тилли Эдельштейн, 1898–1966) – американская актриса, комедиантка и сценарист, в начале 1950-х гг. входившая в «черный список».

Голливуда». Гертруда Берг считается первой женщиной в истории телевидения, которая создала собственное шоу и играла в нем главную роль.

50

Ман Рэй (Эммануэль Радницкий, 1890–1976) – французский и американский художник, фотограф и кинорежиссер. Один из важнейших представителей сюрреалистической фотографии и фотографии Нового видения.

51

Джованни Баттиста Тьеполо (1696–1770) – крупнейший художник итальянского рококо, мастер фресок и гравюр, последний великий представитель венецианской школы.

52

Теда Бара (урожденная Теодосия Барр Гудман, 1885–1955) – американская актриса, звезда немого кино и секс-символ конца 1910-х гг.

53

Шоколадные конфеты из орехов пекан и мягкой карамели, по форме напоминающие панцирь черепахи. Рецепт и название запатентованы компанией «Де Мет».

54

Pronto – готово (*ит.*).

55

Последний понедельник мая, день поминовения и чествования погибших на войне.

56

Первый понедельник сентября.

57

«Фернет-Бранка» – итальянский травяной бальзам, относящийся к категории крепких горьких ликеров.

58

Джозеф Пол «Джо» Ди Маджо (1914–1999) – американский бейсболист. Один из самых выдающихся игроков за всю историю бейсбола. Был мужем Мэрилин Монро.

59

Сестра, вы говорите по-итальянски? – Мало (*ит.*).

60

Где я? – Больница (*ит.*).

61

Что со мной случилось? (*ит.*)

62

Я почетный гость на празднике в Розето (*ит.*).

63

Там, в кармане мундира, письмо. И мои планы (*ит.*).

64

Мастер путает. Оригинальный фонтан в Риме на вилле Боргезе, репликой которого является «Фонтан морских коней» в Филадельфии, был сооружен не Бернини, его автор – скульптор Винченцо Пачетти (1746–1820).

65

Эрта Мэй Китт (1927–2008) – американская певица и актриса, звезда кабаре, прославившаяся своим «мурлыкающим» вокалом и соответствующим имиджем.

66

«Новый курс» – название экономической политики, проводимой администрацией Франклина Делано Рузвельта начиная с 1933 г. с целью выхода из масштабного экономического кризиса (Великой депрессии), охватившего США с 1929 по 1933 г.

67

Посол Гуардинфанте, как поживаете (*ит.*).

68

Понимаете? (*ит.*)

69

Луи Прима (1910–1978) – американский певец итальянского происхождения, музыкант, композитор и поэт-песенник, киноактер.

70

Великолепно (*ит.*).

71

Господин посол, пожалуйста... (*ит.*)

72

Брюнетка (*ит.*).

73

Сын мой (*ит.*).

74

Счастье (*ит.*).

75

Популярный (*ит.*).

76

Ники пытается угадать, как по-итальянски «фабрика», и искажает английское *factory*. Увы, на самом деле фабрика по-итальянски – *fabbrica*. –
Примеч. ред.

77

Как это сказать? (*ит.*)

78

Спасибо, синьора (*ит.*).

79

«Розовая белка» – сливочный коктейль с мороженым и двумя видами ликера.

80

Новенна, девятина, – традиционная католическая молитвенная практика, заключающаяся в чтении определенных молитв в течение девяти дней подряд.

81

Ла бамба – мексиканская народная песня.

82

Дочь (*ит.*).

83

Кумушка (*ит.*).

84

Поселок (*ит.*).

85

Где (*ит.*).

86

Перевод А. Курошевой.

87

Лили Даше (1904–1989) – американский дизайнер французского происхождения. Наиболее известна своими драпированными тюрбанами, сетками и шляпками «колокол».

88

Я действительно приехал сюда, чтобы отпраздновать юбилей, но также чтобы встретиться с моим кузеном. У меня здесь кузен, Альберто Фунциани (*ит.*).

89

Он президент банка (*ит.*).

90

Дорога. Дорога, которая идет от вершины холма на три мили вниз, чтобы соединить мой город с остальной частью страны. Сейчас мы отрезаны и брошены (*ит.*).

91

Ужасно! (*ит.*)

92

Молитвенное призывание на греческом языке («Господи, помилуй»).

93

Красавица (*ит.*).

94

Здесь покоится (*лат.*).

95

Наконец-то! (*ит.*)

96

Пойдем, Спадоне (*ит.*).

97

Прогулка (*ит.*).

98

Где твоя прекрасная невеста? (*ит.*)

99

Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов (AFL–CIO) – крупнейшее в США объединение профсоюзов.

100

Пер. с англ. Е. Бируковой.

101

Эльза Скиапарелли (1890–1973) – парижский модельер и дизайнер, создательница понятия «прет-а-порте».

102

О дом Иакова! Придите, и будем ходить во свете Господнем (Исаия, 2:5).

103

Нетти Розенштейн (1890–1980) – знаменитый американский дизайнер одежды, бижутерии и аксессуаров.

104

На всех (*ит.*).

105

Стол (*ит.*).

106

Армандо Джозеф «Бадди» Греко (1926–2017) – американский джазовый пианист и певец.

107

Огаст Блэз «Гас» Чифелли (1926–2009) – известный нападающий в американском футболе.

108

Эл Мартино (также Аль Мартино; 1927–2009) – американский эстрадный певец итальянского происхождения.

109

У. Шекспир. Сонет 145. Пер. с англ. А. Шаракшанэ.

110

Давай, Федерико! (*ит.*)

111

Твоя кепка! (*ит.*)

112

Весна (*ит.*).